

ЗВЕЗДНЫЙ
ГАМБИТ

Зарубежная фантастика

Жерар Клейн ЗВЕЗДНЫЙ ГАМБИТ

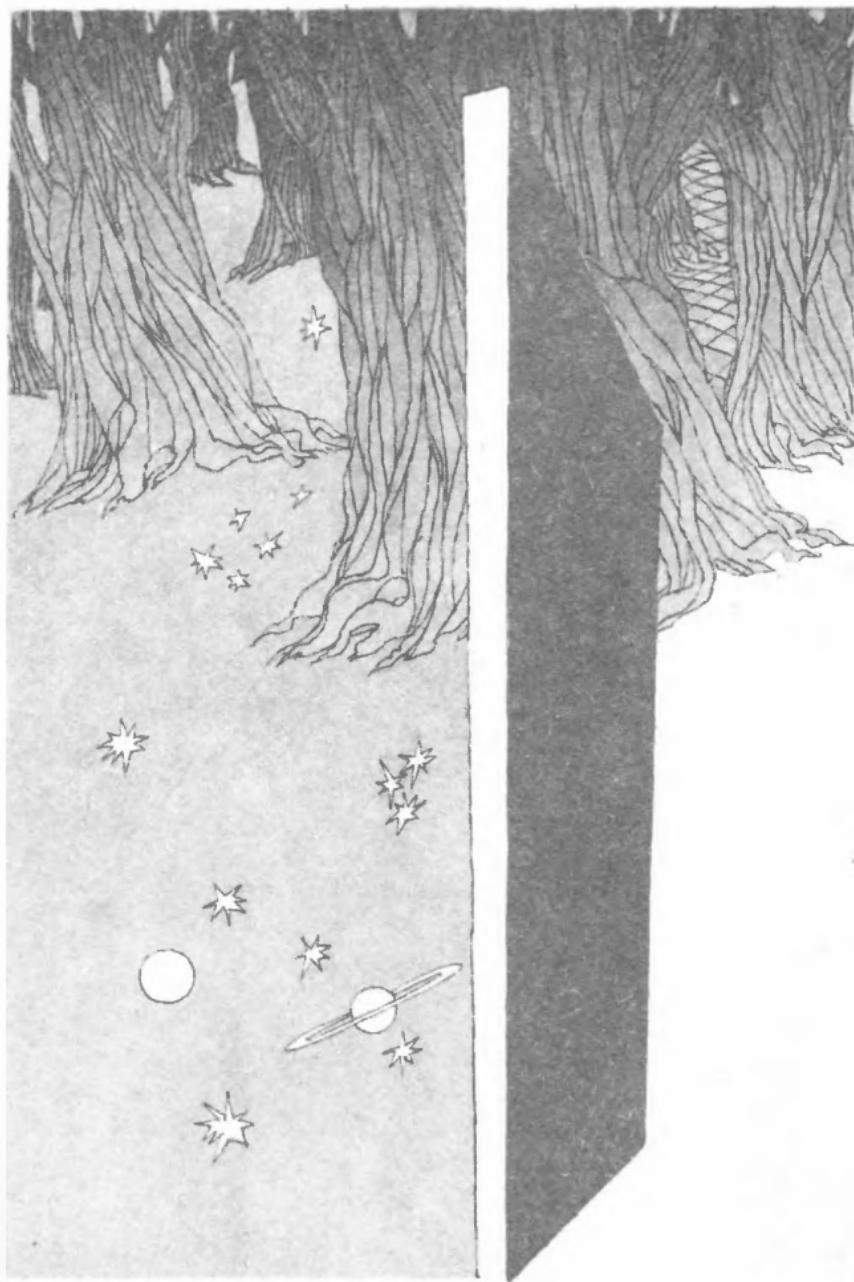
Сборник научно-фантастических
произведений

Издательство «Мир»

Зарубежная фантастика

Зарубежная

фантастика

Жерар Клейн

ЗВЕЗДНЫЙ ГАМБИТ

Сборник научно-фантастических
произведений

Перевод с французского
А.М. ГРИГОРЬЕВА

Издание второе,
стереотипное

МОСКВА «МИР» 1992

ББК 84.4 Фр

К48

Послесловие А. Казанцева
Художник К. Сошинская

Клейн Ж.

К48 Звездный гамбит: Сб. науч.-фантаст. произведений/Пер. с фр. А. Григорьева; Послесл. А. Казанцева: 2 изд., стереотип. — М.: Мир, 1992. — 416 с. — (зарубеж. фантаст.)

ISBN 5-03-002898-6

Сборник произведений одного из крупнейших французских писателей-фантастов, включающий романы "Звездный гамбит" и "Непокорное время" а также рассказы.

4703040100 – 333

К ————— без объявл.
041 (01) – 92

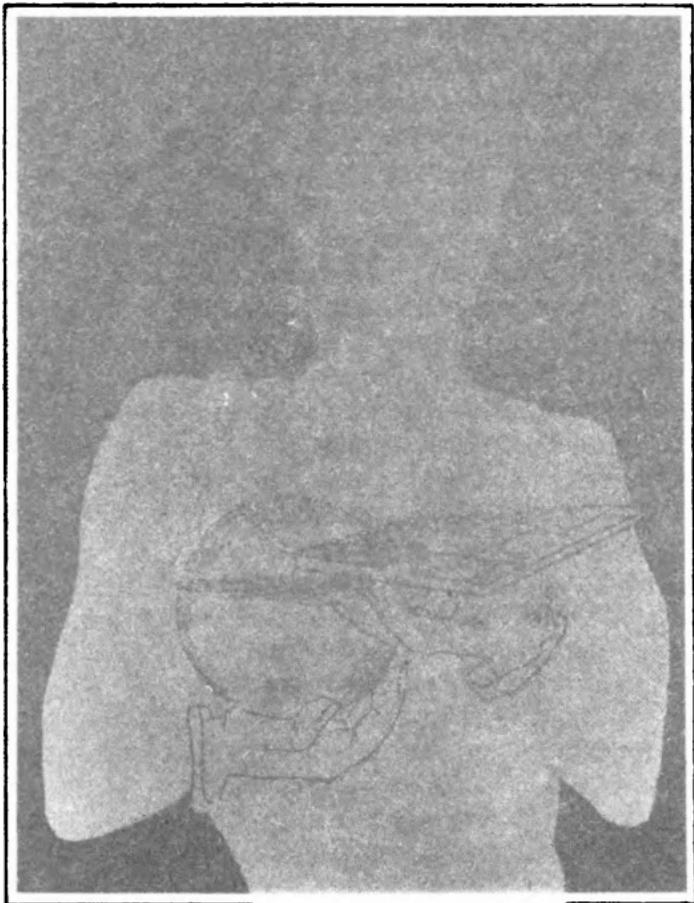
ББК 84.4Фр

*Редакция научно-популярной и научно-фантастической
литературы*

ISBN 5-03-002898-6

© состав, оформление,
перевод на русский язык,
"Мир", 1985

Звездный гамбит

Жаку Бержье

Gérard Klein
LE GAMBIT DES ÉTOILES

Gerard et C° Verviers 1971

Гамбит — партия, где в дебюте один из противников жертвует пешку, с целью добиться позиционного перевеса или перехватить инициативу в игре.

Пьер Мора. Шахматы

1. Вербовщики

Ему было тридцать два года, и звали его Жерг Алган. Всю свою недолгую жизнь он провел на Даркии, оказываясь то в одном, то в другом ее уголке: пересекал моря на сомнительного вида глиссерах, летал над континентами на борту древних самолетов, реликвий прошлых веков, жарился под горячим солнцем экваториальных пляжей, ему даже довелось участвовать в охоте на последнего хищника, до того как часть Центрального континента ушла под воду.

Он не сделал в своей жизни почти ничего дельного. Он никогда не покидал родной планеты и никогда не выходил за пределы ее атмосферы. Между периодами бродяжничества он жил в Дарке, занимаясь чем придется в этом мегаполисе Даркии.

Дарк с его тридцатью миллионами жителей был в Галактике почти единственным прибежищем для людей подобного сорта. Если они вели себя тихо, полиция не трогала их. Дарк считался одним из важнейших космопортов в этом секторе Галактики, и в нем процветала подпольная торговля самыми разными товарами. Здесь можно было купить любое животное, даже то, продажа которого запрещена из-за его особой опасности. В Дарке вы могли отведать любое лакомство, приготовленное на вкус жителя любой планеты. Кое-кто утверждал, что здесь торгуют даже рабами. Дарк издавна снискдал

себе самую скандальную репутацию во всей Галактике.

Алган знал и лучшие, и худшие дни. Он не занимался ни одним делом более трех месяцев кряду. Он ни разу не продал одной и той же вещи дважды. Пока он сумел избежать серьезных столкновений с полицией, но вряд ли это зависело только от него.

Сейчас он искал удобного случая отправиться куда-то, где еще не удалось побывать. В каждом древнем космопорте, который занимается лишь погрузкой товаров для ближайших планет, существуют места, где можно «ухватить удачу». Например, подцепить какого-нибудь старого дурака, впервые ступившего на древнюю планету, чтобы осмотреть живописные развалины, или заядлого охотника, мечтающего присоединить редкую зверюшку к своей коллекции трофеев, но лучше всего встретить загулявшего участника какой-нибудь экспедиции, который, угостив парой стаканчиков, попросит познакомить его с нравами древнепланетян.

Алган давно облюбовал для своих делишек «Меч Ориона». Всякий, кто впервые прилетал в Дарк с какой-то из десяти планет пуритан и случайно забредал сюда, содрогался от одного названия этого бара, но страхи его были лишены оснований.

Алган пробрался в самый темный угол и заказал выпить. Он с удобством развалился в кресле, не отрывая взгляда от двери. Над самым входом висел меч с Ориона — символ заведения. Этот стальной стержень, заточенный как игла, украшала странная сверкающая гравировка. Быть может, миллионы лет назад он на самом деле служил оружием в каком-то другом мире. Кто это знал? Меч мог быть и произведением искусства.

Зал был почти пуст. В нем царила необычная тишина.

Алган постучал монетой по столу.

— Чего-нибудь покрепче! — крикнул он.

Зал постепенно наполнялся. Сюда обычно стекались люди со всех концов Вселенной: торговцы с Ригеля, в тонких металлических одеяниях; высокие тощие звездоплаватели с Ультара — в условиях иной гравитации движения их были на удивление неловкими; крохотные ксыены, светловолосые люди с монголоидным разрезом глаз; зеленокожие жители Аро, чьи глаза без зрачков казались бездонными — у них были громадные лбы и лысые головы.

Одежды и краски не повторялись, как и виды оружия у пояса. Украшения на одеждах ярко пыхали. Словом, «Меч Ориона» в миниатюре отражал всю карнавальную многоликость Дарка, когда в его порт опускалась флотилия торговых кораблей.

У каждого посетителя был свой акцент, но все говорили на древнем космическом языке.

В кресло рядом с Алганом уселся здоровенный мужчина, кожа его задубела не иначе как под лучами тысяч солнц, а брюхо округлилось от снеди, которую готовят во всех концах Галактики.

— Послушай, приятель, не хочешь ли посмотреть новые места? — спросил этот человек, повернувшись к Алгану.

— Смотри какие, — нехотя буркнул Алган.

— Какие хочешь. Выпьем?

— Не откажусь, — кивнул Алган.

Они выпили и несколько минут сидели молча.

— В космосе есть немало прекрасных миров, — мечтательно протянул толстяк. — На любой вкус.

— Не сомневаюсь, — ответил Алган.

— Молодой человек, в ваши лета я уже успел побывать на доброй полусотне планет. Хотя уверен,

и вам довелось попутешествовать. Наверно, отыкаете между экспедициями? Увы, космос стал обычным делом. Еще по стаканчику?

— Я ни разу не покидал Даркии, — медленно процидил Алган. — И пока у меня нет желания расставаться с нею. Ничто не может мне заменить этот зеленый мир. За выпивку — спасибо. Как говорится, одна порция солнца не погасит.

— Еще бы, — поддакнул собеседник.

Они опять замолчали. Алган внимательно посмотрел в заплывшие жиром глазки толстяка. Ему не понравился сверкнувший в них хитрый огонек.

— Вы, наверно, торговец? — спросил он.

Человек громко расхохотался.

— Если хотите, юноша. Можете называть меня торговцем.

— Ну, и как нынче идут дела?

Вежливость в космосе совершенно необходима, а в космопорте в особенности. Жерг Алган хорошо знал это и потому никогда не задавал прямых вопросов.

— Что-то товару стало меньше.

Торговец снова расхохотался. Жерг присоединился к нему, что еще больше развеселило его собеседника. Глазки толстяка совсем скрылись в жирных складках. Алган резко оборвал смех.

— Вы что-нибудь ищете на Даркии? Я знаю ее как свои пять пальцев, и не исключено, что смогу вам помочь.

— Очень даже, малыш! Еще порцию?

Алгану пришлась не по вкусу фамильярность собеседника, но он сдержал себя ради даровой выпивки. Они пили еще и еще...

— Конечно, ты мне можешь помочь, малыш, — очнувшись, услышал Алган слова толстяка. — Подпиши вот это — и увидишь новые миры.

— А куда вы направляетесь? — растягивая слова, спросил Алган.

— Туда, куда велит мне долг, — колыхнулась гора жира.

Что-то влажное коснулось пальцев Алгана, а затем их прижали к твердой поверхности.

— Ну и набрался! — послышался незнакомый голос.

Он открыл глаза. Кто-то сунул ему в руки какой-то цилиндр. Он не знал, что это такое. Он все еще парил среди серых скал под низким зеленым небом.

— Пиши свое имя, старина, — послышался синхронный голос. — Ты же хочешь путешествовать. Ты просто рвешься путешествовать! Пиши свое имя.

Он с усилием удержать крохотную ручку в пальцах. Начал было писать, но буквы расплывались перед глазами.

— Еще одно усилие.

От усердия он высунул язык. Кто-то взял его за руку и сказал:

— Нормально.

Алган уронил руку, ощущая, что она вот-вот оторвется под собственной тяжестью. Рука увлекла его за собой, и он утонул в бесконечности, кружась среди жемчужных скал. В ушах гремела пронзительная музыка. Он летел вниз, в колодец с жемчужными стенками, навстречу зеленой воде и зеленому небу, зажатому в серый цилиндр, навстречу зеленому полу и зеленому потолку, которые все быстрее и быстрее сближались друг с другом. Жемчужные стенки превратились в узкую полоску между двумя зелеными кругами, затем стали ниточкой. Колодец взорвался.

Алган выпрямился. Он не сразу понял, где нахо-

дится, и инстинктивно пощупал, на месте ли пистолет, затем встряхнулся, словно вылез из воды.

Рядом никого не было. Толстяк с жирными пальцами мог и присниться.

Алган поднял руку и щелкнул пальцами.

— Чего-нибудь освежающего, — крикнул он.

Он выпил одним глотком содержимое стакана и сразу почувствовал себя лучше. Он поднялся и хотел было идти. Но в ногах «бегали мурashki», словно он сутки пролежал за столом. Видно, он слишком много выпил. Алган пошарил в карманах и бросил на стол несколько монет. Затем направился к двери. Кто-то поздоровался с ним, и он в ответ лениво махнул рукой. Споткнувшись о порожек, Алган едва сумел устоять на ногах.

На улице его словно мокрым саваном облепил тяжелый влажный воздух Дарка. Алган несколько раз зажмурился, стараясь привыкнуть к темноте.

Он с трудом ковылял по плохо освещенной улице. Его ноги разъезжались на скользкой мостовой, истертой тысячами сапог. Но тренированный взгляд впивался в каждый сгусток тьмы. Дарк был безопасным городом, но относительно безопасным. И memory этой относительности лучше было не знать.

Ему некуда было идти. Он надеялся провести ночь где-нибудь в старом городе. Подремать вполглаза, прижавшись спиной к стене и не выпуская рукоятки пистолета.

Ориентируясь по огням космопорта, он нырял в ворота, проскальзывал во тьме между старинными домами, ровесниками порта, старался обходить освещенные места. Иногда он спотыкался, останавливался в нерешительности, и тогда всполохи от старающихся кораблей помогали ему разглядеть дорогу.

Вдруг он насторожился:

— Пора, — крикнул кто-то.

И тут же на него набросились сразу несколько человек. Он не видел, откуда они появились, пригнулся, стараясь увернуться от рук, и проскользнул меж ног нападавших. Затем бросился бежать, иногда оборачиваясь, чтобы рассмотреть преследователей.

Топот его сапог гулко раздавался в темноте. Он не надеялся удрать. Ворваться в открытые двери в этой части города было не менее опасно, чем оказаться в руках напавших. Единственным спасением мог быть полицейский патруль. Но в ночное время полиция — редкий гость в кварталах старого города. Полицейским здесь нечего бояться, просто в их присутствии не было особой необходимости. Жители старого города не требовали от полиции защиты, а полиция старалась по возможности не беспокоить их. Это было частью древнего негласного уговора и позволяло жителям десяти пуританских планет критиковать пороки Даркии. Правая рука Алгана скользнула к кобуре с лучевым пистолетом. Убийство было тяжким преступлением, и он не мог решиться на него с легким сердцем. Полиция никогда не верила версии о самообороне.

Он оглянулся — преследователи были совсем рядом. Они бежали почти бесшумно. Он различил четыре силуэта. Быть может, позади них были и другие. Исход борьбы был предрешен, если только он не перестреляет всех.

Он резко свернул в боковую уличку, которая заканчивалась громадной лестницей, спускавшейся к космопорту, но почувствовал, что не успеет добежать до бронзовых ворот. За спиной раздался раскатистый смех. Это разозлило Алгана и придало ему сил. Какие-то мгновения он надеялся уйти от погони в этом извилистом каменном коридоре. Прыгая через ступени, он несся между глухими стенами,

позволявшими видеть только узкую полоску звездного неба над головой. Он не знал, кто его преследователи, зачем гонятся за ним и где находятся теперь.

Он задыхался. Правая ладонь сжимала рукоятку лучевого пистолета. Может, пора остановиться и вступить в бой? Или он ближе к порту, чем кажется? Преследователи не оставили времени для выбора. Они открыли огонь первыми. Но они не собирались его убивать. Тяжелый липкий предмет ткнулся ему в затылок, а ноги оплели прочные, словно стальные тросы, веревки. Он упал вниз лицом, выставив вперед руки. Он хотел было, сжалвшись в комок, скатиться вниз по ступеням и постараться выхватить пистолет, но ощущил новый толчок в затылок, и новые веревки опутали ему руки. И все же он успел выхватить пистолет и нажать на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Теряя сознание, он ощупал рукоять — магазина не было.

Он отбросил бесполезное оружие, и пистолет застучал по ступеням. Преследователи схватили Алгана.

— Это он.

— Усыпи его.

Он почувствовал присоску позади уха. Полоска звездного неба над головой начала вращаться и зеленеть, а черные стены обратились в серо-жемчужный туман.

— Спокойной ночи,— пробормотал он и тут же заснул.

Алган плыл, окутанный серо-жемчужным облачком. Очнувшись, он инстинктивно сунул руку за пистолетом, но оружия не было — он лежал обнаженный на постели. В комнате с белыми стенами не оказалось даже окон.

Он приподнялся на локте, ничего не понимая.

Смутно помнилось, как накануне ввязался в какую-то драку. Но что было до нее? Оглядевшись, он решил, что помещение похоже на тюремную камеру.

Может, его схватила полиция? Эта мысль ему не понравилась. А может, он ранен? И попал в больницу? Или ему прописали лечение сном? Чувствовал он себя отлично.

Алган внимательно огляделся. Похожие помещения он видел в космопорте, где однажды ему довелось побывать. Комната не вызывала особых страхов, беспокоило только отсутствие двери, окон и люка в потолке, но он решил не терзаться по таким пустякам. Как его сюда доставили, так и выведут. Его больше беспокоило отсутствие одежды. Неужели ее украли?

Он попытался вспомнить, что же все-таки произошло накануне. Машинально почесал за правым ухом и вдруг похолодел — ведь его усыпили. Это было куда серьезнее, чем потеря одежды. Усыпители имелись только у полиции. И обычной банде грабителей не просто было их раздобыть. Скорее всего, он попал в лапы полиции.

Его раздражали голые стены без единой трещины и щели — как тут угадать, в каком месте находится дверь. Алган надеялся, что ему не желали зла — ведь если бы его хотели убить, то сделали бы это, пока он лежал в беспамятстве.

Он вновь улегся и принялся ждать. Ему не хватало информации ни для подготовки побега, ни для защиты. Если же он попал в лапы полиции, то его могли упрятать за решетку по меньшей мере за пять проступков.

Вдруг одна из стен засветилась и сделалась прозрачной. Он увидел космопорт, а вдали, между устремленными в небо иглами кораблей, которые теснились на гигантской бетонной равнине, сверка-

ли громадные бронзовые врата, как бы олицетворявшие собой границу между упорядоченностью космоса и городским хаосом.

Стена справа распахнулась, затрещав, будто рвущаяся ткань.

— Встаньте и идите.

Он подчинился приказу. Узкий, слабо освещенный коридор смыкался позади него, как только он проходил.

Вскоре Алган оказался в маленькой темной комнатке. Пока он пытался осмотреться, что-то горячее обвилось вокруг его руки. Сопротивление было бессмысленным. Он почувствовал легкий угол. Затем его окатило теплым дождем. Поток инфракрасного излучения тут же высушил кожу. И вновь перед ним распахнулся теперь уже широкий и ярко освещенный коридор. Коридор привел в помещение, где висела одежда. Это оказался комбинезон звездоплавателя.

— Одевайтесь!

Он быстро натянул одежду, понимая, что возвращаться бесполезно.

Алган снова двинулся вперед. Здание походило на ком теста, в котором по чьему-то желанию образовывались пустоты. И вдруг стены коридора разошлись в стороны. Алган замер: ему показалось, что он парит в воздухе над космопортом. На самом деле, оглядевшись, он понял, что коридор вывел его в огромный зал, одна из стен которого была прозрачной и открывала вид на космопорт. Когда глаза Алгана привыкли к свету, он увидел за огромным белым столом человека в синей рубашке, который, казалось, ждал его.

— Приветствую вас, — произнес человек. — Полюбуйтесь портом, это неплохо для начала.

Алган молчал. Его на самом деле захватил от-

крывшийся вид, но он еще и не знал, что ответить.

— Думаю, нам предстоит разговор, — начал он.

— Приятно слышать разумные речи, — усмехнулся человек в синем. — Я так часто вынужден уламывать людей, попадающих сюда впервые, что мои функции порой не доставляют мне удовольствия. Садитесь, пожалуйста.

Алган удобно расположился в синем кресле.

— Слушаю вас.

Человек в синем смущился.

— Мне казалось, вас терзает желание задать мне кое-какие вопросы?

— Пока меня терзает только голод, — небрежно обронил Алган.

Он не спешил выяснять свое положение. Он наслаждался удобным креслом, с интересом рассматривал ковер с необычайно сложным рисунком, белый стол и упивался невероятной панорамой космопорта.

— Как хотите, — сказал человек в синем и нажал кнопку.

Он молча разглядывал Алгана, пока тот ел. Покончив с едой, Алган поднялся и встал лицом к окну.

— Как вас зовут? — спросил он. — И почему мне выпала честь воспользоваться вашим гостеприимством?

— Вам все же интересно, — усмехнулся человек в синем. Его серые бегающие глаза остановились на лице Алгана. — Мое имя Тиал. Йор Тиал. Не уверен, что оно знакомо вам. Вы, похоже, смирились со своей участью?

— Что вы имеете в виду? — холодно осведомился Алган. Он старался сохранить невозмутимость, хотя ощущал все возраставшее беспокойство.

— Прекрасная участь — завоевание простран-

ства! — воскликнул Тиал, широким жестом показывая на корабли и порт.

— Вы издеваетесь надо мной, — отмахнулся Алган. — Я никогда не покину Даркию.

— Ай-ай-ай, — усмехнулся человек, — стоит ли понапрасну сотрясать воздух? Тем более что вы поставили свою подпись...

— Какую подпись? — удивился Алган.

И вдруг у него в голове все прояснилось. Его обвел вокруг пальца вербовщик! Вчерашний толстяк подпоил его, чтобы заполучить подпись, и теперь его, Алгана, собирались отправить в космос, на какую-нибудь заброшенную планетенку, до которой придется добираться бог знает сколько времени на полуразвалившемся суденышке. Он вдруг ощутил приступ злости. Подобные слухи ходили в старом городе, но он никогда не придавал им особого значения. И если кто-то вдруг исчезал из древних кварталов Дарка, вопросов никто не задавал; человек мог вернуться через год с карманами, полными денег, а мог навсегда растаять в плотном воздухе Дарка. Алган считал, что галактиане давным-давно оставили в покое древнепланетян.

— Думаю, вы все поняли. Хотя кое-какие подробности, возможно, вас заинтересуют. Могу прощать вам контракт. Обычно люди, подписавшие его, верят нам на слово. Их даже не интересуют отдельные пункты. Могу вам поклясться, это — выгодная сделка.

— Она незаконна, — сказал Алган. — Такое мошенничество не сойдет вам с рук. На Даркии еще есть закон.

— Конечно, есть, — согласился Тиал. — И судьи должным образом оценят составленный по всем правилам контракт.

— Меня заставили его подписать обманным пу-

тем, — продолжал упорствовать Алган. — Вам это хорошо известно.

— Судьям будет интересно узнать такие подробности. Вас заставили? К вам применили силу? Вы уверены в этом?

— Насилия не было. Меня опоили.

— Против вашей воли?

— Не совсем. Да вам лучше знать, что со мной произошло. Я требую созыва жюри. Я хочу подать жалобу.

— Прежде чем вы решитесь на какие-либо действия, хочу дать вам небольшой совет, — сказал Тиал.

Тон его был равнодушен и холоден. Алган понял, что его дела плохи.

— Вы признаёте, что напились по собственной воле, не так ли? И утверждаете, что кто-то воспользовался вашим состоянием и заставил подписать бумагу? Вы настаиваете на этом?

— Не совсем так, — возразил Алган. — Некто угостил меня несколькими стаканчиками спиртного. Он выглядел человеком, которому не с кем выпить. Я хотел сделать ему приятное. А этот подонок опоил меня каким-то зельем. И я подписал какую-то бумагу.

— Вы пили... по собственной воле? Вас не при нуждали?

Алган утвердительно кивнул.

— И вы признаете, что выпили так много, что потеряли контроль над собой?

— К чему вы клоните?

— А вот к чему. Утрата контроля над своими поступками — провинность перед лицом закона. Я готов поверить, что ваш напарник по выпивке действительно существует. Вы можете доставить его сюда связанным по рукам и ногам? Полиция

занялась бы его поисками, но она предпочитает не трогать жителей старого города. Людей вроде вас. Правда, бывают исключения. Итак, выбирайте — либо вас как алкоголика арестует полиция и предаст суду пуритан, либо вы выполните условия контракта. Думаю, суд не без удовольствия сошлет вас на какую-нибудь новую планету, где придется здорово вкалывать. Вы же знаете, пуритане не жалуют пьяничуг. Куда лучше — десять лет в космосе за счет правительства плюс деньги. Мне кажется, вы любитель приключений. Не будьте ретроградом. Отправляйтесь в космос.

— Да, у вас здесь порядок, — сказал Алган. — Все между собой договорились — и полиция, и портовые власти, и космический отдел, и правительство. Мне остается только «сделать ручкой» — и в путь.

Он поднял голову, всматриваясь в далекое пламя, рвущееся из сопел звездолета. Поверх бронзовых врат он видел раскинувшийся на холмах город, беспорядочное нагромождение разноцветных кубиков, город, который ему суждено увидеть лишь через десять лет. Близкий и недоступный. Их уже разделили десятки световых лет и пустота, сотни солнц, возможные кораблекрушения, непредвиденные опасности, могущественные, неизвестные и враждебные существа.

Вдали, за городом, таяли в тумане зеленые равнины Даркии с ее руинами, с ее погребенными под лишайниками и ледниками мертвыми городами и навсегда утерянными тайнами. Он ощущал в себе какое-то новое чувство. Внезапно возникшее желание отомстить за обман и бессилие стали зародышем ненависти, которая за долгие годы в пустоте будет расти, пока не приведет к взрыву, который уничтожит и холодную бесчеловечность галактиан.

Он рассчитается за все, когда наступит час расплаты. Но этот час придет еще не скоро.

— Меня похитили, — глухо сказал Алган. — Меня похитили. И я нахожусь здесь не по своей воле. Этого-то вы не можете отрицать?

— Если хотите называть вещи своими именами, вас действительно похитили. Но официально вас подобрал патруль полиции и доставил сюда согласно контракту. По правилам вас следовало отдать под суд.. Но будучи людьми благородной души, шефы полиции сочли, что вы имеете право отпраздновать подписание контракта, и закрыли на все глаза. Однако, если вы подадите жалобу, они будут вынуждены сказать правду. И поверьте, против своей воли.

— Если бы Галактика знала, как вербуют людей в первопроходцы! — воскликнул Алган.— Если бы она знала!

— А! Об этом многие знают. Но к словам жителей Дарка в космосе мало кто прислушивается. Уверен, вам рассмеются в лицо, когда услышат вашу историю. А может, и вломят по первое число, узнав, откуда вы. Ретрограды вроде вас не в чести в Галактике. Лучше держите язык за зубами.

Алган вскочил и прижался к огромному окну. Ярость разрывала грудь. Ему хотелось разбить стекло и броситься вниз, в тысячеметровую пропасть навстречу фарфоровой земле. Хотелось увидеть, как взрываются и горят корабли, как разбегаются матросы, как гибнет порт под равнодушным взглядом отгороженного бронзовыми вратами города.

Космос был своего рода тюрьмой. Он знал это. И ему суждено плавать в этой тюрьме целых десять лет. В сердце его будет клокотать ярость, а память будет хранить эти сверкающие врата и старый

вольный город за ними, живущий своей непокорной жизнью.

— Мне понятны ваши чувства, — сказал Тиал. — Я видел здесь многих, но такие, как вы, встречаются не часто. Обычно люди вопят, кричат, угрожают, умоляют. А через три месяца чувствуют себя в космосе как дома. Надеюсь, с вами произойдет то же. Но, откровенно говоря, у меня нет уверенности в этом. Не исключено, на какой-нибудь планете вы найдете похожий город. А этот станет совсем другим, когда вы возвратитесь... через тысячу лет.

Алган медленно повернул голову. Его глаза горели недобрый огнем. Тысяча лет. Именно это падение, это бегство в пучину времени страшило его больше всего, и он не желал касаться этой темы. Десять лет полета со скоростью света в корабле и тысяча лет здесь. Порт практически не изменится, а город наверняка исчезнет.

— Я уже умру, — сказал Тиал, — когда вы вернетесь, если захотите возвратиться. Здесь уже никто не будет помнить обо мне. Надеюсь, тогда вы перестанете ненавидеть меня. Хотя какое это может иметь значение. Будут другие люди, и они будут делать те же простые и трудные дела. Иногда мне кажется, что мы затеряны не в пространстве, а во времени. Когда на заре истории наши предки начали бороздить водные пространства на судах, движимых силой ветра, расстояния им казались непреодолимыми. А теперь мы плаваем среди звезд. Только время держит нас в своих цепких объятиях. И от этого нам в тысячу раз тяжелее.

— Замолчите, — крикнул Алган, — замолчите!

Столетия стучали в его барабанные перепонки, как песчинки о стекло песочных часов. Тысяча лет. Люди, которых он знал, умрут. На новых мирах

каждый жил в одиночку, работал и торговал по своему собственному времени. Корабли уносили и приносили с собой годы. На планетах пуритан по этой причине запретили браки — после месяца путешествия сын оказывался старше отца, а это сочили аморальным.

В их решении была своя логика.

Люди пылью летели навстречу звездам. Слабые и одинокие созданья.

Такой нелепицы, как межзвездный полет, не могло случиться с ним. Его вселенная была шаром с видимым горизонтом, с друзьями на всю жизнь, со старым семейным домом.

— Поведение ретроградов сродни поведению животных, — с неприязненной усмешкой говорили пуритане.

Может быть. Может быть, они были правы. Может быть, человеку следовало измениться. Дорести до масштабов нового дома — еще едва-едва разведенной Галактики.

Но все это было в будущем. А сегодня Алган, как почти всякий житель древней планеты, ощущал себя человеком прошлого.

— Мне не нравятся методы, которыми пользуется Бетельгейзе, — тихо говорил Тиал. — Но я допускаю, что они разумны. Я тоже ощущаю себя человеком прошлого, но иначе, чем вы, поскольку родился на другой планете. Я пытаюсь вас понять. Я знаю, после меня придут другие люди, которые, возможно, станут вести себя жестче, чем я. Мне хотелось, чтобы вы знали все это. Люди вроде вас обречены. За тысячу лет все переменится. Когда вы вернетесь, Жерг, здесь не останется ни единой души, способной понять вас. Но, вероятно, к тому времени обретут историю иные планеты. Их история будет другой. И все-таки это будет история. Мы

пробыли в космосе слишком мало времени. В Галактике больше годных для обитания миров, чем людей. Наше владычество над природой очень зыбко. И поэтому мы вынуждены посыпать в далекие путешествия даже тех, кто не желает покидать своего родного мира. Нас можно сравнивать с горсткой пыли в вакууме. Поймите нас, Жерг.

«У меня тысяча лет, чтобы разрушить все это, — подумал Алган. — Тысяча лет, или десять лет. Впрочем, это одно и то же».

Порт вздрогнул от мощного рева. С бетонной поверхности на огненном столбе величественно взмыл корабль. Он пронзил атмосферу, затмив на мгновенье сияние солнца. На высоте тысячи километров планетарные двигатели отключатся и заработают ядерный двигатель. Звездолет будет набирать скорость до тех пор, пока не достигнет скорости света, а время для пассажиров застынет. Затем корабль совершил прыжок в подпространство и поплынет вне времени по одному из течений Вселенной к своей далекой цели, которую, быть может, еще никогда никто не видел.

— Желаю вам, Жерг, успешного путешествия, — произнес Тиал.

— Спасибо, — стараясь не встречаться с глазами собеседника, холодно ответил Алган. Он не отрывал взгляда от неба.

2. Космопорт

Вся Вселенная прошита невидимыми нитями, которые могут стать маршрутом любого корабля. Из этих нитей сплеталось нечто вроде ткани, и каждый звездный или обитаемый мир был ее узел-

ком. В далекие героические времена Земля рассеяла по Галактике свои споры, и те дали всходы. Через несколько веков освоение пространства замедлилось. И не потому, что были исследованы и заселены все миры, а потому, что стала ощущаться осткая нехватка в людях. В некоторых солнечных системах жило всего по нескольку семей. Самые густонаселенные планеты насчитывали не более сотни миллионов жителей, хотя в Галактике имелись и города, где численность населения достигала пятидесяти миллионов человек.

Наступило время парадоксов. Огромные мегаполисы и пустынные планеты были одними из них. Деятельность порта требовала громадного количества людей. На каждого улетающего в космос приходилось десять тысяч человек на планете. Тогда и возникли города с населением в сотни миллионов обитателей, которые раскинулись на целые континенты. Со временем машины позволили отправить большую часть населения этих городов на разведку новых миров. Самые древние города вроде Дарка, Тугара, Олнира, свидетели первых шагов человека в космосе, были жалкой тенью прежних колоссальных столиц. Люди могли гордиться славным прошлым человечества и чувствовать себя хозяевами космоса, но не могли предусмотреть всех ловушек Вселенной.

Случалось, что замолкал целый звездный сектор. И лишь спустя сотню лет люди узнавали, что произошло с его обитателями. Бывало, они просто напросто исчезали, и тогда весь район объявляли опасным. Иногда люди отказывались от технической цивилизации и переставали пользоваться трансрadiо. Социологи внимательно изучали эти неопримитивные народы, хотя у них едва хватало времени на наблюдения за множеством миров и

обществ, которые возникали, развивались и умирали...

Человечество осваивало космос, но по-прежнему блуждало в лабиринтах Времени. Даже на каждой планете время текло по-разному в зависимости от ее массы, орбиты и положения по отношению к центру Галактики. А те, кто путешествовал со скоростью света, становились жертвами странных ловушек, расставленных Хроносом. История перестала восприниматься как непрерывный процесс. Ткань истории стала больше напоминать переплетение разнородных волокон, а потому было невероятно трудно разобраться в причинах и следствиях событий. Войны утратили всякий смысл. Центральное правительство стало простым символом, на который ссылались в случае нужды местные власти. Однако это правительство, разместившееся на гигантской планете в районе Бетельгейзе, оказалось символом действенным и стабильным как в пространстве, так и во времени. Казалось, что лучи красной звезды-гиганта, видимой во всей Освоенной Галактике, доносят до самых отдаленных уголков волю центральной власти. И хотя планета правительства обращалась не вокруг Бетельгейзе, а вокруг соседней небольшой звезды, обеспокоенные или удивленные взоры устремлялись к Бетельгейзе. Само название Бетельгейзе произносили с почтением, словно красноватый свет звезды вливал в них новые силы.

Развиваясь на каждой освоенной планете своя культура или цивилизация, центральное правительство не могло бы повлиять на нее из-за искажений во времени. Но именно искажения во времени, связанные с межзвездными путешествиями, не позволяли выбирать особый путь. Во всей Галактике существовала некая верность центрально-

му правительству Бетельгейзе, поскольку его власть была единственной стабильной реальностью в этом мире зыбкого времени.

Центральное правительство направляло своих чиновников, исследователей и первопроходцев во все известные миры Галактики. Когда они возвращались с устаревшей на века информацией, судьбы Галактики решали иные люди. Но это не имело никакого значения. Все данные накапливались в памяти гигантских компьютеров Бетельгейзе и позволяли составлять планы, которые могли быть реализованы через пятьсот лет в каком-нибудь отдаленном секторе Галактики.

Ибо главной задачей человека, стремящегося выжить в этой Галактике, было ее познание. Опасность крылась в недооценке опасностей. К этому можно было привыкнуть, но забывать не стоило. Первые исследователи погибали оттого, что не знали, как противостоять той или иной угрозе. Целью правительства была подготовка первопроходцев, способных выжить в любых условиях.

Алган боялся, что не выдержит тренировок. Но биологи и психологи составили программы подготовки со знанием дела и проводили их на грани человеческой выносливости, поскольку космос не спрашивает, каковы ее пределы.

Тренировки закаливали человека как физически, так и умственно.

Когда Алгана впервые привязали к «большому креслу», он принял шутить. Но уже на третьей минуте из его легких рвались только вопли:

— Оставьте меня в покое! Выключите эту чертову механику!

Он поносил своих мучителей последними словами, но те не слушали его. Они знали, что ощущ

щает Алган,— ведь они сами прошли через это. И знали, что для Алгана эти испытания — единственная возможность не сойти с ума потом. Они также знали, что сам Алган сочтет свои мучения смехотворными по сравнению с теми, которые выпадут на его долю позже. Они только надеялись, что не ошиблись, когда исследовали организм этого человека.

Алгану казалось, что он падает в бесконечную тьму без единого проблеска света. Падение было бесконечным. Живот раздирали спазмы. Сердце билось то учащенно, то вовсе останавливалось — его организмом управляли команды, поступавшие по электродам.

Алган выл:

— Отпустите меня! Остановите!

Падение было бесконечным, и падал он в небытие. Ярость его не имела границ. Он знал, что несется к какому-то громадному телу, скрытому во тьме где-то внизу. Но конца падению не было, дно с каждой секундой уходило все глубже и глубже вниз. Ему казалось, что он ослеп.

На четырнадцатой минуте Алган умолк — в горле так пересохло, что оно перестало пропускать звуки. Он знал, что достиг границ Вселенной, что пересечет их и конца его падению никогда не будет. Страх исчез — его череп стал вместилищем куда более ужасных ощущений.

На шестнадцатой минуте он ощутил себя точкой. Он пытался припомнить время, когда у него были руки и ноги, но это было слишком давно и слишком невероятно.

На восемнадцатой минуте он почувствовал, что разбухает.

Ощущение постоянного роста во все стороны было невыносимым. Наконец его тело заняло без-

граничное пространство, опутав эту беспредельность до боли натянутыми нервами.

На двадцать первой минуте он взорвался. Крохотные частицы его тела разлетелись во все концы пространства. Он превратился в плотный туман. Разум пытался настичь каждую частицу и удержать ее, но его усилия были тщетны. Потом отказал разум.

Душу Алгана объял хаос. Полчаса падения сломили его. Он распался на атомы.

Те крохи разума, которые еще теплились в Алгане, отметили, что Вселенная враждебна. Сознание этого влило в него новые силы. Зернышко разума, обогащенное новым знанием, принялось за реорганизацию разрозненных воспоминаний и прошлого опыта. В мозгу Алгана вспыхнуло пламя ненависти. Падение потеряло всякий смысл. Он неторопливо восстановил контроль над нервной системой. Ненависть помогла ему отыскать запасы новых сил в сокровеннейших закоулках души и обрести равновесие.

Именно к этому и стремились эксперты. К однаковому результату приводили самые разные пути. Одни выдерживали испытание, черпая силы лишь в стремлении познать новые миры. Других спасал страх, именно он заставлял их искать пути его преодоления. Но блуждания во тьме создали совершенно нового Алгана. И если бы эксперты могли прощупать его мозг, то вряд ли испытали удовлетворение. Ибо в момент, когда обнажилось ядро его души, все существо Алгана прониклось ненавистью. И ей подчинилась нервная система.

К тридцать шестой минуте он вновь обрел себя. За последние пять минут он узнал о человеке и Вселенной больше, чем за предыдущие тридцать два года.

Он расслабился. Падение прекратилось. Он вынырнул из ночи.

Когда к нему бросились, чтобы извлечь из кресла, никто не заметил холодного блеска его глаз, прежде чем он потерял сознание.

Большое кресло было последним словом науки в области создания иллюзорного мира. Его электроды подменяли реальный мир, давая пищу воображению для создания любого мира. На некоторых планетах подобные кресла в упрощенном виде служили развлекательным целям. Иногда, случалось и такое, их использовали как орудие пытки. Но во всех портах они служили для подготовки пилотов и первопроходцев.

Кресло появилось после трехсот лет интенсивных исследований нервной системы. Оно позволяло контролировать каждый нерв, включать или отключать любые синапсы. В случае неизлечимых неврозов оно было единственным средством врачевания, правда, не всякий больной выдерживал процедуру.

Кресло само по себе было целым миром. Существовала легенда, согласно которой великий Тулгар, создатель первого кресла, покончил с собой, испытав его и не найдя ему достойного применения, ибо в его детище неразрывно слились потенциальные рай и ад. Но век спустя началось Освоение. Кто-то вспомнил о Тулгаре и разыскал на университете чердаке его кресло, которое могло воссоздать все чудеса и ужасы Вселенной.

Алган научился падать в самую темную бездну и ощущать неизмеримость окружающего пространства.

Ненависть служила ему спасательным кругом.

Вначале он не знал, на кого ее направить, и ненависть клокотала в нем в первозданном, хаотическом и бесформенном виде. Затем он возненавидел порт, чужеродное тело на планете, и принял хладнокровно разрабатывать способ его разрушения. Затем его ненависть обратилась на тех, кто построил этот порт. К концу второй недели тренировок (хотя ему казалось, что он провел в подземельях космопорта десяток лет) Алган решил уничтожить Бетельгейзе.

Завоевание звезд и освоение чужих миров были для него пустым звуком. Он знал только то, что его силой отрывают от Даркии. Ну что ж, он станет той песчинкой, которая медленно и неотвратимо источит громадный механизм освоения Галактики.

Когда он научился властвовать над тьмой и падением, его бросили на враждебные планеты и в совершенно чуждые миры. Однажды он планируя опустился на обширную сверкающую поверхность. Он распластался на ней не в силах шевельнуть даже пальцем. Он знал, что должен встать и пойти, но лежал, при克莱ившись к этой металлической громаде, намного превышавшей размеры Даркии, а сверху на него давило черное тяжелое небо, усеянное мириадами звезд.

Он с трудом встал на колени. Воздух был так сух и холоден, что рвал легкие.

Что-то гнало его в определенном направлении, но не было сил сделать и шага. Его обволакивал ужас, который накатывал волнами, хотя вокруг не существовало ничего, что оправдывало бы его страхи. На равнине не было ни одного препятствия, которое могло бы пробудить такое чувство.

Страх таился в глубине души. Алган был один.

До сих пор ему не случалось бояться одиночества. Он не раз в одиночку пересекал океаны и континенты Даркии. Но его нынешние ощущения не шли ни в какое сравнение с прошлыми.

Он понял — именно к этому стремились те, кто наблюдал за его тренировками, — как опасно полное одиночество в чуждом мире: там, где одиночка обречен на гибель, группа может выжить.

Но урок этим не кончался. Требовалось выжить даже в том случае, если у тебя не было никакой надежды на постороннюю помощь.

Он пополз по ледяной поверхности. Что-то толкало его вперед, хотя он не мог понять, чем одна точка горизонта лучше другой. Он попытался сдержать дыхание, прополз несколько сотен метров, и вдруг вся поверхность планеты опрокинулась. Его бросило вперед, и он заскользил по поверхности со все большей скоростью. Его руки искали любую шероховатость, чтобы зацепиться, но напрасно. В конце концов, выставив руки вперед, чтобы предупредить возможный удар, он выкатился на громадную равнину. Скорость падения возрастила. Небо медленно изменилось, а поверхность под ним посветлела. Она постепенно наливалась светом. И в то же мгновение из-за горизонта выползло громадное красное солнце.

Он понял, что падает на это солнце и ничто не может помешать этому падению. Красное солнце словно приклеилось к горизонту. Но пока Алган несся к нему, оно выкатилось в небо, затмевая блеск звезд и пожирая мрак.

Алгана подхватил вихрь.

Его подняло словно соломинку, хотя по гладкой краснеющей поверхности пробегало лишь легкое дыхание ветерка. И вдруг разразилась и заревела буря. Его завертело в воздухе, он не мог

определить траектории своего полета. Он несся над поверхностью планеты, и та убегала назад с невероятной скоростью. Он заметил громадный темный силуэт, протянувший к нему свои щупальца. Он хотел закричать, но ему не хватило воздуха.

Алган понял, что это его собственная тень и он пролетает прямо под красным солнцем.

Его тащило вверх. В какой-то момент планета показалась ему невероятных размеров диском, вогнутым, словно чаша. Вдруг ветер стих. Алган перестал дышать. Он достиг звезд и, пока усыхали его легкие, пока в последних судорогах билось его сердце, а кровь сочились сквозь поры, понял, что умирает, паря на границе пустоты.

Он напрягся, пытаясь нарушить несущее смерть равновесие. Но рефлексы подвели его, мозг работал вхолостую, не давая ощутимого результата.

Он сжался в комок и резко распрямился. Его обуяла ненависть к красному солнцу, исчезавшему за горизонтом стального диска. Он нырнул вниз.

Алгану казалось, что он попал в безвыходную ловушку — если он даже и достигнет поверхности и вновь поползет навстречу красному солнцу, ему все равно снова не миновать циклона, который бесконечно будет носить его вокруг планеты. Он озверел от ненависти, ибо не мог остановить своего падения. Он проклинал кресло и техников, порт, Дарк, космос, звездолеты и Бетельгейзе.

«Я — игрушка, — думал он. — Паяц на ниточках. Но я доберусь до тех, кто дергает за эти ниточки».

Он не видел ничего, что можно было бы уничтожить или разрушить. Но за враждебной маской Вселенной явно кто-то прятался, наблюдая за ним.

Этот кто-то корчился от смеха, видя его тщетные усилия.

Этот кто-то насмехался над людьми.

«Ты еще попадешься мне», — подумал Алган. Он забыл о желании умереть на этом ледяном пустынном шаре или разрушить этот невыносимый мир.

Он оказался во тьме на ледяной поверхности. Красное солнце исчезло.

Он решительно пополз вперед. Взошло новое солнце, окутанный туманом голубой шар, в обрамлении трех других более мелких разноцветных солнц.

На горизонте возникла и сгостила тень.

Он пополз быстрее. Новая декорация? Новая ловушка? На коже проступили жемчужины пота. Поверхность теплела по мере приближения к тени. Стальной кулак, прижимавший его к земле, чуть-чуть разжался. Он с трудом встал на колени, а затем и на ноги.

Теперь он видел горизонт с высоты своего роста. Он обернулся. Множественная тень, рожденная карликовым солнцем и его спутниками, была единственным темным пятном на глади равнины.

Он побежал.

На краю мира возник город. Город мечты. Его хрустальные башни высились над стальной равниной, а высокие стены казались скалами, бросавшими вызов холоду и тьме пустыни. Дворцы соединяли древние мосты — четкие контуры на фоне пустоты.

Внутри жили люди. Они готовились встретить его и чествовать как героя. На шпилях башен бились флаги. Праздничная музыка достигала ушей.

Он принял кричать, приплясывать, махать руками, чтобы привлечь внимание застывших на

башнях часовых. Затем остановился. Он ждал любого звука — пистолетного выстрела, треска праздничной петарды.

Ничего. Никого.

Он снова бросился бежать. В душу закралось ужасное предчувствие. В холодном голубом свете солнца выросли бронзовые врата города. В его памяти возникло неясное воспоминание. Эти врата были ему знакомы.

Высокая стена была совсем рядом. Он бросился к вратам, которые были вдесятеро выше его и забарабанил в них кулаками. Бронза гудела, как гонг.

Никого. Ничего.

Он напрягся, и тяжеленные створки медленно подались. Их масса была невероятно велика, и он не верил, что ему удастся сдвинуть их с места. Створки едва разошлись, и он проскользнул в узкую щель в бронзовой стене.

«Я сумел, — подумал он. — Сумел».

Он шагнул в тень громадного портика, затем вышел на обширную пустую площадь, залитую холодным светом голубого солнца и окруженную высоченными блестяще-белыми стенами. Прямо перед ним торчали башни и высилось гигантское здание, его крыша, казалось, подпирает небосвод.

Безмолвие.

«Я уже видел это», — не оставляла Алгана назойливая мысль.

Он направился к центру площади. Огляделся вокруг. Никого. И вдруг расхохотался. Он вспомнил. Он вернулся в порт, откуда отправился тысячи лет назад. За время его отсутствия все поумирали, умерла планета, погасли звезды. Он — последний человек на остывшей планете.

Алган смахнул со лба пот. Он опустился на

землю, растянулся во весь рост и уставился на любое солнце со спутниками, которое медленно уменьшалось в размерах.

«Все ложь и обман, — думал он. — Все ложь и обман». Он закрыл глаза, пытаясь вернуть ощущение падения во тьму беззвездного пространства. И помимо воли обрел спокойствие. В нем проснулась ненависть, она заполнила все его существо, и он ощутил радость.

И в этот момент его разбудили.

Тренировки в подземельях космопорта продолжались пять недель. Все это время Алган провел в одиночестве. Оно тоже входило в программу. Иногда ему удавалось заметить мелькнувшую тень, но техники никогда не заговаривали с ним. Он жил в полной изоляции, единственной пищей для его мозга, для развития необходимых рефлексов были кошмары, пережитые в кресле. Его сбрасывали на покрытые водой планеты, и он часами плавал в океанах, он пробирался через нескончаемые болота, карабкался на отвесные скалы, висел меж двух бездн, переходил пропасти по едва видимой проволоке, прыгал с высоченных пиков, тонул в зыбучих песках, слеп от нестерпимого блеска солнц, задыхался в плотном воздухе бурь и ядовитых облаках пурпурной пыли, боролся с оскализмы лишайниками, которые пытались похоронить его под собой.

К концу пятой недели, когда его взгляд приобрел твердость, когда заострились и стали угловатыми черты лица, на котором читался опыт десятилетий, проведенных в космосе, они позволили ему выйти на поверхность.

И только тогда он открыл, что такое космопорт. Алган начал с того, что обошел вокруг ог-

ромное здание с диспетчерской башней и ее устремленными в пространство антеннами. Потом ему разрешили безнадзорно бродить среди ракет, расспрашивать пилотов и первопроходцев...

Звезды были источником неисчислимых богатств и невероятного могущества. Звезды были одновременно и адом и раем — с таким видением космоса его познакомило кресло. Звезды были феерическим, полным ловушек миром, и люди пытались овладеть им.

Названия кораблей напоминали о чудесных и странных местах. Их контуры отличались друг от друга — корабли прибывали с окраин, и из центра Освоенной Галактики. Неизменными оставались лишь черные корабли Бетельгейзе. Их устаревшие формы не мешали мощным двигателям этих хозяев пространства настичь любое торговое судно и добраться до самых удаленных миров.

Суда несли в своих трюмах товары со всей Галактики. В одной части порта воздух был пропитан ароматом пряностей, в другой хранились груды невесомых мехов с Альдрагора. В прозрачных клетках ожидали своей участи сказочно прекрасные или отвратительные животные — гигантские розовые пауки, пурпурнокрылые вампиры, зунские амфибии, способные менять форму своего тела, живые камни с Алгола, сверкающие словно пламя пожара.

Алган научился распознавать, откуда прибыл встречененный, по цвету кожи, форме черепа, цвету глаз, акценту. Он мог с точностью до года назвать дату постройки того или иного корабля. Некоторые из них были созданы на Земле много веков назад, в самом начале Освоения. Но они до сих пор бороздили ледяные просторы космоса.

Целыми днями Алган бродил по верхней кольцевой дороге и заново открывал для себя Старый город, каким он видится из космопорта. Он казался ему далеким и чуждым. Алган почти уверовал в то, что прибыл сюда на звездолете и впервые увидел громадный город с теснящимися домами и узкими грязными улочками. Он знал, что ему не удастся вырваться в город до отлета. Попав в холодный и безликий космопорт, можно было считать, что ты уже в полете. Порт выглядел чуждым городу инородным телом, упавшим с небес метеоритом, который зарылся глубоко в землю планеты, и та едва мирится с его присутствием. Алган все еще иногда чувствовал себя жителем Старого города и ощущал, что в порту он пленник. И это ощущение было не из приятных.

— Вы очень странный человек, — сказал Алгану психолог.

Они стояли на самом верху башни и разглядывали порт, живший своей лихорадочной жизнью,— с ревом стартовали небольшие суда, обеспечивавшие местную связь, величественно взмывали вверх тяжелые ракеты.

— Думаю, что на заре Освоения таких людей было много. Это были люди, привязанные к родному миру, которые видели в освоении космоса лишь естественное расширение границ собственной планеты. Сейчас основная проблема состоит в том, чтобы понять, как наша цивилизация может использовать таких людей, как вы.

— Я не просил, чтобы она занималась мною, — глухо ответил Алган.

— Знаю, — сказал психолог. Он поднял голову и стал разглядывать затянутое тучами небо. — Знаю. Но ваше желание не имеет особого значе-

ния. Люди образуют в космосе некую общность. Неужели мнение одной клеточки этого громадного организма может что-то значить?

Алган не отрывал взгляда от подернутого дымкой Старого города.

— Вы мыслите на древний манер, — продолжал психолог. — Наверно, в этом есть свое очарование. Не знаю. Но теперь человек столкнулся с такими проблемами, которые еще ни разу не возникали на его пути. Старый образ мышления обречен на исчезновение.

Светлые глаза психолога холодно рассматривали Алгана.

— Сейчас во всех космопортах, в самых отдаленных уголках, на самых захудальных кораблях рождается новый образ мышления. Новое выковывается в схватках с пространством, поскольку люди во всех концах Освоенной Галактики, невзирая на Время и Пространство, зависят друг от друга. К примеру, какой-то корабль покинул родную планету три года назад по своему бортовому времени, а на планете тем временем прошло целых пятьдесят лет, траектория его полета была рассчитана задолго до вашего рождения, а он может оказать прямое влияние на вашу судьбу. И против этого ничего не поделать. Думаю, что первые одноклеточные, которые слились, чтобы образовать многоклеточный организм, могли испытывать нечто подобное вашим чувствам, хотя и в ином масштабе. Скорее всего, они тоже ощущали себя крохотными пленниками. Но для них это был единственный способ уменьшить зависимость от окружающей среды, покорить океаны, затем сушу и стать тем, что мы есть теперь. И, окажись вы в положении этих простейших, вы непременно попытались бы уничтожить хоть одно из этих многоклес-

точных существ. Сейчас же, как мне кажется, вам доставило бы удовольствие уничтожить это еще не сформировавшееся существо-человечество. Именно поэтому вы заинтересовали меня. Не надеюсь вас переубедить, ведь вы принадлежите к редкому виду, к виду мятежников. Таких, как вы, осталась сущая горстка, быть может, несколько миллионов, и мы посылаем вас по одному на освоение космоса. Некогда вы царили на этой планете. Вы прозябали и часто воевали. И все же то была эпоха величия. Наше величие кроется в ином. Оно выковывается усилиями миллиардов людей, миллионов звездоплавателей, тысяч ученых. Знаете, над чем сейчас работают на Бетельгейзе? Над составлением Галактической энциклопедии. Она будет чем-то вроде коллективной памяти всей Галактики, и ее объем будет расти по мере новых открытий. В силах ли вы оценить это?

— Оставьте меня в покое, — процедил Алган.

К концу второй недели Алган решил исследовать диспетчерскую башню. Двери сами открывались перед ним. Электронные цепи, которые включали их, уже, наверно, снабдили его приметами, как и приметами других первопроходцев, чтобы они беспрепятственно передвигались по космопорту и знакомились с его тайнами, дабы не попасть впросак в похожих один на другой портах Освоенной Галактики. Но Алгану редко встречались его будущие коллеги. Более того, он сам избегал встреч с ними. С большинством из них в Дарке он не перекинулся бы и словом без оружия в руке. Здесь же они выглядели безобидными и даже более потерянными, чем Алган. Они целыми днями просиживали в своих комнатах, играли, склонились, но не осмеливались вступать в драку.

Такие почувствуют себя в родной стихии только на какой-нибудь планете с топором в руках и оружием за поясом.

Медленно поднимаясь по пандусам, увлекаемый антигравитационными полями, несомый невидимой и невещественной опорой, Алган не переставал размышлять. Он начинал понимать, зачем Галактике нужны такие города, как Дарк. Это был резерв человеческого сырья, быть может, созданный искусственно. Бетельгейзе черпала из него людей, привыкших жить по волчьим законам, а потому способных освоить отдаленные планеты. Хотел он того или нет, но Алган в самом деле был лишь клеточкой гигантского галактического организма. При этой мысли его захлестывала ненависть, что, впрочем, не мешало ему восхищаться башней космопорта.

Изнутри казалось, что верхняя часть ее парит в пустоте. Стены из сплошных стекол открывали вид на порт и небо. Стекла пропускали свет только внутрь помещения, так что снаружи башня походила на матовую громаду, высеченную из единого куска горной породы, рухнувшего на Даркию. Изнутри башня казалась хрупкой конструкцией из стекла и особого металла, шелковистого на ощупь, будто старинный бархат. Но на самом деле даже потерпевший аварию звездолет, свалившись прямо на нее, не оставил бы и царапины на ее стенах.

На самом верху башни располагались диспетчерские службы порта, контролировавшие полеты торговых судов и черных кораблей Бетельгейзе.

Переступив порог одной из дверей, Алган оказался в помещении трансрadiо. Еще не войдя, он знал, куда попадет. Впервые проникнув в эту часть порта, он свободно ориентировался в лаби-

rinte коридоров и вертикальных шахт. Его мозг во сне получил массу нужных знаний, которые проявлялись по мере необходимости. Это были практические знания. Он не имел представления о том, как работают те или иные установки, но знал, как их использовать. Обучавшие его не проверяли, как он усвоил урок. Для них главным было подготовить его к выполнению предназначеннной задачи.

Алгану мучил вопрос, многие ли разбираются в том, как работает сложный механизм космопорта. Может, этого здесь не знает никто? Может, это один из самых охраняемых секретов Бетельгейзе? Может, именно поэтому Освоенная Галактика была столь слитной, несмотря на разделявшие людей бездны пространства и времени?

Станция трансрadiо представляла собой колодец, в стенах которого находились ниши. Их соединяла наклонная плоскость, которая спирально вилась к самому куполу. В каждой нише сидел оператор — он настраивал аппаратуру, слушал, говорил сам. Здесь звучали все голоса Галактики...

Алган неторопливо поднимался по спирали, прислушиваясь к этим голосам пространства. Искаженные, сжатые, растянутые, бестелесные — это были голоса иного мира.

Алган взглядался в спокойные лица техников, заставляя себя не вдумываться в слова, искаженные временем и пространством.

Слова.

Он понимал их. То были координаты кораблей, новых планет, имена, формулы, даты, не имевшие никакого значения, сухие, строгие отчеты, безответные призывы о помощи — и все это было рассияно, растворено во времени.

Время.

Время, быстро текущее здесь и медленно ползущее в космосе, где оно подчинено скорости кораблей и планет. Обманчивое, изменчивое время, разрушитель информации, время, которое преобразует живой человеческий голос в безликий ослабленный звук, теряющийся среди взрывов звезд и шепота частиц, прилетевших из иных галактик после миллионнолетнего пути.

Время.

Каждый корабль, каждая планета, каждая звезда, каждый кусок Вселенной живет со своей скоростью, по своему собственному времени. Только трансрadiо спорило со временем и бросало вызов пространству. Оно позволяло с минимальными затратами энергии связываться с любым телом в космосе, используя иные измерения.

Принцип его работы не отличался от принципа работы звездолетов, но воплощение было более примитивным.

Звездолеты не могли летать со скоростями, превышающими скорость света, но в пространстве существовали иные пути, куда более короткие, чем те, которые наблюдались в оптические телескопы. Корабли проходили через подпространство и сокращали путешествие до одного года вместо ста лет обычного полета. Но чем короче был путь, тем тяжелее проходил перелет. Чем сложнее выбиралась траектория полета, тем больше изменялись корабли, и иногда их приходилось просто-напросто уничтожать. Ученые рассчитали безопасные границы. И пути, ведущие от одной звезды к другой, оставались, несмотря на сокращение, довольно значительными. Для трансрadiо проблем не обратимых искажений не существовало. Оно использовало кратчайшие пути подпространства. Послание

могло исказиться, часть информации — исчезнуть, но, если его содержание оставалось понятным в момент приема, всех это устраивало.

Трансрadiо позволяло осуществить контакт между временами разной продолжительности: между временем планеты и временем стартовавшего с нее звездолета или временами планет, вращающихся вокруг разных солнц каждая со своей скоростью.

Поэтому искались голоса. Минута на приближающемся, начавшем торможение корабле равнялась трем минутам на Даркии, и голос становился густым, медленным, утробным и тянулся, как жидкое тесто.

Хорошо различались голоса из тех точек Вселенной, где время было сравнимо со временем Даркии. А в посланиях со звездолетов слова порой растягивались на часы, и прием длился неделями, если не месяцами. Существовали специальные меры, чтобы обходить такого рода препятствия. Корабль-передатчик мог записать свое сообщение в ускоренном виде и послать его в пространство. Но иногда эти хитрости не помогали, и тогда вступала в действие аппаратура, которая слушала хрип, доносившийся из космоса, и преобразовывала его в обычные голоса.

Время.

Блуждая по порту, Алган на каждом шагу видел печать времени. И в глубине души он сознавал, что человек уже приступил к освоению времени так же, как он когда-то начинал освоение пространства.

Поднимаясь к куполу, он понимал, что через месяц на Даркии от него не останется и следа, если не считать растянутого голоса его корабля, который будут ловить антенны космопорта.

3. Дорогами космоса

Алган закрыл глаза и попытался расслабиться. Но его пальцы невольно сжали подлокотники кресла до белизны в костяшках. Его ждало тяжелое испытание — первое путешествие в космос. Он должен был совершить прыжок в далекое пространство. Прыжок к звездам. Он открыл глаза и обвел взглядом зал. Все выглядело как обычно — в креслах сидели люди, только черты их бледных лиц заострились, и они старались не замечать друг друга.

Алган повернул голову и посмотрел на своего соседа — широкоплечего молодого человека. Лицо его побелело, несмотря на сильный загар. Губы что-то шептали. Неужели он молился?

На громадном экране, похожем на окно, чернел массивный контур диспетчерской башни. Чейто спокойный, скучающий голос бубнил цифры и буквы, отчетливо произнося каждый слог. Алган знал, что теперь ему долго не придется слышать голос человека Даркии. Он удивился, что не придает этому особого значения. Потом заметил, что дрожит от едва сдерживаемого возбуждения. Он отправлялся в путь. Алган всегда любил момент расставания с прошлым. А этот старт ничем не отличался от старта любого глиссера из морского порта.

Ведь могло случиться и так, что ему понравятся те новые миры, которые он откроет. Но он предчувствовал, что его отношение к ним будет иным, чем у галактиан и даже людей Бетельгейзе. Первые глядели на мир свысока и с презрением. Одна планета стоила другой, а одна эпоха напоминала другую. Они ценили лишь тот клочок земли, на котором жили в данный момент, тот воздух, кото-

рым дышали в данное мгновенье, и только те секунды, которые были их настоящим. У бетельгейзян отношение ко всему было другим — они напоминали хозяев, заботящихся о том, чтобы поднять стоимость своих земель, хотя заведомо знали, что никогда не посетят их. И те, и другие сознательно не замечали безбрежности космоса. Протяженность космоса представлялась им как дискретный набор задач, которые надо решить одну за одной.

Над экраном вспыхнула красная лампочка. Очертания башни размыло. Лампочка погасла. Ни грохота, ни малейшей вибрации. Алган не вжало в жесткое кресло, он не услышал рева двигателей и скрежета металла. Только сменился голос, который с той же монотонностью чеканил слова, перечисляя цифры.

Корабль стартовал. Звездолет пересек границы атмосферы, и на экране холодным неподвижным огнем засияли звезды...

Алган встал и с осторожностью двинулся по проходу, ощущая в сердце сосущее чувство тоски: сила тяжести здесь была на треть меньше той, к которой он привык за тридцать два года скитаний по Даркии. Отныне ему суждено жить в этих условиях — такая сила тяжести была принята на всех кораблях Галактики.

Он приблизился к экрану, повернулся лицом к сидящим в креслах людям и спросил:

— Кто знает, к какой звезде мы летим?

Ответом ему было подавленное молчание.

Алган уселся и обвел взглядом тех троих, что делили с ним небольшую каюту с голыми стальными стенами, — Пейна, старого космического волка с изъеденным морщинами лицом, Сарлана,

рыжеволосого молодого человека, его соседа в момент старта, и приземистого крепыша с бычьей шеей и крохотными глазками, чьего имени он не знал. Они выглядели неплохими ребятами, а двое последних во всем пытались копировать Пейна, упорно стремясь отвести взгляд от экрана, на котором чернела пустота с редкими блестками звезд.

— К какой звезде мы летим? — переспросил Алган.

Пейн засмеялся.

— Уже дрожишь, Жерг? Наслушался историй про жутких чудищ, которые населяют далекие планеты. Через пару лет станете жалеть, что их было маловато на вашем пути.

— А какое это имеет значение для нас? — скучным голосом пробормотал Сарлан. — Один мир или другой. В нашем положении...

Невысокий крепыш промолчал.

— Мы летим к центру Галактики, — сказал Пейн. — Там самая высокая плотность звездных систем и больше шансов наткнуться на подходящую для человека планету.

— Почему бы нам не глотнуть чего-нибудь покрепче? — неуверенно спросил Сарлан.

Пейн открыл шкафчик и извлек бутылку и стаканы.

— За старта, — предложил Алган.

Они молча выпили, избегая смотреть друг на друга. Их глаза скользили по блестящим стенам каюты, а лица выражали неуверенность.

Пейн усмехнулся.

— Не думайте, что будете жить в этой клетке целую вечность.

Он тронул клавиши переключателя. Свет погас. Кто-то уронил свой стакан, и тот запрыгал на упругом полу, словно мяч. Алган отступил на шаг,

уперся спиной о металлическую перегородку и выбросил вперед руки, опасаясь нападения. Его зрачки расширились, пытаясь уловить хоть малейший свет. Но вокруг была беспросветная тьма. Тишину разрывало лишь свистящее дыхание соседей по каюте. Алган напрягся — в нем проснулись древние инстинкты, древние страхи и древнее умение преодолевать их.

Затем посветлело. Холодный голубоватый свет постепенно усилился и стал ровным, обрисовав зыбкие контуры теней, тел, заиграл на зубах, глазах, металлических застежках.

Подул сильный ветер. Они пробуждались от сна в необъятном лесу. Над головой вековые деревья играли изумрудной листвой. Где-то за кустами журчал невидимый источник.

Алган обернулся. Его пальцы ощупали холодную стену. Они были пленниками в стальной клетке, и их окружал нескончаемый нереальный лес.

— Значит все, что рассказывают о звездолетах, правда, — проговорил он.

— Ничего не бойтесь, — улыбнулся Пейн. Он нагнулся и запустил руку в траву. Она прошла сквозь изображение и нашупала стакан.

— Не бойтесь ничего, — повторил Пейн. — Это обычная техника. Я специально не предупредил вас, чтобы эффект был разительней. Пустую холодную каюту можно превратить во что угодно — в горы, леса, моря, подводные бездны, просторы заоблачных высот...

Во время первых полетов люди часто сходили с ума от однообразия и монотонности путешествия. Психологи нашли выход. Они создали иллюзию, полную и совершенную. Они преобразили окружение, сделав его изображением, декорацией, игрой. Вы можете скользить меж звезд и бродить

среди руин давно покинутых дворцов. Вы — творцы, пока длится путешествие. Но человек привыкает ко всему. И вскоре начинает ощущать эти леса и горы как декорацию, необходимую для борьбы с клаустрофобией. Человек родился под открытым небом, и отсутствие небесных просторов давит на него сильнее, чем свинцовая клетка. Он не может долго выдержать отсутствия неба. А потому уносит его с собой в свои путешествия.

«Иллюзия», — думал Алган, поглаживая пальцами холодную переборку. Он вспомнил бескрайние леса и долгие скитания во время охоты, усталость мышц, когда часами сидишь в засаде, поджиная добычу, ледяной ожог воды, охватывающий разгоряченное тело...

Они уселись на поросшую мохом каменную скамью, не выпуская из рук металлических поручней. Они перенеслись в сновидение, стали актерами своих собственных снов, растянутых на все путешествие, на долгие месяцы, пока звездолет будет бороздить космос в поисках новых планет.

— К какому миру мы летим? — в третий раз спросил Алган.

— Жеребец бьет копытом от нетерпения, — усмехнулся Пейн. — Я уже сказал, к центру Галактики. Но прежде мы совершим посадку на Эльсионре, одной из планет пуритан. Если кто-нибудь желает остаться там, по-видимому, сможет это сделать. Но охотников жить там мало. Желание обосноваться в сих краях пропадает через несколько дней пребывания на этих проклятых планетах. Сами увидите почему.

— А затем? — спросил Алган.

— Не спешите. Миры, куда мы направляемся, еще не имеют имен. Они обозначены цифрами. Не исключено, Алган, что одну из них заменит ваше

имя, если, конечно, вас не останется в живых. Планета Алган! Неплохо звучит. Нам еще далеко до настоящих испытаний. А пока мы будем развлекать друг друга байками, читать, покуривать трубки, надеясь, что так время пролетит быстрее. А когда побываете на паре-другой особо негостеприимных миров, станете молиться, чтобы каждая минута здесь текла как можно медленнее.

Алган встал и прошелся по каюте. Он ясно слышал скрип песка под сапогами. Возле стены лес исчезал, и в стене проступали очертания двери.

Он улегся в траву, закрыл глаза и ощущил на коже ласковое тепло несуществующего солнца, но пальцы его гладили отполированную поверхность пола.

— Зачем, — протянул он с ленцой, — и зачем только нужно осваивать эти новые миры?

Ему казалось, что его слова тают в пустоте. Остальные молчали. Он продолжил.

— Нами жертвуют по разным соображениям. Кому нужны эти жертвы? Неужели на освоенных планетах нет места для людей, которые появятся на свет еще много веков спустя?

Молчание спутников было ему не по душе, он чувствовал в нем недоверие, затаенный страх. Такой вопрос не следовало задавать вслух. Он прекрасно сознавал это, а потому на последних словах сделал особое ударение.

— Все решает Бетельгейзе, — нарушил молчание Пейн. — Но так говорить не надо, малыш. Это может плохо кончиться.

— Я хочу знать, — возразил Алган, — просто-напросто знать. Я должен быть уверен в том, что моя деятельность принесет пользу кому-нибудь или чему-нибудь.

— Зачем тебе это, малыш? От тебя требуют

дела, вот и исполняй его! Разве все в жизни идет только на пользу чему-нибудь? Не мучай себя вопросами. Отвыкни от дурной привычки древнеплатонян.

Пейн смотрел на Алгана с сочувствием, взгляд его казался даже дружеским. «Неужели за этими светлыми глазами, — подумал Алган, — кроется холодная пустота, вызванная долгими годами жизни в космосе?» Он перевел взгляд на Сарлана. Молодой человек выглядел испуганным, хотя его лицо не скрывало восхищения Алганом.

Алган устроил ноги поудобнее на моховой кочке.

— В конце концов, какая разница, — спокойно заключил он. Его мысли были заняты Бетельгейзе, ее тайным могуществом, ее укрывшимся в тени правительством, которое держало в руках нити судеб времени и звезд.

С каждой попыткой разобраться в хитросплетениях структуры пространства люди все больше убеждались в ее бесконечной сложности. Начав с простых абстрактных идей, они пришли к столь сложным геометрическим построениям, что сами едва понимали их. Одним из основных понятий, на котором зиждалось понимание пространства, было понятие геодезической линии, то есть кратчайшей траектории, соединяющей две точки пространства. Но реальное пространство состоит из множества, если не из бесконечного числа геодезических линий. И, как предсказал в начале эры Освоения Берже, две точки в пространстве могут быть связаны несколькими линиями, каждая из которых по-своему самая короткая, поскольку позволяет пропустить определенное количество информации. Ради простоты можно сказать, что одни линии ко-

роче других, но, двигаясь по этим более коротким путям, твердые тела и сигналы претерпевают большие искажения, хотя это, казалось бы, противоречит реальному физическому миру. Некоторые кратчайшие геодезические линии, которые априори кажутся самыми выгодными, непроходимы для кораблей — к концу перелета они деформируются так, что это ведет к гибели экипажа.

Первые звездолеты двигались по траектории светового луча со скоростью, далекой от скорости света. Продолжительность путешествия предсказать было почти невозможно, темпоральные искажения были необычайно велики, хотя коэффициент физических искажений оставался почти нулевым и катастрофы происходили редко.

Но человечество двигалось вперед гигантскими шагами. Вскоре корабли достигли скоростей, близких к скорости света, и сразу возросли искажения. Была разработана теория геодезических линий пространства, и создан математический аппарат, позволявший рассчитать вероятность искажений и дать примерную оценку ожидаемых изменений твердых тел и сигналов, отправленных по новым траекториям.

Теперь корабли двинулись по внесветовым путям. Люди научились определять местонахождение в пространстве относительно к звездам и электромагнитным источникам излучения. Корабль мог с удовлетворительной точностью ориентироваться в подпространстве по предыдущим координатам, скорости и смене направлений полета. Вероятность аварий была сведена к нулю. Ее можно было не принимать в расчет, тем более, что кораблю угрожали другие, более страшные опасности. Самым слабым звеном оставались люди. Ностальгия и однообразие полета, помноженные

на чувство страха и одиночество, порождали нервозность, которая грозила гибелью всему кораблю. Психологи разработали условия, необходимые человеку в полете. Инженеры удовлетворили их требования. Выход был найден. Эпоха великих открытий и проектов требовала своих гениев. И она их нашла, выпестовала и использовала. Некоторые из них, подстегиваемые временем, обратились к стимуляторам, которые вдесятеро усилили отдачу их интеллекта, хотя и вдесятеро быстрее разрушали их организм. Но то была эпоха величия и страстей.

За века из нитей, соединявших звезды, сплелась единая ткань. Корабли, набитые первопроходцами с древних миров, отправились на новые планеты. Появились новые центры цивилизации. За несколько веков численность человечества невероятно возросла, но по сравнению с количеством потенциально обитаемых миров население Освоенной Галактики оставалось более чем скромным. Неизмеримо обширное, неподконтрольное пространство, окружавшее людей, породило космические мифы. Историки и социологи подчеркивали, что серьезные конфликты остались в прошлом. И война действительно теперь велась только с одним противником — с пространством.

Обрели воплощение некоторые утопические идеи. Наступило время многочисленных и изменчивых цивилизаций. Именно тогда были заложены основы пуританских миров. И именно тогда утвердилась власть Бетельгейзе, крепнувшая по мере того, как отступали границы Освоенной Галактики.

Одни считали, что таков естественный путь развития, другие говорили о случайности и приводили в доказательство статистически предсказуемые результаты, третья относили все на счет дея-

тельности одного или нескольких скрывающихся в тени людей.

И эти последние были недалеки от истины, хотя вряд ли сознавали это.

Жерг Алган открыл глаза. Легкий ветерок приятно холодил лицо. Ночь еще не кончилась. В небе сверкали звезды, и две рыжие луны чинно кружили одна вокруг другой. Издали доносились протяжные крики каких-то животных. Они рождали спокойствие в истерзанной душе.

Алган приподнялся на локте. В лесу царил мир. Мх казался влажным, хотя до утренней росы было еще далеко.

Вокруг никого, нет ни оборудования, ни палаток, ни людей. Он машинально ощупал землю вокруг в поисках оружия. Ничего. Даже охотничьего излучателя на поясе не оказалось.

— Куда же подевалось сафари? — проворчал он и тут с трудом припомнил, что произошло.

Накануне они весь день лазали по руинам, которые так хотел осмотреть человек с Бетельгейзе. Они даже рискнули забраться в запретный сектор, чтобы подстрелить пару животных-мутантов. В конце концов они выбрали для стоянки лужайку подальше от стойбища аборигенов, запах которых раздражал даже Алгана.

Издали донесся вой. Алган впервые слышал его. Что-то в этом лесу было не так. Может быть, лунный свет? Ведь над Даркией висит всего одна луна. Или его занесло в иные места? Разрозненные воспоминания путались в голове.

Он вскочил на ноги и сделал несколько шагов. На соседней койке спал человек. Алган склонился над ним. Лицо было незнакомым. Он никогда не

встречался с этим седым морщинистым стари-ком. Он поразился бледности его кожи, она была словно соткана из лунного света.

Две луны. В голове прояснилось. Значит, он находится не на Даркии.

Верно, он же в космосе.

Алган потряс спящего за плечо. В памяти проносились имена, знакомые лица.

— Где мое сафари? — крикнул он в лицо разбуженному незнакомцу и, не надеясь на ответ, охватив голову руками, опустился на край койки.

— Нет, — повторял он, — нет.

К горлу подкатывало что-то вязкое, глаза недобро вспыхнули. Наружу рвался гнев, и не только гнев, а что-то пострашнее.

— Ну-ну, малыш, не заводись, — голос у Пейна был сонный. — Мы всего два месяца в космосе и вскоре прибудем на Эльсинор.

— Я был вне... — пробормотал Алган. — Я был в лесу. И мне казалось, что я никуда не улетал.

— Знаю, — успокоил его Пейн. — Такое случается со многими. Я сам очень долго видел в снах родной город. Красивый гордый город, выросший на алебастрово-белой скале в мире, который вы никогда не увидите и куда я никогда не вернусь, ведь он находится на другом конце Освоенной Галактики. Я жил там свободным человеком, и этого здесь никому не понять. Какая разница. Как говорится в пословице, миры мелькают, а люди приходят и уходят. Давайте разбудим Ногаро и пойдем перекусим.

У Ногаро, худощавого молчаливого брюнета с острыми чертами лица и глубоко запавшими глазами, были на удивление длинные пальцы. В его движениях ощущалась не столько сила, сколько ловкость и быстрота. На всякой древней планете,

в древних городах, где полиция невезде суща, он прослыл бы опасным человеком.

Ногаро жил в одном блоке с Пейном и Алганом. Он никого ни о чем не расспрашивал, ничего никому не говорил и только безмолвно кивал головой. Видно, он знал о космосе не меньше Пейна, хотя и выглядел куда моложе его.

Экипаж звездолета относился к Ногаро настороженно. И Алган знал, что Ногаро имеет доступ в некоторые помещения корабля, куда первопроходцам вход воспрещен.

В столовой Алган стал выпытывать у Пейна, что тому известно об Эльсиноре, и краем глаза наблюдал за Ногаро. До сих пор Пейн говорил о планетах пуритан лишь намеками.

— Увидите сами, когда приземлимся, — отманивался Пейн. — Все, что могу вам сказать, — вид у города препечальный, жители носят странные маски. Вы получите такую же, покидая корабль. Но торговцы они отменные.

— Послушайте, Пейн, — не отставал от него Алган. — Неужели никому не удалось вырваться из лап полиции? Неужели никто ни разу не смог удрать на родную планету?

— А зачем? — удивился Пейн. — Только жителям древних городов может прийти в голову такая мысль. Жизнь в космосе имеет свои хорошие и плохие стороны. Но ведь и на планете она не сплошной праздник. Бетельгейзе лучше знает, что вам больше подходит.

— Вы в этом уверены? — вступил в разговор Ногаро.

— Простите? — удивленно воскликнул Пейн.

— Я спросил вас, откуда у вас уверенность в том, что Бетельгейзе лучше знает, что вам больше подходит?

Низкий голос Ногаро звучал глуховато, словно доносился издалека, отражаясь от многочисленных стен и просачиваясь сквозь невидимые трещины.

Алган наклонился вперед и даже перестал жевать.

— Не знаю, — медленно протянул Пейн. — Я простой матрос. Я шатаюсь по космосу и старею. Люди на Бетельгейзе принимают решения. Я не знаю, хороши они для меня или нет. Если мне велят отправиться на новую планету и расчистить ее, я не спорю. Мне не важно, кто ее заселит, что там будет расти, я делаю дело, раз мне приказали. Так делаю я, так делал мой отец. Мы не чувствуем привязанности к какой-то одной планете. Мы свободные люди, а потому прыгаем с одной планеты на другую.

— Хорошо, — усмехнулся Ногаро, обнажив длинные зубы. — А вы, Алган? Что вы думаете по этому поводу? Как вы относитесь к политике Бетельгейзе?

Алган уперся ладонями в стол и глубоко вздохнул.

— Я ненавижу Бетельгейзе, — с расстановкой, но достаточно громко, чтобы его слышали за соседними столиками, прошел он. — Я ненавижу все, что исходит от Бетельгейзе, и у меня нет никакого доверия к ее политике.

Все взгляды обратились в его сторону. Вокруг воцарилась тишина.

— А можно узнать почему? — осведомился Ногаро.

— Я родом из древнего Дарка, — ответил Алган, — и не скрываю этого. Я — человек города и требую лишь одного: оставьте меня в покое. Зачем покорять новые миры, когда мы не в силах освоить те, которые подготовили наши предки?

Люди за соседними столиками внимательно прислушивались к разговору. Одни глядели на Алгана со страхом и отвращением, в глазах других читалось нескрываемое восхищение.

— Это длинный разговор, — перебил его Ногаро. — Мы поговорим об этом, но не сейчас и не здесь. Мы должны быть могущественны, Алган, очень могущественны. Я тоже родом с древней планеты и знаю, как относятся к таким, как вы. Мы оба чудаки в этом мире, хотя наше отчуждение вызвано разными причинами. Может быть, наши странности взаимно дополнят друг друга.

— Да будет так, — произнес Алган, невольно вспомнив мимолетные дружеские связи, которые неожиданно возникали у него на древней Даркии.

Ногаро был человеком удивительным. Он до тонкостей знал историю Освоенной Галактики, в его памяти хранилось множество рассказов, относящихся к любому из составлявших ее миров. Казалось, он избороздил все пространство и существует с незапамятных времен. В отличие от Пейна, который нередко пересказывал одно и то же, Ногаро поражал разнообразием знаний. У него накопился невероятный опыт. Но страстью его, похоже, было освоение космоса. Ногаро говорил о мирах, словно о крохотных молекулах, перемещающихся в ограниченном пространстве. «Он сумасшедший, — повторял про себя Алган, — сумасшедший потому, что ему довелось созерцать нечто необъятное, но его существование величественно и заразительно». Ногаро особенно увлекала проблема разнообразия населяющих Галактику рас. В своих странствиях он встречал их множество. И все они имели общие черты. Эта странная общ-

ность так поразила Ногаро, что он задался целью открыть совершенно иную расу, отличную от человеческой. Легенды, ходившие среди звездоплавателей, крепили его уверенность в том, что такая раса существует. Он осаждал вопросами всех, кто забирался в неизведанные края.

От Ногаро Алган узнал, что Освоенная Галактика отнюдь не была монолитной — власть Бетельгейзе оспаривали. У нее имелись противники, и расстояния обостряли борьбу. Правда, Бетельгейзе умела выжидать. Мятежники исчезали, а пурпурная звезда по-прежнему продолжала светить. Бетельгейзе владела временем и знаниями.

Она, утверждал Ногаро, похожа на паука, который из центра гигантской паутины ощущает малейшее содрогание в каждой ячейке своей сети, но никогда не нападает. В сознании собственного старшинства и силы она выжидает до тех пор, пока мятежник не сможет щелкнуться в подготовленной для него западне. По словам Ногаро, бывшего в курсе всех слухов, ходивших в Освоенной Галактике, это был непогрешимый паук, ибо он был бессмертным самообучающимся созданием — комплексом громадных машин, которые в своих бетонных убежищах писали историю планет в полном соответствии со своей неумолимой логикой. И люди соглашались с властью холодных, бесстрастных машин, лишенных человеческих амбиций и воображения, которые нередко заводили человека в дебри пустых замыслов. Люди принимали их власть, как принимают реки и горы, и даже уважали их, ибо машины эти сотворил человек, хотя и в незапамятные, почти мифические времена.

«А что, если все это ложь? — часто думал Алган. — Может, вся Бетельгейзе была чудовищной

ложью, а за машинами скрывалась какая-нибудь могущественная династия, сумевшая обеспечить себе многовековую власть под защитой мощных стен пространства и глубочайших рвов времени?»

«Какое место занимает в этой паучьей сети Ногаро? — спрашивал себя Алган. — И какое место занимаю я? И все те, кто живет, покоряет, осваивает миры и умирает, не зная, в чем смысл их дел, и прыгая с клетки на клетку по космической шахматной доске?»

Какое место занимал наивный Пейн? Какое — циничный Ногаро, с холодными, хитрыми глазами, расчетливой молчаливостью, отточенной речью? Какое — Жерг Алган, человек с древней планеты, представитель миров, обращенных скорее к прошлому, нежели к будущему, которые упиваются запыленной славой и не желают слышать о грядущих победах?

Или для них не было места? Может, они были лишними? Золой, пеплом неукротимого человеческого пламени, пожиравшего пространство?

Последние дни путешествия перед посадкой на Эльсинор Алган провел в библиотеке, но ни книги, ни магнитные записи, ни фильмы не дали ему новых знаний. Может, мир был устроен очень просто и Алган ненавидел его именно за это? Или имелась скрытая сторона, тайная действительность, которую следовало открыть и которая была истинной реальностью или ее фрагментом.

Но скорее всего, никто в Освоенной Галактике не ведал истины. Алган был недоверчив по натуре, и, слушая записи, читая книги и просматривая фильмы, он, словно охотник, крадущийся за неизвестным и, похоже, опасным зверем, особым чутьем угадывал неведомый след. Он шел вперед, никого не видя, но зная, что и человек, и зверь

умеют ходить тихо, не касаясь веток, не всколыхнув воздуха, не оставляя следа.

А может, Ногаро прав? Может, спасение принесет иная, отличная от нас раса, которая обогатит нас своим опытом? А если она, эта иная раса, принесет гибель и разрушение?

По мере приближения к Эльсинору у Алгана пробуждался все больший интерес к планетам пуритан. Он почти ничего не знал о них, ему были известны лишь легенды, услышанные в притонах Дарка. Об этих планетах рассказывали мрачные истории, они пользовались худой славой, но никаких достоверных сведений ему раздобыть не удалось. События теряют остроту, когда рассказ о них пересекает бездны времени и пространства. Преемственность традиций невозможна, когда каждый изолирован в своем собственном времени. А звездоплаватели не любят говорить о минувших делах. Бывают на редкость словоохотливые первопроходцы, но им мало что известно. И Бетельгейзе предпочитает, чтобы так и было. Бетельгейзе стремится быть единственным связующим звеном между разными мирами.

Триста лет назад по локальному времени, когда первопроходцы высадились на планеты, которые впоследствии стали пуританскими, они столкнулись с суровой враждебной природой. Она оказала влияние на характер поселенцев. Кроме того, они были первыми представителями подлинной галактической цивилизации. До них освоение велось людьми, чтившими старые традиции и любившими родной мир. Эти планеты обживали зрелые люди, большую часть отведенных им лет проведшие на борту тихоходных звездолетов, бороздивших неисследованные просторы Галактики. Они привыкли к темпоральным искажениям и не могли

представить себе мир, который бы не знал этих искажений, где время было бы стабильным. На исходных планетах они ощущали себя чужаками, ибо были современниками тех людей, которые умерли век, а то и два века назад. Они искали новый мир, в котором время обрело бы новую ценность, где жизнь зависела бы не от современников, а от будущих поколений. Они отыскали десять планет, вращавшихся вокруг соседних звезд, и создали там свою цивилизацию.

Позже в космосе возникли и другие сообщества. Реакция на окружающую среду, положившая начало миру пуритан, лишилась смысла, ибо образ мышления изменился. А пуританские миры, бастиды древней традиции, единственной, которая существовала в Освоенной Галактике наряду с традицией Бетельгейзе, выжили, сохранив особую организацию и суровую мораль, а также странные, чуждые для инородцев обычай. Космопорты, возведенные Бетельгейзе, существовали и на планетах пуритан, но здесь, как и на древних планетах, их едва терпели. Порожденные пространством, пуритане ощущали его воздействие и с подозрением относились ко всему новому, что могло поколебать сложившийся порядок...

4. Миры пуритан

На вратах космопорта ярко блестело звонкое слово «Эльсинор». Это легкое и певучее имя пришло из древних времен, его окружала поэзия мифов, волнующая, смутная память о былом.

Сразу за высокими бронзовыми вратами начались окраины города — вначале Алган увидел лишь море крыш со змеящимися щелями улочек.

Но присмотревшись, он различил вдали громаду нового города.

Алган несколько дней мог полностью располагать собой: ему разрешалось ходить где угодно, нельзя было только покидать планету. Он знал, правительство Бетельгейзе не беспокоилось за своих первопроходцев; оно понимало, что жизни на этой планете они предпочтут жизнь на звездолете: пуритан не любили.

Алган натянул черные перчатки и надел мрачную маску, скрывающую от постороннего взгляда рот, уши и нос. Тончайшая ткань пропускала звуки, воздух и запахи. Открытыми оставались лишь глаза и лоб.

Алгана предупредили, что на Эльсиноре ношение маски обязательно. Открытое лицо здесь приравнивалось к тяжкому публичному оскорблению как сознательное нарушение пристойности. Виновнику грозила серьезная кара, даже если его защищала всесильная администрация Бетельгейзе.

Алган бродил по старым улочкам, где уже давно не ходил транспорт, разглядывал растрескавшиеся белые стены зданий, за которыми таялась тихая, едва приметная жизнь. Ему здесь нравилось. Он ощущал сходство с древним укладом, и, хотя пуритане осуждали образ жизни на старых планетах, он подмечал в городе те же следы развития и упадка, что и в Дарке.

Он вспоминал слова Ногаро, который сказал ему перед самым выходом из звездолета: «Мирьи пуритан одержими страхом состариться, и этот страх столь велик, что они изначально взвалили себе на плечи груз долгих прожитых лет». Бродя по городу, он понял, как справедливы слова Ногаро. Пуритане стремились создать вечную цивилизацию, они замыслили ее как жесткую систему, а

потому с самого ее рождения над ней повисло проклятье, ее уделом был повсеместный склероз.

Пуритане занимались торговлей. Им удавалось первыми завладеть всем, что было ценного на новых планетах, а потом с выгодой перепродать добывное. В их портах можно было найти любые товары, имевшие хождение в Освоенной Галактике.

Улицы становились оживленней. Все чаще встречались полные достоинства фигуры в одеждах из черного или синего бархата — в зависимости от ранга или должности владельца, на их масках сверкали драгоценные камни. Прилавки магазинчиков, несмотря на строгость здешних нравов, ломились от самых разных товаров — стариинной резной утвари с Атлана, шелковистых, невесомых мехов Альдрагора, изделий аборигенов, цветастых шалей, стеклянных шаров, внутри которых, как в калейдоскопе, сменяли друг друга многомерные изображения, бронзовых табличек с непонятными символами, причудливейших форм и цветов кристаллов.

Богатства Освоенной Галактики были неисчислимые, и все, что было лучшего, продавалось на Эльсиноре.

Жерг Алган чувствовал себя здесь особенно одиноким. Листал ли он древние книги или любовался мягчайшими тканями, его не покидало ощущение одиночества, которого прежде он не испытывал. Впервые в жизни он попал в другой мир, а рядом не было ни друга, ни даже проводника, который помог бы ему найти верный путь, а в случае надобности и встать на защиту. К тому же он утратил свободу.

Он отбросил ткань на прилавок к великому огорчению торговца — даже безликая маска не

скрыла жадного блеска его глаз. Скупость у пуритан считалась добродетелью, ее относили к числу достоинств, в то время как высокие человеческие чувства считались пороками.

Среди груды многоцветных тканей и роскошных фолиантов в парчовых переплетах Алган заметил старинную шахматную доску. Он сдвинул в сторону легкие ткани и стал внимательно рассматривать ее. Шестьдесят четыре клетки, казалось, были сделаны из дерева двух пород — темно-синего, как ночь, и нежно-розового, будто кожа юной девушки; так выглядели многие доски, но эта отличалась тончайшими гравюрами, выполненными на каждой клетке. Именно эти рисунки и привлекли внимание Алгана.

Они поражали тонкостью проработки каждой детали. Вряд ли их могла выполнить человеческая рука. Рисунки были едва различимы, так что, вероятно, сделаны были не для украшения. К тому же они не имели никакого отношения к игре в шахматы. Это заинтриговало Алгана. Он вспомнил, что когда-то слышал о чем-то подобном. Эти символы относились к какой-то древней науке, вернее, религии... Нет, скорее, к суеверию, оно носило название астрологии. Некоторые из знаков напоминали изображения созвездий. Эти рисунки были известны с незапамятных времен, когда люди еще верили, что их судьбы начертаны на небосводе.

Некоторые знаки представляли собой сложные геометрические фигуры или изображали фантастических существ, чуждых человеческой мифологии. Эти рисунки тоже не имели никакого отношения к шахматам. Кое-какие из них напоминали магические квадраты, которые любили рисовать художники и граверы глубочайшей древности.

Алган кончиками пальцев погладил полированную поверхность доски. Похоже, ее изготовили не из дерева, а из какого-то другого материала с более тонкой структурой, а потому она отличалась необычной игрой света на темных и светлых клетках.

Алгана удивили и размеры доски. Ее можно было накрыть двумя ладонями. Он решил, что доска принадлежала какому-нибудь звездоплавателю, случайно попавшему на эту планету, и столь же случайно в результате обмена или кражи перешла в руки торговца. Он сделал знак владельцу лавки, и тот поспешил подошел.

— Откуда эта доска? — небрежным тоном осведомился Алган.

— Это очень древняя вещь, — поспешил отозвался торговец. Глазки его хищно блеснули. — Очень древняя вещь. Ей, наверно, тысяча лет, а может, и десять тысяч. Вы коллекционер?

— Не может ей быть десять тысяч лет! — возмутился Алган. — Освоение-то космоса когда началось? Чем вы можете подтвердить ее древнее происхождение? Хотите обманом подсунуть мне залежалый товар?

Алган говорил все это, но сам не верил своим словам. Он знал, честность — отличительная черта пуританских торговцев. Пуританин никогда не станет расхваливать несуществующие качества своих товаров, хотя, случалось, и забудет упомянуть об их недостатках.

— Эта доска старше всех нас, вместе взятых, — торговец погладил маску на лице. — Она старше этого города. Поверьте мне. Никто не знает, когда ее сделали. Доска может стоить целое сoggование. Но я вынужден расстаться с ней. Дела идут из рук вон плохо.

— Что так? — усмехнулся Алган. — И сколько вы за нее просите?

— Не будем говорить о цене. По крайней мере пока. Мы оба любим красивые старинные вещи. Присмотритесь. Вы можете сказать, из чего она сделана? Ходит немало древних легенд...

— О легендах поговорим потом. А где фигуры? Торговец с подозрением посмотрел на него.

— Фигуры? — переспросил он. — К этим шахматным доскам фигур не полагается. Я принял вас за знатока. Вы обратили внимание на рисунки?

— А как же играть?

— Не знаю. Я уже говорил, что доска старинная, происхождение ее неизвестно. Никто не знает, как играть на этих досках. Они существовали еще до того, как человек научился передвигать фигуры по шестидесяти четырем клеткам.

— Как она попала к вам?

— Если не ошибаюсь, ее принес мне на продажу какой-то звездоплаватель. Он прибыл с границ Освоенной Галактики. Не знаю, где он раздобыл эту доску. Он мне этого не сказал. Но, известно, что это очень древняя вещь. Ее древность не вызывает сомнений. Такие доски появились задолго до человека.

— Значит, в Галактике и до человека существовали цивилизации?

Торговец окунул Алгана печальным взглядом.

— Что мне ответить? Я знаю не больше вашего. Первопроходцы, те, кто были моими и вашими предками, встречались в разных местах с разумными расами, и гуманоидными и нет, но все они стояли на довольно низкой ступени развития и еще не покидали своих планет. Но я верю... верю, что мы не были первыми, кто опустился на поверх-

ность некоторых планет. Думаю, кто-то наблюдает за нами. Ждет нас. Может, эти шахматные доски — дело рук неизвестной расы.

— Какой? — сухо спросил Алган.

— Кому это ведомо? Во всяком случае, не бедному эльсинорскому торговцу, который лишь трижды покидал родную планету. Но рассказывают разные и весьма престранные истории.

— Что это за истории?

— Я не имею права говорить об этом. Это запретная тема. Однако я вижу, вы дружески настроены и дадите мне за эту древнюю вещицу хорошую цену.

— Договорились!

— Идите за мной, — сказал торговец.

Алган бросил взгляд вокруг. Оживленная толпа осаждала прилавки, по улицам бесшумно скользили длинные черные машины. Но все происходило в абсолютной тишине, от которой становилось не по себе; темные одежды и маски придавали городу зловещий вид.

Алган проскользнул в низкую дверь лавочки; заднее помещение оказалось складом, где навалом лежали бесценные товары — легкие красочные ткани, невесомые меха, изысканные металлические изделия.

Торговец опустился на груду мехов, а Алгану указал на высокое кожаное кресло. Глаза Алгана быстро привыкли к скромному свету, и он с любопытством огляделся.

— Вижу, мое заведение вам по душе, — проговорил торговец. — Это радует мое сердце.

Он наклонился к Алгану и с улыбкой спросил:

— Вы когда-нибудь пробовали зотл?

— Я только слыхал о таком напитке, — вздохнул Алган. — А ведь у пуритан...

— Пуритане — народ предусмотрительный. Вы, наверно, слыхали пословицу: «Для тех, кто не переступает порог, важен лишь фасад». Это старая пословица. Вы согласны с ней?

Торговец взял с полки корень и сунул в машинку для выжимания сока, имевшую вид обычной статуэтки. Он подождал, пока корень обесцветится, а сок стечет в сосуд. Затем перелил его в два высоких серебряных бокала.

— Подождите, — сказал он. — Не пейте все разом. Я хочу вам кое-что показать. Я знаю, что могу вам довериться.

Голос торговца изменился. Исчезли любезность и угодливость, зазвучали стальные нотки. Торговец ждал, что ему подчинятся, а Алгану было любопытно узнать, что последует дальше.

— Положите доску на колени. Теперь разместите пальцы правой руки по клеткам, безразлично каким. Каждый палец должен лежать на отдельной клетке. Эльсинор посещают самые разные люди. Обычно нам доверяют, известно, наша честность вне подозрений. Наши обычаи, как это ни прискорбно, не всем по душе, а наша нетерпимость — тем более. И тем не менее инородцы доверяют нам, а в космосе это случается нечасто, поверьте мне. Вот почему нам рассказывают то, о чем не осмелились бы поведать нигде, чего не знает даже заносчивая Бетельгейзе. Вы не любите Бетельгейзе, и не надо меня уверять в обратном. По вашей одежде я сразу определил, что вы первопроходец и прибыли с древней планеты, а как набирают на них людей, когда центральному правительству не хватает рук, мне доподлинно известно. У нас тоже есть причины не любить Бетельгейзе. Уже более трех веков цивилизация пуритан ограничена десятью мирами, хотя в Галактике множество неос-

военных планет. Бетельгейзе нуждается в наших людях, но не желает распространения пуритан. Вот почему мы внимательно выслушиваем путешественников в надежде наткнуться на какую-нибудь тайну, которая даст нам хотя бы тень превосходства над Бетельгейзе. Однажды мы найдем ее. К примеру, нам известно, что на некоторых планетах существуют руины построек, которые были воздвигнуты задолго до появления человека.

Он замолчал, и его желтые, глубоко посаженные глазки впились в невозмутимые глаза Алгана.

— Это вас не удивляет? — спросил он.

— Я уже слыхал о чем-то подобном, — ответил Алган.

— Возможно. А быть может, вы умело скрываете свои чувства? Может, не стоило доверяться вам? Впрочем, какая разница? Вы ненавидите Бетельгейзе не меньше нашего. Слушайте меня внимательно. Экспедициями обнаружены руины колossalных зданий на планетах, расположенных на границе Освоенной Галактики. К сожалению, ни одна из этих экспедиций не вернулась.

— Несчастный случай? — без видимого удивления поинтересовался Алган.

— Кто знает?.. Экспедиции просто-напросто исчезли. Не исключено, что их уничтожили. Так считает Бетельгейзе. А может, они и не погибли.

— Куда же они делись?

— Представьте на мгновенье, что эти руины своего рода двери в параллельные миры; люди, сами того не зная, переступили порог иных измерений и не смогли оттуда вернуться.

— Абсурд!

— Несомненно, — кивнул торговец, — несомненно. Но один или два человека возвратились. Много лет спустя. Окольными путями и под другими име-

нами. Они скрылись от вездесущей Бетельгейзе, хотя клялись ей в верности. Их отыскали мы. Они имели кое-что на продажу, а потому явились к нам.

— Что же с ними там стряслось?

— Ничего. Не думайте, что я пытаюсь скрыть от вас истину, но с ними там действительно ничего не случилось. Их рассказы, на удивление, схожи. Они оставались охранять лагерь. Но за ними никто не возвращался. И они удирали оттуда, прихватив из лагеря самое ценное, в том числе и фотографии. Эти фотографии у нас. Руины существуют.

— Допустим. Но какова их связь с этими шахматными досками и почему вы мне рассказываете все это?

Черная шелковая маска торговца заколыхалась, и Алган понял, что тот улыбается.

— Поставьте пальцы на клетки. Каждый палец на отдельную. Вот так. А теперь выпейте зотл.

Алган приподнял низ маски и медленно выпил содержимое бокала. Его сердце раздирала остшая тоска по дому. Но тут словно во сне он увидел серую пустыню под низким зеленым небом, подвижные радужные скалы. Он посмотрел под ноги, и ему показалось, что он пешка на белой клетке и стоит посреди доски, не видя ее границ. Он почувствовал, что его увлекает какая-то невидимая сила. Затем клетки дрогнули и стали расти. Небо потемнело, появились звезды, он как бы повис над зеленеющей долиной, а потом плавно опустился на шелковистую траву.

Трава доходила ему до плеч, но, осмотревшись, он тут же забыл о ней — под багровым небом с яркой голубой звездой в зените сверкали черные отполированные стены. Вернее, всего одна стена. Он закричал. Стена качнулась, нависла над ним и

стала медленно оседать. Этот гладкий монолит был слишком велик, чтобы быть творением рук человека. Черная стена стояла не отвесно, а с наклоном, она нависала над местом приземления Алгана, отчего в первый момент ему показалось, что громада рушится прямо на него.

Алган поднял глаза к небу, пытаясь определить тип солнца, как вдруг почувствовал тяжесть в руке. Он заморгал и увидел перед собой маску торговца.

— Что это? — спросил он, даже не поставив бокал на стол.

— Откуда мне знать? Ведь я не был с вами,— ответил торговец.

— Вы знали, что произойдет со мной. Вы не случайно велели мне положить руку на доску и выпить зотла.

— Теперь вам известно столько же, сколько мне,— сказал торговец.— Уверен, что это место существует в действительности и стена там падет вот уже многие тысячелетия. Какое солнце светит в тех небесах — голубое, красное или желтое?

— Гигантское голубое солнце,— ответил Алган.

— Наиболее частый случай. В этих видениях вообще многое меняется. Растительность, цвет небес, солнца, но всегда остаются неизменными стены. На всех мирах, которые открываются взору при совместном воздействии доски и зотла, стоят колossalные цитадели. Кто знает, какие сокровища они охраняют.

— Или оружие,— вставил Алган.

Они помолчали, изучающе глядя друг на друга.

— Иллюзия,— наконец медленно проговорил Алган.

— Несомненно,— подтвердил торговец,— несомненно. Но убедительная иллюзия.

— Кто направлял туда исследовательские экспедиции?

— Бетельгейзе,— ответил торговец.— Корабли и специалисты имеются лишь в распоряжении Бетельгейзе. Вам известно, сколь редки знающие люди. И все же, как видите, нам кое-что удалось узнатъ. Скажу, даже многое.

— А теперь,— спросил Алган, испытывая неловкость,— сознайтесь, почему вы рассказали все это именно мне?

Глазки торговца превратились в щелочки.

— Вас привлекла шахматная доска. Я подумал, что это вам интересно. Разве я не прав?

— Правы,— ответил Алган.— Но это только часть истины.

— Мы, пуритане, любим рассказывать разные истории,— усмехнулся торговец.— Но любим и слушать. Представьте, что вам доведется увидеть что-нибудь любопытное. К примеру, ту же черную наклонную стену. Можете быть уверены, мы дадим за ваш рассказ хорошую цену.

— Я самый обычный первопроходец,— сказал Алган. Ему не хотелось давать своего согласия. Он не слишком верил в искренность торговца и боялся попасть в скверную историю.— Не ведаю даже, куда мы направляемся. Вряд ли я буду вам полезен.

— Кто знает? — возразил торговец. Он часто заморгал, словно давая знак какому-то невидимому наблюдателю.— Кто что может знать? Вдруг завтра вы будете свободно путешествовать среди звезд? Просто не забывайте о нашем существовании.

— Постараюсь,— нехотя ответил Алган.— А сколько вы просите за эту доску?

— Ничего,— голос торговца стал глух, словно

он упрекал сам себя за несвойственную ему щедрость, что, впрочем, было не так уж далеко от истины.

— Ничего,— повторил он.— Это подарок.

«Положение куда запутанней, чем кажется с первого взгляда»,— размышлял Алган, продолжая свой путь по улицам города.

Ногаро был прав почти во всем. Освоенная Галактика в самом деле напоминала кислое тесто, разбухавшее и расплывавшееся в разные стороны на дрожжах личных амбиций. И кто знает, может, в самом деле, чтобы опрокинуть Бетельгейзе, было достаточно легкого толчка. Эта мысль понравилась Жергу Алгану.

Его удивлял интерес, который проявляли к не-гуманоидным расам Ногаро и торговец. Они знали некоторую часть загадки, о которой он, Алган, пока имел лишь смутное представление. Возможно, эта часть имела отношение к слабым сторонам власти Бетельгейзе над Галактикой. И пуритане надеялись, что черные цитадели дадут им в руки верное оружие против Бетельгейзе. Несомненно, пуритане знали больше, чем рассказал торговец. «А какую роль отводят мне, Жергу Алгану, на этой необъятной сцене?» — спрашивал себя Алган, ощущая гладкую поверхность доски.

Но не находил ответа.

Любое предположение заводило в тупик.

Можно было подумать, что Эльсинор населяют тени. По улицам города сновали темные маски и длинные плащи, скрывавшие их владельцев. В оживлении, царившем на улицах, чувствовалась какая-то мимолетность, словно эльсинорцы в своем

желании походить на бесполых призраков превратились в пугливых фантомов. В зеркальных стеклах машин, бесшумно проносившихся по улицам, отражались лишь темные силуэты прохожих. Машины походили на катафалки, даже хромированные детали подчеркивали их мрачность.

Здесь никто не носил оружия. Эльсинор был миром стойких традиций. Алган знал, что прежде их придерживались и в Дарке, и с тоской в сердце сознавал, что нынешний Дарк их утратил.

Новый город поразил Алгана. Ему вдруг открылось, что Дарк был городом прошлого, обретенным на медленное умирание. Белые и черные громады зданий выглядели здесь особенно величественно, а башня космопорта Даркии была карликом по сравнению с устремленными в небо башнями Эльсинора.

Но в самом городе царило уныние. Это был холодный город, населенный тенями, не помнившими о своем человеческом происхождении. Они шептали, а не говорили, скользили вдоль стен, едва постукивая каблуками по мостовой, а не ходили. Город был окутан саваном собственного безмолвия, как тысячи лиц — темной чадрой масок.

Первые пуритане считали, что человек всегда должен ощущать свое одиночество перед лицом огромного мира, а рассчитывать только на самого себя и на строгие математические законы, обеспечивающие ему выживание и защиту. Человек пространства перестает быть человеком определенной эпохи или мира. Его следует отделить от окружения, личность должна стать взаимозаменяемой. Она должна утратить свои индивидуальные черты, стать невидимой и неуловимой.

Нескольких веков хватило, чтобы человек на планетах пуритан стал таким. Тот, кто покидал

Эльсинор и возвращался на него век спустя, не находил никаких изменений. Улицы походили одна на другую, дыхание Времени не касалось белых и черных фасадов. Возможно, люди и менялись, но маски надежно хранили их тайну.

Алгану вспомнились мужчины и женщины Даркии, их громкие, звучные голоса, их красочные одежды. Здесь же среди прохожих он с трудом отличал женщин от мужчин, разве что порой под просторными складками черного плаща угадывалась кошачья гибкость женского тела.

«Неужели этому миру принадлежит будущее?» — спрашивал себя Алган, разглядывая однообразные слепые фасады домов, которые так разительно отличались от привычных ему играющих светом окон и сумраком штор, приоткрытых, словно веки гостеприимных, радостных глаз. Он с яростью сжимал руки в черных перчатках. Его губы дрожали от тоски под легким шелком маски.

А может, из глубин пространства грядет иное будущее? Будущее, рожденное на невероятно древних планетах. Или этому будущему только суждено родиться на юных мирах?

«Этого никто не знает», — думал Алган, шагая по улицам Эльсинора и пытаясь соразмерить свой шаг с походкой эльсинорцев.

На его плечо опустилась чья-то рука. Он мгновенно обернулся, инстинктивно схватившись за пояс, где обычно висело оружие.

— Вижу, вы интересуетесь стариной и рассказами торговцев, — услышал он насмешливый голос Ногаро, приглушенный маской.

— Откуда вам это известно? — резко спросил Алган.

— Не все ли равно. Ветер немало доносит до моих ушей. Видели ли вы крыши Эльсинора? По-

верьте, это зрелище достойно внимания всякого, кто прилетел сюда. Пойдемте. У меня есть к вам небольшой разговор.

Ногаро подхватил Алгана под руку и увлек за собой. Они миновали портик гигантского здания и прошли анфиладой белых залов, где сновало множество людей в масках. В конце длинного коридора Алган заметил спираль, которая словно вращалась вокруг собственной оси. Ступив на нее, он понял, что это эскалатор.

— Не стоит пересказывать то, что вам наговорил торговец,— начал Ногаро.— Все это известные вещи.

Алган повернулся к Ногаро.

— Есть ли в этих историях хоть крупица правды? — не выдержал он.— Неужели в Галактике существует цивилизация более древняя, чем человеческая?

— Хотелось бы верить в это,— уклонился от прямого ответа Ногаро.

— Какую роль играют шахматная доска и зотл?

— Трудно сказать. Полагают, что шахматная доска является носителем информации, которую можно считать с помощью зотла.

— А исчезнувшие экспедиции?

— Все, что сказал торговец, сущая правда. Он ошибается только в отношении Бетельгейзе. Бетельгейзе знает ровно столько же, не больше и не меньше. Но, как и торговцы, Бетельгейзе стремится получить новые сведения. Возможно, их доставите вы. Как знать?

— Я же обычный первопроходец. Мне даже не известно, где я окажусь завтра.

— Пути людей неисповедимы,— усмехнулся Ногаро.— Может, завтра вы будете свободно путеше-

ствовать среди звезд или возглавите новую экспедицию...

Алган внутренне сжался.

— Торговец мне уже предлагал это,— медленно процедил он.— Теперь настала ваша очередь. Выходит, я меньше других осведомлен о собственном будущем.

— Случается и так,— отрезал Ногаро.— И Бетельгейзе, и торговцы строят на ваш счет определенные планы.

Алган задумался. Спираль донесла их почти до самого верха. Он поднял голову и увидел над собой прозрачный купол. В небе проносились черные точки звездолетов.

— Может случиться,— продолжил Ногаро,— что Бетельгейзе предоставит вам быстроходное судно. Или небольшой кораблик. К примеру, одноместный исследовательский катер. Тогда вы сможете посетить отдаленные планеты, где есть черные цитадели. Но, поскольку Бетельгейзе не хотелось бы, чтобы об этом знали другие, вам, к примеру, придется захватить подходящий корабль в каком-нибудь космопорте. Ну хотя бы на Эльсиноре. Такое бывало. Все пройдет как по маслу. Власти порта проявляют в таких случаях удивительную небрежность. Вы отправитесь в путь на похищенном корабле, а через некоторое время привезете интересующие нас сведения. И тогда между Бетельгейзе и пуританами разгорится долгая-предолгая борьба за вашу персону. Вы меня понимаете?

— Начинаю понимать,— кивнул Алган.— Но почему выбор пал именно на меня? И почему пуритане сообщают мне сведения, которые пойдут на пользу Бетельгейз?

— Все трудности проис текают именно из этого. И для Бетельгейзе, и для пуритан вы лишь пешка

в игре. Но, как только на вас ставит один лагерь, вами вынужден заниматься и другой. К тому же вы питаете ненависть и к Бетельгейзе, и к пуританам. Вам ненавистен весь современный мир. Вам хочется отыскать в безднах пространства что-то такое, что поможет вам уничтожить сложившийся уклад жизни. Вы с такой страстью ищете подходящего случая, что он предоставляется именно вам. Бетельгейзе, как и пуритане, надеется с вашей помощью найти оружие в борьбе со своим могущественным противником, Бетельгейзе желает раздать пуритан, а их десять планет — опрокинуть центральное правительство. Сведения, которые сообщил вам торговец, ровным счетом ничего не стоят. Бетельгейзе все это известно. Торговец просто хотел завоевать ваше доверие.

Они стояли под куполом. Город внизу напоминал черно-белые костяшки домино на плоском столе. Над космопортом пузатым жуком кружил громадный звездолет с гербом Бетельгейзе на борту. Небо перечеркнул след стартовавшего корабля.

— Значит, пространство недостаточно обширно для мирного сосуществования Бетельгейзе и пуритан? — спросил Алган.

— Увы, — вздохнул Ногаро. — Вернее, оно слишком обширно, но слишком мало людей, чтобы одна из держав допустила раздел. Все может измениться, если человек встретит могущественного союзника. Но пока он никого не встретил, кроме полу-примитивных рас, ошибок Истории или Времени.

— Но кто вы такой? — спросил Алган. — Откуда знаете все это? На кого работаете? Или вы сами по себе?

— Нет. — Ногаро отвернулся, его глаза скользнули по крышам города. — Пора быть откровенным. Друг мой, я представляю Бетельгейзе.

5. Все звезды неба

«В ночном небе Эльсинора блестят все звезды мира,— думал Алган,— и трудно поверить, что такие же раскаленные шары, вокруг которых кружат, быть может, обитаемые планеты, сияют повсюду в Галактике».

Он бесшумно выскользнул из комнаты и прокрылся на кольцевую дорогу, проложенную по верху стен космопорта. Алган был в форме пилота, у пояса висел лучевой пистолет. Перед ним открывалась панорама города и эспланада порта. Он видел огни далеких пригородов в десятках километров от центра, они походили на созвездия или галактики, сорвавшиеся с небес и упавшие на землю.

Сам порт напоминал залитую светом белую пустыню, окаймленную стенами, на которой высились темные силуэты звездолетов. Его ждал один из этих кораблей, быстроходный разведывательный катер.

Крохотное суденышко без опознавательных огней притаилось в южном углу порта.

Алган согласился принять участие в странной игре: Ему следовало захватить корабль при тайном попустительстве портовых властей. Он должен был стартовать, зная, что в погоню будут брошены все силы Бетельгейзе. Целью его полета была Глания, крохотная, недавно освоенная планетка с небольшим космопортом. Глания, аванпост Освоенной Галактики в опасной близости от ее Центра, была первым этапом его путешествия. Именно на Глании жил один из тех немногих, кому довелось вернуться после гибели своих экспедиций.

Алган тщательно проверил содержимое карманов. В них не должно было быть ничего, что бы позволило установить его личность, если план про-

валится или он погибнет. Но он не знал, кому нужны эти меры предосторожности. Может быть, Ногаро действительно верил в существование иных рас и не хотел полагаться на волю случая? Может, он все делал для того, чтобы возможные завоеватели не узнали, как добраться до Бетельгейзе? Или опасался более конкретного противника среди человеческих цивилизаций? Никаких компрометирующих предметов. Только в одном из карманов комбинезона лежала шахматная доска. Это была единственная ниточка, которая могла вывести его на след.

Он казался себе охотником, который не знает, на какого зверя идет и где именно произойдет встреча. Алган посмотрел на часы. Десять пятьдесят восемь. Он начнет действовать ровно через две минуты.

Безоблачная ночь была тихой и безмолвной. Город невозмутимо светился своими холодными огнями. Далекий вертолет едва слышно рвал винтом шелковистый воздух. Высокие башни казались в ночной тьме снопами света. Алган начал считать секунды. Это было бессмысленным, но его губы шевелились сами собой.

Пять. Четыре. Три. Два. Один.

Ничего не произошло. Было ровно одиннадцать часов.

На какое-то мгновение он заколебался, но потом бесшумно ринулся вперед, по-кошачьи скатившись вниз по лестнице. В его распоряжении было всего полминуты, чтобы добежать до стартовых площадок,— контрольный луч обегал их каждые тридцать секунд.

Луч был невидим и неощутим, но, если на его пути оказывался чужеродный предмет, автоматически включалась тревога. Обычно луч прощупы-

вал космопорт по принципу Монте-Карло. Ускользнуть от луча было невозможно, так как не известно было, какую часть порта он обегает в данный момент. Но каждые тридцать секунд он оглядывал каждую стартовую площадку, пронизывал тени и оглаживал полированный металл корпусов.

Сегодня же между одиннадцатью и одиннадцатью десятью луч работал по иной программе. Для непосвященных она использовала те же случайные числа, но на самом деле луч имел точную траекторию, и Жерг Алган, выучив программу наизусть, мог пересечь эспланаду, не вызвав сигнала тревоги.

Он считал секунды, сбегая вниз по бесконечным ступеням, и оказался на поле космодрома на три секунды раньше. Алган застыл в неподвижности. Три. Два. Один.

Алган понесся к дальней темной точке. Тому, кто наблюдал за ним с высоты башни, он казался муравьем, темной песчинкой, скользящей по гладкой стекловидной поверхности. Алган нырнул в тень и перевел дух. Он на десять секунд опережал график, и теперь следовало дождаться, пока луч минует эту часть эспланады.

«Я представляю собой великолепную мишень», — подумал он. Теоретически никто не должен был в него стрелять. Но это теоретически...

Огромные силуэты кораблей увеличивались на глазах. Он спешил оказаться в их тени, хотя ощущение безопасности было мнимым. Можно было ускользнуть от человеческого взгляда, но не от бдительного ока машин.

«Странная идея», — подумал Алган, когда Ногаро изложил ему план Бетельгейзе. Он поинтересовался, почему нельзя отправиться открыто на

борту одного из судов? К чему весь этот маскарад, эта абсурдная и опасная игра? Ради обмана пуритан? Десяти планет?

— Нет,— холодно ответил Ногаро.— Когда они узнают о вашем бегстве, то сразу поймут, с чьей помощью и куда вы отправились.

Ни Бетельгейзе, ни пуритане не желают показывать Освоенной Галактике, что опасаются гипотетических цивилизованных рас, обитающих в неисследованных районах. План диктуется политическими соображениями. Если официально снаряжать экспедицию для поиска черных цитаделей, то как можно отказать в том же торговцам-пуританам?

— Если меня схватят, то я буду осужден за пиратство? — спросил Алган.

— Конечно, — ответил Ногаро.— Но вас не схватят, если только вы сами этого не захотите. Тогда вас под надежной охраной отправят на Бетельгейзе. Но может случиться, что вам удастся бежать.

— Опасная затея,— заметил Алган.

— Еще бы,— согласился Ногаро.— Но что вам больше нравится — открытое пространство или освоение новых миров? Вы свободны в выборе.

— Пространство,— без колебаний ответил Алган.

Теперь он петлял по странному лесу — громадные корабли представлялись стволами, а их антенны — ветвями деревьев. В нем проснулся инстинкт охотника.

«Наверно, следовало отказаться,— размышлял он.— Как я смогу служить Бетельгейзе, которую так ненавижу?».

Но ответ таился в нем самом. По натуре он был

охотником, люди именно такого типа годились в наемники. Вот он и стал одним из них.

Его страстью была охота. Любая охота. И долгое бродяжничество на Даркии тоже преследовало эту же цель.

Теперь и среди звезд ему, человеку с первобытным инстинктом, нашлось место. И он станет той самой песчинкой, которая остановит отлаженный механизм. «Надо стать конем на этой шахматной доске и, прыгая от звезды к звезде, загнать в угол короля противника, черного короля, властителя Галактики».

Он побежал быстрее. Ему казалось, что кожа его ощущает жар контрольного луча.

Посыпался шум, Алган застыл в густой тени ближайшего корабля и насторожился.

Неподалеку шел человек — его подошвы глухо стучали по гладкой поверхности эспланады.

«Неужели враг,— подумал Алган, но тут же отбросил эту мысль.— Неожиданный обход? Или обычный техник проверяет двигатель перед стартом корабля?».

Его появление грозило большими бедами, чем попадание в зону контрольного луча или происки торговцев Эльсинора. Непредсказуемый, случайный фактор мог изменить результат охоты.

Алган начал считать секунды. Нельзя было оставаться на одном месте — луч мог обнаружить его в любое мгновенье.

Он медленно обогнул огромный корпус, за которым прятался. Крохотный кораблик, предназначенный для него, был совсем рядом. Но, чтобы добраться до него, следовало пересечь освещенную зону, пробежать между рядами громадин, похожих на спящих доисторических чудовищ.

Он бросился вперед, наступая на собственную

тень, которая неслась перед ним, как бы указывая дорогу.

— Кто там? — раздался голос.

Он даже не обернулся, а побежал еще скорее.

— Кто там? — На этот раз голос звучал менее уверенно. — Покажитесь или я подниму тревогу!

Алган на бегу пытался определить, откуда доносится голос. Человек, по-видимому, работал возле одного из кораблей у края световой полосы, которую должен был пересечь Алган. Он, конечно, заметит его, и, если только ему не приказали закрыть глаза на некоторые странности, свидетелем которых он мог стать в порту этой ночью, планам Алгана не суждено сбыться. Он никогда не будет путешествовать среди звезд.

Алган мгновенно принял решение — он покинул освещенную зону и скользнул между двумя звездо-летами. Он знал, чем рискует, если попадет в зону луча. Пока ему сопутствовал успех. Секунды тянулись бесконечно, и корабль, который он огибал, казался ему исполинской горой, что было недалеко от истины. Затем, не выходя из тени следующего корабля, он приблизился к освещенной зоне.

Человек был далеко, но Алган ускорил шаг, боясь, что его заметят. Либо охранник, либо техник. Контрольные автоматы знают о его присутствии на эспланаде и не обратят на него внимания. А вот если это охранник, он непременно вооружен и умеет охотиться на людей.

Вдруг Алган заметил преследователя. Вернее, его тень, крохотную среди громад. Сердце Алгана забилось чаще. Он понял, что не доберется до своего корабля незамеченным.

У него оставался единственный, хотя и нежелательный выход.

Он вжался в тень корабля, слившись с металлом. Затем ногтем стукнул по его поверхности. В тишине прозвучала странная нота.

— Кто там? — человек шел прямо на него.

Это был техник. Охранник никогда бы не выдал себя голосом.

Алган отпрыгнул в сторону и снова ударил по металлу. Звук растекался по листам обшивки, сбивая с толку преследователя.

Наконец Алган увидел силуэт, двигавшийся прямо на него. Человека слепил свет, и он не решался поднять тревогу. Алган молниеносно выпрыгнул из тени, его преследователь от неожиданности отпрянул, и это движение погубило его. Это был техник, которого никогда не учили обороняться. Ему и сейчас не пришло в голову поднять тревогу, и он стал защищаться. Алган кулаком левой руки ударил техника в живот, а ребром правой нанес ему сильный удар по затылку. Человек бесшумно рухнул на землю.

Алган оттащил его в тень. Тревога могла подняться в любое мгновенье.

Не оглядываясь, Жерг припустил по освещенной дорожке, пересек пустынную зону, поспешно вбежал по пандусу к люку. Уже не опасаясь шума, он пронесся по коридорам корабля и рухнул в пилотское кресло.

Корабль был готов к немедленному старту. Его двигатели тихонько урчали, а на бортовом табло горели сплошные зеленые огоньки.

Алган методично принялся нажимать на клавиши управления. Закрылся люк. Металлические ленты охватили тело Алгана и прижали к креслу.

— Прощай, — прошептал он, бросив последний взгляд на обзорные экраны, и нажал стартовую кнопку.

Мгновенье спустя по всему порту вспыхнули огни. Ему показалось, что он слышит зловещий рев сирен. Но тут на него навалилась свинцовая тяжесть, и огни порта исчезли с экрана.

Он едва мог шевельнуть пальцем, однако нашел силы просунуть руку в карман комбинезона и погладить полированную поверхность доски.

Долгий поиск начался. Пока он имел право поспать. Несколько недель корабль будет вести к цели автопилот.

— Желаю удачного путешествия,— раздался голос Ногаро. Алган вздрогнул. Но голос замолк, и Алган понял, что слышит запись.

— Думаю, все прошло как по маслу. Иначе бы вы не оказались в космосе. Надеюсь, и впредь все будет складываться как надо. Теперь позволю себе дать несколько советов на будущее.

Прежде всего, предупреждаю — не рассчитывайте, что вам удастся обмануть Бетельгейзе. При желании мы отыщем вас в любом конце Галактики. Нам известно ваше враждебное отношение к центральному правительству. И все же если Бетельгейзе, пренебрегая этим, поручила вам выполнение данной миссии, то только потому, что мы уверены в получении нужных сведений даже против вашей воли.

Не считайте мои слова проявлением недоброжелательности. Скорее, наоборот, Бетельгейзе предпочитает подобострастным служакам мятежников.

Не совершайте посадку в космопорте Глани. Вас тут же схватят — всем разослано описание ваших примет как пирата. Иначе мы не могли поступить. В вашей искренности никто не должен сомневаться. Не забывайте о том, что вы работаете

на собственный страх и риск. Бетельгейзе официально отречется от всего, что вы сообщите о своих связях с центральным правительством.

Итак, садитесь поблизости от порта и пробирайтесь в город пешком. Ваш корабль с легкостью минует любые пояса дальнего обнаружения. Тем более что наблюдение на вновь освоенных планетах ведется спустя рукава, а мы позаботимся, чтобы в ближайшие месяцы к нему относились еще небрежней. Вступайте в контакт с человеком, о котором вам говорили, но не сообщайте ему, кто вас послал.

В остальном вы свободны в своих действиях. Когда вы вернетесь, мы постараемся доказать вам, что в могуществе Бетельгейзе есть и положительные стороны. И что новый создающийся мир стоит всех прошлых миров.

Мы доверяем вам.

И не забывайте, что я ваш друг. Если понадобится, скажите, что вас послал я. Мое имя немногого известно в пространстве. Оно может вам помочь.

До свидания, Алган.

До свидания... Это значило многое. Это предполагало, что Алган вернется из своего полета. Это предполагало, что, несмотря на темпоральные искажения, несмотря на ужасающее удлинение секунд, проведенных в полете со скоростью света, Ногаро будет жив, когда Алган прибудет на Бетельгейзе.

— До свидания, Ногаро, — против воли прошелестал Жерг Алган.

Полет походил на долгий путь в темном туннеле, хотя в межзвездном пространстве нет ничего вечного и неизменного. Даже многие века путешест-

вий в пустоте не искоренили в людях рефлексы, приобретенных в незапамятные времена. Поэтому психологические проблемы путешествий в пространстве решались с большими трудностями, чем технические.

Исследователи ответили на вызов звезд. Прежде всего они попытались изменить сущность человека, дать ему новый образ мышления, отучить от страха, убедить в том, что любые искажения времени и пространства суть нормальные явления. Они пытались ввести в его подсознание все данные, которые он мог затем усвоить с помощью сознания. Затем они снабдили человека психологической броней, проводя на нем безопасные, но сбивающие с толку опыты. Тренировка была изнурительной, и все же игра стоила свеч — человек учился познавать звезды.

Но психологи на этом не остановились. Они знали, что человеку мало приспособиться к окружающим условиям. Они стремились сохранить привычную обстановку родных ему миров. Чтобы уберечь рассудок освоителей Галактики, они превратили тяжелые корабли в машины иллюзий. Они воссоздали внутри кораблей пейзажи планет, их безбрежных лесов и прерий, солнца и звездного неба. Они овладели игрой света и тени. Травы в полях, облака в небе, вздымающиеся на горизонте горы — все было миражом. Но человеку были необходимы эти миражи.

Однако на легких исследовательских кораблях, быстрых и маневренных, такой комфорт, к велико-му сожалению Алгана, отсутствовал.

Жерг оказался в совершенно безмолвном мире, залитом столь ровным светом, что корабль, казалось, блуждал в густых сумерках. Алган чувствовал, что постепенно теряет свое «я». Его память как

бы отвергла время, ему было все труднее вспомнить, когда произошло то или иное событие. Случалось, что обычный жест возвращал его к реальной жизни, и он вновь осознавал себя. Однако реальность оказывалась столь мрачной, что Алган снова прятался в раковину собственного воображения.

Машины взяли на себя всю заботу как о нем, так и о корабле. Они рассчитали оптимальный маршрут.

Время шло медленно.

Бортовые часы отсчитывали дни и недели. «Месяцы и годы на Даркии», — напоминал себе в полуслне Алган. Какой он найдет ее по возвращении? Он думал о Бетельгейзе и ее моши, о десяти планетах пуритан и их подрывной деятельности, о зачатках цивилизаций, рассеянных по Освоенной Галактике, которые росли, развивались и надеялись, что вся Галактика примет именно их уклад жизни, хотя людей там было горстка песка среди моря звезд.

Он размышлял о грядущем, о том, что свершат люди — как они зажгут звезды, передвинут одни миры, создадут другие, высвободят гигантские количества энергии, ему грезились существа, которых им доведется встретить, галактики, которые заселят люди, пока еще немыслимые дали, в которые уйдет человечество, когда погаснут звезды этой Вселенной; он задумывался и о судьбе покоренных планет, об их прошлом и будущем, о том, чем они стали после появления на них человека, о еще ожидающих человека неведомых планетах, которые одинокими черными алмазами висят во тьме космической ночи; думал он и о людях, которые свершат все это, выполняя свой долг, ведь их предки предсказали будущее, они мечтали покорить Вселенную, еще не достигнув ближайших звезд, и он

понял, что прошлые поколения тоже не могли не ощущать распада внутреннего мира, сотканного из воспоминаний и смутных устремлений, когда подчинились силе, которая толкала их вперед к познанию неведомого.

«В чем смысл нашей жизни? — спрашивал он себя. — Наверное, в том, чтобы трудиться, претворяя мечты в действительность».

Жизнь была исполнена смысла, когда требовала тяжелейшего труда. Каждый рывок вперед, каждая новая победа рождали нового человека. А роды всегда тяжки.

Случались долгие периоды отдыха, когда человек переставал двигаться вперед, а иногда терял то, чем владел в предыдущие эпохи, увязнув в трясине удобных привычек, замерев в уютной неподвижности.

Это было давным-давно. Завоевание звезд помогло человеку возродиться. Новые дела не за горами — они будут еще более трудными и мучительными, это будет новым отрицанием прошлого. Нельзя оставаться вечно новорожденным. Человечество не имеет права отказать себе в собственном возрождении.

Человек должен идти вперед, исследуя новый мир, открытый его ощущениям и разуму.

История человека как вида повторялась в каждом индивидууме. Сначала образ мышления младенца, затем медленное обучение логике. Юношеская привязанность к родной планете, затем контакт с пространством, с его искажением времени и разрывом с прошлым. Некогда человечество мыслило по-младенчески, но, обретя логику мышления, оно по-прежнему не хотело отказываться от условий привычной жизни и чуть ли не святотатством считало эмиграцию на новые миры и к звездам.

И все же постепенно человек превращался в гражданина звезд. Он еще выказывал страх и неуверенность, как взрослое существо, которое впервые, но окончательно покидает родной кров. Человечеству пока не удалось преодолеть внутренних противоречий. Может быть, оно страдало от невроза? Может быть, в младенчестве оно испытало такой шок при контакте с реальностью, что каждый человек стремился предохранить свой внутренний мир от посторонних воздействий?

Человечество почти отучилось от страха перед пространством. Но ему еще следовало преодолеть страх перед временем. Пуритане отчасти решили проблему, отрицая время, лишив его права играть даже самую малую роль в их жизни. Бетельгейзе обошла трудности, опираясь на опыт, накопленный за века многими поколениями.

«Когда-нибудь человек овладеет временем, как некогда овладел пространством, — думал Алган. — Быть может, однажды он пошлет своих эмиссаров в будущее, чтобы проверить, как развиваются планы, осуществление которых началось давно и должно продолжаться несколько веков». То будут эмиссары, согласные покинуть свое родное время, признавшие своей семьей все человечество, его прошлое и будущее и избравшие своей родиной Вселенную.

Так прошли недели полета.

На расстоянии около половины светового года от Глании корабль начал торможение. Солнце Глании было еще пока крохотной световой точкой, затерянной среди звезд этого сектора Галактики. Но оно быстро увеличивалось в размерах. Жерг Алган изучил все данные о Глании, которые имелись в памяти корабля, и сведения о человеке, с которым ему предстояло встретиться.

Глания была единственной планетой в этой системе. Звездные системы с одной планетой очень редки, во всяком случае в исследованной части Галактики. Чаще встречаются либо солнца-одиночки, либо звезды с полной планетной системой. Но по мере приближения к центру Галактики положение менялось — насыщенность пространства звездами увеличивает опасность трагических столкновений.

Корабль самостоятельно вышел на орбиту. Машинам так рассчитали траекторию подхода, чтобы наблюдатели на Глании приняли корабль за метеорит. Алган по картам выбрал место посадки — обширную равнину неподалеку от космопорта. Холмистая местность позволит укрыть корабль, а ему самому нескольких дней хватит, чтобы добраться до порта и, если все пройдет гладко, возвратиться и отправиться дальше, к центру Галактики.

Изображение планеты на экранах быстро росло. В этом мире преобладали розовые тона, как на Даркии преобладают зеленые.

Цвет зависел как от растительности, так и от красного солнца, которое властвовало в ночном небе Глании.

Металлические ленты снова охватили тело Алгана. Он во второй раз тронул клавиши, сообщив машинам нужные команды.

Корабль камнем пронизал атмосферу и резко затормозил. Катер предусматривал подобные маневры и был оборудован аппаратурой, которая предохранила Алгана от действия сверхбыстрого торможения.

Корабль завис в нескольких метрах от поверхности, а затем, словно на ниточке, опустился прямо на розовые кусты и мхи, которые покрывали равнину.

Алган глянул на экраны — равнина простира-

лась до самого горизонта. Близилась ночь, и белый свет постепенно уступал место красному. Нигде ни малейшего движения. Казалось, на этой планете кроме примитивной растительности нет ничего живого.

Судя по отчетам, так оно и было. Алган встал и открыл люк. Он уложил в рюкзак провизию, медикаменты и шахматную доску, рассовал по карманам необходимые инструменты.

«Нет, Глания не походит на пустыню, — подумал он, переступая порог люка, — хотя на первый взгляд кажется такой». Все вокруг устипал розовый ковер мхов. Достаточно ли плотен этот ковер для пешего перехода? Космопорт находился в пятидесяти километрах. Для него такое расстояние было пустяковым, но вряд ли стоило уповать на свой охотничий опыт.

Он уже спускался по ступенькам вниз, когда услышался глухой рокот. Сильный порыв ветра заставил Алгана прижаться к кораблю, и ему почудилось, что корабль пошатнулся. Он не сразу понял, что корабль действительно кренится. Его опоры уходили в зыбкую почву. Что делать? Вернуться в пилотскую кабину, включить двигатели и попытаться вырваться из болота? Маневр был опасным, но выполнимым.

Он размышлял слишком долго, так что все решилось само собой. Корабль покачнулся, словно его подхватила волна. Новый порыв ветра отбросил Алгана в сторону. Он упал на мягкий ковер мхов и утонул в нем, как в пуховой перине. Нащупав твердую кочку, он встал на ноги. А корабль тем временем опрокинулся и исчез среди мхов, словно проглоченный невидимой пастью. На мгновенье показался и снова ушел вглубь нос.

Алгана охватило отчаяние. Он оказался на этой

болотистой планете один, без оружия, без карт, без инструментов, правда, с трехдневным запасом провизии, компасом, старинной шахматной доской и уверенностью в том, что в полусотне километров находится космопорт.

Неужели этого и хотел Ногаро? Или он сам допустил какую-то ошибку?

Отныне все это не имело значения.

Даже не начавшись, миссия Алгана выглядела совершенно невыполнимой.

Идти оказалось легко. Алган без труда шагал по мшистым зарослям, кроваво-красным под лучами ночного светила. Ветер утих. По-видимому, здесь переход ото дня к ночи и наоборот сопровождался гигантскими перемещениями воздушных масс.

Через несколько километров он ощутил усталость. Воздух был упоительно тих. Выбрав место потверже, Алган улегся на мох и закрыл глаза.

6. Проклятые миры

«Пространство, — думал Алган, лежа с закрытыми глазами на мягкому розовому мху, — можно представить в виде ткани из материи и света, в которую вплетены нити причин и следствий. И именно потому, что я, Жерг Алган, занял в определенный момент определенное место в пространстве в миг своего рождения, вырос в условиях цивилизации, которая измеряла пространство парсеками, среди людей, различия между которыми были так велики, что они еще не всегда могли понять друг друга, случилось то, что должно было случиться именно со мной, а не с кем другим». Мысль о неотвратимости судьбы была странной, но вывод напрашивал-

ся только один — во времени и пространстве существовал узкий ход под именем Алган, по которому он будет идти всю свою жизнь и нигде не сможет свернуть в сторону от собственной судьбы.

Мысль была ошеломляющей. Он еще никогда не формулировал с такой четкостью и силой своих неосознанных стремлений. Нередко у него возникало ощущение той или иной степени свободы, но оно быстро проходило. Сейчас он осознал, что всегда был пешкой на шахматной доске вроде той, что лежала рядом с ним, а те, кто передвигал его с клетки на клетку, сами были пешками на той же безграничной доске пространства и времени, хотя пока еще не осознавали этого. Недаром во время охоты он всегда ощущал неразрывную связь между собой и зверем, на которого шел, — в какой-то момент либо охотник, либо зверь непременно обречен на гибель. Эту связь овеществляло все: леса, тропинки, ветры, запахи, звезды, вся Вселенная, хотя она была едва ощутимой. Животное воспринимало ее инстинктивно, охотник почти осознанно.

Сейчас и охотник, и его жертва оказались в одной шкуре, а полем охоты, шахматной доской, стала вся Вселенная. Клетками доски были планеты, звезды и даже галактики.

Победитель получит ответ на извечный вопрос.
Что такое человек?

Но существовал и другой ответ, входивший в правила игры, которая с незапамятных времен разворачивалась в пространстве.

Есть ли в космосе некто подобный человеку, в котором человек признает равного себе, понимая, что этот некто не есть человек?

На этот вопрос ответить не мог никто — ни философы, смахивающие бородами пыль с древних манускриптов, ни ученые, склонившиеся над микро-

скопами или следящие за стрелками точнейших приборов. Ответа никто не знал, ибо время ответа не пришло.

Этот момент наступал сейчас. Две громадные армии, или просто население двух муравейников, оказались в непосредственной близости друг к другу, но контакт пока не состоялся. Соприкосновение было неизбежным. И битва могла разгореться, стоило лишь кому-нибудь передвинуть простую пешку не на ту клетку.

Пешка носила имя Жерг Алган.

«А вдруг моя персона и не играет особой роли? Может, в авангарде армий стоит множество пешек или часовых, готовых при встрече либо приветствовать друг друга, либо перегрызть друг другу глотку? Быть может, меня поджидают на этой молодой планете? А жертва и крадущийся за ней охотник столь же напуганные невежды, как и я сам?»

Он вскочил на ноги и отряхнулся. Примятый мох расправился за ночь. А от ракеты, наверно, остался только легкий розовый шрам. «Что случилось со звездолетом?» Он представил себе, как тот медленно погружается в бездонные глубины, обрывая губчатые корни мхов.

Алган собрал вещи и снова пустился в путь. Ночь казалась красной из-за пурпурного света далекой звезды. Алган без особых усилий пробирался среди густой растительности. Почва под ногами упруго пружинила.

Алган шел почти прямо, изредка сверяясь по компасу. До космопорта оставалось километров тридцать. Сила тяжести на планете была невелика, и он полагал, что часов через десять будет у цели.

Его мышцам и нервам не надо было привыкать к долгим часам ходьбы в одиночестве. Комбинезон надежно защищал его от прохлады. Иногда тишину

ночи пронизывал пронзительный крик, но пока он не встретил ни одного живого существа, которому тот мог бы принадлежать, а растительность не проявляла никакой враждебности.

Скорее всего, это кричали какие-то животные вроде тех, что населяли Землю миллиарды лет назад, до появления человека. Каракатурно похожие на тех, в кого впоследствии превратятся в процессе эволюции, такие животные встречались на всех планетах земного типа.

Смысл существования этих животных и растительных миров, которые смахивали на лабораторные культуры, рассеянные в пространстве, ускользал от Жерга Алгана. Может быть, фауна должна была стать разумной через немыслимые времена, или то были результаты неудачных опытов, а может, игра велась на столь обширной доске, что правила оставались неизвестными человеку.

Снова поднялся ветер, и под его ласковым дыханием зашуршали растения. Ветер как бы включился в игру — он то мешал ему идти, то подталкивал вперед, то отдалял, то приближал встречу, которая могла стать решающей в его судьбе.

Ветер толкнул Алгана в спину и вдруг подхватил его и поднял в воздух, словно паука на паутинке. Он оказался высоко над пурпурной равниной. Ветер ревел в ушах и увлекал в плотные слои воздуха.

Подавив страх, он поплыл в ледяном воздухе. И вдруг рухнул вниз.

Пурпурную равнину надвое рассекал глубокий разлом. Алган видел отвесные обрывистые стены ущелья.

Он сумел замедлить падение и приземлился на мягкую моховую подушку в нескольких метрах от

бездны. Город лежал по ту сторону пропасти.

Алган уселся на краю обрыва и глянул в небо. Красная звезда сияла на небосводе, затмевая остальные светила, которыми, казалось, было вымощено ночное небо. Чувствовалась близость к центру Галактики, и звезд здесь было столько, что ночь отличалась от дня только окраской света.

Что дальше? Пропасть была для него столь же непреодолимым препятствием, как река для муравья. Добравшись до края клетки, он увидел, что соседняя клетка недостижима. Путь был проделан зря.

Он склонился над краем пропасти и увидел далеко внизу деревья, которые играли листвой в плотном воздухе, как водоросли в сильном морском течении. Он осмотрел противоположную сторону обрыва, серебристую в лучах пурпурной звезды, и заметил между отвесными стенами циклопические колонны, похожие на остатки храма, с которого сорвало крышу. Их окружали заросли фиолетовой растительности.

Ветер стих. Неожиданное исчезновение ветра привлекло его внимание. В ущелье существовало что-то более сильное, чем ветер, или создавался противоток, который уравновешивал силу ветра, увлекшего его за собой. Алган вспомнил, что его падение началось, когда он подлетел к краю расщелины. Он еще раз склонился над пропастью и ощутил на лице легкое дыхание. Он ощупал холодный камень отвесной стены и ему показалось, что его пальцы окунулись в жидкость. И тут он понял.

Края пропасти были лишены растительности, а деревья внизу казались водорослями потому, что имели такое же строение и находились в таких же условиях, как земные водоросли. Гигантский разлом был рекой. Но на этой планете река была из газа,

за многие века пробившего себе ложе в кристаллической породе.

Это была река из газа более плотного, чем воздух, газа, возможно, ядовитого, но по нему можно было плыть, используя течение. Он оторвал кусок мха и бросил его вниз, в невидимое течение. Мох медленно, дергаясь, как на ниточке, пошел к дальнему красному дну.

Алган проверил свое снаряжение, подтянул лямки рюкзака и соскользнул с обрыва, держась за край. Ему показалось, что он погрузился в теплую жидкость. Он отпустил руки, и течение подхватило его. В легкие ворвался густой липкий воздух, ему стало нечем дышать, он отчаянно замахал руками, вынырнул на поверхность и жадно глотнул воздух. Поток довольно быстро нес его вперед. Ему, очевидно, помогло удержаться поверхностное натяжение. Но он был столь же беспомощен, как унесенный рекой муравей.

Он посмотрел вниз и увидел где-то в километре под собой колышущиеся в красном тумане водоросли. Вдруг послышалось шипение, быстро перешедшее в рев. Алган понял, что попал в газоворот. Но нырнуть и отплыть прочь от этого мальстрema он не успел. В глазах потемнело, и он потерял сознание.

Алган почувствовал, что ударился головой о что-то твердое, рука непроизвольно ухватилась за веревку. Он подтянулся, и в легкие хлынул воздух. В висках стучало. Он услышал крики. Какая-то огромная тень загораживала вид на дальний откос. Затем он различил слова. Послышался топот босых ног по палубе, на него обрушилась сеть, он понял, что его тянут наверх. Вот его опустили на твердую поверхность. Чьи-то руки ощупали тело. Он хотел

что-то сказать, открыл глаза — прямо над ним висела кровавая звезда. Она беззвучно рассмеялась, и Алган окружили тьма и безмолвие.

Когда настал день, буря, разыгравшаяся ночью над поверхностью газовой реки, утихла. Жерг Алган нервно мерял шагами палубу. Примитивный плот из губчатой розовой древесины имел в длину около ста метров, и Алган понимал почему. Разница в плотности древесины и газа была столь мала, что для переноса малой массы требовалось большое газоизмещение. Управление плотом обеспечивалось громадными парусами, которые опускались в газовый поток и служили рулями или веслами. На корме торчала мачта, где в корзине постоянно сидел наблюдатель.

Постройка такого плота не требовала ни особых строительных навыков, ни больших затрат, а потому его попросту бросали в конечном пункте путешествия — ведь он двигался только по течению.

Матросы отличались темной кожей, видно, здесь, вблизи от Центра Галактики, радиация была велика. Они не обращали внимания на пассажира и говорили между собой на неизвестном Алгану наречии. Их слонялось по палубе около десятка, но из трюма доносились смех и выкрики, и Алган решил, что это либо охотники, либо добытчики,озвращавшиеся по окончании сезона в космопорт, чтобы продать свой скучный товар.

Возможно, их далекие предки когда-то попали сюда случайно на потерпевшем аварию корабле, а возможно, с умыслом были оставлены на планете в надежде, что здесь разовьется самобытная цивилизация. Несмотря на примитивный образ жизни, они сохранили манеры цивилизованных людей. В их головах, наверное, царил сумбур: обрывки знаний

о прошлом предков мешались с представлениями галактического бытия, но они не выглядели несчастными. Планета была по-своему гостеприимной, а жизнь ее обитателей протекала просто и незамысловато, как в незапамятные времена на тихоокеанских островах Земли, родины всего человечества. «Тихим океаном» цивилизации, контролируемой Бетельгейзе, было пространство, а зачарованные острова и проклятые миры кружились в черной пустоте вокруг бесчисленных солнц.

«Впрочем, эта аналогия не имеет смысла», — решил Алган. Он лежал на носу судна, поглаживая рукой шахматную доску с тончайшими гравюрами, символизирующими Вселенную.

Аналогия в самом деле не имела смысла — ведь цивилизация на Тихом океане была делом случая и истории, а галактическую цивилизацию создал человек. Людей сознательно оставляли на отдаленных планетах, чтобы свернуть историю с проторенного пути. Эту холодную концепцию освоения Вселенной разработала Бетельгейзе... Бетельгейзе не остановилась на том, что подарила человеку пространство, она пыталась строить будущее человечества по своим планам.

Холодный гнев снова охватил Алгана. Рука лежавшая на полированной поверхности доски, дрогнула. Давняя ненависть человека прошлого к Бетельгейзе проснулась в нем. Однако теперь эта ненависть обрела новый смысл. Он понимал, что является пешкой в какой-то космической игре, но теперь решил перейти на сторону противника, ведь Бетельгейзе была не просто противником в игре, а врагом.

Наблюдатель издал протяжный крик, и Алган приподнялся, опасаясь засады. Но увидел, что суд-

но приблизилось к запруде из древесных стволов, которая перегородила газовую реку. Справа, посреди пурпурно-красной равнины, высились белые строения космопорта.

Люди высипали на палубу и засуетились вокруг тяжеленных рулей, подбадривая себя протяжными криками, перекрывавшими скрип балок. Плот замедлил бег и, упервшись носом в канаты, застыл посреди реки. Глубина под ним по-прежнему была не менее километра.

К бортам привязали канаты, и невидимые бурлаки потащили плот к берегу. Он пристал к серебристому обрыву прямо под стенами космопорта, к которому вела извилистая тропа, пробитая тысячами ног.

Белое словно мел лицо, изборожденное тысячами морщин, медленно повернулось в сторону Алгана. Старик комочком сжался в стальном кресле, похоже попавшем сюда с потерпевшего аварию звездолета. Взглядом полуприкрытых глаз он обвел грязный дворик, розовую лагуну и две колючие изгороди из кактусов — их зелень резко контрастировала с красно-фиолетовой растительностью планеты.

Над двориком высился космопорт, устремленный к звездам, словно необычный часовой. Кое-где среди растительности торчали каркасы старых звездолетов. Очертания их ободранных корпусов напоминали о ранних годах освоения пространства.

Тонкие сухие губы старика дрогнули. Затем послышалась глухая нечленораздельная речь. Алган ничего не понял. Наконец, медленно, будто это стоило ему невероятных трудов, старик произнес слова, понятные Алгану.

— Это было давно, — прошамкал стариk, — очень давно.

Он шевельнулся, его правая рука поднялась с колен и потянулась к Алгану. В дневном свете она казалась почти синей, кожа на ней была такой истонченной, что можно было различить каждую вену, каждую косточку, каждое сухожилие.

— Я забыл слова, — пробормотал стариk. — Я так давно не говорил на этом языке. Здесь живут сущие дети, и с ними надо говорить языком детей...

— Я прибыл издалека, — тихо произнес Алган, боясь, как бы этот призрак от звука его голоса не рассыпался в прах.

— Откуда? — спросил стариk.

Он наклонился вперед. Его желтые остекленевшие глаза словно впервые увидели посетителя.

— Какая разница, — громко ответил Алган.

Он сделал шаг вперед и остановился посреди грязного двора. Потом поправил лямки рюкзака, в котором хранилось все его достояние, и оглядел хижину.

— Я знал времена, — проговорил стариk, — когда Бетельгейзе была отдаленной колонией, но она уже начинала набирать силу. Мы были пилотами. Отменными пилотами. Мы неслись от одного мира к другому, нас пьянила радость побед, и мы не знали усталости. Нам нужна была постоянная смена впечатлений. Поэтому мы и живы до сих пор. Мы не играли первых ролей. Их играли те, кто оставался на открытых нами планетах. Они умирали, но были правителями, торговцами, техниками. Мы же так и оставались отчаянными головами, прыгающими из мира в мир. Поэтому мы и живы. Мы видели, как стареют другие. Прилетая на планету, мы встречали сыновей наших друзей и снова пускались в путь, а годы летели...

Он заморгал, и его руки легли на подлокотники кресла.

— Кто ты такой, малыш? — спросил он. — Я никогда не видел тебя здесь. Ты прибыл из космоса? Я сразу подумал об этом. Ты не говоришь на местном наречии, а я почти позабыл добрый старый язык пилотов.

— Меня зовут Алган. Жерг Алган. На Эльсиоре я узнал, что могу получить от вас кое-какие интересующие меня сведения.

Ледяной тон собственного голоса удивил Алгана. Он чувствовал, что внутри расгет какое-то новое существо, холодная проницательность которого даже пугала его. Он сбросил на землю рюкзак, развязал его, извлек шахматную доску и сунул ее под нос старику. Алган склонился к самому лицу старого пилота, чтобы лучше видеть выражение его лица.

Старик хрипло расхохотался, и по спине Алгана пробежал холодок.

— Они не захотели мне поверить! Они не захотели мне поверить и отправили гнить на эту чертову планету, а теперь разыскивают меня, потому что напуганы, потому что один за одним открывают проклятые миры! То была отменная экспедиция! Ее вел молодой капитан, и он командовал новенькими кораблями. И что от всего осталось? Старый дурак на треклятой планетенке.

Он поднял голову и сурово поглядел на Алгана. В его глазах горел холодный огонь. Его взгляд выковали десятки солнц и непроглядный мрак космического пространства.

— Кто вы такой? — блеющим голосом произнес старик. — И почему вы держите в руках эту доску? За всю свою долгую жизнь я видел только три такие доски. В первый раз это была доска, которая

принадлежит вам или как две капли похожая на нее; и дважды я видел ее изображение на черных стенах цитadelей. Кто вы такой? Уходите отсюда и оставьте меня в покое. Всю жизнь я бежал от этих воспоминаний. Или вы один из них? Вы явились за моей душой, чтобы поглотить ее, как вы живьем поглотили моих соратников?

— Я пытаюсь понять, — ответил Алган. — Я лечу с Эльсинора, где мне в руки попала эта доска. Я ищу оружие, которое позволило бы опрокинуть Бетельгейзе. Попытайся я сесть в порту, мой корабль уничтожили бы. Поэтому я сел на равнину, а сюда добирался пешком. Меня спасли люди, которые, я уверен, не проговорятся. А если и проговорятся, им никто не поверит. Я доверяюсь вам. Вы можете позвать стражу, и меня арестуют, но, прошу вас, прежде выслушайте меня.

— Что же, — проговорил старик, растягивая слова. — Попробую вам поверить. Мне тоже пришлось скрываться. Я постараюсь помочь вам. Правда, я немногое могу. Вы пересекли пространство, как и я, этого вполне достаточно. Что вас интересует?

— Я хочу знать, что случилось с вами после гибели вашей последней экспедиции, как вам удалось вернуться, что вы сообщили Бетельгейзе и что рассказали пуританам. Именно они сообщили мне, что вы единственный человек, который может мне помочь, и где вы живете.

— Они знают все, — заговорил старик. — Они знали все еще тогда, когда я путешествовал среди звезд. Это было полсотни, нет, шестьдесят лет назад. Если вы явились от них, ничего нового вы не узнаете. Однако раз вы владеете шахматной доской, могу вам рассказать одну историю.

Жерг Алган слушал старика, стоя во дворике,

окруженном двумя рядами зеленых кактусов, которые случай принес на эту планету. Он слушал, поглаживая рукой полированную шахматную доску. В свете красного солнца ее темно-вишневые клетки постепенно розовели. По словам старика, доску изготавлили необычайно давно, сделала ее раса, которая была намного древнее человеческой.

— Мы летели к Центру Галактики. Вы знаете, что она по форме напоминает колесо. Люди всегда стремились достичь ее геометрического центра, места, где искажения времени и пространства проявляются с наибольшей силой, где плотность звезд так высока, что небосвод кажется сплошным золотым куполом. У нас было пятнадцать новеньких кораблей, молодой капитан, ученые, техники. Каждый чувствовал себя героем. Мы были молоды, имели некоторый опыт и знали, что большинство миров, открытых человеком, враждебно и негостеприимно. Поэтому старались быть осторожными.

После года полета мы приблизились к центру Галактики и вдруг оказались в районе, совершенно не похожем на все виденное до сих пор. Приборы безбожно врали. Мы рассчитывали одно, приборы показывали другое. Наши ученые дали названия всем этим явлениям, они считали, что нет поводов для беспокойства. Они рассчитали характеристики нового пространства, и вскоре мы забыли о всех страхах. Мы были готовы к встрече с необычайным. Однако следовало быть настороже. Мы вышли за границы освоенного района и оказались ближе к Центру Галактики, чем какая-либо экспедиция до нас. Несколько световых лет мы летели через зону мертвых звезд и солнц, лишенных планет. Ни один из астрономов не мог объяснить, как возникло такое образование, но и это не беспокоило нас. Мы забыли о всякой осторожности...

Наконец, мы наткнулись на звезду с планетной системой. Ну, обследовали планеты. На шестой от солнца обнаружили черную цитадель. Нет, ее тайны не раскрыл никто. Мы заметили ее, как только вышли на орбиту,— уж очень огромной она была. Ринувшись вниз, мы сели среди джунглей. Радио молчало. Цитадель выглядела покинутой. Мы опустились на порядочном расстоянии от нее и отправились на разведку пешком. Планета относилась к земному типу, но сила тяжести на ней была выше, и каждый шаг давался с трудом. Мы буквально прордирались сквозь влажные густые джунгли, а на горизонте вырастали невероятные стены цитадели.

Вокруг царила тишина. Тысяче-, если не миллионолетиями ничто не нарушало ее. Тишина действовала угнетающе. Мы вздрагивали от хруста каждой веточки, хватаясь за оружие. Высоченные стены заслонили половину неба, тень от них была гуще ночи. Мы решились подойти к самому подножью этих ониксовых отвесных стен. Наклоненные наружу, они нависли над головой, и казалось, вот-вот упадут и раздавят нас. И тут на высоте примерно в три человеческих роста я заметил изображение вот этой самой доски, будто вырезанное на полированной глади стены резцом какого-то великана.

— Ну, и экспедиция исчезла? — перебил старика Алган. Он придинул чурбан из розового дерева и уселся на него. По мере приближения ночи стены космопорта медленно наливались пламенем от всходившей красной звезды.

— Нет, — ответил стариик. — Не в этот раз. В тот день мы вернулись на корабли, и начался горячий спор. Матросы считали, что надо поскорее сматывать удочки. Они издавна слышали легенды, хотя прежде не очень в них верили. Ученые,

особенно один историк, буквально помешались, боясь, что им не дадут изучить невероятную находку. В конце концов матросы взяли верх — их поддержал капитан. Мы покинули эту черную восьмиугольную цитадель, превосходившую по высоте любые мыслимые горы, и отправились дальше, расчитывая вернуться сюда после разведки всего сектора.

Не прошло и месяца, как мы сели на мертвую планету. Это был один из тех миров безмолвия и пустоты, которые тысячелетиями бороздят космос, наводя непонятный ужас на звездоплавателей, хотя любой радар легко определял положение таких бродячих призраков, позволяя вовремя разминуться с ними. Мы сели потому, что заметили с орбиты еще одну черную цитадель.

Мы опьяняли от радости. Человек впервые наткнулся на следы разумной жизни, нас согревала надежда встречи с иной цивилизацией, цивилизацией межзвездной. Всякие сомнения отпали. Различные, не знающие друг друга расы не могли воздвигнуть идентичные постройки, размеры которых бросали вызов всем известным законам Вселенной.

Посадка была спешной. Мы разбили лагерь. Извлекли из трюмов вездеходы. Здесь не надо было бороться с джунглями. Работать было легче, хотя планета уже давно лишилась атмосферы. Я объехал цитадель кругом. Шахматная доска с шестьюдесятью четырьмя клетками повторялась в нескольких местах. Кто вырезал эти рисунки? Ведь наши инструменты скользили по стенам, не оставляя на них ни малейшей царапины.

Что это было — символ или замочная скважина? Всех волновал этот вопрос, и воображение работало на славу. Мы прочесали библиотеки и отыскали все, что относилось к шахматам. Мы узнали, что эта

игра была известна всем человеческим цивилизациям. Иногда шахматы становились предметом культа. Они очень точно сочетались с некоторыми особенностями человеческого мышления.

Быть может, за этими высоченными стенами хранилась тайна происхождения человека и жизни?

На двадцать пятый день нашего пребывания на планете и после пятнадцати месяцев нашего путешествия в космосе врата цитадели распахнулись. Они открыли мир света и каких-то немыслимых переплетений. Несколько человек вошли внутрь. Они вернулись, потрясенные величественностью и загадочностью его лабиринтов.

И здесь мы совершили ошибку. Мы решили исследовать цитадель всем составом экспедиции. Ученые требовали именно такого решения, а матросы забыли об опасности. И только меня оставили снаружи, у врат цитадели, чтобы принимать сообщения исследователей. Прошли часы. Я подремывал в скафандре, как вдруг заметил, что черные наклонные створки стали бесшумно сходиться. Громадные плиты со знаками шахматной доски закрыли вход, который несколько суток зиял в неизвестность. Призывы в моих наушниках слабели, а затем совсем прекратились. Я прыгнул в кабину ближайшего вездехода и на полном ходу понесся к лагерю и ракетам. И тут сверкнула молния. Оказалось, что осветив планету до самого горизонта, взорвались наши ракеты. Остановив вездеход, я выпрыгнул из него и со всех ног бросился прочь. Не пробежал я и сотни метров, как меня швырнуло на землю — на месте вездехода дымилась воронка.

— Что произошло потом? — спросил Алган.

— Почти ничего, — ответил старик. Голос его зазвенел, полуза�отые слова все легче слетали с уст. Взгляд стал спокойным. Исчезла горькая иро-

ния. — Почти ничего, — повторил старик. — Через пять суток меня ждала неминуемая смерть — таков был запас воздуха в скафандре. Провизии хватило бы на несколько недель. Затем с неба явились люди и спасли меня.

Они прилетели не с Бетельгейзе и ни из какого другого известного мира. Их звездолеты были менее совершенными, чем наши. Они не понимали моей речи, а я не знал ни слова из их языка.

7. По ту сторону Галактики

— Люди? — переспросил Жерг Алган.

— Люди, — повторил старик, махнув иссохшей рукой. — Можете верить или нет, считать меня безумцем, как те с Бетельгейзе, которые сослали меня сюда, или выслушать, не перебивая, как сделали торговцы с Эльсинора, которые, кстати, заплатили мне всего четверть обещанной суммы. Да, меня спасли люди. Они немного отличались от нас. Они ниже ростом, быстры и грациозны в движениях, у них маленькие заостренные уши и очень бледная кожа. Язык их столь сложен, что я так и не разобрался в нем. А знаете, как мне удалось поговорить с ними общение? Никогда не догадаетесь, все очень просто. Играя в шахматы! Только и всего. Король, ферзь, пешки могут называться по-иному и иметь иные формы, но ходят они везде одинаково, и возможности комбинаций на шестидесяти четырех клетках столь же неисчерпаемы, как и Вселенная.

— Откуда они прибыли? — осведомился Алган. Его сердце учащенно билось, а голос охрип. Он вдруг ощутил усталость, но продолжал внимательно слушать.

— С другого конца Галактики! — бесстрастно произнес старик. Он успокоился, руки его вновь легли на колени. — Думаю, вы мне не поверите, — продолжал он, — сочтете меня сумасшедшим, мифоманом, ведь я уже двадцать лет в ссылке. Я не могу предъявить доказательств. Но вы явились, чтобы услышать историю моих странствий? Располагайте ею как хотите.

— Я верю вам, — прошептал Алган, ощущая на затылке легкое дыхание ветра. Над космопортом взошли три розовые луны. В прошлую ночь он их не заметил. Потом понял, что видит на низких тучах световые пятна от лучей мощных прожекторов.

Ему ничего не оставалось, как принять рассказ старика, довериться его воспоминаниям — ведь тот был единственным очевидцем невероятных событий. «На самом деле в его истории нет ничего невероятного, — подумал Алган, — звездолеты, несущиеся со скоростью света, отодвинули границы возможного. Мир как-то сразу раздался во все стороны, человеческий опыт оказался слишком скучным, и все, что выходит за его рамки, кажется чудесами и фантастикой». В человеческой истории подобное случалось — так было, когда на Земле европейские мореплаватели открыли новые материки, и сомнение уступило место вере. Потом земли освоили, и люди забыли о недавнем опьянении новым. А в космосе сколько бы люди ни открывали миров, еще больше их оставалось неоткрытыми. Люди забыли, что границ познания не существует. Они могли освоить любую планету, если только ее не заняли другие.

— Меня мало волнует, поверите вы или нет, — сказал старик, и голос его вдруг стал старчески пронзительным. — То были люди, как и мы, и прибыли они с противоположного конца Галактики. Их раса появилась в условиях, сходных с земными, и

мне не надо было пересказывать историю их рода. Я вдруг сообразил, что знаю ее. Это была история рода человеческого. Конечно, с некоторыми отклонениями. Природа отнеслась к ним с большей синхронностью, чем к нам. Они прошли более долгий путь развития. Но он был не столь извилистым. Они совершили меньше ошибок, хотя их тоже было предостаточно. Их язык совсем не похож на наш, он более гибок и одновременно сложнее любого человеческого языка. У них иной звуковой аппарат — я не мог повторить многие из звуков их языка, а наши фонемы оказались непроизносимыми для них. Но языковые различия не могут быть барьером между людьми. В Освоенной Галактике существуют и существовали разные языки, однако люди есть люди. И пришельцы тоже были людьми.

— Случайность, — выдохнул Алган. — Галактика так обширна.

— Может быть, — тихо откликнулся старик, — может быть. Я никогда не понимал, что такое случайность. И не верю в случайность одновременного развития нескольких человеческих рас в различных точках Галактики, равно как и в случайность их встречи именно в тот момент, когда они научились звездоплаванию. У меня есть веские доводы. Подождите немного. У меня пересохло в глотке. Принесите из хижины металлический кувшин и пару стаканов — вы найдете их на полке над дверью.

Алган встал, положил шахматную доску на чурбан, служивший ему сиденьем, и пересек двор, schlепая по лужам, которые казались кровавыми в свете пурпурной звезды. Ему пришлось нагнуться, чтобы войти в низкую дверь, и некоторое время его глаза привыкали к розовому полумраку хижины. Весь пол, кроме двух дорожек, от двери до кровати и от кровати до стола, был покрыт толстым слоем розо-

вой пыли, свидетелем неумолимого бега времени.

Но годы, проведенные здесь старым пилотом, были пустяком в сравнении с годами, прожитыми в космосе и наполнившими память старика неизбывными воспоминаниями. Он родился во времена столь далеких предков Алгана, что их имен не сохранилось ни в древнейших запыленных архивах, ни на кладбищенских плитах древнего Дарка. Он очень долго путешествовал среди звезд, и нить его жизни необычайно растянулась. Старик был своего рода ископаемым, заброшенным течениями космоса на эту бедную отдаленную планету. Он обманул время, но время все же отмстило ему.

И отмстило по-своему: оно не давало забыть о себе — покрыло толстым слоем розовой пыли пол и мебель, кристалл, найденный в неизвестных горах, череп редчайшего животного, древнее ружье с ремнем из ломкой кожи, висевшее на гвозде.

Алган нашел металлический кувшин и два стакана.

— Спасибо, — поблагодарил старик. — Мне стало трудно двигаться. Пару лет назад я еще сражался со здешним лесом, но теперь с работой покончено. Всему приходит конец.

Алган пригубил напиток — он был тягучим и сладким.

— Если говорить точнее, они прибыли не с противоположного конца Галактики, но место их рождения столь отдаленно, что мы не видим их звезды — она растворена в тумане мириадов солнц. Их экспедиция удалилась от своей базы еще дальше, чем мы. Я уже говорил, что их звездолеты были не столь совершенны и быстры, как наши. Но продолжительность полета не играла для них той роли, какую играла для нас. Их мало волновало, проведут они жизнь в звездолете или на родной пла-

нете. Их рассуждения были сходны с рассуждениями людей Бетельгейзе, они мыслили в терминах бесконечности времени и пространства. Но это не суть важно.

Вам известно, что картографы искусственно разделили Галактику на четыре четверти и триста секторов. Освоенная Галактика занимает первые четыре сектора. Их звездная система располагается в двенадцатом секторе, если считать от Земли, и на расстоянии вдвое меньшем от Центра Галактики, чем Солнечная система.

Встреча со мной не вызвала у них особого удивления. Казалось, они предвидели ее. Они, по-видимому, знали, что в самых отдаленных секторах Галактики существуют иные человечества, что цивилизации разделены безднами пространства. Вот они и исследуют его, идут друг другу навстречу, образуя по периферии Галактики единую цепь цивилизаций. После долгого путешествия они оставили меня на одной из освоенных человеком планет. Дальше я возвращался обходными путями. Я хотел продать пуританам то, что знал, но обо мне про слышали люди Бетельгейзе. Когда я рассказал им все, что вы только что услышали, они начали издавать надо мной и отправили в ссылку на эту планету.

— Все это очень интересно, — сказал Алган. — Но у вас в самом деле нет ни малейших доказательств.

Его голос дрожал от нервного напряжения.

— Ни малейших доказательств? — переспросил старик. — А то, что я жив? Чего вам надо еще?

— Почему ваши спасители не вступили в контакт с нами? Почему не полетели на Бетельгейзе? Ведь они достигли границ наших владений.

— Они не стремились к контакту. Наверно, счи-

тали, что преждевременный контакт принесет больше вреда, чем пользы. Я не знаю их планов, но они, похоже, не спешили.

— Это все? — спросил Алган.

— Почти все. Кое-что на десерт. У них имелись шахматы — та же доска из шестидесяти четырех клеток — и, наконец, столь редкий в наших краях зотл. Они получали напиток из того же твердого корня, растущего глубоко в почве. Однако зотл не произрастал на их родной планете, как его не было в свое время и на Земле. Они, как и мы, наткнулись на зотл, исследуя иные миры. Я уверен, что в пространстве существуют три связанные между собой вещи — шахматная доска, которую создали задолго до человека, сам человек, а также зотл, открытый на определенной стадии развития человечества. Как связаны эти три вещи — тайна. Ее-то вам и предстоит разгадать.

Старик поднял глаза к небу и посмотрел на красную звезду. Его сухие губы подергивались, а лежащие на коленях руки дрожали. Ночь унесла последнее дуновение ветра. Старик встал, опираясь на палку.

— Пошли перекусим, — сказал он, — и отдохнем.

Алган вслушивался в медленное неровное дыхание старика. Он лежал, завернувшись в покрывало, положив под голову рюкзак, и ждал, когда придет сон. Но сон не приходил.

Алган не отрывал взгляда от залитого красноватым светом потолка. Нервы его были напряжены. Тишину ночи нарушали только поскрипывание дерева и дыхание старика.

Алган размышлял.

Может, то, что он услышал, всего лишь легенды, вымысел?

Но ведь существовало пространство с мириадами миров и возможностей. Оно каждодневно задавало сотни вопросов, которые никто не мог разрешить... А кроме того, последнее время люди жили словно в ожидании встречи с иной разумной расой. Гуманоидной или нет — неважно, но именно иной, которая не была бы следствием мутации некоей ветви человечества, вроде жителей Аро с их глазами без зрачков.

Существовал Ногаро с его любознательностью, существовали пуритане Эльсинора и их десяти планет, существовали люди Бетельгейзе с их тайным интересом к почти сказочным историям, которые поведали первопроходцы. Существовала убежденность Ногаро и торговца с Эльсинора в том, что недостижимые глубины пространства скрывают тайны бытия.

И еще существовала шахматная доска.

А Жергу Алгану с его ограниченными знаниями предстояло принести ответы на мучившие всех этих людей вопросы. Информации было мало — сведения о двух или трех погибших экспедициях, странные видения после глотка зотла, неведомые черные цитадели, в которые верили пуритане и которые были, похоже, известны людям Бетельгейзе.

Могло быть так, что ответ на все вопросы находится на Бетельгейзе. Он мог храниться в памяти гигантских машин, в архивах, в отчетах. А Жерг Алган всего лишь пешка, предназначенный для того, чтобы направить пуритан Эльсинора по ложному следу.

Но существовала шахматная доска.

И ее шестьдесят четыре клетки — черный ящик с двойным входом и математически безграничным ко-

личеством комбинаций, разрисованный странными фигурами.

«А если это символ? Символ Вселенной? — спрашивал себя Алган, глядя на красный квадрат окна. Спина его ощущала неровности пола. — А если это ключ, некое подобие плана или дверь к тайне черных цитadelей, дающая право на владение ими тому, кто соберет разрозненные куски мозаики в одно целое»?

Он сунул руку под голову и, пошарив в мешке, достал доску. Пальцы, казалось, сами тянулись погладить ее полированную поверхность. Да, шахматная доска могла служить ключом, и он ждал того человека, который воспользуется им. Может, в пространстве рассеяно столько же черных цитаделей, сколько рисинок пообещал дать некий раджа изобретателю шахмат — одну рисинку за первую клетку, две за вторую, четыре за третью и так далее, и оказалось, что вся земля не в состоянии родить столь несметного количества риса.

А может, доска была моделью пространства, и ходы фигур наглядно изображали некоторые наиболее удобные траектории перемещения? Шахматная игра готовила человеческий мозг к решению некоторых топологических задач, а разыгранная партия соответствовала решению определенных проблем, исходными данными которых были точные пространственные координаты.

Проблемы шахматной игры были проблемами геометрическими, пространственными, топологическими. Играя, следовало выбирать сложные маршруты и избегать губительного влияния отдельных фигур, находящихся в тех или иных точках пространства.

Например, в центре доски.

«Из чего сделана эта доска — из дерева?» — спросил он сам себя, поглаживая пальцами ровную полированную поверхность и не ощущая ни малейшего зазора между клетками.

В первый момент он решил, что доска изготовлена из разных пород дерева. Но почему именно из дерева? Просто такие доски почти всегда делались из дерева.

Теперь его одолело сомнение — могло ли дерево так хорошо сохраниться.

А может, доска была грубой подделкой, ловушкой?

Он отбросил эту мысль. И пуритане, и люди Бетельгейзе обладали достаточным арсеналом средств, чтобы точно установить возраст любой вещи, и вряд ли их удалось бы обмануть. А зачем обманывать его, Жерга Алгана, человека с древней планеты, одинокого волка, бунтаря, заблудившегося на окраинах Освоенной Галактики!

А зотл? Зотл и шахматная доска.

Зотл, странный, абсолютно безвредный напиток, который подготавливал мозг и нервную систему человека к восприятию непонятных образов.

«Ирреальные видения, опасные для психики», — заявляли психологи. «Как сказать, — возражали математики и физики, — миры, доступ к которым открывает зотл, построены по законам логики и не похожи на бред, они столь же логичны, как и сама Вселенная».

«Бред, — упорствовали психологи, — неожиданные связи между нервными окончаниями. Вы видите то, что должны слышать, воспринятое слуховым нервом замыкается на оптический нерв».

Нейрологи пожимали плечами.

Шахматная доска и зотл.

Зотл тоже был дверью в неведомые миры. А шах-

матная доска — пропуском, планом, который позволял ориентироваться во Вселенной и посещать иные, непонятные, но вполне реальные миры.

Зотл и шахматная доска.

Они взаимно дополняли друг друга, как ключ и замочная скважина, если найдется человеческая рука, чтобы вставить ключ в скважину и толкнуть незапертую дверь.

Когда же дверь откроется, человек должен не только заглянуть в соседнюю комнату, но и смело переступить порог.

Смело переступить порог.

Шахматная доска и Жерг Алган.

Он вскочил на ноги и потряс старика за плечи.

— Проснитесь, — крикнул он, склонившись к морщинистому серому лицу.

— Что случилось? — пробормотал стариk, испуганно приподымаясь.

— Вставайте. Я все вам объясню. Мне нужна ваша помощь.

Старик натянул старый потертый комбинезон.

— Солнце еще не взошло, — его сухие губы едва шевелились.

— Неважно, — сказал Алган. — У меня нет времени ждать.

— Что вы собираетесь делать? — спросил стариk.

— Я долго размышлял над вашими словами. Мне нужен зотл. У вас он есть?

— Нет. Откуда?

— Кто на этой планете может иметь зотл?

— Не знаю. Здесь зотл не произрастает.

Старик толкнул дверь, и они вышли из лачуги. Ночной свет волшебно преобразил грязный двор. Джунгли вокруг казались столбами пламени, а дом — холодным костром. Над ним в пурпуре ночи

ледовым монолитом высыпалась громада космопорта.

— Погодите, — сказал старик. — Зотл наверняка есть у коменданта порта. Только не знаю, как вы сможете убедить этого человека дать вам его. Чем будете платить? Во всяком случае, скажите, что пришли от меня.

— Непременно, — пробормотал Жерг Алган. — Я сейчас же иду к нему.

— Еще очень рано. Подождите немного.

— Космопорт не ведает покоя ни днем ни ночью, — возразил Алган. — Я слишком долго ждал. Комендант должен запомнить мое посещение. Прощайте.

— Удачи вам, — пожелал старик, но голос его был полон сомнения. Он долго смотрел вслед Алгану, который, поправив рюкзак на спине, двинулся вверх по крутой тропинке, единственной улочке поселка, петлявшей среди жалких строений. Затем зевнул и отправился спать.

Комендант умышленно повернулся спиной к Алгану. Восходящее солнце высвечивало черные контуры антенн, казавшихся на фоне пурпурного неба ветвями странных геометрически правильных деревьев.

Комендант был невысок и темноволос. С годами он немного располнел, что несомненно испортило его характер. Он с тоской взирал на пустой порт и пустое небо в тщетной надежде разглядеть корабль с посланием Бетельгейзе на борту.

Время на Глании нередко тянулось слишком долго.

— Вы по делу? — недовольно спросил комендант. — Валяйте. Я вас слушаю.

— Вас даже не интересует, кто я? — удивился Алган.

— А какое это имеет значение? Слушаю вас!

Он нервно шевелил пальцами заложенных за спину рук. Первый солнечный луч вырвался из-за горизонта, и цвет неба стал меняться. Каждое утро и каждый вечер небо Глании становилось полем битвы между красной звездой и белым солнцем. Поутру белое солнце, словно громадный паук, плело свою серебристую паутину до самого горизонта, и красная звезда, запутавшись в этих сетях, бледнела и убегала вдаль.

Вечером все было наоборот. На Глании уже сложились свои легенды об этих ежедневных битвах красной звезды и белого солнца.

— Предлагаю вам отличиться в глазах Бетельгейзе, — медленно начал Алган. — Можете получить внеочередное повышение в чине или оказаться в каком-нибудь порту поближе.

— Вот как? — рассмеялся комендант, но смех его звучал натянуто. Он резко оборвал его, повернулся к Алгану и смерил его недоверчивым взглядом.

— В настоящий момент назрела настоятельная необходимость в мгновенном перемещении среди звезд, — начал Алган. — Все технические уловки, позволяющие увеличить скорость кораблей, практически исчерпаны. Думаю, центральное правительство Бетельгейзе оценит человека, который предложит новый способ перемещения в пространстве.

— Например, вас? — холодно осведомился комендант.

— Не важно кого. Предположите, что я приступил к решающим опытам. Мне нужно кое-что, что трудно отыскать здесь. Допустим, у вас есть это кое-что. Можете ли вы поделиться им, чтобы я мог продолжить опыты? Вам будет признательна вся Галактика.

— Что вам нужно? — спросил капитан, глядя в какую-то далекую точку над головой Алгана.

— Зотл, — тихо обронил Алган.

Взгляд капитана стал осмысленным. Его руки легли на стол, и он уставился на Алгана. Затем побагровел и расхохотался так, что из глаз брызнули слезы.

— Зотл, мой мальчик? — переспросил он. — И больше ничего? Вы уверены, что вам больше ничего не надо? А откуда вам известно, что он у меня есть? Вы не в своем уме, мой дорогой! Зотл для путешествия среди звезд. У меня не раз пытались выманить его, рассказывая самые невероятные истории, но такое я слышу впервые. Хотя вы, похоже, твердо верите в свою выдумку. Вы — пааноник, чистейший пааноник.

Комендант перестал смеяться.

— Что-то слишком долго я любуюсь вами, — процедил он сквозь зубы. — Убирайтесь отсюда.

— Я знаю цену зотлу, — настаивал Алган. — И готов заплатить за него. Такая сделка абсолютно законна. Глания — подконтрольная территория Бетельгейзе. Вы имеете право продать мне зотл, если он у вас есть, капитан. И можете рассчитывать на признательность Бетельгейзе.

Глаза коменданта сделались мечтательными.

— Да, у меня есть зотл, — сказал он. — Действительно, его продажа не запрещена. Раз вы посланец Бетельгейзе, вы это знаете. Мне следовало догадаться, что вы ее тайный эмиссар.

— Я вовсе не тайный эмиссар Бетельгейзе, — перебил его Алган. — Я скажу вам правду, пока вы сами не докопались до нее. Мой ноги ни разу не было на Бетельгейзе. Но мне нужен зотл, и я готов уплатить за него вдвадцать раз больше того, что он стоит. Откроем наши карты!

— Согласен, — сказал капитан. — У вас есть деньги?

— Нет, — ответил Алган.

Комендант нервно дернулся.

— Вы сошли с ума, — произнес он.

Его рука потянулась к кнопке, скрытой в резьбе стола.

— Подождите. У меня нет денег при себе, но это не значит, что я не располагаю значительной суммой. Моя персона стоит очень дорого. Мне надо двенадцать корней зотла. Оцените их сами.

Комендант задумался. Сумма была огромной.

— Примерно пятьсот кредитов, — сказал он.

— Даю вам пять тысяч, — усмехнулся Алган. — Меня зовут Жерг Алган. Моя голова оценена в эту сумму. Можете проверить секретные сообщения.

Некоторое время они молчали, пристально глядя друг на друга. Потом комендант нарушил молчание.

— Кажется, — сказал он, — вы предусмотрели все. Но, что вы сделаете, если я вас арестую, а зотла не дам?

— Все очень просто. Сумма будет вручена лишь тому, кто схватит меня. Но, если я сам сдамся представителю Бетельгейзе, дело меняется. Существуют два варианта: либо вы ловите меня после отчаянного преследования и получаете вознаграждение, либо я сдаюсь, и вы не получаете ничего.

— Вам никто не поверит, — возразил капитан, закусив губу. — Они скорее поверят мне, чем вам.

— Конечно, — согласился Алган. — Но они еще больше поверят детектору лжи. Ему я буду вынужден сказать правду. Станет ясно, что я действительно сдался. А вас привлекут к ответственности за лжесвидетельство. Если вы примете мои условия, я никогда не окажусь перед детектором лжи.

Закон разрешает преступнику отказаться от испытания детектором лжи, как бы ни были тяжки обвинения против него. Мне терять нечего.

— Где гарантия того, что вы не попытаетесь обмануть меня после ареста?

— Гарантии у вас нет. Ваше слово против моего. Я был с вами откровенен, дабы вы поняли, что игра стоит свеч. Кроме того, какой смысл мне обманывать вас? Платит Бетельгейзе, а не я. Вам надо пойти на риск. Дело стоит того, советую — поверьте мне.

— Пять тысяч кредитов, — протянул комендант. — Цена средней планеты. Но, если вы тайный эмиссар Бетельгейзе, будьте вы прокляты.

— За мою голову назначена цена, — напомнил Алган. — Можете проверить.

— Хорошо.

Комендант склонился над экраном, на котором проносились какие-то данные о планетах, положении звездолетов, затем бег информационных сообщений замедлился и появилось изображение Алгана.

Портрет был на удивление реален. Скорее всего, его сфотографировали во время тренировок. Однако снимок принадлежал прошлому. После всех приключений лицо Алгана огрубело и черты стали жестче, взгляд глубоко посаженных глаз приобрел остроту.

Инструкции. Детальное описание. Формулировка обвинения. Изображение корабля, на котором он сбежал с Эльсинора. Сумма, назначенная за его поимку, — ее мог получить любой гражданин Галактики, будь то солдат, офицер или гражданское лицо. Предупреждение красными буквами: «Взять живым. Ни при каких обстоятельствах не стрелять. Скорее всего, не опасен».

— Похоже, вы им очень нужны, — усмехнулся капитан.

— Больше, чем вы думаете. Я им нужен так же, как мне зотл. И по тем же причинам.

— Ну что же. Следуйте за мной.

Алган шел позади капитана. У него было время на размышления. В обвинении ничего не говорилось о тех угрозах, которые он выдвигал против Бетельгейзе. Упоминался лишь захват корабля. И то в довольно сдержанном тоне. Люди с Бетельгейзе явно хотели наложить лапу на Алгана, если ему удастся что-нибудь узнать, раньше, чем его перехватят пуритане. Они пустили Алгана в космос, какпускают в нору терьера, а сами расставили сети у всех выходов, надеясь захватить и его, и спугнутую им добычу.

Но они не знали, что есть еще один выход.

— Предпринимать что-либо против меня бесмысленно, — сказал комендант. — Вы, вероятно, знаете, что на территории порта не действует никакое оружие, если только я не отдаю приказ локально снять нейтрализующее поле. Моя охрана вмешается при малейшем подозрительном жесте. Добавлю, за всю долгую историю Освоенной Галактики не было случая, чтобы какая-нибудь, даже отменно вооруженная и хорошо осведомленная группа захватила космопорт.

— Все это лишние слова, — перебил его Алган. — Я явился к вам не для того, чтобы сражаться.

Они переступили порог, дверь бесшумно захлопнулась за их спиной. Часть стены повернулась вокруг своей оси, глазам открылось помещение, где стояла машина для выжимки зотла и лежала куча корней. Алган присвистнул сквозь зубы.

Комендант был настороже, вероятно, он все еще не исключал, что Алган является тайным эмиссаром Бетельгейзе.

— Начинайте выжимку, — нетерпеливо воскликнул Алган.

Он извлек из рюкзака шахматную доску и положил ее на низенький столик. Пододвинул к столику кресло, уселся в него и положил руки на доску, каждый палец на отдельную клетку. Затем убрал руки и всмотрелся в гравюры. Ему показалось — наверно, то была иллюзия, — что они слегка дрожали. Он заставил себя переключиться на посторонние мысли. Он не знал, что еще с ним произойдет. Но это уже не имело особого значения. Он не видел иного выхода. Если это был выход. Он смотрел, как тяжелый поршень давит на корень, и вспоминал Дарк и торговца с Эльсинора.

С начала его путешествия прошло не так уж много дней, но он путешествовал со скоростью света, и за это время на Даркии миновало немало лет.

Живы ли его друзья?

Он посмотрел на неполный стакан, который комендант поставил перед ним, и отодвинул его.

— Добавьте еще один корень. Удвойте дозу.

Комендант подозрительно глянул на шахматную доску.

— А это что такое?

— Я объясню вам позже, — устало ответил Алган.

Еще один корень лег под поршень.

Алган не знал, сколько может понадобиться зотла. Он проводил опыт. Он расценивал шансы на успех как один к девяти.

Алган осушил стакан до последней капли и положил руки на доску. Наугад.

Ничего не произошло.

Он увидел, что комендачт с удивлением смотрит на него. Глаза коменданта буквально вылезали из орбит. Его губы шевелились, пытаясь что-то произнести.

Предметы задрожали, краски смешались в одну.

— До свидания, — едва успел выдохнуть Алган. И исчез.

Вместе с шахматной доской.

8. За барьером мертвых звезд

Во все стороны тянулось зыбкое и бесформенное серое пространство, которое пронизывали кривые, дрожащие линии. Постепенно они выровнялись и застыли на месте, приобретя четкость и прямизну. Между ними образовались зоны потемнее и посветлее — перед его глазами возникла шахматная доска.

Алган безуспешно пытался стряхнуть оцепенение. Под ногами зияла бездна. В первые мгновения ему показалось, что он падает в пустоту, затем головокружение прошло — он стоял на бескрайней шахматной доске, и контуры ее с каждым мгновением становились все четче и четче.

Алган, пешка на игровом поле, прыгал из клетки в клетку какими-то замысловатыми ходами. Череп раскалывался от боли, и он никак не мог взять в толк, зачем это делает, но в глубине сознания таилось убеждение в том, что так и надо. Некогда он знал, почему следует совершать эти прыжки, но забыл и не мог вспомнить — головная боль мешала сосредоточиться.

Мозг напряженно работал, инстинктивно рассчитывая что-то, хотя Алган не понимал, как это ему удается. Он пользовался результатами расчетов,

но по-прежнему не знал, зачем прыгает по этой шахматной доске.

По-видимому, между его расчетами, головной болью и передвижениями по шестидесяти четырем клеткам существовала определенная связь. Алган удивлялся — всего шестьдесят четыре поля, а доска выглядит бесконечной. Он заблудился в ватном тумане, лишился памяти, его окружал непонятный мир.

— Как твое имя? — громко спросил он.

Но ответа не последовало.

Разум Алгана был поглощен единственным — решением того, на какую клетку перескочить при следующем ходе. Он собрал последние силы. И вдруг мысли прояснились, пробудились спящие области мозга. Его охватило пьянящее чувство победы, хотя он не знал, в чем она выражалась.

В мозгу Алгана созрело некое решение — он возобновил свои прыжки по шахматной доске.

— Как твое имя? — переспросил он.

А что такое имя? Алган понимал, кто-то ставит ему задачи и требует от него правильных ходов, словно заставляя сражаться в шахматы с невидимым противником.

Все определял правильно выбранный ход.

Шестьдесят четыре поля — это так мало, а количество ходов неисчислимо: можно обойти или преодолеть любые препятствия. Но каждый ход требовал невероятно сложных расчетов.

«Мозгу, словно вычислительной машине, — вслух рассуждал он, — приходится решать задачи, поставленные...

Кем?

Никем.

Мною, Жергом Алганом».

Он решил задачу и вспомнил свое имя. Жерг

Алган. Тридцать два года. Бунтарь, бросивший вызов Бетельгейзе. В бегах. Только что с помощью шахматной доски покинул Гланию. Выполняет ответственную миссию.

Голова раскалывалась от боли.

«Я брежу», — подумал он.

Пелена серого тумана разорвалась. Он завис в центре черной Вселенной, утыканной блестками звезд, — в пространстве.

Алгану удалось решить загадку шахматной доски. Он пересек космическую пустоту и покинул Гланию. Он извлек корень из уравнения «человек + шахматная доска + золото». И не сошел с ума. Он снова вступил в контакт с реальностью. Почему он был уверен в истинности своего прозрения? Он плыл в черном пространстве с редкими звездами. Его вдруг охватил ужас бесконечного падения. Но рефлексы, выработанные во время тренировок на Даркий, помогли взять себя в руки.

Он никуда не падал. Когда его глаза привыкли к темноте, он осознал, что сидит в громадном черном кресле из твердого холодного материала перед столом, вырубленным из того же вещества. Столешница представляла собой шахматную доску. Его пальцы лежали на клетках доски. Недвижный воздух был прохладен и живителен. Алган поднял голову и увидел на черном небосводе точечки звезд — их было немного, и они излучали тусклый красноватый свет. Многие из них давно погасли. Казалось, до этих умирающих костров рукой подать. А за ними, в пространстве, на чудовищном расстоянии, сверкали целые облака звезд, сливавшихся в один сияющий мир.

Небо над головой было таким черным, ни малейшей дымки, и он понял — планета лишена атмосферы.

«Меня окружает силовое поле, — решил он. — Оно удерживает в этом океане пустоты ничтожный пузырек воздуха, позволяющий мне выжить. Не исключено, что моего визита ждут с незапамятных времен и гигантская космическая цитадель построена в предвидении моего появления».

Немыслимо было представить, что некая древняя раса, скорее всего негуманоидная, могла разбросать по Галактике огромные станции с единственной целью — облегчить роду человеческому освоение пространства. А может, то была раса людей, чьи древние машины продолжали функционировать после ее гибели?

Он выбрался из кресла и обошел громадный круглый зал. Исходивший откуда-то неяркий свет не мешал видеть звезды.

На гладких черных стенах зала не было никаких украшений. Только прямо напротив стола, за которым он только что сидел, Алган обнаружил все то же изображение шахматной доски с тонкими рисунками на каждой клетке.

Рисунки были знакомы Алгану. Только располагались в ином порядке. Он пересек зал, взял свою доску, сравнил ее с изображением на стене и не обнаружил ни малейшей разницы.

«Неужели мне изменяет память? — подумал он. — Нет, могу поклясться, фигуры на доске переместились сами собой».

Это могло означать, что шахматная доска была моделью Вселенной и решение любой задачи меняло расположение рисунков на ней, а вернее, отражало перемещения в пространстве.

Мгновенно ли происходило перемещение или растягивалось на века? Он не мог определить продолжительность собственного перелета, но знал, для него путешествие совершилось в очень корот-

кий срок. Он провел рукой по щеке — щетина почти не отросла. «Постарела ли Даркия? Сколько времени прошло на Бетельгейзе, пока я пересекал невообразимые пространства — тысячи лет или считанные секунды? А если я вернусь в Освоенную Галактику, с кем мне придется иметь дело — с Ногаро или с его отдаленными потомками, забывшими даже его имя?»

Стены зала выглядели глухими. Но замочной скважиной невидимой двери могла быть шахматная доска на стене. Он наугад провел пальцами по ее клеткам — его мозг был занят решением неведомой задачи. Но едва он коснулся центральных клеток, как раздался легкий хрустальный звон. Часть стены над доской повернулась.

Он отшатнулся — там могла таиться ловушка — и заметил в глубине ниши золотистый шар.

Алган сделал шаг вперед и понял, что это сосуд, наполненный янтарной жидкостью. Он узнал вытяжку из кореньев зотла.

«Итак, черные цитадели — ключ к разгадке тайны нерасторжимой связи человека, шахматной доски и зотла. Выпив зотл, человек обретает возможность взглянуть на Вселенную под другим углом зрения, а шахматная доска открывает ему путь в иные миры.

Перемещение происходит немедленно. И без посредства громадных дорогостоящих звездолетов.

Черные цитадели были своего рода космопортами. И если Бетельгейзе была пауком, соткавшим звездную паутину, в которой запуталась Освоенная Галактика, здесь дело обстояло иначе — где-то в Центре Галактики существовал необычный и древний разум. Он ждал, решал и действовал, наблюдая за людьми, осмелившимися проникнуть в запретный лабиринт.

Пока Алган не представлял себе, в какую часть Галактики его занесла шахматная доска. Судя по скудости звезд и глубокой черноте неба, он попал на крупную безжизненную планету на окраине Освоенной Галактики. Ближайшие светила выглядели угасающими или погибшими в результате древнего беспощадного катаклизма. Он припомнил, что старый пилот с Глании говорил о цепи мертвых солнц, которые преграждали путь экспедициям, летящим к Центру Галактики.

В незапамятные времена, еще до зарождения жизни на Земле, здесь пронесся смерч немыслимой энергии и оставил после себя глубокий шрам на плоти космоса. Он резко ускорил процесс старения и умирания звезд. И на пути к запретным районам Центра Галактики возник барьер из белых карликов и красных гигантов. Значит, он оказался ближе к Центру Галактики, чем предполагал раньше. Но близость эта была призрачной, если мыслить в привычных единицах измерения. Свет пробегал путь от Центра Галактики до ее границ за пятьдесят тысяч лет. Люди в звездолетах, уходя в иные измерения, могли в лучшем случае сократить это время в сотню раз. И все же этого не хватало. Алган впервые осознал туманный смысл некоторых самых простых понятий, которыми издавна пользовался человек.

Люди освоили крохотную космическую провинцию где-то на задворках Галактики; они исследовали всего несколько тысяч планет, а ведь их окружали миллионы солнц. По телу Алгана пробежала дрожь. С него разом слетела вся его спесь и самоуверенность человека. Мозг Алгана почти не воспринимал того, что видели глаза — бесчисленные искорки звездных скоплений, затерянные в невероятно обширной Вселенной. Мир оказался слишком

сложным и необъятным. Он зажмурился. И вдруг его поразила мысль, что он наделен не менее сложным, чем сама Галактика, механизмом. Он обладал мозгом с миллиардами нейронов, способных реализовать неимоверное количество ассоциаций. Вселенная ставила практически бесконечное количество задач, а люди располагали инструментом, способным решать их, решать и сознательно и бессознательно.

Он взял сосуд и залпом выпил зотл. Напиток освежил пересохшее горло. Алган пересек зал, уселся в кресло, поставил пальцы на шахматную доску и внимательно оглядел небо. Мигая, звезды изменили свой рисунок.

Переход совершился проще, чем в первый раз. Он не ощущил распада, головная боль окончательно ушла. Он висел в сером тумане, а его подсознание управляло движением пальцев по шахматной доске и перемещением тела в пространстве.

Он двигался вслепую. Ему хотелось постичь природу и происхождение таинственных создателей шахматной доски и черных цитаделей. Перескакивая из одного мира в другой, он надеялся в конце концов попасть на планету тех, кто построил цитадели.

Галактика состояла из миллионов солнц и планет, и повсюду могли существовать черные цитадели. В этом случае поиски становились безнадежными.

Он быстро убедился в том, что черные цитадели как две капли воды походят одна на другую. И зал с невидимым куполом, в который он попадал в конце каждого путешествия, всегда был круглым. Но этот купол каждый раз пропускал лучи других солнц, а цвет небосвода менялся.

Один раз ему показалось, что он попал в морс-

кие глубины — таким низким и зеленым было небо. Он не видел никаких звезд, кроме огромного тусклого светила. В другой раз планета была невероятно велика. Он оглядел низкие голубоватые холмы, пугающие своей неподвижностью, — ничто не шелохнулось на них и не дрогнуло. Это был мир, где жизнь либо еще не зародилась, либо вовсе была невозможна. Этот мир замкнулся сам в себе и отгородился от Вселенной плотными облачными стенами.

Он покинул его и попал на обломок планеты причудливо петляющий среди созвездий. Он понял, что приближается к Центру Галактики — вокруг сверкали мириады звезд. Казалось, они касаются друг друга и вот-вот столкнутся. Небо отливало золотом, а редкие темные провалы выглядели черными звездами, излучавшими ночь. Новый мир — под пурпурными небесами, словно подожженными близким красным гигантом, торчали руины. Обратившийся в прах дворец не смог бросить вызов времени, против него устояли лишь черные цитадели...

Он со все большей легкостью ориентировался на ограниченном поле шахматной доски. Алган пока не понимал механизма воздействия его мозга на шестьдесят четыре клетки и странные рисунки, которые украшали их. Он не знал, какие способности его мозга включались в работу, но это его не волновало. Он обучился всему — и прыжкам через Галактику, и перемещениям в границах одной планеты. Он мог передвигаться на любые расстояния, запрыгнуть на вершину черной цитадели и выйти в нормальное пространство в любой точке.

Алган замирал в космосе, в сердце звезды, на поверхности пустынного мира, а через секунду укрывался в черной цитадели. И всегда его окружало

силовое поле. Он находился как бы и внутри, и вне нормального пространства.

Алган путешествовал, не ощущая ни голода, ни жажды, ни усталости. Он выпал из обычного времени. Его переполняло неведомое до сих пор чувство необычайной полноты ощущений. Его охватила уверенность, что он наконец приступил к выполнению миссии, к которой давно готовился. Он стал хозяином звезд и пространства, превзошел в могуществе и людей Бетельгейзе, и пуритан Эльсинора и десятки их планет. Он совершил то, о чем никто из них не смел и мечтать.

Миры, окованные льдами, и миры, охваченные пламенем, планеты, усеянные алмазными россыпями, и планеты, укутанные песками, планеты болот и планеты пустынь, планеты, укрытые тяжелым одеялом туч, планеты светящихся туманов и планеты лиловых равнин, из края в край покрытых кристаллами, планеты бушующих океанов и планеты без признаков жизни — все это открывалось ему с высоты прозрачных куполов вечных черных цитаделей. Вначале Алган думал, что не покидает гигантского звездолета, который сопровождает его в нескончаемом беге по звездному полю Вселенной.

Он посетил безымянные миры, на которые никогда не ступит нога человека и которые не изменит человеческая цивилизация. Все они обладали своей особой красотой, которая поражала сильнее, чем изображения тех миров, что он некогда разглядывал в книгах, посвященных освоению космоса. На некоторых из них свет искривлялся, а поверхность была изломана чудовищной гравитацией. Но внутри черных цитаделей ничего не менялось.

Его глаза видели гигантские звезды, которые раскаленными шарами висели в пустоте. Их разме-

ры превосходили такие светила, как Рас Альгети или Эпсилон Оригэ, которыми восхищались астрономы героических времен. Один из этапов путешествия привел его к «подножию» невероятного каскада солнц и планет в центральных районах Галактики. Алган совершил одно открытие за другим, наблюдал искривленное пространство, феерическое разноцветье звезд. Здесь, казалось, светилось само пространство, насыщенное газом и космической пылью. Он видел звезды, окруженные кольцами, ловил рассиянные лучи далеких шаровых скоплений, в которых было больше звезд, чем их завоевал человек за всю свою долгую историю, хотя это были лишь капли материи в океане Вселенной.

Восхищение неведомыми творцами черных цитаделей возросло еще больше, когда он понял, что существует не только в пространстве, но и во времени, ибо звезды, свет которых он видел на Даркии, свет, который доходил до нее от Центра Галактики за тысячи лет, теперь он видел такими, какими они были несколько лет назад. Неведомая раса создала цивилизацию по меркам Вселенной, и система космопортов, созданная человеком, по сравнению с ней выглядела жалким муравейником.

— Неужели она мертва? — спрашивал он сам себя.

Он нигде не отыскал следов жизни. В пустых залах не было и намека на нее, словно цитадели давно забросили за ненадобностью или построили без всякой необходимости.

И вдруг все изменилось — он нерешительными кругами приближался к Центру Галактики. В воздухе ощущалось незримое присутствие, едва уловимый запах, будто кто-то недавно побывал здесь, оставил след, но исчез за миг до появления Алгана. Черные цитадели, как заметил Алган, все чаще

располагались на громадных планетах с водородной атмосферой.

Однажды плиты пола стали сотрясаться. Алган долго ждал, но ничего не произошло. В безмолвии прошли долгие часы, конечности налились свинцовой усталостью. Он двинулся дальше.

Путешествие явно близилось к завершению. Пальцы, казалось, выбирали клетки случайно, а на самом деле — он осознавал это — его мозг решал задачи, не известно кем и как поставленные перед ним.

И вдруг он попал в необычный зал. В стенах были прорезаны широкие проемы. Он выскочил наружу и увидел золотое небо и красно-фиолетовые луга, чем-то похожие на луга его родной планеты. На горизонте тянулись гряды невысоких холмов. Его кожа ощущала жаркое прикосновение лучей тысяч солнц. У него закружилась голова, и он рухнул в мягкую и прохладную траву.

Он понял, что прибыл в тот мир, который искал, в конечную точку своего беспримерного поиска. Он поднял голову на какое-то мгновенье раньше, чем услышал голос.

— Приветствуя тебя, дитя, — низкий голос был очень мелодичен.

— Я не дитя, — возмутился Алган. — Я — человек.

— В нашем языке «человек» и «дитя», — ответил голос непререкаемым тоном, — суть синонимы.

9. Бетельгейзе

Обнаженные стены громадного зала излучали неяркий свет. Вокруг хрустального стола сидели восемь мужчин в серебристых одеждах. Их пальцы

украшали тяжелые перстни. Поглядывая друг на друга, люди вели неторопливую беседу. Когда все смолкали, тяжелую тишину зала не нарушал ни малейший шорох.

Зал находился глубоко под поверхностью планеты, обращавшейся вокруг Бетельгейзе. От фундамента Дворца правительства его отделяли двести пятьдесят метров скальной породы и пятьдесят метров стали.

Эти восемь человек распоряжались судьбами Освоенной Галактики.

— Вы слишком молоды, Стелло, — произнес шатен с глубоко сидящими черными глазами. — Об этом мятеже нам известно все. Мы не сторонники применения силы. В нашем распоряжении время.

— Ну и что, — возразил Стелло. Он сидел по правую руку от шатена. — Три случая неповиновения за одну неделю. Корабль в районе Альдебарана, экипаж которого во главе с капитаном занимается гнуснейшей контрабандой. Станция на Ольдебе V, которая отказывается принять нашего посланца. И наконец, экспедиция окраинных миров, которая не желает покидать планету, где работали наши исследователи. Если так пойдет и дальше, наш флот откажется выполнять приказы и займется пиратством или приступит к колонизации планет-садов в разных концах Галактики. Я настаиваю на принятии энергичных мер для поддержания дисциплины на флоте.

Все головы повернулись к Стелло. В глазах людей мелькали веселые искорки. Собравшиеся были немолоды, но время не оставил следов на тонкой белой коже их лиц и рук.

— Я проголосую против, — сказал черноглазый. — И не потому, что мне претит применение силы. Я против бессмысленного и жестокого уни-

тожения наших противников. Поверьте, Стелло, если я и опасаюсь за будущее Галактики, то жду неприятностей не отсюда. Вам пока недостает опыта. Мы зналли самые разные времена. От нас отделялись целые звездные системы. Но они всегда возвращались под родную сень. И вовсе не обязательно, чтобы усмирением непокорных занимался военный флот. Существуют и другие методы. Почему вы считаете нежелательной колонизацию отдаленной планеты экипажем какого-либо корабля? Их потомки все равно придут к нам за помощью и защитой.

— Возможно, — нехотя согласился Стелло и поставил стакан на хрустальную столешницу. Он обежал взглядом невозмутимые лица — холодные глаза, тонкие губы и высокие лбы мудрецов.

— В нашем распоряжении практически неограниченные средства, — вступил в разговор Альбранд. — И, несмотря на это, Стелло, мы на удивление бессильны. Стремясь поддерживать порядок в Освоенной Галактике, мы давно превратились в самых могущественных тиранов в человеческой истории, но пространство и время воздвигли почти непреодолимый барьер между нами и теми, кого мы хотели бы покарать. Не знаю, как назовут нашу эпоху будущие историки. Надеюсь, о нас станут судить лишь по нашим намерениям. Мы мечтаем вручить людям всю Галактику.

— Мы знаем это, Альбранд, — ледяным тоном произнес Ольриж, чья рыжая шевелюра была известна экипажу любого корабля Бетельгейзе. — Мы также знаем, какое удовольствие вы получаете от управления этой галактической империей, хотя вас не удостаивают, как королей, императоров и диктаторов прошлого, овациями и положенными по рангу почестями. Я наблюдаю за вами почти три

столетия, а последнее время вы только и разглагольствуете о высокой миссии. Не иначе, к вам подкраилась старость.

— Замолчите, — прошипел Альбранд. Его пальцы дрожали от гнева, но лицо оставалось беспристрастным. — У меня амбиций не больше, чем у вас. Мне приносит удовлетворение моя работа администратора. Мною движет не жажда почестей, а жажда блага роду человеческому.

— Вы готовы на все, лишь бы называться всемогущим хозяином Освоенной Галактики.

— Вы сами мечтаете об этом, Ольриж.

— Не будем опускаться до склок, — вмешался черноглазый. — Разве не известно, что худшие опасности заложены в нас самих? Неужели за века жизни вы ничему не научились? Что стоят ваши идеалы и амбиции, если вы не умеете хранить молчание? Или перед лицом необозримого пространства, которое надо освоить, мы все не равны? Наша воля помогла людям перешагнуть через многие этапы развития. А вы своими бессмысленными пререканиями ставите под угрозу всякое дело. Я знал вас, Альбранд, в те времена, когда с ваших уст не сходило слово мир, а вас, Ольриж, когда вы мечтали дать людям могущество и свободу...

— Мы слишком далеки сегодня от прежних идеалов, — прервал его Стелло. — Что разумного мы сделали? Имеет ли смысл наша тайная власть? Не лучше ли бесхитростная анархия первых лет освоения пространства, чем установленный по законам логики железный порядок?

— Что с вами, Стелло? Вы уже забыли о карательных экспедициях, о репрессивных мерах, за которые только что ратовали? В вас поселилось сомнение? — усмехнулся черноглазый.

— Не знаю. Но меня не покидает предчувствие,

что наша империя развалится. Переживу ли я ее? Вряд ли. Я существую только ради нее. Я в меньшей мере принадлежу себе, чем последний из матросов корабля, на котором несколько лет назад облетел наши недавно открытые планеты. Я не сплю по ночам, думая о покоренных мирах и горстке живущих на них людей, о том, с какой легкостью могут порваться связи с ними. Человечество может погибнуть, и тогда нам, Бессмертным, мозгу цивилизации, не пережить гибели всего организма. Быть может, из страха мы прибегаем к насилию?

— Вы слишком увлекаетесь философами прошлого, — проворчал Альбранд. Остальные молчали, думая о своем.

— В словах Стелло есть доля истины, — наконец, проговорил Фулн, положив на холодный стол тонкие худые руки. — Мы — хозяева, но что мы стоим без нескольких миллионов бессмертных, которые бороздят Галактику, и без хранящих информацию электронных машин, которые зачастую старше нас. Порой мне кажется, что нас взяли на службу Машины, которые ведут за нашей спиной свою собственную тайную войну, и так продолжается извечно.

— Вы заговориваетесь, Фулн! — воскликнул Альбранд. — Машины предлагают, а выбор делаем мы, хотя миллиарды людей считают, что их судьбы вершит Машин. Стоит ли напоминать о первых бессмертных, которые разобрались в сути проблемы задолго до вашего рождения — они решили спрятаться за безликой Машиной и править людьми скрытно, ибо знали, люди с большей охотой подчинятся неукоснительным приказам Машины, чем себе подобных, даже если последние бессмертны. Машины в Бетельгейзе символизируют единение

Освоенной Галактики, а мы обеспечиваем это единение.

— Возможно, это и так, — согласился Фулн. — Возможно. А на основании чего мы принимаем решения? На основании информации, которую поставляет Машина. А если информация кем-то тщательно отфильтрована? Если Машина находится под чьим-то тайным контролем? Хотя бы под контролем одного из нас.

— Проблема древняя как мир, — тихо начал черноглазый. — Я не помню заседания, когда бы ее не обсуждали. И ни разу мы не пришли к согласию. Беда бессмертных в том, что опыт сделал их подозрительными, а они желают ясности в любом вопросе. Но это, увы, невозможно.

— Не суть важно, кто принимает решение, — воскликнул Стелло. — Мы преследуем определенную цель. И это главное в нашей деятельности.

Воцарилось молчание.

— Нам ее никогда не достигнуть, — мрачно изрек Ольриж.

Бессмертные переглянулись.

— А хотим ли мы ее достигнуть? — спросил черноглазый. — Когда центральная власть обосновалась на Бетельгейзе и бессмертные заняли ключевые посты, основной, но тщательно хранимой втайне целью было превратить человеческую расу в расу бессмертных, способныхбросить вызов Вселенной и в союзе с временем, или наперекор ему, освоить самые отдаленные закоулки пространства. Изменилась ли эта цель?

— Нет, — ответил Ольриж.

Все согласно закивали.

— А осталось ли желание достигнуть ее? Хотим ли мы уравнять с собой всю человеческую расу? Не уверен. По-видимому, произошли социологичес-

кие сдвиги, которые создатели централизованной власти не предусмотрели. Род человеческий разросся в пространстве в гигантский организм, и, как справедливо отметил Стелло, каждая планета суть его клетка, а Бетельгейзе — голова. Мы рады тому, что задаем организму цели и обеспечиваем его законами. И не хотим его распада даже ради появления высшей формы организации. Мы противимся его смерти, ибо умрем вместе с ним, и стремимся поддержать его в настоящем виде как можно дольше.

— Ну и что, — возразил Ольриж. — Стоит ли напоминать, почему не удалось достигнуть цели сразу? Сначала пришлось решать второстепенные проблемы. Бессмертие для всей расы одновременно могло поставить под угрозу будущее человечества. Наши предшественники справедливо опасались перенаселения, голода, войн! Освоенная Галактика в то время была не столь обширна, а человечество еще не созрело для бессмертия. Далеко ли мы ушли от них?

— У нас нет уверенности в правильности наших решений, — усмехнулся черноглазый, — и мы никогда не обретем ее. Мы покорили или исследовали огромное количество годных для жизни планет, но еще больше планет ожидает нас в будущем. Человечество тончайшей паутиной опутало звезды, но все наши победы окажутся бессмысленными, если в ближайшее время в нашем распоряжении не окажется нужного количества людей.

— Так созрело человечество или нет? — напомнил Ольриж.

— Даже обсуждая этот вопрос до скончания веков, мы не придем к единому мнению, — сказал черноглазый. — Когда-то кто-то решил, исходя из определенных критериев, которые сейчас мы отвергли

бы за несостоятельностью, что бессмертные пришли к зреости, а остальное человечество нет. Однако мы не изменили критериев для вербовки новых бессмертных. Некогда было решено, что бессмертие останется тайной, строго охраняемой тайной. Но удастся ли сохранить тайну вечно? Не лучше ли открыть ее до того, как это сделают другие?

— На что вы намекаете? — осведомился Ольриж.

— Нам удалось сохранить бессмертие втайне, введя поистине драконовские меры по ее охране. Во многом нам помогло удлинение времени — многие из нас неодократно путешествовали со скоростью света. Но где гарантии, что так будет всегда? А если в Освоенной Галактике появится новая группа бессмертных и она решит оспаривать наше главенство?

— В такой ситуации человечество, которое мы знаем, погибнет, — заметил Фули.

На привыкших сохранять невозмутимость лицах отразилось смятение.

— Пока нам удавалось преодолевать такого рода кризисы, — Ольриж был категоричен.

— Пока, — подчеркнул черноглазый. — Но сколько времени это будет продолжаться?

— Что вы предлагаете? — осведомился Альбранд.

— Бессмертие всему человеческому роду, и как можно быстрее.

Все замолчали. Стелло осушил свой стакан. Ольриж нервно сцепил пальцы.

— Я против, — наконец медленно проговорил он. — В данный момент я не вижу никакой опасности, ее просто нет.

— Вы уверены в этом? — ехидно спросил черноглазый.

— Предпочитаю, чтобы мне на нее указали пальцем. В Галактике сейчас царит спокойствие. Информация подтверждает это.

— Информация к нам поступает от Машины. Вы забыли о словах Фулна?

— Домыслы!

— Как знать!

— У нас нет врагов, которых вы могли назвать.

— У нас их десятки, Ольриж. Вы, наверно, спали все последние годы? А пуритане на их десяти планетах?

Ольриж расхохотался.

— Призраки. Мы раздавили их раз и навсегда лет пятьдесят назад. Теперь они знают, в чьих руках сила и кто вершит Историю.

— Может статься, что за пятьдесят лет они забыли о горечи поражения. Не спорьте, Ольриж. Вы совершаете ошибку, когда мыслите категориями бессмертных. В жизни обычного человека десять лет — немалый отрезок времени, а за полвека сменяются два поколения. Не уверен, что мы, бессмертные, сможем пережить поражение подобно простым смертным. Стоит нам раздавить одну волну непокорных, как на смену ей поднимается новая; мы же никогда не забываем полученных уроков. Каждое наше поражение окончательно и бесповоротно. Их поражения столь же преходящи, как и жизнь. Эльсинор никогда не расстанется с мечтой о гегемонии. Недавно там введены новые строгости по отношению к инородцам. Поведение эльсинорцев до странности беспокойно. Иногда они вспоминают о вещах, которые мы сочли несущественными, и не оставляют надежды там, где мы полагаемся на расчеты. Любой, с нашей точки зрения, пустяк может привести к падению империи.

— Их могущество незначительно по сравнению с нашим.

— Да, но вчера, а вернее, полвека назад этого не было. Их государство может возродиться.

— Мы их раздавим вновь.

— Или проиграем.

— Абсурд.

— Я предвидел ваше возражение, Ольриж. Пора перестать считать себя всезнающими и всемогущими. Мы можем потерпеть поражение. И мне не хочется, чтобы наше поражение обернулось гибелью Освоенной Галактики. Я хочу подарить бессмертие всему человечеству, хотя не надеюсь убедить вас, Ольриж. Но вспомните о словах Стелло, о его страхе присутствовать при гибели гигантского организма, над которым мы властвуем. Вас обуревают же страхи. Все мы пытаемся подавить в себе один и тот же ужас. Если нам, правителям, суждено исчезнуть, наше исчезновение должно произойти по собственной воле.

— Надо дать человеку власть над всей Галактикой, — предложил Стелло. — Понадобятся годы, если не века, чтобы добраться до внешних границ этого островка в необъятном пространстве Вселенной.

— Мы доберемся до них, — сказал черноглазый, — если нам хватит времени. Мы добьемся поставленной цели, только дав бессмертие всем людям, хотя их не так уж много. Но отбросим эту сторону проблемы. Мне почему-то кажется, что нам не хватит времени. У нас множество недругов внутри Освоенной Галактики. А кроме них могут существовать и внешние враги.

— Какие?! — одновременно воскликнули Стелло, Фулн и Альбранд. Остальные удивленно раскрыли глаза.

— Представьте на мгновение, что пуритане, несмотря на все наши усилия, овладели тайной бессмертия. Катастрофа, не так ли? Рушатся все наши планы. И как бы не были слабы десять планет пуритан сейчас, через сто лет они смогут бросить нам вызов. До сих пор пуритане продлевали жизнь с помощью полетов в космос. Они посыпали своих людей на кораблях со скоростью света на месяцы или годы, и те, вернувшись через десятки лет, а то и веков, обеспечивали связь между прошлым и будущим. Люди из прошлого могли заставить своих потомков выполнять планы, разработанные несколько веков назад. И все же эти люди были ограничены в своей деятельности продолжительностью жизни обычного человека. Они слишком рано умирали. Теперь они мечтают о другом. Они стремятся обрести реальное бессмертие. И обеспечить непрерывность связи между прошлым и будущим в том виде, как ее осуществляем мы.

— А как они решат проблему бессмертия? Мы уничтожили их лаборатории, а ученых направили по ложным путям.

— Стелло, вы никогда не задумываетесь над тем, почему тайна бессмертия так долго остается тайной? Было время, когда подобные секреты невозможны было сохранить при самой тщательной охране. Это время не так уж удалено от сегодняшнего дня, но знаете, что лежит между тем временем и нашим? Пространство, и более ничего! Мы сумели сохранить тайну, создав космический барьер между мирами. И никто не может преодолеть его без нашего согласия. Поэтому так трудно прилететь на Ветельгейзе и так трудно улететь с нее. Смутные слухи кое-где возникали, но в Освоенной Галактике бродит столько легенд, что люди перестали в них верить.

То пространство, которое сейчас выступает нашим союзником, завтра может обернуться противником. Оно позволяет нам находиться в изоляции, но одновременно изолирует иные миры и может охранять иные тайны. А если пуритане получили обещание помочь извне и все их надежды связаны с ней?

— Внешняя помощь? — удивился Фулн.

— Именно так. Вам ничего не говорит имя Жерг Алган?

— Почти ничего, — ответил Стелло. — Если не ошибаюсь, оно играет важную роль в мифологии пуритан.

— Они сражались с этим именем на устах полвека назад, — сказал Альбранд. — Но мне кажется, он уже лет двести числится среди покойников.

— Хотелось бы получить доказательства его смерти, — вздохнул черноглазый, — ибо пуритан поднимают голову, утверждая, что он вернулся.

— Они ищут опору своим надеждам в легендах, — презрительно бросил Ольриж.

— Вполне вероятно, — согласился черноглазый. — Но не так давно Жерга Алгана видели и на Бетельгейзе.

— У вас пристрастие к поискам рационального зерна в легендах, Ногаро. Вы просто-напросто мифоман, — усмехнулся Ольриж.

Черные глаза Ногаро обежали серые стены подземного зала. На прочнейших плитах крохотными буквками — их не сотрет и время — были выгравированы имена всех бессмертных. Но их имена не покрывали и тысячной части стен. А ведь они отражали историю всей Освоенной Галактики. Будущая история Галактики могла и не состояться.

— Постарайтесь убедить меня в своей правоте, Ольриж, — сказал Ногаро.

Бетельгейзе. Жерг Алган вышел из ледяной тьмы пространства, зажмурился, потом открыл глаза и сразу узнал место, где оказался. Он стоял перед сплошной хрустальной стеной, усеянной математическими символами, позади которой мигали глаза гигантских компьютеров. Он был во Дворце правительства. Над его головой плыл громадный красный шар, символ Бетельгейзе.

Зал был пуст. Когда он посетил его в предыдущий раз, зал кишел народом. Тогда он вошел через главную дверь в толпе визитеров с тысяч разных миров. Они явились поглазеть на Великую Машину, которая распоряжалась их жизнями. Алган прибыл сюда вторично, на этот раз в качестве посланца — ему было поручено добиться решения проблемы у ее истоков.

На единственной обитаемой планете системы, где размещались Дворец правительства и Машина, стояла ночь, ибо только ночью, когда смыкались створки бронзовых врат, величественной копии всех врат, которые открывали доступ в белостенные космопорты, зал пустел.

Датчики могли обнаружить присутствие Алгана в большом зале. «Машина, наверно, уже нашла оптимальный план защиты», — подумал он. Но его это мало заботило. Алган присел на корточки и всмотрелся в плиты пола. Странно, что за долгие века, которые прошли с момента возведения Дворца правительства, никто не удосужился обратить внимание на рисунок, образованный черными и белыми плитами.

Шахматная доска. Шестьдесят четыре громадные клетки.

И на каждой клетке паутинкой вился узор — фигуры, стершиеся от времени и обуви несметных орд посетителей.

Алган не стал их разглядывать. Он рассмотрел их в прошлый раз. У него были иные цели! В его душе кипели ненависть и радость скорого триумфа.

Но к ним примешивалась еще и верность данному слову.

В прошлый раз он появился на Бетельгейзе, выбрав пустынную лужайку в глубине одного из парков, окружавших город. Он вынырнул из ночи и вдруг увидел гигантский город. Этот город мог соперничать с черными цитаделями и чудесами мира звезд. Бетельгейзе была апогеем человеческого гения и безумия. Все лучшее, что создала Освоенная Галактика, корабли Правительства доставляли сюда.

Алган расслабился. За два века он научился без труда преодолевать пространство. Он полной грудью вдохнул свежий воздух. Принюхался к запахам травы и влажной земли. Затем бесшумно двинулся в сторону города.

Алган внешне ничем не отличался от обычного человека. Но организм его был более совершенным. Наставники переделали и улучшили его — сердце билось медленнее, резко возросла выносливость. Алган мог менять свой метаболизм, способен был выживать в труднейших условиях, умел зарубцовывать раны. Против него были бессильны микробы и вирусы. Даже смерть забыла о нем. Он стал Бессмертным.

Купола и шпили сверкали в жарких лучах красного солнца. Над головой в утреннем мареве проносились звездолеты — видно, неподалеку находился космопорт. Очертания кораблей почти не изменились. Но это не удивило Алгана, его поразила Бетельгейзе.

Его тело путешествовало и во времени, и в про-

странстве. Около двух веков миновало с той поры, как он покинул Освоенную Галактику. И почти два века прошло на Бетельгейзе. В этом не было ничего необычного — после создания светолетов многие люди путешествовали во времени. Но мало кто достигал Бетельгейзе. Бетельгейзе, по человеческим меркам, лежала вне времени.

Алган спокойно шел по аллеям безлюдного парка. Его не волновало, что на него обратят внимание. Вероятность того, что его могут узнать, была ничтожно мала.

В парке росли необычные зеленые растения. Вот уже двести лет, как он не видел деревьев.

Он попытался припомнить Дарк, равнины и моря родной планеты, своих друзей, джунгли и лабиринты грязных улочек, теплый металл зажатого в ладони оружия, пот, струящийся по телу в знойный день, и ледяное дыхание зимней ночи.

Все умерло.

«Неужели все это существовало на самом деле? — подумал он. — Сны».

Под сапогами поскрипывал песок. Этот звук когда-то раздражал его — он мешал при беге за ускользающей добычей по песчаному пляжу и в пустыне. За двести лет песок не изменился. На любой планете он был и оставался песком. Песок — все, что остается от дворцов и гор.

Дарк, Эльсинор, пуритане растаяли в густом тумане времени, о котором напоминал скрип влажного песка. Однажды ему захотелось увидеть людей, еще раз пройтись по улицам Дарка, побродить по лавочкам Эльсинора.

И он сделал это. Он понесся из одного конца Галактики в другой. Но любопытство быстро угасло.

Дарк выглядел крысиной норой, а Эльсинор —

медвежьей берлогой. Два века изменили и миры, и города, но он все же узнал их.

Изменился и сам Жерг Алган — он стал человеком пространства. Его городами были сверкающие во тьме космической ночи звезды. Он немного жалел людей, которым надо было прятаться на дне океанов из ватного воздуха. На Эльсиноре он узнал, что его имя сделалось священным для пуритан всех десяти планет. Но проблемы обычных людей отныне не волновали его. Он гордился тем, что стал человеком пространства. Но Алган не походил на тех скитальцев космоса, что носятся среди звезд под ненадежной защитой стальных скорлупок. Они слепы, испуганны и бессильны противостоять опасности извне...

Алган освоил свою новую обитель — космос, он мог выбрать любой путь в пространстве, перепрыгнуть с клетки на клетку звездного поля, решить тончайшую задачу расчета траектории. Он готовился поставить мат королю противника — Бетельгейзе. Он сознавал, что является всего лишь пешкой на звездном поле, но эта мысль не унижала его. Напротив, он гордился этим.

Когда-то он был просто человеком.

Теперь стал послом наставников.

Сквозь кроны деревьев блестели купола и шпили города. Но их подавляла громада Дворца правительства. Алган прошел парк, не встретив ни единой души. В городе он смешался с толпой, теснившейся на движущихся дорогах. На лицах людей отражались их радости, печали, отвращение, страхи. Он пожалел этих людей.

Скоро все изменится.

Он думал о городах, которым суждено умереть, о звездолетах, чьи двигатели стихнут навсегда, о

людях, которые обретут бессмертие. Время городов, звездолетов и обычных людей миновало. Он вдруг понял, что всегда желал этого, предчувствуя эпоху, когда потеряют смысл города, корабли, космопорты, громоздкая и дорогостоящая организация людской власти, быстро текущее время и смерть. Было странно видеть это кипение жизни и знать, что его окружают мертвые реалии; смерть их диктовалась суровой необходимостью.

Такое уже случалось. В других районах Галактики и в других галактиках. Время космических провинций и обычных людей истекало. Они считали себя хозяевами жизни, хотя сознавали собственные недостатки и ограниченные возможности. Люди всегда утверждали, что были венцом развития жизни, но они ошибались...

Вместе с толпой он двигался в сторону Дворца правительства. Вокруг высились прекрасные здания. Он ощущал их красоту, как палеонтолог, восхищающийся могуществом исчезнувших видов и совершенными сочленениями их конечностей, которые все же не спасли животных от гибели.

Гигантская площадь перед дворцом была одним из чудес Вселенной, сравнимым разве что со звездами и черными цитаделями. Подвижные дороги серебряными реками текли в металлических берегах. На хрустальных цоколях высились исполинские статуи, отлитые из той же неразрушимой бронзы, что и врата космопортов, их лица были обращены в небо и, казалось, следили за молниями звездолетов. Ростом они соперничали с горами, а руки, воздетые к светилу, могли удержать звездолет средних размеров. Позади них вздымались странные скульптуры, абстрактные переплетения кривых со световыми лучами — так человек представлял себе Вселенную, сложнейшую систему, которую не в силах

была описать даже математика. Система не имела ничего общего с реальностью, но поражала своим изощренным многоцветьем. Алган открывал для себя отлитую в стекло и металл символику освоения космоса человеком. Здесь были уравнения, описывающие рождение, жизнь и смерть звезд, уравнения бесконечной пляски частиц и столкновения волн. Восхищение человека окружающим миром сливалось с его пониманием, а искусство рождалось из науки.

Алган миновал гигантский портик и невольно зажмурился — под хрустальным куполом нестерпимо ярко сверкал символ Бетельгейзе — громадный пурпурно-огненный шар. Блеск его был таков, что Алгану показалось, будто шар несется прямо на него. Приглядевшись к сверкающему солнцу-карлику, он заметил под ним белый эллипсоид — макет Галактики.

Алган усмехнулся. Человек так долго считал себя властелином Галактики, что свыкся с мыслью об окончательной победе над ней.

Движущиеся дороги кончались у входа в главный зал. По белым и черным плитам, на каждой из которых мог разместиться звездолет, Алган устремился к хрустальной стене, отделявшей посетителей от Машины.

Зал был рассчитан на то, чтобы поразить воображение посетителя. Здесь хранились архивы Освоенной Галактики, а Машина жонглировала миллионами данных.

В главном зале побывало множество путешественников — он был местом паломничества. Представители покоренных миров встречались здесь с таинственной Машиной, здесь сталкивались прошлое и будущее, бесчисленные визитеры — варвары окраинных миров, грамотеи древних систем, моряки,

бороздящие пространство из края в край, солдаты Бетельгейзе, пришедшие взглянуть на охраяное ими святилище, архитекторы, восхищенные чистотой линий гигантского хрустального купола, торговцы, явившиеся на поклон к Машине, которая обеспечивала порядок, люди всех рас и цветов, самого разного роста и ума, носившие самые изысканные и самые простые одежды. Они пожирали взглядом гигантские металлические колонны, толкались и, словно муравьи, стремились к Машине, чтобы спросить ее и выслушать ответ.

Чудо Машины состояло в том, что она знала всех и каждого и отвечала на любой вопрос. И хотя это было повседневное чудо, которое обеспечивали логические цепи, способности Машины обрастали легендами и подкрепляли древнюю веру в справедливость ее власти над миром.

Историки заявляли, что с древнейших времен существовали машины, которые помогали людям принимать решения. Машина Бетельгейзе была логическим завершением в длинной цепи запоминающих и счетных устройств, которые создал человек. Историки утверждали, что эту Машину сотворили не столько в помощь человеку, сколько ради его замены в сложном деле управления Освоенной Галактикой, беспрерывности которого нельзя добиться по причине смертности человека.

За хрустальной стеной, делившей громадный зал надвое, виднелась небольшая часть Машины.

Большинство посетителей считали, что эти гигантские мигающие лампы, магнитная память, врачающиеся цилиндры, искрящиеся и пульсирующие экраны, соединенные медными нервами, и были Машиной. Но не столь наивные и более образованные посетители понимали, что Машине занимает куда большее пространство, чем огромный зал

дворца, что ее знания хранятся в сумрачных глубинах, а решения принимаются вдали от нескромных людских взглядов.

Сюда поступала информация из всей Галактики. Она одновременно занималась прошлым, настоящим и будущим.

И только редкий человек понимал, что Машина была гигантской ширмой, декорацией, предназначенней для сокрытия чьей-то необъятной власти, но об этом никто не решался говорить вслух. Особен-но Машине.

Алган рассек толпу, топтавшуюся на черных и белых плитах, и, подойдя вплотную к прозрачной стене, увидел кабинки, откуда можно было обратиться к Машине. О них знала вся Освоенная Галактика. И не было ни одного ребенка на самых отдаленных мирах, который бы не мечтал войти в кабинку, чтобы задать решающий вопрос и получить исчерпывающий ответ. Но в большинстве своем люди вырастали, взрослели, старились и умирали, так и не осуществив своей мечты.

В хрустальной стене размещались сотни кабинок. Алган вошел в одну из них и оказался лицом к лицу со своим отражением. Он вгляделся в глаза двойника. «Ищите ответ в глубине своей души», — таков был девиз Машины.

Все шумы разом исчезли. Он стоял наедине с самим собой — отражением в глубине светящегося пространства. Удлиненное худое лицо с заострившимися чертами и горящие холодным огнем глаза. Таким себя он еще не видел. И никогда еще так быстро не билось его сердце и не вздымалась грудь. Он облизнул пересохшие губы и хотел было заговорить, но решил подождать, надеясь, что Машина нарушит молчание первой. И вдруг понял, что Машины нет, что ее не существует вообще, что

есть лишь его отражение и что именно оно будет отвечать на его вопросы.

— Итак, — осведомилась Машина, — что вы желаете знать?

У нее был безликый голос.

Алган задумался и решил задать ритуальный вопрос, вопрос, который срывался с уст миллионов еще живых или уже умерших людей, хотя каждый, кто задавал этот вопрос, исподволь чувствовал, что унижает оракула.

— Какое препятствие я должен преодолеть? — спросил он.

— Одиночество, — без промедления ответила Машина.

«Интересно, она отвечает так всем или только мне?» — подумал Алган.

Одиночество. Он уже два века не размышлял над этим. Почти два века.

— Мое имя Жерг Алган, — произнес он. — Ты знаешь меня?

— Да, — ответила Машина спустя секунду. — Вы родились двести лет назад. Вы не должны находиться здесь в данный момент.

— Да? А почему? — спросил Алган. — Можешь ли ты сказать, откуда я прибыл?

Он знал, что этим вопросом посеет панику и растерянность на Бетельгейзе. И терпеливо ждал ответа.

— Нет, — ответила Машина. — Не знаю. Но могу навести справки.

— Не делай этого, — успокоил ее Алган. — Лучше попробуй догадаться, куда я направляюсь.

Он улыбнулся своему отражению и исчез.

И вот он снова стоял перед Машиной. Она, казалось, спала. Хрустальная стена была почти черной,

в ее глубине мигало всего несколько огоньков. Мягко светились математические символы.

Ненависть и предвкушение победы переполняли его душу, ибо близилось последнее сражение. Он поспешил направиться к одной из кабинок.

10. За хрустальной стеной

— Двести лет, — пробормотал Стелло.

— Да, двести лет, — повторил Ногаро.

Его лицо посуворело. Он положил руки на стол и обвел взглядом присутствующих.

— Значит, он бессмертен, — сказал Стелло.

— Думаю, да, — подтвердил Ногаро.

И снова все замолчали. Они вдруг ощутили страх. Страх перед безоружным незнакомцем, вдруг возникшем из пространства.

— Может, он совершил долгое путешествие на светолете? — неуверенно спросил Альбранд. — Несколько лет полета со скоростью света...

— Нет, — отрезал Ногаро. — Машина утверждает — он исчез около двухсот лет назад в районе Глании, крохотной планетки на окраине центральных провинций.

— И больше его никто не видел?

— Никто. Но полвека назад некоторые из попавших в плен эльсинорцев — именно тогда завершился разгром пуритан — сообщили, что встречали его. Но их слова не нашли подтверждения.

— Быть может, пуритане погрузили его в анабиоз, чтобы использовать в подходящий момент? — осведомился Ольриж.

Ногаро отрицательно покачал головой.

— Как он прибыл на Ветельгейзе? — спросил Вольтан, один из самых старых по возрасту членов

совета. Он был старше Ногаро.— Машина знает это?

— Нет,— ответил Ногаро.— Она утверждает, что он прибыл не на корабле.

Они снова замолчали. Пропала уверенность в своей правоте. Все то, чего они добились за несколько веков, испарялось, растворялось, обращалось в дым, и будущее представлялось смутным и неясным. Они впервые испугались надвигающихся событий.

— Помощь извне,— проворчал Ольриж.— Вы о ней только что говорили.

— Единственный логический выход,— холодно ответил Ногаро.— Кроме меня, никто из присутствующих с Жергом Алганом не встречался. Двести лет назад он был человеком со странностями. Остался ли он человеком сегодня? После двух веков отсутствия.

Он поджал губы. Страха он не испытывал, но его терзало неутоленное любопытство. Он знал, почему скрылся Алган, и знал, что поиск Алгана завершился успехом.

«Что же он нашел в Центре Галактики?» — спрашивал себя Ногаро.

— Сообщите нам все, что вы знаете, Ногаро,— потребовал Стелло.

Ногаро повернул голову и в упор посмотрел на него.

«Стоит ли им говорить? — думал он. — Стоит ли признаваться, что я действовал на собственный страх и риск и тем самым, быть может, поставил под угрозу Освоенную Галактику. Стоит ли доказывать, что есть более важные проблемы, чем спасение Галактики? А если промолчать? Пусть думают что хотят. Знает ли Машина о моих делах? Впрочем, промолчу ли я или нет, история Галакти-

ки от этого не изменится. Кто-то должен был решиться на подобный шаг. Не ясно только, что открыл и кем стал Жерг Алган».

— А не мог он передать тайну бессмертия пуританам? — спросил Стелло.

— Не знаю, — ответил Ногаро. Лицо его осунулось от усталости. Долгая жизнь была приятна, она позволяла осмотреться, выяснить неизвестное, принять верное решение, познать новое. Но одновременно в человеке копилась усталость, усталость от бесконечной череды лет. Жить было бы прекрасно, если бы человека окружал простой, ясный и безмятежный мир.

Он вдруг осознал, что из глубин его существа поднимается ужас.

«Неужели я так стар? — спросил он себя. — Может, мы виновны в том, что заставили человека топтаться на месте, а Галактику обрекли на застой?».

— Не знаю, — повторил он. — Вы придаете этому значение? О пуританах я вспомнил лишь для того, чтобы обострить ваше восприятие. Их активность в настоящий момент совсем сошла на нет. Главное не это — инициатива ускользает из наших рук, а корабли становятся бесполезными! На наших границах объявился другой разум, другая цивилизация, и она владеет тайной бессмертия. Ее представители способны бесконтрольно перемещаться в нашем пространстве. Благо это или крах? Вот почему я требую бессмертия для всего человечества.

— Я по-прежнему против, — сказал Ольриж. — Наше могущество пока неколебимо. Мы пока еще здесь хозяева.

— Кто такой этот Жерг Алган? — спросил Вольтан.

— Лет двести назад, — заговорил Ногаро, — я еще не входил в Совет, а был посланцем, одним из тех миллионов бессмертных, которые обеспечивают власть Бетельгейзе над самыми отдаленными мирами. Я был из тех, кто слушает и передает. Тогда я и встретил Жерга Алгана. Это случилось незадолго до его исчезновения. Мы сдружились. Ему тогда было лет тридцать, и всю свою молодость он провел на родной планете, на Даркии. Его обманом завербовали в экипаж корабля, летевшего на Эльсинор. Алган произвел на меня хорошее впечатление своей энергией, волей, умом. Мне хотелось, чтобы он стал одним из нас, но он ненавидел Бетельгейзе, поскольку придавал большее значение прошлому, чем настоящему. Он все называл своими именами и отождествлял власть Бетельгейзе с тиранией.

Я подыскивал человека, способного заняться одной деликатной проблемой, которая не давала мне покоя. Я изучил дело Алгана и счел его кандидатуру подходящей. Те проблемы, которые мы решаем сегодня, стояли и тогда, но все виделось нам в ином свете. Мы искали следы другой цивилизации. По некоторым сведениям, интересующая нас зона лежала в Центре Галактики. Я горел желанием снаряжать туда экспедицию, это мое желание не угасло и по сей день. Но за нами следили пуритане Эльсинора, они боялись, что мы найдем средство подорвать их экономику. Они располагали некоторой неизвестной нам информацией. Я подстроил все так, что Алгана послали как бы обе стороны, совместно, потому-то торговцы Эльсинора и десяти планет пуритан хвастали его помощью.

Мы неоднократно отправляли экспедиции к Центру Галактики, но все они закончились провалом. Пропали бесследно. По Галактике ходили са-

мые невероятные легенды. Мне казалось, что настало время заняться их серьезной проверкой.

Но я был всего лишь посланцем и не имел полномочий доверить руководство экспедицией Жергу Алгану. Времени на получение согласия Совета и Машины не было. Я решил помочь Алгану угнать корабль. У меня была возможность привлечь к сотрудничеству власти космопортов. Когда мы сели в Эльсиноре, я подготовил операцию.

Однажды ночью Алган бежал из отеля, оглушил техника, уgnал звездолет и был таков. Вначале он отправился на Гланию, где надеялся напасть на след погибшей экспедиции. Он подобрался к центральным областям Галактики и вдруг исчез.

— При каких обстоятельствах? — спросил Стелло.

— Никто толком не знает, что произошло, — ответил Ногаро. — Он разбил корабль при посадке на Гланию, по-видимому, из-за ошибки в управлении и отправился в космопорт пешком. Он добрался до него — тут показания всех свидетелей сходятся — и долго беседовал с капитаном порта, но никто не видел, чтобы он покинул его апартаменты. Если он вышел, то не известно как. Также не известно, куда он направился.

— Что сообщил капитан по поводу этой встречи? — осведомился Ольриж.

— Ничего, он покончил с собой, ибо упустил беглого преступника.

— Может, Алган умер в тюремном тайнике на Глании? — предположил Альбранд.

— Нет, — ответил Ногаро. — Я провел тщательное расследование. На планете Алгана не было. Обнаружены были лишь отпечатки его пальцев на пустом стакане из-под зотла.

— Где нашли стакан?

— В кабинете капитана. Уже после его самоубийства. Там установили, что отпечатки принадлежат человеку по имени Жерг Алган, но выводов сделать не сумели. Даже я узнал об этом много позже.

— Странная история, — протянул Вольтан. — Не люблю странных историй. Они никогда не кончаются добром. А может, все это ровным счетом ничего не значит и мы волнуемся понапрасну? Не верю, чтобы один человек мог поставить под угрозу существование Освоенной Галактики, даже будь он трижды бессмертным. Времена одиночек давно миновали. Когда-то я встречал опасных людей, очень опасных, но не теперь... Их порода вывелаась, да и времена изменились.

— Что еще вам надо, чтобы вы поверили в опасность и затряслись от страха?! — вне себя крикнул Ногаро. — Мы все слишком стары, вот отчего нас уже ничто не пугает.

«Пусть случится то, что должно случиться», — подумал он. — Я сделал все, что мог. Пусть люди сами занимаются своими делами. Знать бы, что их ждет».

Его мысли вернулись к Алгану. Человек, затерявшийся среди звезд и обретший бессмертие, мог быть очень опасен.

— Мне больше ничего добавить, — сказал он. — Я требую в кратчайшие сроки разработать план, который станет основой нашей дальнейшей деятельности. Бессмертие для всех. Надеюсь, еще не поздно.

Члены Совета переглянулись, на их лицах, отмеченных патиной лет, он прочел усталость, привычную скуку и страх.

— Вам известно мое мнение, — жестко сказал Ольриж.

— Я против,— едва слышно промолвил Стелло.

— Нет,— сказал Фулн.

— Нет,— одновременно произнесли Альбранд, Вольтан и Люран. Они говорили редко, предпочитая мысль действию. Годы давили им на плечи.

— Может, вы и правы,— подвел итог Ногаро.— Надеюсь, вы не совершили ошибки.

— Повестка заседания исчерпана? — спросил Ольриж.— Можно его закрывать?

— Вам действительно лучше остановиться на принятом решении, пока вы не придумали чего-нибудь похуже,— с горькой ironией сказал Ногаро.

Альбранд шевельнулся.

— Наверно, следует заняться поисками этого Жерга Алгана.

— Он вне пределов нашей досягаемости, — возразил Ногаро.

— А Машина?

— Машина ничего не знает. Вы думаете, меня самого не интересует, что находится за пределами Освоенной Галактики?

— Оставьте этот тон, Ногаро,— вмешался Вольтан.— В конце концов, у истоков угрожающей нам опасности стояли вы.

— Кто-то должен был взять ответственность на себя, — парировал Ногаро.

— Не все ли равно, — воскликнул Ольриж.— Голосование закончилось.

Вольтан повернулся к нему.

— Не спешите, Ольриж. Перед нами целая вечность. Мне хотелось бы кое-что спросить у Ногаро.

— Слушаю вас.

— Что это за легенды, о которых вы упоминали?

— Уместно ли здесь говорить о них? — с сом-

нением в голосе сказал Ногаро.—Легенды есть легенды.

— Говорите.

— В них упоминались гигантские цитадели на планетах у наших границ. Говорилось о таинственной разумной расе, которой никто никогда не видел, о шахматной доске. Но все это легенды. Я долго изучал их и в какие-то частности поверил. Однако ничего путного из этого не вышло.

— Ничего путного? — удивился Вольтан.— А бессмертие Алгана?

— В легендах много внимания уделялось тому, что было до человека и что будет после него. Они изобиловали странными предсказаниями. В них утверждалось, что человечество избрало ложный путь. Они намекали на наличие цивилизации в Центре Галактики.

— Какой? — усмехнулся Ольриж.

— Той, что способствует эволюции человека, — ответил Ногаро.— Я отправил Алгана на поиски этой цивилизации. Если он вернется, то, скорее всего, будет говорить от ее имени.

— Кто я? — спросил он.

— Жерг Алган,— ответила Машина.

— Да будет так.

Алган разглядывал свое изображение, плывущее в глубине едва освещенного пространства, словно мираж. Руки его дрожали, и он никак не мог унять дрожь. Он достиг конечной цели своих поисков. Он видел звезды, покорил пространство и время и, наконец, добрался до Бетельгейзе.

Поиск был долгим. И сейчас, как и предсказывала ему в прошлый раз Машина, одиночество хищной птицы обрушилось на него. Прошло много лет. Он переступил границы времени, и ему уда-

лось выжить. Вселенная навсегда сохранит для него привкус пепла и прошлого. Как бы ни сияли звезды, их лучам не пронзить плотный туман утекших мгновений.

«Человеческое существо, — сказал он сам себе, — в моем лице завершило долгий древний поиск, и через несколько часов или дней все люди ощутят привкус пепла, вспоминая о проделанном пути.

Что станет с Машиной? А с дворцом на Бетельгейзе, с гигантскими статуями вдоль эспланады, с изящными звездолетами в портах?»

— Вы хотите задать мне еще один вопрос? — спросила Машина.

Алган ответил не сразу. Он разглядывал свое отражение. Продолговатое мрачное лицо, тонкие губы, темные, сверкающие глаза. «Интересно, считает ли Машина себя красивой, вложили ли в нее конструкторы чувство прекрасного? — неожиданно подумал он, а потом задал вопрос.

— Кто твои хозяева, Машина?

Этот вопрос давно жег ему губы, но задать его он мог, лишь обретя душевный покой.

— Люди, Алган, — без промедления ответила Машина.

«Может ли Машина быть неискренней? Может ли она лгать?» — подумал он и сам же себе ответил, что лгать умели только люди.

— Послушай, Машина. Я сообщу тебе истину. Ты — пустое место, нуль. Ты всего лишь декорация. Понимаешь ли ты это? Я хочу видеть твоих хозяев, Машина. Скажи им обо мне.

— Я не могу вам ответить, — произнесла Машина.

Голос ее был по-прежнему невозмутим, ровен и безличен.

«Любопытный опыт — допрашивать Машину и уличать ее в невежестве. А может, Машина умест лгать? Ее не собьешь с толку и не проверишь на детекторе лжи».

Машина была и лучше, и хуже людей. Если она умела лицемерить, то такой ее сделали люди, но ее лицемерие было конструктивным качеством. Моральная оценка исключалась.

«А как обстоит дело с людьми? — задумался Алган.— Разницы не может не быть. Машина лжет не ради собственных интересов; она лжет, поскольку ее построили для сокрытия некоторых аспектов истины. Люди же лгут, преследуя собственные цели.

Может ли Машина солгать? Сомнительно. Но вероятно. Может ли Машина оказаться в конфликтной ситуации и перестать следовать определенным правилам, обычно обязательным под страхом разрушения?

Может ли Машина разрушить сама себя? Или допустит конфликтную ситуацию и разрешит ее, выбрав поведение, не соответствующее логике? К примеру, невротического характера».

Люди находились в конфликтных ситуациях постоянно. Они стремились к определенной цели, но путь их был усеян помехами. Одни, столкнувшись с непреодолимым конфликтом, кончали с собой. Не срабатывал инстинкт самосохранения. Другие становились жертвами невроза. Каждый человек жил под угрозой потери душевного равновесия.

Говоря машинным языком, в поведении людей наблюдались сбои.

— Поберегись, Машина,— сказал он,— будет лучше, если ты ответишь мне.

Алган не мог заставить себя говорить с ней, как с человеком. Он ткнул кулаком в холодную зер-

кальную поверхность. Посыпался легкий звон, и все стихло. Так он справиться с Машиной не сумеет.

— Я не могу вам ответить,— повторила Машина.

— У меня послание к твоим хозяевам, Машина,— начал он.— Скажи им об этом. Скажи, что я хочу с ними говорить. Скажи, что я явился из Центра Галактики. Скажи, что меня послал Ногаро, если это имя им что-нибудь говорит.

— Мои хозяева — люди,— повторила Машина.

«А если Машина откровенна со мной? Может, ее построили так, чтобы она никогда не знала тех, кто управляет ею?»

Он никак не мог представить себе людей, скрывающих свое могущество в течение многих поколений за столь совершенной и действенной маской.

«А вдруг они откажутся встретиться со мной, не захотят меня слушать?»

— У меня есть к тебе вопрос, Машина.

— Слушаю вас.

— Как я прибыл сюда? Как оказался на этой планете?

— Не знаю. Подождите. Сейчас проверю.

Он ждал несколько секунд.

— Вы мне уже задавали этот вопрос. Почему вас так волнует ответ?

— Я хочу только доказать тебе, что ты не все знаешь.

— Ни один механизм не может претендовать на исчерпывающее знание,— возразила Машина.— В мои функции не входит знание всего. Я должна запоминать и учиться. Хочу задать вам вопрос. Как вы прибыли на эту планету?

— С помощью шестидесяти четырех клеток,— ответил Алган.

— Ясно. Мне не хватает информации, но перedo мной открываются новые варианты решений. Например, в пространстве могут существовать другие, сходные со мной машины.

— Может быть,— уклончиво ответил Алган.

— Шахматная доска — самое слабое звено в цепи моих рассуждений,— сказала Машина.— Она может играть множество ролей, но ни одна из них не является решающей.

— Эта проблема интересует тебя, Машина?

— Меня ничто не может интересовать в общечеловеческом смысле. Я построена для решения ряда задач. В том числе и этой.

— Я знаю решение, Машина,— сказал Алган,— и принес его твоим хозяевам. Сообщи им срочно об этом.

Прошло несколько мгновений. Неужели и эта попытка провалится, придется отступить и прибегнуть к иным средствам? Он надеялся, что Машина окажется связующей нитью между ним и гипотетическими хозяевами Освоенной Галактики. Его уверенность была поколеблена.

— Я не знаю иных хозяев, кроме людей,— заговорила Машина.— И не могу решить поставленную тобой задачу, человек. Однако мои инструкции предусматривают подобный случай. Я не понимаю их, но примению. Может, ты прав, и некоторые из людей являются моими прямыми хозяевами. Но в моем сознании нет упоминания о них. Попытаюсь обратиться к подсознанию.

«Конфликт,— подумал Алган.— Наконец-то я спровоцировал конфликт. Машину научили игнорировать некоторые моменты, но оставили указание на необычную ситуацию, и теперь решение отдельных задач, которые она решала в соответствии с основными инструкциями, требует отказа от

алгоритмов, заложенных при обучении. Но предусмотрен ли мой случай?».

— Ты должен сам решить свою задачу, человек,— наконец, нарушила молчание Машина.— Я не в состоянии помочь тебе. Мои инструкции требуют, чтобы я пропустила тебя. Впервые!

«Может ли Машина быть многоликой, иметь состоящую из независимых частей память? Неужели одна ее часть служит для ответов людям, а другая работает на гипотетических хозяев Освоенной Галактики? Есть ли координационный центр для принятия окончательного решения?»

— Желаю успеха, человек,— напутствовала его Машина.

Отражение Алгана задрожало. Поверхность зеркала сморщилась, словно вода под легким дуновением ветерка. В глубине светящегося пространства возникло черное пятно. Оно впитывало в себя свет, разрасталось и постепенно поглотило отражение Алгана. Пятно заполнило почти всю поверхность зеркала, словно образовался вход в непроглядную тьму ночи.

Это была дверь.

Он сделал шаг вперед, и тут же его окутала тьма. Он протянул руки вперед, затем развел их в стороны, но его пальцы встретили пустоту. Он стоял в центре необъятной черной равнины.

— Иди вперед,— сказала Машина.

«Западня?» Он был готов при малейшей опасности мгновенно оказаться за миллионы километров отсюда. Алган знал, что попал в место, о котором знает лишь горстка людей. Он вспомнил слова Ногаро о Бетельгейзе. «Гигантский паук, раскинувший свою паутину во времени и пространстве и цепляющий свои клейкие нити за звезды».

Он проник в логово паука и вспомнил о пауках-птицеедах, которые затягивают вход в свои норы «шелковым» пологом. Здесь пологом было хрустальное зеркало.

Пол под ногами Алгана дрогнул и понес его вперед. Он не мог определить скорости движения, но знал, что движется в нужном направлении. Он ждал этого момента двести лет.

Эскалатор остановился. Дальше следовало идти пешком. Строители дворца не доверяли машинам до конца. Видно, они знали, что те могут подвести.

Дворец был крепостью. Его создатели мыслили военными категориями. Они думали не только о людях, но и о возможных пришельцах со звезд.

Жерг Алган улыбнулся.

Строители дворца начитались и наслушались сказок о флотах пришельцев, которые обрушаются на планету, о их фантастическом оружии, но не предполагали, что наступление поведет одинединственный человек.

Он быстро пошел вперед. Потянулась анфилада громадных залов, и Алган понял, что вышел за пределы дворца.

Двойной ряд треугольных колонн поддерживал окружный свод. Пол заглушал шаги, и ему казалось, что он погружается в безмолвие.

Вдруг Алган заметил, что оказался в зале без выхода. Он был невелик и совершенно пуст. Алган огляделся, пытаясь найти потайную дверь, и обратил внимание на круг в центре зала. Едва он встал на него, как круг ухнул вниз, во тьму.

«Неужели я первым иду по этому пути?» Его ноги коснулись твердой поверхности. Он сделал осторожный шаг вперед. В черной стене, прямо перед ним, возникла светящаяся черта. Она быстро

расширилась, и он, прищутив глаза, разглядел зал, залитый жемчужно-пепельным светом.

Его сердце ёкнуло. В центре зала за круглым хрустальным столом сидели восемь мужчин в серебристых одеяниях. Он подошел ближе и внимательно оглядел их. Лица сидящих поражали выражением какой-то неведомой усталости.

Все молча смотрели на него.

Взгляд Алгана остановился на одном лице. Он не верил собственным глазам. Ему были хорошо известны эти глубоко посаженные черные глаза и умное лицо с горькими складками у рта.

11. Звездное поле

— Ногаро! — воскликнул он.

— Я ждал вас, Жерг Алган,—отозвался Ногаро.

Алган приблизился к столу. Его внимание привлек усмехающийся рыжеволосый человек со сверкающими глазами.

«Так вот кто правит Освоенной Галактикой! А куда делись торговцы Эльсинора?». Его взгляд вернулся к Ногаро. Значит, Ногаро был бессмертным. Вся эта восьмерка была бессмертной, а потому держала в руках Галактику. Торговцы Эльсинора открыли для себя другой способ бессмертия — путешествия со скоростью света, но подлинными бессмертными были только эти люди.

Алган помнил, что некоторые странности в поведении Ногаро привлекли его внимание еще при первой встрече. Теперь становилось понятным, почему все относились к нему с особой почтительностью.

— Итак, вы — Бессмертный,— произнес один

из присутствующих, повернувшись в сторону Алгана.

— Как и вы, Ногаро,— ответил Алган.— Это многое объясняет.

— Гораздо больше, чем вам кажется, Алган,— заговорил Ногаро.— Этим объясняется стабильность нашей цивилизации, сумевшей устоять при жесточайших конвульсиях истории. Мы кое-что значим, Алган. Нас можно сравнить с мозговыми клетками, которые живут, пока жив организм, а наш организм — наше общество. Мы надежно спрятались — ведь и мозг человека защищен черепной коробкой. И все же вы нас отыскали, Алган.

— После слишком долгих блужданий.

— Зачем так много лишних слов, Ногаро,— проскрипел Ольриж.— Допросите его. Думаю, он искал нас не ради того, чтобы выслушивать историю бессмертных.

— Наверно, это будет небесполезно,— возразил Ногаро.

— И вы все это время скрывали свое бессмертие! — воскликнул Алган.

Его охватила злоба. Ненависть, которую он долго копил в себе, расплескалась и стала чем-то менее конкретным и более холодным.

— Итак, вы преуспели в своих поисках? — спросил Ногаро.

— Безусловно,— ответил Алган.

— Вы достигли Центра Галактики?

— Да.

Восемь пар глаз впились в него. Алган почувствовал, что в горле застрял сухой комок.

— С какой целью вы вернулись спустя двести лет?

— Я принес вам послание.

Ему было неприятно чувствовать на лице их липкие взгляды. За долгие годы он отвык от общения с людьми и теперь не испытывал удовольствия от беседы с этой восьмеркой.

— От кого? — удивился Ногаро.

— Всему свое время,— Алган не спешил.— Потерпите, вы узнаете все.

— Не пытайтесь ввести нас в заблуждение,— вступил в разговор Альбранд.— Вы выполнили трудную и опасную миссию. Мы благодарны вам за это. Но не пытайтесь обвести нас вокруг пальца.

Алган расхохотался.

— А зачем мне это нужно? — голос его немного охрип.

— Вы изменились, Алган,— сказал Ногаро.— Что с вами приключилось?

— Да, я действительно изменился. Отныне я бессмертен, как и вы. Но вас не очень волновало то, что я могу измениться. Согласитесь, вы ведь воспользовались мной ради достижения собственных целей.

— У меня не было выбора. Вы пошли на риск.

— Я не имею к вам претензий и ни в чем не упрекаю. Прежде я, наверно, припомнил бы все обиды. Но не теперь. Я даже благодарен вам. Но вам трудно понять почему.

— Отчего же, Алган? — сказал Ногаро.— Я ведь тоже прожил долгую жизнь. Я был и остаюсь вашим другом.

— Теперь это не имеет значения. Пришло время перемен.

— Вы обрели бессмертие? — вмешался Ольриж. Алган искоса глянул на него.

— И бессмертие, и кое-что еще.

— Каким образом вы перемещаетесь в прост-

ранстве? — не унимался Ольриж.— У вас есть звездолет? Звездолет, превосходящий в скорости наши корабли? Как наши детекторы могли упустить его.

— У меня нет звездолета. Вы узнаете, как я перемещаюсь.— Он перевел дыхание.— Я сообщу это и вам, и всем людям.

Воцарилось тяжелое молчание. Восемь бессмертных переглянулись.

— Если вы сделаете это, Освоенной Галактике придет конец,— проговорил после общего молчания Стелло.— Вы понимаете это?

Алган кивнул.

— И вы думаете, мы позволим вам поступать как заблагорассудится? — крикнул Ольриж.— Не думайте, что вы выиграли партию, став бессмертным.

— Вы все еще считаете, что я говорю только от собственного имени? — осведомился Алган.— Думаете, мое личное существование играет какую-нибудь роль? Я пришел, чтобы предупредить вас. И только. Как друг.

— Это ультиматум? — спросил Вольтан.

— Разве я выдвинул какие-то условия?

— Итак, легенды оказались не так далеки от истины! — вмешался Ногаро.

— Они были несколько неполны, — улыбнулся Алган.

— Шахматная доска?

— Вы узнаете все. Все. И сможете пользоваться ею, как и я. Именно это знание я и принес вам. Вам и всем остальным людям.

— Люди еще не созрели для этого, — проговорил Люран.— Только когда они обретут зрелость, мы дадим им бессмертие.

— Почему? Бессмертие и шахматная доска не

главное. Главное то, что я должен вам сообщить.

— Мы слушаем вас.

— Подождите немного. Может, у вас есть еще ко мне вопросы?

Они снова переглянулись.

— Значит, в Центре Галактики существует некая форма жизни, — начал Ногаро.

— Да.

— И цивилизация?

— Да.

— Более развитая, чем наша?

— Все зависит от смысла, который вы вкладываете в слово «цивилизация». С вашей точки зрения, цивилизация означает форму общественной организации, которая вписывается в определенное пространство и меняется в течение времени. То, что существует там, коренным образом отличается от всего, что вы можете вообразить.

— Они... враждебны?

— Вы хотите сказать, враждебны по отношению к человеку? С какой стати? И зачем им тогда нужно было бы посыпать меня к вам?

Ольриж вскочил с места и, опершись о стол, наклонился вперед.

— Вы враг, — изрек он. — Некогда вы были человеком. Но что-то вас преобразило. Вы как раковина, приютившая инородца. Вы пробрались сюда с целью уничтожить нас. Но мы не позволим себя одолеть.

Он сунул руку в прорезь своего одеяния и извлек оттуда тонкий блестящий предмет. Из острия вырвался золотистый луч и уткнулся в грудь Алгана.

— Нет, — усмехнулся Алган. — Те, кто послали меня, дали мне защиту от вашего оружия. Вы беспомощны уничтожить меня. Я же могу вырвать ору-

жие из ваших рук и обратить его против вас. Я считал вас мудрее...

— Может, перейдем к изложению цели вашего визита? — спросил Стелло.

— Не уверен, что вы готовы воспринять мои слова, а потому начну с того, чем занимался эти двести лет. Я созерцал космос и любовался звездами, я избророздил Галактику вдоль и поперек, я побывал в таких далях, о которых вы и понятия не имеете, я видел свет и время, которые волнами разбегались от меня по безбрежному океану Вселенной. Все это принадлежит и вам. Когда ощущения переполнили меня, мне открылось истинное предназначение человека — он обязан покорять Вселенную голыми руками, но не в одиночестве.

— А с кем? — выдохнул Ольриж.

— Всему свой черед. Все, что я видел и пережил, станет частью вашего опыта. Но, чтобы получить право на это, следует кое-что узнать.

Он увидел, как дрожат их лежащие на столе руки, как мерцают в глазах тревожные огоньки.

— Первая часть моего послания проста и коротка. Но, боюсь, вам понадобится немалый срок, чтобы осмыслить ее.

Он отступил на шаг и глубоко вздохнул. Воздух наполнил его легкие. Алгана вдруг охватила печаль.

— Одна фраза, — вымолвил он. — Люди суть дети.

Он расслышал шепот Ногаро.

— Я знал это. Я всегда предполагал нечто подобное...

— А те, кто послал вас... наши родители? — с трудом выдавил Стелло.

— Если хотите, — ответил Алган. — Представьте себе расу, которая мыслит категориями не лет,

веков или тысячелетий, а миллионолетиями, расу, для которой рождение, жизнь и смерть звезды сравнимы с продолжительностью жизни отдельного индивидуума. Ее коллективный разум сконцентрирован в Центре Галактики. Эта раса желает освоить окружающее пространство... Нет, вернее будет сказать, что она намерена раскинуть покровы жизни, тепла и разума на окружающую ее пустоту. Ей хочется достичь самых отдаленных скоплений звезд, сверкающих в невообразимой дали. Эта раса могла использовать звездолеты, как это сделали вы, но предпочла избрать иные средства, которые лучше соответствуют ее пониманию пространства и времени. Она решила приобрести соратников, которые помогли бы ей преодолевать пространство.

Эта раса разработала план освоения Галактики, рассчитанный на миллионы лет. И реализует его с уверенностью и спокойной расчетливостью, поскольку бег времени мало затрагивает ее. Представители этой расы с большими трудностями перемещаются в обычном пространстве, но все же они преодолели все препятствия и так же, как это сделали позже люди, рассеяли повсюду зерна своей цивилизации.

В отдаленном прошлом они заложили на миллионах миров основы жизни, создали условия для ее развития. Началось ожидание. По их меркам, прошел короткий отрезок времени, хотя человеку он бы показался неимоверно долгим. И в миллионах «пробирок» забурлила жизнь. Вокруг Центра Галактики возникли очаги жизни, одни животные царства сменились другими, многое не получилось из-за того, что изменились условия, но в целом план развивался успешно. В некоторых «пробирках» появилась нужная форма жизни. От простей-

ших произошли многоклеточные, растения способствовали зарождению животных, млекопитающие вытеснили рептилий. Цепь жизни становилась все сложней. И в конце концов сформировался человек. Это произошло не в одной точке Галактики, а на миллионах планет в результате долгой эволюции.

Человек двинулся вверх по лестнице прогресса, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Каждый следующий этап был короче предыдущего. Постепенно человек освоил часть Галактики, но он по-прежнему не догадывался, что в безднах пространства существуют родственные формы жизни. Бездны пространства, разделяющие разные человеческие сообщества, сегодня становятся все уже, и любая экспедиция может случайно пронзить тонкую пленку неизвестности, оказавшись в тех районах, где жизнь бьет ключом. Когда человеческие сообщества воссоединятся, план будет завершен. Начнется новый этап — появится качественно иное сообщество разумных существ. Расстояния исчезнут. И люди обретут то, к чему бессознательно стремятся всю жизнь.

Но примут ли они свою судьбу как должное? Именно на этот вопрос ответить всего труднее. Ведь на протяжении тысячелетий люди строили свою автономную цивилизацию.

Они немного отклонились в сторону, а теперь их следует направить по верному пути, дав им бессмертие — ключ к решению любых задач, которые ставит перед нами необозримое пространство.

Люди пытались решать эти проблемы доступными им средствами. Они создали себе помощников в виде электронных машин, и те помогли им. Но одна проблема осталась нерешенной. Они не знали, кем были, не знали своих истоков, не пони-

мали, почему рвутся от одного мира к другому, бегут из вчера в завтра. Но стоило одному человеку — мне повезло, таким человеком оказался я — попасть в районы, где обосновалась та раса, о которой я говорил, как многое встало на свои места. Отныне люди будут решать задачи себе по плечу и навек избавятся от невроза.

Какая их ждет судьба? Их ждет судьба, к которой они подготовлены наилучшим образом. Им предстоит решить задачу, которую они уже научились более или менее верно решать. На первый взгляд мои слова могут показаться вам нелепостью, но они касаются сути вещей.

Алган помолчал и, усмехнувшись, продолжил.

— Люди многое могут. Они способны выжить практически в любых условиях, умеют перемещаться в пространстве, отчасти лечить себя... На досуге они играют в шахматы, занимаются решением шахматных задач. Но, оказывается, шахматы имеют еще и совершенно иное назначение, а зотл помогает пробудить в человеке спящие способности.

Доска из шестидесяти четырех клеток позволяет реализовать миллиарды комбинаций, которые соответствуют миллиардам перемещений в пространстве. Как только человек осознает свои способности, он освободится от пут современных представлений о мире. Зотл активизирует мозговую деятельность человека и необходим ему как хлеб и вода. Зотл вышел из той же пробирки, что и человек, но происходит с тех планет, куда люди не могли добраться раньше положенного времени. Тайну своего происхождения и путешествия в пространстве они должны были узнать не сразу. Сначала человеку надлежало набраться опыта и построить свою цивилизацию. И только

после этого он мог открыть зотл и использовать его свойства.

Таким образом, решение задач на шахматных древних досках, встречающихся в Освоенной Галактике, соответствует определенному перемещению в пространстве. Здесь нет никакой магии. Человеческий мозг позволяет совершать перелеты от звезды к звезде, но для этого надо овладеть некоторыми мыслительными процессами. Клетки доски указывают четкие координаты. Каждая клетка соответствует одному измерению. Решение шахматной задачи — выбор маршрута, и, как только он выбран, человеческое тело, самый совершенный из звездолетов, переносится из мира в мир по почти нулевой траектории практически мгновенно. Понять эту механику не трудно, поскольку она использует давным-давно открытые принципы. На них работают звездолеты. Но здесь процесс доведен до совершенства.

Миллионы лет назад раса, о которой я говорю, построила черные цитадели, нечто вроде наших космопортов. Она рассеяла по Галактике специально подготовленные шахматные доски и ждала до сегодняшнего дня. Теперь она с нашей помощью сможет добраться до границ Вселенной.

— Это бесчеловечно, — изменившимся голосом сказал Стелло.

— Не уверен, — возразил Жерг Алган. — Вы считаете более человечным хранить бессмертие для горстки избранных? Вы считаете человечной вербовку людей для исполнения ваших замыслов? Вы считаете человечным то, что люди гибнут в ядовитых болотах на какой-нибудь планете под предлогом расширения Освоенной Галактики? А ведь именно теперь мы становимся подлинными властелинами времени и пространства. Мы — лю-

ди космоса, хотя вечно воевали с ним. Завтра он покорится нам.

— Мы перестанем быть хозяевами своей судьбы! — крикнул Ольриж.

— А были ли вы ими? Вы считаете так оттого, что распространяли свою власть на миллионы людей.

Воцарилось молчание. Ногаро обвел взглядом стены зала. «Тысячи имен. Тысячи имен бессмертных, и вот эта цепь разорвана. Стоит ли сожалеть об этом?».

— Звездное поле, — произнес он. — Черные цитадели. Значит, все было правдой.

— Все было правдой. И на этой планете, в сотнях метров под вашими ногами, под слоем наносов и отложений погребена одна из цитаделей. Вы могли случайно наткнуться на нее. Случайность ли, что пол большого зала Машины воспроизводит шахматную доску с ее фигурами? Случайность ли, что меня послали к Центру Галактики, а один из эльсинорцев вручил мне старинную шахматную доску?

Время хаоса миновало, — тихо продолжал Аллан. — Не думаю, что мы утратили свою человеческую суть. Мы вышли на верный путь после долгих блужданий в потемках. Сеть цитаделей нужна для начала. Завтра люди обойдутся без них, передвигаясь по неисчислимым дорогам пространства.

— Что бы ни случилось, — сказал Ногаро, — я иду с вами. Я хочу увидеть Центр Галактики собственными глазами. Хочу стать свидетелем того, как преобразится человечество.

— Люди — дети, — вымолвил Стелло. — Я никак не могу свыкнуться с этой мыслью.

— У вас есть на это время, — рассмеялся Аллан. — Свыкайтесь с нею, гуляя среди звезд.

Ольриж стукнул громадным кулаком по хрустальной столешнице.

— Все вы — банда предателей, — заорал он, — а те, кто послал вас, Алган, сбороище трусов. Я раскусил вас. Они послали вас в надежде, что мы сдадимся не пикнув и падем к их ногам, поверив в красивые легенды. Я не верю вам.

— От вас никто этого и не требует, — отрезал Алган.

— Мы не позволим вам и шелохнуться, — голос Ольрижа сорвался на визг. — Настал день, который предвидели наши предки. Нам придется сражаться. Я не жалею об этом. Пусть будет война, Алган. Мы в ней победим. Идите и обрадуйте своих нанимателей. Мы не боимся их. Они не обратят нас в рабов только потому, что живут в той же Галактике, что и человек.

— Войны не будет, — сухо оборвал его Алган. — Война никогда не решала проблем человека.

Он подошел к столу и поочередно взгляделся в каждого из восьмерых. И вдруг они ощутили, что повисли в воздухе. Стены подземного зала сотрясала дрожь. Сила тяжести исчезла. У Ольрижа перехватило дыхание. У Люрана мелко затряслись руки. Глаза Стелло округлились от удивления. Только лицо Ногаро осталось непроницаемым.

— На всей планете изменилась гравитация, — объяснил Алган. — Меня научили и этому. Я могу пригвоздить ваши звездолеты к земле. Войны не будет. Неужели вы думаете, что люди пойдут за вами, отказавшись от бессмертия и истинной власти над Вселенной?

— Но кто они такие? — спросил Ногаро. — Они похожи на людей? Как они выглядят? Бессмертны ли они?

— Нет, — ответил он, — они не вечны. Они —

смертные существа. Вы их видите еженощно. Человек испокон веков обращал к ним свои взоры. Это — звезды.

Он на мгновенье умолк, задумавшись о том, что скажет дальше. Лица присутствующих выражали ужас, неверие и облегчение одновременно. В голове Алгана уже давно сложились нужные слова и фразы. Он вынашивал их в себе, путешествуя в пространстве, касаясь в полете комет и туманностей, исследуя Вселенную, будущую обитель человека.

— Звезды, а вернее, обитатели звезд, которые рождаются, живут и умирают вместе со светилом. Эта странная жизнь возникла несколько миллиардов лет назад в момент первоначального взрыва проатома. Она постепенно стянулась к Центру Галактики, стала очагом разума, который болезненно жаждал осветить и согреть ледяную пустыню, окружавшую его со всех сторон.

Раса была одинока, и ее одиночество люди не могут понять и разделить. Ей хотелось общения с себе подобными не только с помощью световых лучей, ведь существуют столь далекие звезды и галактики, что свет не достигает их. Тогда-то и родился план умножения жизни, в котором люди, разумные соратники и друзья, станут как бы кровью звезд, бегущей по венам пространства, с тем чтобы отодвинуть границы мрака и хаоса. Человек будет исследовать иные галактики Вселенной, пока не угаснут ее звезды. А когда она уснет ледяным сном, люди понесут славный факел своего звездного бытия в другие Вселенные.

Человек впервые дорос до Вселенной. И теперь можно, не испытывая страха, бороться с мраком.

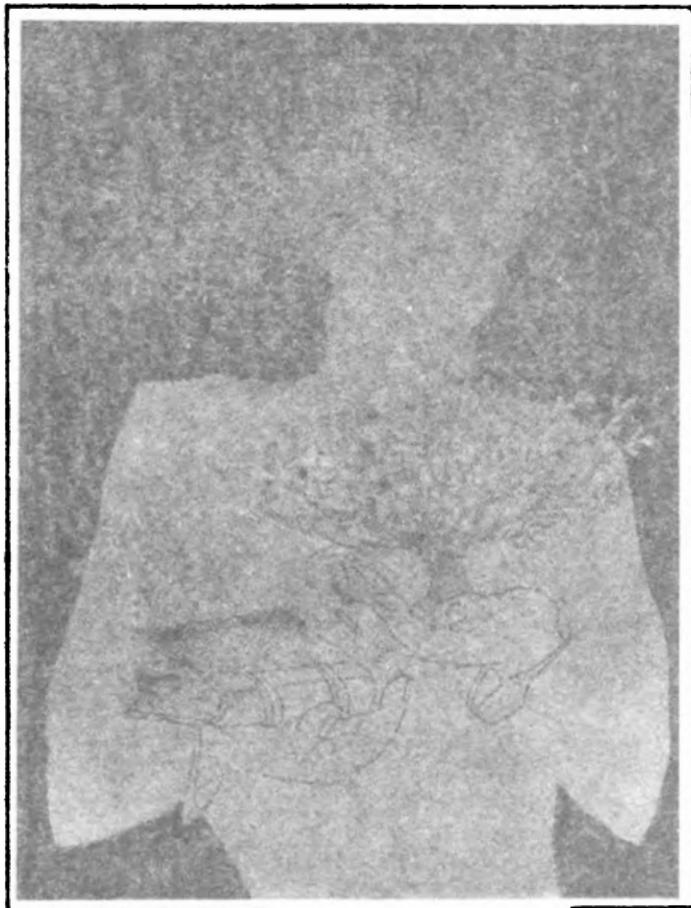
Скоро нам предстоит встреча с другими челове-

чествами, мы увидим миры, где они обитают, и вместе понесем факел разума...

Он перевел дыхание и увидел на их лицах первые проблески понимания.

— Мы пока еще дети. Пора расстаться с детством. Небо с мириадами сверкающих звезд принадлежит нам. Мы слишком неожиданно переступили порог широко распахнутых врат пространства и зажмурились, вступив в его необъятные простиры. Наступила иная пора — эра зрелости человека. И открыть ее довелось нам.

Непокорное время

*Моим родителям,
бросившим меня
в Реку Времени*

Gérard Klein

LE TEMPS N'A PAS D'ODEUR

Denoël Paris 1963

Там, где господствует это,
должна властвовать совесть.

Д-р Лагаш

1

Громадный черный прямоугольник, казалось, излучал мрачный, почти невидимый свет — Служба времени Альтаира готовила отправку третьей за год экспедиции. Ветераны помнили времена, когда экспедиции снаряжались значительно реже. Надумай они сопоставить факты, их непременно обеспокоили бы участившиеся путешествия во времени. Но здесь не принято было задавать лишних вопросов и они не задумывались над тем, что не относилось к их непосредственной работе. На Альтаире каждый занимался только своим делом.

Инженеры Службы времени обеспечивали настройку мультитензоров пространства Горовица с точностью до шестнадцатого знака после запятой. Начинали работу машины. Затем инженеры приступали к тонкой настройке вручную, и успех зависел только от их умения. А оно граничило с искусством. Никто не думал об опасности, хотя риск был необычайно велик из-за невероятного количества энергии, которого требовало успешное завершение операции. Нельзя безнаказанно манипулировать силами, способными нарушить стабильное равновесие времени и пространства. В большинстве своем жители Альтаира II, единственной обитаемой планеты в системе, считали, что последствия ошибки сведутся всего лишь к потере командос и тем самым к гибели семи человек. О вероятности такого исхода старались не вспоминать — смерть для них была редким и неприятным событием. К тому же подготовка

каждого члена командос темпоральных исследований и воздействий обходилась чрезвычайно дорого.

Федерация объединяла около шести тысяч миров. Но альтаирцы не ведали истины. В тайну были посвящены только Арх, члены его совета и инженеры Службы времени. Они знали, что в лучшем случае ошибка приведет к нарушению будущего Альтаира II, а это чревато катастрофой для всей Федерации. В худшем случае — катаклизм уничтожит часть Галактики, и разрушительная волна покатится до границ Вселенной. Но инженеры Службы времени не совершали ошибок. Они не допускали даже малейшей их возможности, а потому не предпринимали мер для ликвидации гипотетических последствий. Этим занимались другие. На Альтаире II все обязанности были строго определены.

Инженеры Службы времени имели дело с тончайшими структурами Вселенной. Объяснить на словах характер воздействия, какое оказывают искривители на пространство Горовица, невозможно. И, разговаривая с непосвященными, инженеры прибегали к аналогии. «Представьте себе, — говорили они, — Вселенную в виде воздушного шарика. Мы находимся в некой точке на его внутренней поверхности. Приложив значительную энергию в определенном направлении, мы можем локально деформировать шарик и проткнуть в нем крохотное отверстие, которое позволяет выбраться наружу. Если деформация недостаточна, вы рискуете застрять в стенке шарика, и вас оттуда не извлечь никакими силами. При избыточной деформации в шарике может возникнуть постоянное отверстие. В этом случае шарик либо медленно опадет, либо лопнет».

В этот момент объяснявший обычно делал паузу и внимательно оглядывал слушателей. Гиды редко

обманывались в своих ожиданиях — туристы из центральных миров при этих словах неизменно теряли всю свою самоуверенность. Они глядели на черный прямоугольник, дверь в Абсолютное Вневремене, как на омерзительную гадину. Они не знали, какой конец страшнее — мгновенный ли взрыв, который перемелет Вселенную в пыль элементарных частиц, или медленный распад Вселенной, из которой, как из проколотого иголкой шарика, потихоньку утекают в никуда пространство, материя, время. Выбор оказывался невелик — лопнувший мыльный пузырь или опавший детский шарик. Одна только мысль об этом не сулила приятного. Но, уверенные в своем могуществе, которое они отожествляли с могуществом человечества, жившего в освоенной части Галактики и уже посылавшего свои корабли к иным звездным скоплениям, они предпочитали закрывать глаза на то, что кажущаяся незыблемой Вселенная, их обитель, обладает устойчивостью и прочностью мыльного пузыря или воздушного шарика. Подобные сравнения унижали их. Им не нравилось также, что в распоряжении инженеров Службы времени имеются чудовищные силы. Но они понимали — это вызвано необходимостью. Для утверждения своего могущества правители Федерации должны были подчинить себе время, и, подчиняя его, они все отчетливей сознавали, сколь хрупок его носитель — Вселенная. Постоянная опасность была непременным спутником Федерации.

Глядя на посетителей, инженеры Службы времени только усмехались. Для них опасность была отвлеченным понятием в отличие от конкретного понятия искривителей, абстрактную идею которых человек усваивал долгие века, хотя ему помогали совершеннейшие компьютеры. Инженеры знали,

что черный прямоугольник служит дверью. По эту сторону двери простирался континуум с мириадами галактик, состоящих из мириадов звезд, которые в свою очередь состояли из мириадов частиц. По ту сторону двери лежало ничто.

Непостижимое ничто. Никакой информации о природе Абсолютного Вневременя не существовало. Дверь открывалась в первозданный хаос, в отрицание пространства, которое предшествовало первому мгновению существования Вселенной, первому сверхатому, взрыв которого привел к ее появлению. Вот почему эта дверь позволяла попасть в любое место, в любой миг истории Вселенной. Но имелись определенные условия, которые суживали возможности перемещения во времени и пространстве. Однако границы были достаточно емкими, чтобы вместить значительно больший промежуток времени, чем вся история человечества.

Поэтому коммандос темпоральных исследований и воздействий ныряли через эту дверь в ничто, в Абсолютное Вневремене, и оказывались в иных мирах либо в прошлом, либо в будущем.

Дабы воздействовать на время. Дабы изменить прошлое или будущее. Дабы обеспечить Федерации могущество, которое непрестанно подтачивалось временем, и исключить малейшую вероятность ее гибели.

Семь человек коммандос вошли в зал. Увешанные снаряжением комбинезоны делали людей неразличимыми. Детекторы, оружие, инструменты, которые они несли на себе, позволяли им выжить практически в любых условиях — и в сердце звезды, и в пустоте, разделяющей галактики. Их не пугал ни один противник. Им ничего не стоило уничтожить целый мир, выстоять против космического

флота. Генераторы ордзи-излучения позволяли им видеть сквозь толщи гор. Генераторы поля давали возможность летать над планетой на любой высоте с почти неограниченной скоростью. Симбиотические комплексы обеспечивали им питание и дыхание на любом исходном сырье. Их могущество можно было сравнить с могуществом мифологических богов.

Но самым эффективным инструментом были их нервная система, знания, тренированность. Даже оказавшись наг и гол в самых неблагоприятных условиях, член командос имел больше шансов остаться в живых, чем любой другой житель Галактики. Тайна этого крылась во врожденных особенностях каждого, подмеченных выборщиками, и в длительном самосовершенствовании.

Они мгновенно оценивали любую ситуацию, отражали любую угрозу. Во всяком случае, ту, с которой они сами или их предшественники сталкивались в своих путешествиях. Их концепция мира исключала возможность поражения. Даже поодиночке они были практически неуязвимы. А их было семеро.

Эта семерка не раз боролась со временем и его ловушками и стала единым целым. И сейчас она снова готовилась переступить порог в прошлое неизвестного мира ради процветания Федерации, ради того, чтобы ничто не могло угрожать ее могуществу даже в далеком завтра.

В семерку входили координатор Йоргенсен, Арне Кносос, Марио, Ливиус, Шан д'Арг, Эрин и Нанский. Номинально руководил семеркой Йоргенсен, но на практике она не нуждалась в командире. Она работала сама по себе, как хорошо отлаженный механизм.

Ни один из членов семерки не отличался узкой специализацией. В командос темпоральных ис-

следований и воздействий каждый мог с равным успехом заменить другого. Когда начинались первые путешествия во времени, коммандос составлялись из различных специалистов, но результаты оказались плачевными, а часто и катастрофическими. Любой узкий специалист беспомощен вне рамок своих знаний и возможностей.

Мало кто завидовал их статусу специалистов широкого профиля. Какими обширными и разнообразными ни были их знания, они не позволяли им соперничать со специалистами в конкретной области. Их способности, взятые в отдельности, были посредственными, но в комплексе поражали своей уникальностью. Редкий человек мог по достоинству оценить многогранность их черт и знаний. В глазах большинства людей, гордых своей узкой специализацией, члены коммандос выглядели монстрами. А члены коммандос умели подавлять в себе неприязнь ко всем тем, кто с оговоркой принимал их право быть полноправными создателями цивилизации, чье будущее они защищали. Они ни с кем не делились своим богатым опытом; их замкнутые лица с поджатыми губами редко меняли свое выражение, и никто не знал, какие чувства их обуреваю. Их стихией были самые невероятные и неожиданные ситуации.

Семерка решительно направилась к черному прямоугольнику. Инженеры Службы времени удалили из зала всех посторонних. Проследовав по сложному лабиринту, начертанному на полу, семеро людей ступили на прямоугольник, и их окутали голубые сполохи пламени.

По периметру черного прямоугольника вспыхнула оранжевая полоса. Семерка отправлялась в прошлое планеты, которую ее члены никогда не видели и названия которой не слышали до вчерашнего

вечера, когда их ознакомили с порученной им миссией. Существовало строгое правило: никого и ни о чем заранее не предупреждать. Они должны были быть всегда готовы отправиться в путь. И всегда могли отказаться от выполнения данной миссии. Они не знали, кто принимает решение об их посылке в тот или иной мир, в ту или иную эпоху, но это их не волновало. Они получали точные инструкции и беспрекословно выполняли их.

Чернота прямоугольника вспучилась и непротивленным туманом потекла вверх по ногам. Тьма постепенно поглотила их и тут же обернулась белой вспышкой столь пронзительной яркости, что могла ослепить любого наблюдателя, не успевшего закрыть глаза.

Свет быстро пошел на убыль — черный прямоугольник и стоявшие на нем люди исчезли. Дверь Вселенной захлопнулась — семерка отправилась на планету Игона в созвездии Сфинкса, ход истории которой им надлежало изменить.

Накануне старта Йоргенсен отдыхал в студии своего приятеля Арана на планете Игор II. Он с интересом наблюдал, как художник работает над новой скульптурой. В прозрачном блоке вещества колебались цветные объемные формы, похожие на бледный сигаретный дымок, тающий в недвижном воздухе, или на разводы от упавшей в чистую воду капли чернил. Аран создавал невероятные пространственные комбинации в сероватых тонах. Его произведения украшали красивейшие здания Федерации.

— Мне нравится твоя профессия, — не раз повторял Йоргенсен. — Глядя на тебя, хочется заняться тем же. Твои творения надолго переживут тебя. Ты — счастливый человек. Удивительно, как

твоё произведение меняется при каждом прикоснении пальцев.

Скульптор поднял голову и усмехнулся.

— Я придаю форму дыму, а ты — времени. Что важнее? Я живу в мечтах, а ты в действии. Что лучше?

Йоргенсен не ответил. Он не отрывал взгляда от творения друга. Абстрактные контуры будили в душе тревогу, тревогу сменяло умиротворение, какая-то едва ощутимая радость. Он чувствовал, что скульптуры Арана оказывают на него какое-то неподъяснимое действие. Ему хотелось понять его природу. Йоргенсен посмотрел на свои руки. Сильные, костистые, ловкие, они не способны были ни на что подобное. Они умели владеть оружием, но не могли очертить изящный контур. Йоргенсен часто ловил себя на мысли, что любит наблюдать за работой Арана потому, что в глубине души хочет делать то же самое.

Йоргенсен был высоким, худощавым человеком. Наголо выбритый череп подчеркивал худобу его немного скучающего, сурового лица с очень светлыми глазами. Горькие складки в уголках тонкогубого рта говорили о давней усталости. Он не находил удовлетворения ни в себе самом, ни в мире, где он жил. Он любил свою странную профессию за то, что она помогала ему бежать от самого себя. Он часто задавал вопросы, и с изрядной долей скептицизма сам же отвечал на них, завидуя спокойной уверенности Арана.

— Меня постоянно мучает один вопрос, — наконец решился Йоргенсен, — не слишком ли односторонне мы действуем. На некоторых планетах получают развитие какие-то цивилизации. Кто-то решает, что на определенной стадии они могут стать опасными для Федерации. Тогда на сцену

вступаем мы. Наше вмешательство меняет ход их истории. Мы, конечно, стараемся оставаться незамеченными. Но миры, которые мы покидаем, уже никогда не достигнут расцвета, а потому никогда не станут соперниками Федерации. Нет, я не формирую время. Я стерилизую его. Я его ограничиваю. Я его ампутирую, обрубаю его живые ветви.

— Стоит ли терзаться? — мягко возразил Аран. — И я в своих произведениях нередко устраю некоторые возможности, хотя и сожалею о потерях. Но они нарушили бы равновесие и в конце концов красоту целого. Федерация контролирует время по праву сильного. Она поддерживает порядок во всей Галактике. И предупреждает войны. Разве ради этого не стоит приостановить развитие одной-двух неведомых цивилизаций?

— Не знаю, — неуверенно буркнул Йоргенсен. Он привык быть со скульптором предельно откровенным. В другом месте он, возможно, на это и не решился бы, чтобы не вызвать подозрений у агентов Арха. Он наклонился к окну, которое опоясывало мастерскую. Местность снаружи поражала дикостью и буйством природы. Но только несведущего. На самом деле она была плодом ухищрений мастера-садовника. У горизонта небо подпиравли высокие горы, по склонам которых сползал фиолетово-красный лес; его сменяла бескрайняя саванна, зелень оттеняла голубизну трех рек. Кое-где возвышались разрозненные купы деревьев. Само жилище Арана окружали цветущие луга. То здесь, то там легкими прыжками проносились и исчезали вдали быстроногие антилопы. Невидимое красное солнце заливало розовым светом небо, окрашивало пурпуром вершины гор. Весь этот пейзаж навевал удивительное чувство покоя, хотя на самом деле был чужд планете.

Здесь даже горы были другими.

— Меня многое беспокоит, — вновь заговорил Иоргенсен. — Я столько успел повидать. Самые разные миры. Я прощупал их прошлое и предугадал будущее. И все ради того, чтобы уничтожить. Каждый из миров менялся или стремился к перемене. Лишь Федерация с незапамятных времен остается неизменной и недвижной, как стоячее болото. Почему?

— Тебе известно изречение Арха: «Федерация — проявление зрелой уравновешенной цивилизации. Она достаточно могущественна, чтобы предотвратить всякий кризис, старение и смерть, которые для любой эфемерной цивилизации гибельны. Она стабильна — и в этом ее сила».

— Мне это известно. Однако прав ли Арх? Не защищает ли он свою собственную власть? Все меняется в этом мире — от твоих творений до звезд. Лишь Федерация застыла в своей неизменности. И эту ее стабильность создаем мы, солдаты времени, бросая к ее ногам освежеванные туши юных миров.

Пальцы Арана легко скользили по его детищу, и каждое прикосновение меняло форму цветных струек дыма внутри. Жесты скульптора исключали случайность. Аран вдруг выпрямился.

— Хочешь знать мое мнение? — резко спросил он. — Думаю, поведение Федерации пагубно. Убежден, она допускает ошибку, контролируя время. Возможно, она тем самым предотвратила свою старость, но одновременно она и убила в себе жизнь. Мы не имеем права ради собственного процветания искажать будущее других миров. Другие миры имеют полное право жить и развиваться. Знаешь ли ты, что моему искусству уже сотни лет и оно неизменным прошло через века? Думаешь, я

не устал повторять одно и то же? Думаешь, я не в силах создать нечто новое? Я ведь творец, а не просто специалист, каких плодит наша Галактика для любого рода деятельности. Даже для искусства. А как хочется уйти от этого неизменно повторяющегося совершенства. Что из того, что в Федерацию входят тысячи обитаемых миров? Все равно в ней пахнет затхлостью. Иногда, глядя на это небо, я чувствую, что попал в тюремную камеру. А затем заставляю себя улыбнуться и вновь берусь за работу, заново обретаю счастье от занятий своим делом.

Послышался мелодичный звон.

— Слушаю, — откликнулся Аран.

— Мне нужен Йоргенсен, — отрубил мужской металлический голос.

— Слушаю, — отозвался Йоргенсен. Он знал, кому принадлежит этот голос. Знал, что последует дальше. Радость охватила его, мышцы рук непроизвольно напряглись.

— Вам поручена новая миссия, — сообщил голос. — Завтра вы отправляетесь на планету Игона для проведения коррекции ее истории. Возвращайтесь на Альтайр.

— Буду вечером.

— Прекрасно. До свидания.

Йоргенсен повернулся к Арану.

— Игона. Никогда не слышал о такой планете. Коррекция истории. Любимый эвфемизм.

— А вот и ответ, — сказал Аран. — Федерация не терпит конкуренции. Ее право — право сильнейшего.

— Я могу отказаться, но не откажусь. В этих миссиях смысл моего существования. Как смысл твоего — в твоих скульптурах.

Внизу появился ребенок — дочка Арана. Она играла с красным мячом, современным чудом техники. Сложные механизмы позволяли мячу кружить вокруг ребенка и ускользать от него в момент, когда, казалось, игрушка уже в руках. Сложность игры можно было регулировать. Изредка мяч допускал ошибку и позволял приблизиться к себе. Девчушка заливисто смеялась и пинала мяч ногой. Он откатывался и возвращался.

Игру изобрели несколько веков назад, но интерес к ней не остывал.

Накануне старта Арне Кносос занимался рыбной ловлей на Гидре. Его страстью было море. Он знал подводную флору и фауну сотен планет лучше, чем их рыболовы. Глиссер скользил по волнам. Арне сам разработал и построил его с помощью роботов. В конструкции было множество хитрых решений. Он мог мгновенно выдвинуть две тончайшие мачты с прозрачным парусом — из древних книг он узнал, что человеческие цивилизации тысячелетиями использовали ветер в качестве движущей силы. Потом секреты такого плавания канули в Лету. Арне Кносос запово изобрел паруса и наслаждался, один на один меряясь силами с ветром и морем. Случалось, отключив двигатель, он сутками носился по волнам, отдавшись прихоти течений и ветров. Его концепция времени во многом зависела от общения с морем.

Между путешествиями во времени Кносос чаще всего жил на Гидре, одной из редких планет Федерации, полностью покрытой океаном. В морских безднах скрывалось несколько городов, жившие на доходы от туризма и разведения редких водорослей. Но Кносос избегал появляться там, разве только

когда иссякали запасы пищи. Кносос любил одиночество.

Он с удовольствием погружался в океанские бездны, исследовал морское дно, осматривал коралловые рифы, наблюдал за стаями разноцветных рыб и иногда охотился на морских гигантов. Но никогда не превращал он охоту в бессмысленную бойню. Каждый его трофей был добыт в честном бою. Однажды в глубоководной расщелине он выиграл схватку с гигантским кольчатым червем и с тех пор, несмотря на странности своего образа жизни, пользовался на Гидре особым авторитетом.

Сегодня на корме его глиссера красовалось название почти всеми забытого произведения — «Одиссея». Он плыл в пелене густого тумана. Детекторы прощупывали туман и воду, чтобы исключить столкновение с судном из морских глубин. Арне предавался мечтам.

Резкий звук вернул его к действительности.

— Кносос, — раздался безликий женский голос.

— Да, — отозвался он.

— Завтра вы отправляетесь на Игону. Срочно возвращайтесь на Альтайр.

— Хорошо.

Он нажал клавишу на щитке управления. Парус сложился, телескопические мачты бесшумно скрылись в корпусе суденышка. Глиссер ринулся вперед, едва касаясь воды.

Марио в равной степени увлекался музыкой, математикой и женщинами, а поэтому часто путешествовал. Накануне старта на Игону ему удалось прибрести все три свои страсти в районе Проциона. На планете Энгеран III проходил фестиваль синтетической оперы. Там-то он и повстречал Ору, пленительную певицу-блондинку. Сам Марио был черняв

и коренаст. Пронзительный взгляд и высокий покатый лоб не делали его красавцем, но в обаянии ему нельзя было отказать. Он знал это и умело пользовался своим даром.

В коммандос он попал случайно. Марио родился на одном из центральных миров во влиятельной семье, близкой к семье Арха, и карьера его с самого рождения казалась предрешенной. Но нравы правителей Федерации пришли к нему не по вкусу. Некоторое время он без особых целей скитался по Галактике, участвуя время от времени в математических турнирах, коллекционируя интрижки и развивая музыкальный вкус. Но даже это безделье утомило его. У него не было специальности, да он и не хотел ее приобретать. Немалое состояние оберегало его от любых невзгод, кроме скуки, которая к тридцати годам буквально задушила его. Ему предложили несколько почетных должностей, но он отказался от них. Однажды случай свел его с Йоргенсеном, и они сдружились. Два года спустя Йоргенсен предложил ему место в коммандос. Не желая расставаться со свободой и мало веря в то, что ненавистная ему Федерация нуждается в защите, он долго колебался. Но все же последовал за Йоргенсеном. Новая роль пришлась ему по вкусу — здесь опасность имела свой конкретный смысл.

Возвратившись в номер, он сразу заметил озабоченное лицо Оры. Она без улыбки ожидала его, прислонившись к мраморной колонне. Марио сразу понял, что это значит. Он обнял ее и спросил, не успев поцеловать:

— Миссия?

Она молча кивнула. Он взлохматил копну ее золотистых волос, не чувствуя никаких сожалений. Его вновь охватило знакомое чувство триумфа. Он уже был далеко от Оры.

— Игона, — сказала она. — Я даже не знаю, где это. И в атласе ничего не сказано. Какой-нибудь мирок на окраине Галактики?

— Уж не какой-нибудь, — возразил он, — коли требуется наше вмешательство.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Он чувствовал жар ее прильнувшего к нему тела.

— Ты вернешься?

— Конечно, — в его голосе не было большой уверенности.

И откуда ей было взяться? Никто и ничто не могло надолго захватить Марио, кроме темпоральных коммандос.

Накануне старта Ливиус бродил по предместьям Шенграна в поисках собутыльников, драки или любого другого скандального дела. По натуре своей Ливиус был авантюристом. Вкус к опасности и насилию привел его в темпоральные коммандос. Его не волновали высокие принципы. Он жил согласно собственным инстинктам. Ливиус родился на одном из бедных и перенаселенных миров и, наверное, занялся бы пиратством или иными темными делишками, не предложи ему выборщики иную долю. Он покинул родную планету раз и навсегда и свободное время проводил в больших городах старых миров, не заботясь о своей репутации. Он знал, что профессия защитит его от агентов Арха и нередко злоупотреблял этим. О его схватках с полицией ходили легенды. Когда он бывал в хорошем расположении духа, ему хватало разбить десяток роботов, чтобы внести, как он говорил, оживление в свою скучную жизнь. Он не связывал себя семейными узами, выбирал друзей на один день и не сожалел о расставании с ними. Когда этот высокий, сутулый и угло-

ватый человек с лицом, покрытым шрамами, которые он отказывался удалить с помощью биопластических операций, появлялся в тавернах, в них тут же поднимался радостный шум. Он любил успех, но презирал льстецов. Себя он считал одиноким волком и терзался лишь в те моменты, когда снисходил до жалости.

В тот вечер его грызла скука. Ливиус хотел было угнать корабль с астродрома, обманув роботов-охранников, и ради острых ощущений промчаться на нем вместе с приятелями вблизи солнца. Но как-то вдруг эта затея показалась ему детской забавой. Он ощущал зуд в руках. Близился кризис. В такие дни его томило неосознанное желание либо принять участие в необычном путешествии в другую галактику, либо вернуться на родную планету. Тогда даже нежные руки шенгранских женщин не могли вывести его из глубокой тоски, а психологов к себе он никогда не подпускал. Это его состояние однажды ощутили на себе агенты Арха: он убил одного из них, но скандал замяли. Агентов Арха не любили, да и заменить их было легче, чем членов командос.

Из кармана донесся резкий звук. Ливиус достал передатчик.

— Ливиус? — спросил робот.

— Он самый.

— Вы можете принять участие в миссии или отказаться от нее, — сообщил робот, четко выговаривая слова.— В случае согласия завтра отправляется на Игону.

— Кто командир? — хриплым голосом осведомился Ливиус.

— Координатором назначен Йоргенсен.

— Согласен.

Лицо Ливиуса просветлело.

— Да будет благословенно имя Арчимбольдо Урцайта, — тихо пробормотал он.

— Простите? — поинтересовался робот.

— Ничего. Я отблагодарил некоего Арчимбольдо Урцайта.

— Мне не известен ни один живой человек, носящий это имя, — проговорил робот. — Но пять веков назад существовала историческая личность с таким именем. Доктор Арчимбольдо Урцайт разработал математический принцип и провел первые практические опыты по путешествиям во времени.

Работы не упускали случая щегольнуть своими знаниями, и это бесило Ливиуса. Он весьма сожалел, что кибернетики сочли необходимым снабдить роботов небольшой долей разума.

— Именно его я и имел в виду, — сказал Ливиус и не без злорадства подумал, какое смятение вызвал в мыслительных цепях робота.

Робот помолчал, затем после паузы проговорил:

— Я регистрирую ваше согласие. Да будет вечным величие Арха.

На Шенгран опускался вечер. В терминах универсального времени у него было в запасе еще двадцать часов. Он посмотрел на небо, где уже заглянули искусственные луны. Двадцать четыре уровня улиц сплелись в громадной сверкающий лабиринт. Из подвесных садов исходил пьянящий запах. Над астродромом темной гигантской тенью висел пузатый коммерческий корабль с потушенными ходовыми огнями.

— Ну что ж, пойдем выпьем на последний сегир во славу старика Арчимбольдо Урцайта, — громко проговорил Ливиус, расправляя складки плаща.

Шан д'Арг утверждал, что прибыл из Солнечной системы, мифической колыбели человечества.

И как ни удивительно, акты гражданского состояния подтверждали его слова. Он немало гордился своим происхождением, утверждая, что некогда его род пользовался известностью на Соль IV, как тогда называли Марс. Он уже дважды участвовал в экспедициях за пределы Галактики, сражался против кристаллов Капеллы, истреблял мыслящих насекомых Сириуса, которые в результате непонятной мутации смогли покинуть свой родной мир и стали расселяться по всей Галактике. Дело предполагалось решить с помощью коммандос темпорального воздействия, но оказалось, что мутация была следствием вмешательства одной из коммандос. Не желая рисковать, Федерация решила сбросить на «заряженные» планеты миллионы роботов и нескольких воинов. Люди шли на верную смерть. Но Шан д'Арг сумел остаться в живых.

У Шан д'Арга была желтая кожа и раскосые глаза. Антропологи считали его редчайшим представителем одной из древнейших рас. В нем в полной чистоте сохранились ее признаки. Это было большой редкостью — в Федерации первичные расы смешались настолько, что стерлись все соматические различия. Правда, по мере расселения в разных мирах появились новые отличия. Излучения солнца, состав воздуха, гравитация, климатические условия — вот долговременные факторы формирования новой расы.

Шан д'Арг увлекался историей, с его уст не сходили названия битв и имена забытых героев. Он говорил об античности Солнечной системы как о благословенной эпохе, когда люди сражались с радостью и страстью. Ему хотелось подобно им владеть мечом, топором, пулеметом. Он искусно управлялся с древним оружием. Ему случилось на Танатосе принять участие в турнире гладиаторов,

но он вернулся оттуда, исполнившись отвращения, ибо не разделял вульгарного вкуса к убийству.

Накануне старта на Игону он томился в неясном ожидании у себя дома среди оружия, книг, блоков магнитной памяти. Когда его терпению пришел конец, он вызвал Альтайир.

— Хочу отправиться с миссией, — коротко потребовал он.

— Завтра отбывает одна из них, — ответил робот. — Но выборщики не предусмотрели вашего участия. Однако я могу предложить вашу кандидатуру.

— И побыстрее, — сухо приказал Шан д'Арг.

Он с нетерпением ждал ответа, занимаясь точкой меча — столь тонкую работу он не доверял автоматам. Услышав ответ, он вздохнул полной грудью:

— Ну что ж, Игона так Игона.

Эрин, молчаливый гигант с непокорной копной рыжих волос, накануне старта шел на приступ труднейшей вершины Тиморгских гор на Зефлоне VI. Голубоватое поле энергетического шлема защищало его лицо от холода и позволяло нормально дышать даже в разреженном воздухе больших высот. Он шел по гребню гладкой, как стекло, черной скалы, на которой ему помогали удерживаться присоски на ботинках. Преодолевая ледяные порывы ветра, он медленно приближался к островому, словно игла, шпиллю, который вознесся над горным массивом. Эрин уже начал ощущать усталость. В глазах рябило от легких туристических летательных аппаратов, которые весь день носились вокруг. Когда-то он и сам любил кружить на них над горами, но теперь предпочитал радость неторопливого продвижения, чув-

ство усталости и триумф нелегкой победы. Он брал с собой лишь минимум снаряжения.

Стоя над горами, он упивался ощущением могущества и безмятежного спокойствия. Он часто рисковал в космосе, проносился в опасной близости от звезд, приближался к планетам с такой скоростью, что они в мгновение ока вырастали на экране из булавочной головки в необъятный шар, на котором проступали очертания континентов, тени горных хребтов и города, похожие на светящиеся шляпки гвоздей. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем чувством, которое обуревало его на покоренной вершине — он ощущал принадлежность к окружающему миру и, застыв между небом и землей, в полном безмолвии созерцал проделанный путь.

Горы нигде так и не покорились человеку окончательно, и только загнанный на задворки души страх перед ними заставлял туристов кружить вокруг них под надежной защитой техники. Эрин относился к горам с опаской и уважением. Он понимал, почему народы древности селили своих богов на самых недоступных вершинах и карабкались к ним, проникшись смиренiem.

Он знал, что тысячеметровый обрыв имеет куда большую протяженность, чем миллион километров в космосе. Космос смазывает расстояния, излечивает от головокружения, уничтожает глубины, выстраивает звезды в одну линию, словно пешки на шахматной доске. Летающие туристы и не подозревали, сколько тайны и страха в каждой расщелине, трещине, отвесной стенке, качающейся скале, утонувшем во мраке откосе.

Эрин уже собирался расположиться на ночь у подножья островерхой вершины, когда в наушниках прозвучал негромкий сигнал.

-- Эрин слушает.

— Миссия на Игону. Отбываете завтра вместе с Йоргенсеном.

— Хорошо, — ответил Эрин и бросил взгляд на вершину. Он еще вернется сюда. А она подождет. Ждала миллион лет, подождет и еще немного.

— На Алтайре следует быть сегодня вечером.

— Это невозможно. Я нахожусь в горах Тиморг, в двух сутках ходьбы от ближайшего передатчика материи. У меня нет летательного аппарата. Однако даже с ним мне пришлось бы добираться несколько часов. Но вы можете прислать за мной корабль. Он подберет меня здесь и немедленно перевезет на Алтайр.

— Я постараюсь.

Не пришлось ждать и нескольких минут.

Гигантская масса Патрульщика материализовалась над головой Эрина. Федерация не скучилась на расходы, если дело касалось членов коммандос. Корабль бесшумно возник из пространства. В его брюхе, словно глаз, распахнулось отверстие, куда и всосало Эрина. Он еще не успел отдохнуть, как Патрульщик уже покинул систему Зефиона.

Нанский был одержим космосом. Накануне старта на Игону он находился на борту своей фотонной яхты в поясе астероидов малоизвестной системы. С ним вместе были его жена Нелле и двое сыновей. Оба подростка настолько свыклись с путешествиями в космосе, что не теряли присутствия духа даже во время нейтринной бури.

Они занимались поисками корабля, который потерпел крушение несколько веков назад, во времена расцвета навигации в пространстве. Нанский надеялся найти корабль и переправить его в музей космических судов, который давно организовал у себя дома, в системе Тлон.

Нанский знал, что благополучие Федерации зависит на передатчиках материи, которые позволяли мгновенно пересылать людей и грузы на любую планету. Он понимал, что упадок классической космической навигации вполне логичен и отражает нормальный исторический процесс. Ведь Федерация неуклонно превращалась в гигантский город размером в пол-Галактики, обитатели которого с каждым годом все больше теряли ощущение огромности расстояний, разделяющих звезды, поскольку для перехода из одной солнечной системы в другую требовалось лишь переступить порог передатчика.

Нанский не хотел мириться с подобным отрицанием космоса. Он жил ради него, как Йоргенсен — ради мучивших его вопросов, как Марио — ради музыки, как Ливиус — ради разгула, как Кносос — ради моря и как Шан д'Арг — ради звона оружия.

Время было другим измерением. Оно позволяло Нанскому заново открывать космос.

Вызов Альтаира принял Нелле. Она переживала за мужа каждый раз, когда он отправлялся в очередную экспедицию, о которых почти не говорил, хотя не имел секретов от жены. Ее страшила не угрожавшая ему опасность, а его пребывание там, где существовал соблазн встречи с молодой цивилизацией, имеющей развитый космический флот. Она так до конца и не поняла Нанского. Он был человеком скрытым и мог однажды, оседлав комету, навсегда удалиться к иным берегам. Она понимала, что рискует, когда пятнадцать лет назад выходила за него замуж. И все это время она тайла страх в себе, хотя каждая миссия Нанского заново пробуждала ее тревогу.

Нелле в двух словах пересказала сообщение мужу. Он проницательно посмотрел на нее.

— Как поступим? Могу тебя оставить здесь?

— Мы продолжим поиск. Ведь ты скоро вернешься.

— Не уверен. Лучше возвращайся на Тлон. Сюда прилетим позже.

Все было сказано. Она ни разу не пыталась отговорить мужа отказаться от участия в темпоральных экспедициях. Фотонная яхта перешла в подпространство и вынырнула в космосе вблизи планеты, где стоял передатчик материи. Нанский поцеловал жену и покинул яхту. Он метеором пронесся через атмосферу в автономной шлюпке и сел рядом с Центром межзвездных путешествий. Стояла глубокая ночь, и гигантский купол Центра сверкал в свете искусственных лун.

Так все семеро почти в один и тот же час универсального времени перешагнули порог передатчика материи и оказались на Альтаире в одном зале. Они явились из разных концов Галактики благодаря изобретению тысячелетней давности, сделанному в эпоху, когда еще не существовало Федерации.

Лишь Йоргенсен и Нанский знали, что значит передатчики материи для Федерации. Но только Йоргенсен задавался вопросом, а не создается ли сходная сеть связи во времени между веками, сеть, которая обеспечит единство сложенного из тысяч миров галактического города не только в пространстве, но и во времени.

2

Год? 3161.

Место? Планета Игона, которая вращается вокруг ничем не примечательного желтого солнца.

У Йоргенсена мелькнула невольная мысль, что ему суждено родиться через двести пятьдесят лет в нескольких десятках световых лет отсюда. Но он

не мог окончательно убедить себя в этом. Он существовал в Настоящем. И не допускал, что в его родном мире его еще нет, а живут давно забытые предки. И в то же время он знал, что так оно и было. Даже если разум находил подобную ситуацию совершенно невероятной.

— Принцип первый, — цедил Йоргенсен, почти не разжимая губ. — Путешествие во времени возможно лишь при одновременном перемещении в пространстве на достаточно большое расстояние, чтобы не внести интерференций в причинную ткань Вселенной.

Это была физическая истина. Хотя первый принцип не совсем точно выражал ее суть. Но был близок к ней. При любом путешествии во времени возникали интерференции. Но, поскольку расстояния между точкой старта и точкой финиша были велики, с интерференцией можно было не считаться.

«Логично, — подумал Йоргенсен. — Если было бы возможно вернуться в свое собственное прошлое, прошлое родного мира, изменения, привнесенные в его историю этим возмущающим возвратом, создали бы ряд парадоксов. Писатели, жившие в эпоху начала освоения времени, любили жонглировать такими возможностями. Они выдумывали путешественников во времени, которые убивали своих предков и тем самым переставали существовать, а вследствие этого не могли совершить роковое путешествие и снова оказывались в мире живых и так далее и тому подобное.

Но реальность исключала парадоксы. Писатели, если можно так выразиться, оставались на бобах. В свое собственное прошлое вернуться было нельзя, а потому и исключалась возможность его изменения. Вернее, путешествие было возможным, но для этого следовало преодолеть сопротивление конти-

нуума, что требовало чудовищного количества энергии, равного тому, которое будет израсходовано на создание новой вселенной со всеми изменениями, внесенными в ее причинную ткань.

Реальность допускала путешествие во времени при наличии определенных условий. Между двумя удаленными мирами почти нет причинных связей. Все происходит, как если бы речь шла о двух независимых вселенных. А потому возможно, затратив количество энергии, необходимое для компенсации этого «почти», перенестись в прошлое или будущее одного из этих удаленных друг от друга миров».

Второй принцип — причинная ткань конкретного мира может быть представлена в качестве конуса, вершина которого устремлена в прошлое, а основание находится в будущем. Первое следствие: чем глубже надо проникнуть в прошлое, тем больше интерференций вносится в глобальную структуру причинности и тем выше расход энергии на путешествие. Второе следствие: чем дальше в космосе находится точка старта, тем глубже можно проникнуть в прошлое исследуемого мира. Третье следствие: при определенном количестве затрачиваемой энергии точка прошлого планеты, в которую может попасть путешественник во времени, есть функция расстояния между этой планетой и точкой старта.

Именно поэтому центром Федерации был выбран Альтаир. Ближайшие к нему миры держались Федерацией в крепкой узде. И командос производили коррекции истории на большом отдалении — либо в центре Галактики, либо на ее противоположном краю.

— Я появлюсь на свет через двести пятьдесят лет, — тихо повторил Йоргенсен. — Мне известна история Федерации на три века вперед, до самого моего рождения. Что будет дальше, я не знаю. Но,

быть может, в данный момент в Галактике есть путешественники из далекого будущего, которые знают, что будет после нас, после Федерации, и в глазах этих людей далекой цивилизации мы выглядим просто варварами. Если бы мы могли встретить их, узнать будущее, узнать, чем завершится наше путешествие на Игону!

Третий принцип категорически исключал такую возможность. «Любое путешествие в будущее, а если говорить шире, любое общение с будущим требует затрат энергии больших, чем ее истрачено за все время существования континуума. Ибо положение путешественника во времени определяется не по отношению к абсолютной системе отсчета, а относительно точки его старта. А значит, искажения и интерференции, вносимые в цепь причин и следствий, могут оцениваться лишь относительно точки старта».

Третий принцип был самым простым. Это был перенос на структуры времени принципов относительности, которые в глубочайшей древности сформулировал, по мнению одних, Пифагор, а по мнению других, — Эйнштейн.

Игона выглядела гостеприимной. Они стояли на поляне, окруженной зарослями гигантских грибов. Никаких животных. Красная почва, голубое небо. Ласковое солнце. Спокойный влажный воздух.

Нанский и Марио занимались установкой темпорального маяка, чтобы отыскать вход в Абсолютное Вневременное и вернуться в свой век на Альтаир. Остальные молча, настороженно наблюдали за ними. Но лица их этого не обнаруживали.

Когда маяк был закончен, его замаскировали под обычную скалу — если кто-то пройдет мимо,

ничего не заметит, а коснувшись, получит легкий удар током.

— Далаам, так называется город, в котором нам предстоит действовать,— начал Йоргенсен, когда члены командос собрались вокруг.— Он находится в десятке километров к северу отсюда. Тропинка, которая ведет вниз, к подножью обрыва, где раскинулся город, проходит рядом. Но мы не пойдем по ней. Лучше как можно дольше оставаться незамеченными.

Он на мгновенье замолк и критически оглядел снаряжение своих товарищей. Он проводил осмотр трижды еще до того, как покинуть Альтаир, он доверял своим людям, но малейшая небрежность могла свести на нет их шансы на успех.

Соседний гриб с резким хлопком выбросил в воздух тучу спор. Вся семерка мгновенно бросилась врасыпную, схватившись за оружие. Затем, сунув оружие за пояс, они медленно вернулись на прежнее место. Пурпурный туман, повисший над грибом, напомнил Йоргенсену спирали в скульптурах Арана. На губах Марио играла ироническая улыбка.

— Уже нервничаем! А что будет через неделю?
Остальные промолчали.

— Войдем в Далаам пешком,— сказал Йоргенсен.— Так мы привлечем меньше внимания и лучше познакомимся со страной. Использовать оружие и защитные поля разрешаю лишь в крайнем случае. Если нам придется разлучиться, сбор в этой точке. Те, кто вернутся первыми, обязаны ждать остальных в течение трех месяцев. Затем могут возвращаться на Альтаир. Связь с Игоной будет прервана, и ее практически не удастся восстановить. Опоздавшие навечно останутся плениками этого мира.

Все согласно кивнули. Эту возможность они учитывали в любом путешествии. Случалось, целые командос намеренно оставались в прошлом, хотя это было категорически воспрещено из-за серьезных нарушений причинной ткани. Но Федерация практически не располагала средствами наказать тех, кто растворялся в глубине времен.

— Не думаю, — добавил Йоргенсен, с трудом выдавив из себя улыбку, — что эта экспедиция столкнется с существенными трудностями. Скорее всего, нас ждет приятное времяпровождение.

— И даже драки не предвидится? — с надеждой в голосе спросил Ливиус.

— Надеюсь, нет. Туземцы пользуются репутацией мирных людей.

— Однако через четыре-пять веков грозят Федерации великими опасностями? — осведомился Марио.

— По-видимому, если их техника быстро развивается. Я знаю не больше вашего. Это заботы прогнозистов. Они, не вдаваясь в подробности, указывают нам, какие операции следует осуществить. Для меня сущая загадка, какими неприятностями грозит Федерации такой мир, как Игона.

— Быть может, мы узнаем это, — заметил Шан д'Арг. — Хотя, судя по сообщенным нам сведениям, эти люди до противности миролюбивы. У них богатый язык, но в нем практически отсутствуют термины, относящиеся к оружию. Они даже не знают, что такое война.

Семерка двинулась в путь. Шан д'Арг и Ливиус шли во главе. За ними следовали Йоргенсен и Марио. Арне Кносос прикрывал левый фланг, а Нанский — правый. Замыкал шествие Эрин.

Они шли, лавируя меж гигантских грибов. Дважды сменили направление, чтобы отойти от

тропы — простой проселочной дороги с глубокой колеей. Шан д'Арг презрительно сплюнул сквозь зубы.

— И этих людышек боится Федерация, — пробурчал он.

— Бывали и быстро прогрессирующие миры, — возразил Марио. — Федерация предпочитает не рисковать.

— Я-то думал, что они по меньшей мере овладели атомной энергией и начали запускать в космос корабли.

— Не стоит судить о развитии цивилизации по проселочной дороге. Вы прекрасно знаете, что их техника в зачаточном состоянии. Или вы невнимательно отнеслись к информации?

— Ну, на память не жалуюсь, но ума не приложу, зачем мы сюда явились.

— В наши функции это и не входит.

«Как бы не так, — хотел было возразить Йоргенсен. — Если мы не будем вникать в события, кто сделает это за нас? Специалисты? Куда им. Мы, наверно, единственные, кто может системно оценить проблему, постичь суть вещей, ведь наше восприятие не ограничено шорами узких знаний».

Но промолчал. Они обсуждали эту тему уже сотни раз.

Выйдя вторично на тропу, они едва не столкнулись с аборигеном, трусившим верхом на какой-то местной зверюге. Это был тучный человек пре-клонного возраста, его удлиненный череп казался длиннее из-за громадной лысины. На нем была коротенькая туника, не закрывавшая болтавшихся по бокам животного ног. Его «конь» имел приплюснутую голову с двумя треугольными глазами, длинную шею рептилии и короткий темно-голубой мех. Животное семенило на шести странно сочле-

ненных ногах. С первого взгляда трудно было определить, относилось ли оно к живородящим или яйценосам или способ его размножения был столь же необычен, как и облик. Абориген явно был человеком. Маловероятно, чтобы эволюция на этой планете породила гуманоида, скорее всего, цивилизация на Игоне возникла после крушения звездолета. Уцелевшие пассажиры размножились и заселили эту мирную планету.

Семерка прижалась к земле, спрятавшись за грибами. Животное помотал головой влево и вправо, но не остановилось. Всадник выглядел весьма довольным собой. Он беззаботно глядел в небо и не заметил бы семерку, даже если бы она пересекла тропу перед самым его носом. Пришельцы из будущего успели заметить, что глаза животного двигались независимо друг от друга.

Вскоре абориген скрылся из виду.

— Он направляется в Далаам, — шепнул Йоргенсен.

— Похоже, торговец, — добавил Ливиус.

— На Игоне нет торговли, — поправил его Марио.

— Так нам сказали. Но не бывает планет, где нет купли и продажи.

— Существует Игона, — продолжал настаивать Марио.

— Прежде чем поверить, следует проверить, — возразил Ливиус. — Эти ребята из разведки считают себя всезнайками, а в половине случаев ошибаются. Вспомните-ка Мизар. Они утверждали, что техника туземцев не превышает уровня К-. А на самом деле оказалось, что они добрались до верного Д+. Просто туземцы предпочитали глиnobитные хижины баракам из железобетона, пластической стали и стекла.

— Ошибка была исправлена, — заметил Марио.
— Исправили ее мы. В последний момент.

Они снова двинулись вперед. Грибной лес стал редеть, а сами грибы едва превышали человеческий рост. Семерка продолжала путь с предосторожностями.

Уже была видна граница плато. Вдали, по ту сторону гигантского разлома, в легком тумане проглядывала скалистая вершина. Далаам лежал внизу, в каньоне, и пока оставался невидимым.

Солнце спустилось уже к самому горизонту, когда они вышли на край обрыва. Период обращения Игоны вокруг своей оси составлял сто девяносто два стандартных часа, и им следовало привыкнуть к длинным дням и ночам. Они сделали большой круг, чтобы оставить тропу в стороне. Здесь местность была совершенно открытой. Позади них над грибами плавал красноватый туман, ленивый ветерок разгонял его.

Нападение застигло их врасплох. Они не успели ни броситься на землю, ни увидеть оранжевую вспышку — их окружило жаркое пламя. Но снаряжение сработало быстрее рефлексов. Энергетические щиты закрыли их до того, как излучение достигло опасного уровня. На шлемах с клацаньем раскрылись и пришли во вращение антенны датчиков, призванных установить источник термоизлучения.

Атака длилась не более сотой доли секунды.

Ливиус с кривой ухмылкой достал оружие.

— Успокойся, — крикнул Йоргенсен, — ты даже не знаешь, где они!

Стрелки индикаторов невозмутимо вращались с той же скоростью, что и антенны, не собираясь замереть. А ведь оружие такой мощности должно было иметь мощный генератор из металла, излу-

чающий громадную энергию. Засечь такую штуку было проще простого. Но датчики не показывали ничего.

Люди даже не знали, в какой стороне укрыться. Конечно, энергетические щиты могли прикрыть их от любого излучения, но тратить запасы энергии, еще не вынудив противника нанести решающий удар, было неосмотрительно.

— Однозначного вывода сделать нельзя, — категорично заключил Шан д'Арг. — Либо на нас никто не нападал, и мы стали на сотые доли секунды жертвой галлюцинации, оказавшей воздействие на наши датчики, либо излучатель находится на расстоянии более тридцати километров, а это мало вероятно. Возможно, наш противник располагает миниатюрным адекватным снаряжением, которое практически нельзя засечь. Последняя гипотеза ничуть не менее фантастична, чем предыдущие. Подобным оружием в весьма ограниченном количестве располагает только Федерация. Оно предназначено для темпоральных командос и некоторых патрулей космической службы. Для его изготовления требуется уровень А+, то есть уровень развития передовых миров Федерации.

— Поищем укрытие, — предложил Нанский. Ему было явно не по себе. Его никто не считал трусом, но термоизлучение потрясло его. Отправляясь на Игону, он не допускал вероятности нападения. К тому же против них впервые использовалось могучее оружие. Он никогда не разделял прекраснодушной уверенности остальных в техническом превосходстве Федерации. Ему приходилось находить в космосе корабли, конструкция которых была ему совершенно непонятна, а происхождение и возраст неизвестны, и это не могло не давать пищи для размышлений. В космосе явно существо-

вали, а может, и существуют цивилизации, уровень развития которых ни в чем не уступает Федерации.

— Зачем? — спросил Йоргенсен, следя за Ливиусом, срывов которого всегда побаивался. — Щиты работают, а противник с легкостью отыщет нас в любом укрытии. Мы же не знаем ни где они, ни кто они.

— Думаю, будет разумным считать противника жителем данной планеты, и он прекрасно осведомлен о цели нашего прибытия, — с расстановкой произнес Арне Кносос. — Никто не стреляет по незнакомым людям без предупреждения, даже если они носят непривычную одежду. И только обитателям этой планеты есть смысл уничтожить нас.

Они уселись в кружок. Энергетические щиты светились непривычно ярко.

— На Алтайре появился предатель, — решительно заявил Ливиус. — Кто-то продал им оружие и сведения о нашей миссии.

Марио расхохотался.

— Среди твоих друзей слишком много уголовников, и ты привык смотреть на мир их глазами. Игонцы сами могли создать такое оружие.

— Значит, ошиблась разведка, присвоив им уровень К+.

— Возможно. Развитие Игоны могло быть весьма быстрым. Когда собирала свои сведения разведка? Пятьдесят или сто лет назад? А мы действуем на несколько десятков лет позже. Некоторые миры за такой промежуток времени успевают многое.

— Из твоих слов, Марио, вытекает и другое, — процедил Нанский. Его лицо посерело, черты острились. — Они умеют перемещаться во времени. И перемещаются в пределах своей планеты. А потому знают, зачем мы явились.

— Глупости, — проворчал Эрин.

Йоргенсен поднял руку.

— Вы что-то хотите сказать, — спросил он, поворачиваясь к Нанскому.

Астронавт кивнул. Его руки слегка дрожали. Он глубоко вздохнул, приоткрыл рот, но никак не мог заставить себя заговорить.

— Существует одно предположение, — наконец решился он. — Никто из вас не решается выдвинуть его. Представьте, что наш противник явился не с Альтаира и он не уроженец Игоны. Он может представлять совсем иную цивилизацию.

— Невоз... — начал было Ливиус, но слова застрили у него в горле. Он уставился на Нанского. Потом медленно обвел взглядом лица остальных — скептические улыбки не могли скрыть ужаса.

«Такую возможность трудно представить, однако в глубине души каждого из нас поселился страх, — подумал Йоргенсен. — Только Нанский мог выдвинуть такую гипотезу, уж он-то знает космос. Другие просто не в состоянии допустить, что в Галактике может существовать иная межзвездная цивилизация, кроме Федерации. Всякий раз, отправляясь в экспедицию, мы задаем себе один и тот же вопрос: „Кто нас ждет, настоящий противник или нет? Может быть, этот противник уничтожит нас и тем самым преподнесет горький урок Федерации”».

Враг из космоса.

Или из времени.

— Нам надо избрать новую тактику, — сказал Йоргенсен. — Наши инструкции предполагали уничтожение ключевых пунктов Далаама и психологическую обработку некоторого количества аборигенов. Но теперь возникла принципиально новая ситуация.

Он отвечал за коммандос. В обычных условиях каждый из них знал, что должен делать. Но сейчас наступил кризис.

Он вдруг ощутил, как одиноки и беззащитны они, несмотря на свое вооружение и могущество. Сейчас Федерация ничем не могла им помочь. Надо было самим спасти собственную жизнь и обеспечить успех экспедиции.

Йоргенсен принял решение. Они снова двинулись в путь, но избрали иной боевой порядок. Они рассыпались по местности, удалившись на несколько сотен метров друг от друга. Время от времени они вглядывались в оставшийся позади грибной лес.

Они достигли края плато, нависшего над глубокой расщелиной. Туманная дымка скрадывала детали.

Они подошли к самому обрыву и расположились в защитном порядке. Антенны на шлемах не прерывно вращались.

Йоргенсен лег на землю на самом краю пропасти и заглянул вниз. Рядом с ним стоял Эрин — носки его ботинок были буквально в миллиметре от пустоты.

Судя по картам, они вышли прямо к Далааму. Он должен был лежать у подножья.

Йоргенсен поиском глазами город — его не было. Он ожидал увидеть строения, улицы, машины, оживленную сутолоку. А внизу был лишь голубовато-оранжевый лес с пятнами полян. Деревья были настоящими великанами, некоторые экземпляры достигали трехсантметровой высоты.

Йоргенсен сменил настройку бинокля. Расстояние словно исчезло. Перестали мешать хлопья тумана. Йоргенсену казалось, что он парит над вершинами деревьев. Его внимание привлекло ка-

кое-то белое пятно — оно выделялось на фоне леса и земли. Строение. Неподалеку еще одно. И еще. Город постепенно обретал очертания.

Лес не просто скрадывал контуры города — он был его частью. Туземцы вырастили лес прямо в городе — у Йоргенсена исчезли всякие сомнения в этом. В остальной части ущелья не было даже признаков деревьев. В полученных ими данных о лесе не упоминалось. Там говорилось об обычном городе, характерном для формации полеводов и животноводов. Деревья в момент сбора информации еще не существовали.

«Сколько времени надо дереву, чтобы достигнуть трехсотметровой высоты? — спросил себя Йоргенсен. — Пятьсот, тысячу лет?».

Он еще раз переключил бинокль. Теперь он видел сквозь густую листву леса. Он словно опустился на дно ущелья. И сделал удивительное открытие — города как такового не существовало.

Йоргенсен встал и подозвал Марио.

— Что скажешь?

Марио пожал плечами. Он жевал питательную таблетку.

— Не будь этого солнца, рельефа и растительности, полностью соответствующих разведанным, я бы сказал, что мы не туда попали. Слишком много несоответствий.

— И город, — добавил Йоргенсен. — Он находится на указанном месте, но совсем не похож на город.

— Ну и что? —sarкастически хмыкнул Марио. — А собственно говоря, что такое город?

«В самом деле. А что такое город? — задумался Йоргенсен, пытаясь осмыслить отсутствие упорядоченности в расположении белых домиков, скрытых под сенью деревьев. — Место для совместной

жизни множества людей? Комплекс расположенных по единому плану зданий, монументов и площадей?».

Он видел города более чем на сотне планет. Подземные города, города-небоскребы с многоэтажными улицами, подводные города и даже города в открытом космосе. Первобытные деревянные города и ультрасовременные города из стали и стекла. Но у всех у них была одна общая особенность. Улицы. Словно сеть или система капилляров.

В Далааме не было улиц. Только тропинки между домами, которые никуда не вели. Отсутствовало и подземное движение. Датчики обнаружили бы его. Движения вообще не было. Изредка они видели туземца, который неспешно трусил по тропинке, исчезал в густой тени у самого ствола дерева, затем появлялся снова или не появлялся вовсе. Обычно туземец шел с пустыми руками. И цель его перемещения оставалась неясной.

Не было в Далааме и памятников. И ничего, что хотя бы отдаленно напоминало официальное здание, общественное сооружение, мэрию, завод или даже просто хлев. Не просматривались дороги, по которым в город извне доставлялись бы продукты и промышленные товары. И никаких полей ни вокруг города, ни под деревьями.

Йоргенсен попытался прикинуть, сколько человека жило в этом лесу. Его аппаратура не позволяла заглянуть внутрь жилищ. У них были слишком толстые стены. Видно было с полсотни домиков, каждый из которых мог приютить пять-шесть человек. Лес раскинулся на несколько десятков квадратных километров. В Далааме могло жить тысяч пятьсот. Если не миллион.

А им сказали двадцать пять тысяч. В крупнейшем городе Игоны! Двадцать пять тысяч людей, за-

нятых возделыванием земли, разведением скота, охотой. Никакой торговли. И никаких деревьев.

Сведения явно были ложными.

Йоргенсен выпрямился. Чистое небо. Солнце почти не сдвинулось. События на Игоне казались невероятными. Но реальность весомее любых, даже самых достоверных сведений.

Они ощутили движение земли под ногами через четверть секунды после того, как сработали датчики, и отпрянули от края пропасти. Вибрация усилилась. Противно заныло в лодыжках.

Йоргенсен понял, что последует дальше. Он подал знак «Прочь от края». Кнососа подвела нерасторопность. Трещина разверзлась раньше, чем он отшатнулся от бедны. Весь край обрыва рухнул в пустоту.

— Инфразвук, — рявкнул в наушниках голос Марио.

Кносос падал вместе с громадным обломком скалы. Когда скорость падения достигла угрожающего предела, автоматически включился антигравитационный парашют. Кносос завис над ущельем, глядя, как катятся вниз громадные камни. Когда до остальных донесся грохот, они бросились к краю пропасти. Обвал чудом не затронул лес.

А может быть, не чудом?

Кносос парил внизу, словно паук на паутинке. Затем он включил двигатель, медленно взмыл вверх и опустился рядом со всеми. Он улыбался, но в его лице не было ни кровинки.

— На этот раз пронесло, — выдохнул он.

Вторая атака была столь же внезапна, как и первая. Йоргенсен с тоской прикинул, какое по счету нападение сломит их дух. Морально они не были подготовлены к обороне, за исключением, наверное, молчаливого Эрина с его стальными нервами.

Йоргенсен вдруг сообразил, что слышит в наушниках голос. Говорил Марио, остальные внимательно следили за его речью.

— ...не были в настоящей опасности. До сих пор наши системы защиты срабатывали как надо. Если противник действительно осведомлен о наших целях и средствах, сомнительно, чтобы он стремился нас уничтожить. Это, скорее, похоже на предупреждение. Эдакий ультиматум — покиньте планету, иначе вам несдобровать. Думаю, нас хотят просто-напросто запугать.

Голос Марио был спокоен. Его слова, словно ледяной душ, окатили остальных, и Йоргенсен почувствовал, как тают его собственные страхи. По правде говоря, ни он сам, ни его同伴ы настоящего страха не испытывали. Их смятение объяснялось другим — они попали в центр невероятных событий, никак не связанных с полученной информацией. Обстановка была выше их понимания. И посланца всемогущей Федерации, отправленного на захудалую планетенку, это не могло не унижать.

Йоргенсен снова посмотрел на город. Кое-что начало проясняться. Казалось, низкие строения объединены в группы от восьми до двенадцати домиков, связанных тропками. Группы между собой соединяли петляющие меж деревьев дорожки. Издали это все казалось формацией из гигантских живых клеток.

Поведение туземцев по-прежнему ставило в тупик — большую часть времени они разгуливали с пустыми руками и, похоже, не подозревали, что такое работа. У них не было даже никакого разделения труда. Более того, жители Далаама, казалось, вообще не имели профессий.

«Как живут туземцы? Где добывают пищу? Кто одевает их?»

Люди выглядели беззаботными — большого Йоргенсен с тысячеметровой высоты уловить не мог.

Быть может, в Галактике Игона наилучшим образом соответствовала понятию рая? Чиновники Арха обосновали необходимость «коррекции истории» Игоны «агрессивными и воинственными устремлениями ее обитателей». Это совершенно не вязалось с тем, что наблюдал Йоргенсен. Но официальные соображения Арха редко совпадали с истинными. Они просто позволяли излишне щепетильным членам коммандос не испытывать угрызений совести. Единственное, что двигало Архом, было укрепление собственной власти.

Принципы «коррекции истории» были на удивление просты. В первые времена вмешательство коммандос было чисто материальным — физическое уничтожение неугодных людей, городов и целых планет. Но с веками появились иные способы воздействия. Коммандос обрабатывали коллективную психику общества. Они вводили в подсознание некоторого количества индивидуумов понятия, мнения, иными словами, «архетипы» мышления, которые через несколько десятилетий проникали в коллективное подсознание. И тогда вспыхивали войны, процветающие цивилизации загнивали по непонятным причинам. И никто не подозревал, что зародыши их гибели были привиты им десятилетия назад коммандос темпорального воздействия. Чаще всего эти зародыши представлялись безобидными мелочами, но, развиваясь, оборачивались социальным раком.

Таким чудовищно-безжалостным, невидимым и неотразимым оружием пользовалась Федерация в своей неправой борьбе с будущими конкурентами.

«Это — преступное оружие», — говорил себе

Йоргенсен, наблюдая спокойную и счастливую жизнь далаамцев. В тщательно опечатанной металлической коробке, которая лежала в одном из его карманов, хранились записи для гипнотического внушения разрушительных идей. Ему захотелось выхватить эту коробку и забросить подальше. Но он не мог решиться на это. Его слишком долго воспитывали в духе верности Федерации.

«Что думают другие? Марио, по-видимому, все понимает, об этом говорит его снисходительная улыбка. Ливиус подчинился без рассуждений. Кносос — загадка, лицо редко отражает истинные эмоции этого человека. Остальных заботит собственно действие, а не цель, которую оно преследует».

Марио тронул Йоргенсена за плечо.

— Что будем делать?

— Меня мучает тот же вопрос,— ответил Йоргенсен.

Он обдумал все. Существовал лишь один выход, который на время разрешал все проблемы. «Неизвестно, согласятся ли остальные с моим решением»,— подумал он.

— Надо возвращаться на Альтаир. Считайте это отступлением. Возникло слишком много новых факторов. Я не уверен в эффективности предложенного мне плана. Гипнотическое внушение может вызвать у туземцев непредвиденную реакцию и принести больше вреда, чем пользы. Быть может, туземцы способны создавать мозговой барьер. Я не могу брать на себя ответственность за возможный провал.

Здесь он лгал самому себе. И боялся, что другие прочтут правду на его лице. Он пытался понять, разгадал ли Марио истинную подоплеку его решения.

— Это означает, что на первом этапе туземцы одержали победу,— усмехнулся Марио.— Мы оставляем их будущее в покое. Они сумели посеять в наших душах достаточную панику, чтобы поколебать нас.

— Туземцы или кто-то другой,— тихо напомнил Йоргенсен.

— Вы верите в тезис Нанского?

— Не знаю,— признался Йоргенсен.— Но если он обоснован...

Марио глубоко вздохнул. Он старался казаться невозмутимым, но его снедало беспокойство.

— Понятно,— наконец выговорил он.— Я считаю ваше решение мудрым. И присоединяюсь к нему. Пусть ситуацию разберут люди Арха.

Йоргенсен облегченно вздохнул. Пока он одержал победу. Но он недолго радовался ей.

Небо над их головой было пустым и светилось, словно внутренняя поверхность раковины. На Иго не водилось птиц.

Ливиус уже в третий раз упрямо повторял одно и то же:

— Такого еще никогда не случалось. Никогда ни одна коммандос не отступала.

— Неверно,— ледяным тоном перебил его Йоргенсен.— Сто двадцать семь лет назад одна из коммандос вернулась, не выполнив программы. Ее члены единогласно решили, что вероятность успеха равна нулю. Именно такое решение я вам и предлагаю принять сегодня.

Марио, Кносос и Нанский присоединились к нему. Ливиус был против. Эрин молчал. Шан д'Арга мучила нерешительность, он колебался между желанием рискнуть и чувством верности Йоргенсену.

— Мы станем посмешищем Федерации,— сказал Ливиус.

— Но это лучше, чем вызвать ее гибель.

Ливиус разъярился.

— Меня ничем не напугаешь.

Лицо Нанского исказилось от гнева.

— Замолчи,— глухо сказал он.— Мы сотни раз доказывали, что не относимся к разряду трусов. Я боюсь лишь одного — допустить оплошность.

В разговор вмешался Шан д'Арг.

— Ливиус, я солдат. И ухожу от опасности, кляня себя за трусость. Но Йоргенсен прав. Дело касается не только нас. Есть Федерация. И есть туземцы.

Лицо Йоргенсена просветлело. Еще один голос. Эрин присоединится к большинству. Осталось убедить одного Ливиуса.

— Можешь оставаться здесь, Ливиус,— отрезал Йоргенсен. — Веди войну в одиночку. Либо согласись с большинством. Ты имеешь право выбора.

И тут же Йоргенсен сообразил, что допустил промах. Из-за волнения он сказал больше, чем хотел.

— Мы вернемся,— добавил он.— Мы отправляемся за новыми директивами. Следует предупредить Федерацию о наличии хорошо вооруженного противника. И обо всех изменениях. Мы не капитулируем. Времени у нас хватает и для отступления, и для победы.

Ливиус смотрел в землю и играл оружием. Он бросил взгляд в направлении Далаама. Деревья по-прежнему скрывали неведомую реальность. Он вспоминал о прошлых экспедициях, об империи полуразумных ящериц, которую они развалили на планете джунглей Бании, о кристаллах-математиках, которые свели с ума узальских гуманоидов на

Ломире. Каждый раз задача была простой и конкретной. Здесь же не было никакой ясности. Его коробило от сознания, что он бежит от неразгаданной тайны.

— Будь по-вашему.

С его лица не сходила горькая усмешка.

Споры гигантских грибов покрыли землю толстым ковром красноватой пыли. Люди шли молча, держа оружие наготове. На шлемах вращались антенны датчиков. Йоргенсен ощупывал небольшую металлическую коробку. Далаам победил. Но жители его, казалось, вовсе и не подозревали о своей победе.

— Мы столкнулись с оригинальным обществом,— проговорил Марио.— У них, похоже, нет ни правительства, ни экономики, ни централизации. И в то же время они способны защитить себя. Интересно, что случилось бы, попытайся мы уничтожить лес?

— Думаю, мы потерпели бы крах,— задумчиво ответил Йоргенсен.

— Мне тоже так кажется. Город выглядел таким спокойным, а жители и не подозревали о нашем присутствии. И одновременно от леса веяло какой-то силой. И пока я смотрел на лес, мне было не по себе.

Остальные почти хором согласились.

— Вы считаете, что на нас пытались оказать психологическое воздействие?— спросил Нанский у Марио.

— Не исключено. Датчики не сработали. Но мы в принципе защищены от любой формы внушения. У меня сложилось впечатление, что лес скрывает что-то очень ценное, живое и могущественное, и мы не вправе уничтожать это. Интуитивное ощущение. Не больше.

— Я тоже ощущал нечто подобное,— согласился Йоргенсен.

— Прежде я никогда ничего похожего не испытывал,—признался Марио.— Может, иногда, слушая симфоническую музыку. Чувство, что ты на пороге какого-то нового, неизвестного мира, в сущность которого до конца не проникнешь и к которому никогда не будешь принадлежать. Скорее всего, гнев Ливиуса вызван именно этим обстоятельством.

Ливиус шел в одиночестве, в стороне от других. Вдруг в наушниках взревел сигнал датчика, и все мгновенно застыли на месте.

— Там,— Ливиус махнул рукой в сторону двух грибов.

В красном тумане спор что-то двигалось. Несомненно, это был человек, но очертания его фигуры были неясными, словно он шел под защитой энергетического щита. Все бесшумно бросились врассыпную, пытаясь окружить незнакомца. Йоргенсен потерял их из виду, но благодаря датчикам знал точное местонахождение каждого.

— Может, наберем высоту?— предложил Ливиус. Голос его дрожал от возбуждения.

— Ни в коем случае. Оставаться на земле.

Это мог быть следивший за ними туземец. Но тогда почему так долго безмолвствовали датчики? «Туземец обнаружил себя сознательно»,— подумал Йоргенсен.

Если это был туземец.

Первый разряд пронесся белой молнией, сбив шляпки с десятка вспыхнувших грибов. В небо взвились клубы красного дыма. Автоматически включилась защита.

— Не стрелять,— крикнул в микрофон Йоргенсен в момент, когда раздался второй энергетиче-

ский залп. Разряд попал прямо в Ливиуса. Его щит налился белизной и снова стал невидимым, сыграв свою защитную роль.

Все семеро кинулись за туземцем. Заросли грибов становились реже, началась зона обвалов. Они часто теряли друг друга из вида, но датчики точно указывали положение каждого. Еще немного, и они настигнут беглеца.

— Взлет? — заорал Ливиус.

Йоргенсен колебался. Они могли включить антигравитационные блоки и пролететь над лабиринтом скал. Но тогда они станут уязвимыми, а у незнакомца вполне могло быть мощное и опасное оружие. Кроме того, они сразу открывали противнику свои тактические возможности. Рассудительность требовала хранить козыри до решающего хода.

— Давайте! — наконец решил Йоргенсен.

И почти тут же услышал яростный вопль Ливиуса.

— Мой блок не работает. Попробуйте свои.

Йоргенсен машинально нажал крохотную кнопку у пояса. Но вверх не взлетел. Он огляделся. В воздухе не было и остальных.

— Нейтрализующее поле, — крикнул Марио. — Ребята весьма сильны.

В его голосе слышалась нотка удовлетворения. Он оценивал ситуацию, как игрок.

И почти тут же он выстрелил. Энергетический разряд был средней силы, чтобы не убить, а оглушить беглеца. Выстрел попал в цель, но человек не остановился и скрылся за скалой.

— Щиты, — отчаянным голосом выкрикнул Нанский.

Йоргенсен кинул взгляд на бегущего впереди Марио. Защитного ореола у него не было. Йоргенсен не мог видеть собственный энергетический эк-

ран, но, бросив взгляд на контрольную шкалу на правом запястье, понял, что тоже остался без защиты.

Неведомый противник затянул с ними опасную игру.

Но не похоже, чтобы он стремился их уничтожить. Лишить их защитных экранов — значит, располагать более совершенной технологией и практически неиссякаемым источником энергии. Такой мог уничтожить их с самого начала. А он стремился их запугать. Может, это элементарный садизм? А может, желание доказать, что ни одно их оружие не причиняет ему ни малейшего беспокойства?

— Прекратить преследование,— приказал Йоргенсен.

— Попался,— раздался голос Марио в наушниках.

Марио выстрелил два раза. Йоргенсен не видел, как он стрелял, но отчетливо слышал легкий треск разрядов.

— Я прикончил его,— произнес Марио.

Но раздались новые залпы, и один разряд прошелся так близко от Йоргенсена, что на мгновенье ослепил его. Он бросился на землю, затем вскочил на ноги и пустился бежать туда, где исчез Марио. Вскарабкавшись на скалу, он увидел внизу небольшую ложбину. Йоргенсен скользнул вниз и замер, оглушенный безмолвием. Некоторое время он стоял в полном отупении, глядя на бешено вращающиеся стрелки датчиков. Ему вдруг стало понятно, что такое заблудиться. Он вспомнил, как давным-давно, еще в детстве, заблудился на Игоре II. И хотя планета была мирной и ему ничто не угрожало, все звуки приобрели какой-то зловещий оттенок. Он шел вперед, ни разу не остановившись до самой зари. Отец отыскал его на берегу реки. Он ничего ему

не сказал. Так и не перемолвившись ни словом, они вернулись домой.

Йоргенсен отогнал воспоминания. С большим трудом он вскарабкался на противоположный откос. Снова скалы. Он взобрался на самую высокую. Он никого не видел, наушники онемели. Он слышал лишь стук собственного сердца.

Стоит ли бояться? Если бы их хотели уничтожить...

Вдруг он заметил в расщелине Марио. Он махнул Марио рукой, но тот его не заметил. Йоргенсен бесшумно подошел к нему, стараясь не наступать на округлые камешки. Жарко припекало солнце, а комбинезон перестал предохранять от его лучей.

Марио не отрываясь смотрел на что-то лежащее позади скалы. Йоргенсену не надо было задавать вопросов, чтобы понять—произошло что-то невероятное. Йоргенсен подошел к Марио вплотную, но тот даже не повернул головы. Ему пришлось отодвинуть Марио в сторону, чтобы понять причину такого оцепенения.

Убитый был распростерт у подножья скалы. Ни один робот-хирург не смог бы вернуть его к жизни. Залп практически перерубил человека пополам.

На трупе была форма темпоральных коммандос. Но не это было главным.

Он как две капли воды походил на Марио.

Они с трудом передвигали ноги.

— Вы уверены, что мы идем правильно? — спросил Йоргенсен.

Эрин кивнул. Датчики отказали. Их единственной надеждой на спасение был темпоральный маяк. Если его удастся активизировать... Они сохранили при себе бесполезное теперь оружие. Мышцы налились усталостью. Из-под шлемов струился пот. «Мы

уязвимы, как младенцы,— усмехнулся про себя Йоргенсен.— Беззащитны. Обнажены перед лицом неведомого и могущественного противника. И столь же безоружны, как, похоже, и жители Далаама».

Эта мысль поразила Йоргенсена. Может, именно в этом крылся ключ к разгадке? Может, это и хотел внушить им невидимый противник? В предыдущих экспедициях их противники не имели и шанса на успех. А коммандос действовали под защитой своих энергетических щитов, шлемов, термокомбинезонов. Их постоянно охранял кокон из аппаратуры. Они могли летать над континентами и океанами, общаться через толщу гор, они ежесекундно знали, где находится каждый член коммандос, где установлен темпоральный маяк, где расположен нужный город. Они всегда верили в себя и в свое оружие.

Но не сейчас. И не здесь. Сейчас и здесь, на Игоне, они были наги и безоружны. Всегда между членами коммандос и реальностью стояли машины. Иногда, ради спортивного интереса, они убирали их. Но машины были всегда рядом, готовые прийти на помощь, выручить, спасти от боли, усталости, смятения. Они никогда не вступали в настоящую драку. За них сражались машины, а им казалось, что они управляют ими. Федерацию охраняли машины, и люди верили, что, не будь их, они жили бы в постоянной опасности.

Но не сейчас и не здесь.

«Жители Далаама знают, что такое настоящая борьба»,— с горечью думал Йоргенсен, и его мнение разделяли остальные. Они шли молча, опустив головы, борясь с жаждой (система регенерации воды тоже отказалась), жарой и усталостью. «Жители Далаама преподают тебе урок, не спрашивая твоего согласия. Может, они хотят изгнать тебя со своей

планеты. А может, желают, чтобы ты спустился к ним, под сень их дерев?».

Они оставили тело Марио-2 на месте гибели, поспешно осмотрев его. Сомнений не оставалось. Это был Марио. А другой Марио шел вместе с ними. Там, в герметичном мешке, остался абсолютный двойник Марио, с теми же отпечатками пальцев, теми же шрамами. Более тщательного обследования они сделать не могли — их инструменты не функционировали. Но иных доказательств и не требовалось. Они знали, с чем столкнулись.

С абсолютной идентичностью двух организмов.

Быть может, и существовали различия на клеточном уровне, но играло ли это сейчас какую-то роль? Во Вселенной не может одновременно существовать два совершенно идентичных предмета или существа, но в данный момент и в данной точке существовали два идентичных Марио. Различие между ними было небольшим. Один из них оказался проворнее и убил другого. Однако идентичное оружие у обоих не было отрегулировано на смертельную дозу. Сейчас один Марио лежал в герметичном мешке, а другой боролся с жаждой и усталостью.

«С кем из них я покинул Альтаир?» — спрашивал себя Йоргенсен, стараясь не глядеть в сторону товарища. — С кем из них я говорил о Далааме? С тем, кто умер? Тогда с нами идет лже-Марио, убивший одного из нас. А может, это мы одержали верх над противником? Или уничтожили призрак, предназначенный ввести нас в заблуждение?».

Все хранили угрюмое молчание. Ведь если идущий рядом Марио враг, они могут снабдить его информацией, которая обернется против них. Марио не протестовал против решения Йоргенсена. Необходимость его была очевидной.

Инженеры Службы времени и выборщики смогут решить задачу, если коммандос удастся вернуться на Альтаир.

Йоргенсену вдруг захотелось, чтобы их постигла неудача. У него мелькнула новая мысль. А не разыграли ли здесь, на Игоне, с ними мизансцену, дабы облегчить проникновение на Альтаир, в цитадель Федерации, вражеского агента, шпиона, посланного для раскрытия тайн путешествий во времени? Но в этом предположении отсутствовала логика. Невидимый противник показал свое очевидное могущество. И Йоргенсен не сомневался — такому врагу ничего не стоило незаметно просочиться на любую планету Федерации. Возможно, он не мог попасть туда в нужный ему год. Тогда невидимка стремится выйти к истокам наших коррекций времени, чтобы в свою очередь воздействовать на будущее Федерации.

Йоргенсена терзали сомнения.

— Я не узнаю местности, — сказал он. — Вот эти грибы были слева. Теперь они должны быть справа.

Эрин упрямо покачал головой.

— Нам осталось идти с час. Может, часа два. Но мы идем верно. Поглядите на горы.

Вся семерка доверилась его умению ориентироваться в горах. Если они пройдут мимо маяка, то не отыщут его и за десять лет. Красные споры скрыли все их следы.

«Час на размышления», — подумал Йоргенсен. Он попытался представить себе произведения Арана — тонкие хитросплетения дымчатых спиралей, принимающие окончательную форму под руками скульптора. Ему казалось, что они отражали образ времени, образ их судьбы, образ Игоны.

И любой щелчок извне мог изменить линии их судьбы.

3

Эрин поднял руку, и Йоргенсен сразу узнал поляну. Близилась ночь. Она продлится девяносто шесть часов, а за столь долгое время сильно похолодает. Их генераторы энергии не функционировали. Термоустройства комбинезонов отказали. Они рисковали погибнуть от холода, если не сумеют вернуться на Альтайр.

Да, это была поляна, на которую они прибыли несколько часов назад. Ливиус и Кносос рванулись вперед, несмотря на невероятную усталость. Один Шан д'Арг сохранил свою быструю, упругую походку.

— Стойте,— крикнул Йоргенсен.

Все замерли на месте.

Йоргенсен потер лоб. Ему не нравилось то, что надлежало сделать.

— Марио. Бросьте оружие на землю,— приказал он твердо.— Расстегните пояс. Шлем можете оставить.

Марио медленно повернулся к нему. Потом улыбнулся. Его лицо было серым от пыли, под глазами чернели круги.

— Я вас понимаю,— произнес он.— Вы мне не доверяете и не уверены, враг я или нет.

— Я не имею права рисковать.

Йоргенсен расправил плечи, погладил правой рукой рукоять мертвого оружия. Закатное солнце бросало на его лицо красные блики. Марио устало уронил оружие к ногам. Затем открыл магнитную застежку пояса, и тот соскользнул на землю. Встроенный генератор энергии, антигравитационный блок, ядерные гранаты, симбиотический комплекс— все не работало, все превратилось в мертвый груз. Однако пояс служил еще и символом беспредельного могущества посланцев Федерации. «Теперь предел этому могуществу установила Игона»,—подумал Йоргенсен.

мал Йоргенсен. Он понимал чувства Марио, если тот был своим.

— Ливиус.

— Слушаю,— отозвался тот с недовольной гримасой.

— У вас сохранился кинжал?

Вопрос был излишним. Ливиус никогда с ним не расставался. Он был единственным в команде, кто искусно владел этим древним оружием. Он умел и метать его, и драться им. Даже Шан Д'Арг побаивался его ножа.

— Конечно, — ответил Ливиус, отбросив со лба прилипшие волосы.

— Будете следить за Марио, — Йоргенсен избегал смотреть на них. — При малейшем подозрительном жесте убейте его. Вы поняли? Повторите.

Ливиус посмотрел на Марио, потом на Йоргенсена и снова на Марио.

— При малейшем подозрительном жесте убить его, — едва слышно выговорил он.

Остальные молчали. Их сапоги были запорошены красной пылью спор.

— Попробуем вернуться на Альтаир. Маяк прямо перед нами. Вы понимаете, что я не могу рисковать. Если подлинный Марио мертв, а с нами его копия, то в момент активации маяка его оружие заработает, и он, перестреляв нас, в одиночку отбудет на Альтаир и...

Он не кончил фразы.

— Я понимаю, — заговорил Марио. — На вашем месте я поступил бы точно так же. У меня нет средств доказать, кто я на самом деле.

«Никто из нас не может доказать, кто он, — вдруг сообразил Йоргенсен. На лбу его простили бисеринки холодного пота. — Никто. Во время погони каждый из них на какие-то мгновения оставал-

ся один. Быть может, под одной скалой лежит труп Ливиуса, под другой — Кнососа, под третьей — Нанского, а под четвертой... У не могу доверять ни одному. И в состоянии ответить лишь за себя. А если я ошибаюсь и в самом себе?».

Он не решился поделиться своими соображениями.

— Идите первым, Марио, — приказал он, с трудом слогнув слюну.

Марио повернулся и, переставляя одеревеневшие ноги, двинулся вперед. Ливиус, подобрав с земли оружие и пояс, пошел за ним следом. Остальные нехотя тоже тронулись с места. Небо слева горело адским пламенем, и только вершины гор сияли белыми шапками.

Замаскированный маяк высился посреди поляны. Йоргенсен облегченно вздохнул и едва сдержался, чтобы не рвануться вперед, подобно Кнососу и Ливиусу. Он уже не надеялся отыскать поляну и боялся, что маяка на ней не окажется.

Он приблизился к скале, провел ладонью по шершавой поверхности и почувствовал легкий укол тока. Кончиками пальцев он нашупал выступ, за которым пряталась клавиша контакта. И нажал на нее. Но ничего не произошло. И прекратилось покалывание в пальцах.

Йоргенсен стал торопливо ощупывать выступ.

— Ливиус, — он пытался совладать с собственным голосом, — передайте мне оружие Марио.

Поймав брошенный пистолет, Йоргенсен ударил рукояткой по выступу — что-то могло заклинить.

Оружие со звоном отскочило от камня. Йоргенсен ударил сильнее. Болели все мышцы. Нестерпимо хотелось вновь услышать резкий и четкий альтанрский говор. Скала крошилась, летели осколки. Йоргенсен с остертвенением колотил по камню. На-

конец, обессилев, он повернулся к товарищам. Слова были лишними. Маяк стоял на прежнем месте. Но дверь на Альтаир захлопнулась. Замаскированный под скалу маяк, неизвестно отчего, стал камнем.

Марио, по-видимому, все понял и расхохотался. Их, как маленьких, обвели вокруг пальца. Они спрятали маяк, а противник отрезал им путь к отступлению, превратив его в скалу.

Они стали пленниками Игоны и скоро станут пленниками ночи. К тому же среди них, возможно, имеется враг.

Ножки грибов полыхали светлым пламенем. Ливиусу удалось разжечь костер самым древним способом — высекая искры из камня.

Члены коммандос с недоумением смотрели на пламя — большинство из них видели огонь впервые.

Они инстинктивно уселись вокруг костра, протянув к огню озябшие руки и ноги. Ливиус играл кинжалом, искоса поглядывая на Марио и напевая песенку, которая с детства запала в памяти.

«Итак, мы заброшены на тысячу лет назад. Нет, не на тысячу, на сто тысяч лет назад, — думал Йоргенсен. — Мы впервые совершили настоящее путешествие во времени. Попали в эпоху, когда человек с голыми руками один на один выходил на дикого зверя, высекал огонь и даже не подозревал, что когда-то покинет Землю и поселится в космосе».

Ножки грибов горели с веселым треском. Отрешившись от всего, Марио не мигая смотрел на пламя.

«Еще девяносто часов夜里», — прикидывал Йоргенсен. У него пересохло в горле. Они выпили всю воду, выработанную симбиотическим комплек-

сом. С рассветом придется отправиться на поиски воды, а она, скорее всего, находится на дне ущелья, рядом с Далаамом.

«Кроме огня и голых рук нас с нашими далекими предками сближает еще одно, — решил Йоргенсен. — Недоверие». Они замкнулись в себе, не зная, кто прячется за лицом друга, бок о бок с которым не раз приходилось сражаться. Наверно, нечто подобное испытывали первобытные охотники. Сотрудничество, взаимное доверие явились плодом много векового пути вверх по ступеням цивилизации.

«Недоверие — истинная причина нашего пребывания здесь, — неожиданно осенило Йоргенсена, и эта мысль словно разогнала мрак ночи. — Именно потому, что Федерация не доверяет будущему иных миров, мы и призваны действовать. Самый сильный или самый умный из первобытных охотников постоянно был начеку, боясь и сородича, и соседнего племени. И вот Федерация, могущественное цивилизованное объединение миров Галактики, мыслит и действует столь же примитивно, как и первобытный охотник».

Зловещая тень недоверия как-то сразу разделила и семерых членов коммандос, и то же недоверие опутало тяжелыми кандалами Марио. Но оно было лишь отражением недоверия Федерации к иным мирам. Они боялись, что Марио окажется чужаком, врагом — возможно ли допустить, что чужой может быть другом, ведь они сами прибыли на Игону тайно, по-воровски.

Так и случилось.

Обитатели Игоны, возможно, жители Далаама, а может, таинственные пришельцы, поставившие их в критическое положение, расплатились с ними их собственной монетой. Семерка явились на Игону в полной уверенности, что далаамцы бессильны про-

тив нее, а теперь беспомощной оказалась она. Каждый из них нес в себе недоверие, страхи и ненависть Федерации, и все это обернулось против них.

«Игона стала зеркалом, — размышлял Йоргенсен. — Она отразила наше истинное лицо. Явись мы сюда безоружными, с сердцем, исполненным дружбы и доверия, спроси мы далаамцев, что они думают о жизни и что мы можем им предложить... А что мы могли бы им предложить?

Наше могущество?

Но они раздавили нас, как мух.

Явись мы с нашими проблемами, нашими жизнями, нашим будущим ради того, чтобы договориться, а не разрушать, был бы иным результат?

Нет на это ответа. И не будет, если только не пойти с распросами к жителям города. Ведь они не убили нас, как поступили бы на их месте мы. Они пригрозили нам нашим же оружием, они оглушили нас дубинкой нашего же страха. И на этом не остановятся, сомневаться не приходится. Они ни к чему не принуждают нас. Они всего-навсего обращают против нас наше оружие, топят нас в болоте наших же проблем».

Напрашивалось единственное решение. Оно было светлым, как огонь, жгучим, как огонь, страшным, как огонь, и, словно огонь, оно могло рассеять мрак ночи.

Йоргенсен решился сделать первый шаг к восстановлению доверия.

-- Спрячь кинжал, Ливиус, — начал он. — А ты, Марио, забудь о моих словах. Я ошибся. Я верю, что ты свой. Думаю, тот Марио в скалах был лишь ловкой подделкой, дабы ввести нас в заблуждение. Не обмануть, а направить наши мысли по новому пути. До сих пор мы шли ложной дорогой.

— Вы хотите нашей гибели, — прервал его Ли-

виус. — Только осторожность может нас спасти.

Шан д'Арг отвернул лицо от огня.

— Я не столь категоричен, как Ливиус, — сказал он, — но я тоже не понимаю вас. Откуда вдруг столь резкая перемена?

— Мне кажется, я кое в чем разобрался, — ответил Йоргенсен. — Я могу ошибаться, но готов пойти на риск. Предлагаю вам последовать за мной.

— Что вы понимаете под риском? — резко спросил Нанский.

Йоргенсен не стал отвечать ему.

— Я хочу отправиться в Далаам, — сказал он. — Я спущусь в город и вступлю в контакт с аборигенами. Я хочу понять, что происходит, и уверен, Далаам поможет мне в этом.

— Вы не имеете права так поступить, — вмешался Кносос. — Правила запрещают всякий контакт с туземцами. Альтаир...

Йоргенсен подбросил в огонь ножку гриба. В небо взметнулся вихрь искр.

— Альтаир! — воскликнул он. — Кто из вас может показать мне на небе, где находится Альтаир? И в каком веке истории Альтаира мы живем в данный момент? Есть ли у нас шанс попасть на Альтаир в наше время? И вспоминают ли о нас люди Альтаира?

Он поднялся. На фоне костра плясала его тень. «Прекрасная мишень, — мелькнула мысль. — Пусть она будет еще больше, чтобы далаамцы, следящие за нами из тьмы, знали, что я не боюсь нападения с их стороны».

— Альтаир и его правила, Федерация и ее законы — мертвые слова для нас в нашем положении. Рядом с нами другой мир. Мне надлежит отправиться туда и понять, что происходит.

— Еще ни одна коммандос... — начал Кносос.

— Знаю. Но еще ни одна коммандос и не оказывалась пленницей планеты. Такое, наверно, должно было случиться. В какой-то мере я рад, что это случилось с нами, а не с другими.

— Почему?

Иоргенсен заколебался.

— Не знаю. Не в силах вам объяснить. Пока. Уверен только, что я прав.

Он не мог толком объяснить своих ощущений. Интуитивное понимание того, что ответ следует искать именно в Далааме, пришло внезапно. В путь следовало тронуться немедленно, пока сомнения не изменят принятого им решения. Каждый должен был прийти к этому сам. Он оказался первым. А может, Марио понял все раньше его и именно поэтому появился мертвый двойник...

— Вы больны, — сказал Кносос. — Вас бьет дрожь.

Иоргенсен покачал головой.

— У меня еще никогда голова не работала с такой ясностью.

— Вы идете навстречу смерти.

— Навстречу? Думаю, вы понимаете, мы живы сейчас по их воле. Если бы они собирались перебить нас, они давно бы это сделали, не подвергая себя опасности. Они могли убить нас, заменить двойниками и отправить их на Алтайр.

— А вместо этого они отрезали нам путь к отступлению.

— И приглашают нас тем самым в их город. Они намерены встретиться с нами. Не думаю, чтобы они питали к нам ненависть. Скорее всего, ими движет любознательность. Мне следовало понять это, увидев их поселение. Но я думал лишь о выполнении нашей разрушительной миссии.

— А теперь? — спросил Кносос.

— Теперь я хочу встретиться с ними.

— И сообщить им, зачем мы сюда явились, что нам известно о путешествиях во времени?

— Возможно. К тому же, полагаю, этих тайн для них не существует. Оружие наше потеряло силу. Путешествия во времени для нас прекратились. Остались они и мы.

— Я не пущу вас, Йоргенсен. Координатора можно сместить во имя коммандос.

— Вы ошибаетесь, Кносос. У нас нет ни оружия, ни аппаратуры, а значит, нет и коммандос. В чем сила и слитность коммандос? В технической оснащенности, в невероятном могуществе. У нас ничего не осталось кроме людей. Каждому следует глянуть истине в глаза. Не усложняйте создавшегося положения, Кносос. Клянусь, я знаю что делаю.

Кносос кинулся прямо через костер на Йоргенсена. Он оглушил бы Йоргенсена рукояткой пистолета, если бы координатор не отклонил голову. Удар пришелся по плечу. Йоргенсен скривился от боли, отскочил назад и принял оборонительную позу. Он жалел, что снял шлем. И едва успел согнуться, чтобы парировать удар ногой. Но все же носок сапога пришелся ему в живот — у Йоргенсена потемнело в глазах. Превозмогая боль, он бросился вперед. Правым кулаком с силой ткнул Кнососа в грудь, а ребром левой ладони попытался ударить по горлу, но Кносос отскочил в сторону. Йоргенсен потерял равновесие и рухнул лицом вперед. Он тут же сжался в клубок и мгновенно вскочил на ноги. Его тренированное тело сражалось само, а разум наблюдал за схваткой как бы со стороны. «Мы сцепились, как первобытные охотники, голыми руками, не хватает пустить в ход когти», — подумал он.

Йоргенсен слышал прерывистое дыхание соперника и стук ударов. Кносос споткнулся. Йоргенсен

прыгнул и ногой ударил по руке Кнососа, сжимавшей оружие. Оно отлетело далеко в сторону.

Но тут Кносос схватил Йоргенсена за ноги и крикнул:

— Помогите мне! Держите его!

Никто не шелохнулся. Люди с застывшими лицами наблюдали за схваткой. Дерущиеся свалились на землю рядом с костром. Йоргенсен оказался внизу. Пальцы Кнососа вцепились в его горло. Йоргенсен напрягся, выгнулся и перебросил противника через себя.

Йоргенсен открыл глаза, с наслаждением вдохнул воздух и медленно привстал. Тело ломило. Вдруг он услышал нечеловеческий вой и понял, что слышит его уже давно...

Выл Кносос. Он лежал посреди костра. Остальные оцепенело смотрели на него.

«Я победил, — думал Йоргенсен, потирая подбородок. — Вот я и великий охотник».

Он бросился в огонь, схватил Кнососа за руку, выволок его из костра и, оттащив подальше, тяжело опустился на землю. Как во сне, он слышал стоны Кнососа и видел, как Шан д'Арг разрезал на нем одежду и, достав из пояса флякончик, стал втирать его содержимое в обгоревшую кожу.

Йоргенсен поднялся, чувствуя дрожь в ногах. У Кнососа была повреждена рука, и Шан д'Арг осторожно ощупывал ее.

— Ничего страшного, — сказал он. — Еще легко отделался.

— Почему никто из вас не вмешался? — спросил Йоргенсен.

— Это был ваш бой. Вы победили, — ответил за всех Шан д'Арг. — Если бы не бросил вызов Кносос, вам пришлось бы иметь дело со мной.

Йоргенсен молчал, глубоко дыша. Он отбросил

свой пояс в сторону, подобрал кинжал Ливиуса и разрезал комбинезон.

— А теперь? — спросил он.

Шан д'Арг ответил, не поднимая головы:

— Вы можете спокойно отправляться в Далаам. Вы победили. Я не могу драться с вами после того, как вы истратили все силы.

— Сильный всегда прав, — с горечью проговорил Йоргенсен, сплевывая кровь.

— Сила здесь не при чем, — возразил Шан д'Арг. — Это была схватка мужчин. Вы победили. Ест и все.

Йоргенсен задумчиво глядел на него. Он с трудом понимал Шан д'Арга, который хорошо разбирался в рукопашном бою, умел понять и победителя, и проигравшего. В его словах крылась истина, но Йоргенсен едва угадывал ее. Для Шан д'Арга главным было то, что точка зрения Йоргенсена противоречила принципам коммандос. Кто-то должен был вызвать Йоргенсена на дуэль, чтобы защитить ее честь. Теперь Йоргенсен победил, и понятие собственной чести не позволяло Шан д'Аргу ставить под сомнение исход и смысл дуэли. Он не будет драться с усталым человеком. С его точки зрения, это было бы низостью. Победив Кнососа, Йоргенсен завоевал право поступать по-своему.

— Я ухожу, — сказал он.

— Будь по-вашему, — согласился Шан д'Арг. — Подождите секунду.

Он открыл одну из коробок, висящих на поясе, и достал мешочек, наполовину наполненный водой, — все, что осталось от его симбиотического комплекса. Он протянул его Йоргенсену.

— Возьмите. Он вам пригодится. У меня хватит воды для Кнососа.

— А вы сами?

— Завтра мы спустимся в долину и отыщем источник.

— Спасибо, — поблагодарил Йоргенсен. Он не имел права отказываться. Он посмотрел на костер и четверку остальных, затем повернулся и сделал несколько шагов.

— Я иду с вами, — крикнул Марио.

— Нет, — ответил Йоргенсен не оборачиваясь. — Позже, если захочешь, пойдешь. Но сейчас я должен идти в одиночку.

У него кружилась голова. «Дрался я в одиночку. А потому и должен идти один. Каждый из них должен сам понять, почему ему следует идти в Далаам».

Он подобрал и застегнул на себе пояс. Сунул за него кинжал Ливиуса. Отныне он был орудием труда.

— Прощайте, — сказал он так тихо, что его, похоже, и не услышали.

Он ускорил шаг и растворился во мраке ночи. Вскоре небосвод потемнел, звезды затянуло тучами, и огромные капли дождя освежили его разгоряченное тело.

Когда Йоргенсен проснулся, его удивило, что все еще стояла ночь. Он глянул на часы — проспал пятнадцать часов. До рассвета оставалось еще целых шестьдесят часов.

Он расстегнул пояс и взмахом кинжала срезал с него оружие и аппаратуру. Затем принялся кромсать на себе одежду. Синтетическая ткань поддавалась с трудом, что только удвоило его рвение. Он хотел войти в город, как туземец, оставил только часы, хотя вовсе не был уверен в том, правильно ли они идут.

Босиком, полунагой, Йоргенсен ощущал себя сво-

бодным. Он провел рукой по лицу, пальцы нашупали запекшуюся кровь и щетину пробившейся бороды.

Он сложил все в кучу — может, туземцам сгодится. Затем поднял фонарик. Он был размером с палец, и его луч был на добрый километр. Сейчас же он светил не ярче свечки. Странно, что он вообще работал. Видно, нейтрализующее поле не совсем вывело его из строя. А может, таинственный противник решил дать им шанс в этой непроглядной ночи.

Он побаивался спуска в Далаам и решил идти по тропе.

Та отыскалась у самого обрыва — ее обозначали едва светящиеся камушки. Этого было достаточно, чтобы не сбиться с пути. Далаамцы, по-видимому, пользовались тропой и по ночам.

Дорожка втянулась в узкое ущелье и круто пошла вниз. Йоргенсен замедлил шаг. Стена справа исчезла. По слабой фосфоресценции вдоль края тропы он угадал пропасть. Она была бездонна, как небо, но пугала сильнее — в ней не светилось ни огонька, ни звездочки.

Некоторое время он шел, прислушиваясь к шороху камушков, срывавшихся из-под ног. Шагать вдоль вертикального обрыва в темноте ночи было легко и приятно. Даже пропасть уже не страшила, а манила своей неизвестностью.

Глянув вниз, Йоргенсен увидел на дне ущелья бледноватое свечение. И чем ниже он спускался, тем четче вырисовывались контуры этого опалового облачка. Выделялись более светлые участки, а темные зоны походили на наброшенную сверху сеть. Это был ночной Далаам.

Свечение не было искусственным и, похоже, рождалось в воздухе. С высоты, где находился Йорген-

сен, было видно, что свет исходит не от фонарей. Он как бы пронизывал лес. Скорее всего, светились сами деревья. Светящиеся камушки вдоль тропы свидетельствовали, что в почве много фосфоресцирующих веществ. По-видимому, деревья накапливали энергию в дневное время, а ночью освещали город.

Такой симбиоз города с лесом поразил Йоргенсена. Если туземцы специально вывели такой вид деревьев, значит, они обладают глубокими познаниями в области генетики. Еще одна загадка Игоны!

Как только огромные круглые листья сомкнулись над головой Йоргенсена, ярче засветилась тропа. Он понял, в чем дело, через несколько метров: тропинка бежала вдоль чудовищных размеров ветви, во всем повторяя ее изгибы. После двух или трех поворотов он оказался у широкого отверстия в стволе.

Йоргенсен застыл в нерешительности. Не иначе, это был вход в город. Ни охраны, ни предохранительных устройств. Тишину нарушал только шорох листвы. Вокруг ни души. Решившись, Йоргенсен сделал шаг внутрь дерева. В конце концов, он явился в город с открытым забралом и без оружия в руках. Само по себе это было риском.

Туннель вился внутри ствола. Свет сочился из его гладких овальных стен, потолка и пола. Метров через двести туннель кончился. Дорожка снова наклонно побежала вдоль ветви. Дерево, росшее рядом с обрывом, было самым громадным в лесу. Земли еще не было видно. В глубине леса было темнее, кроны деревьев служили здесь не только источником света, но и своего рода крышей.

Дорожка раздвоилась. Ветвь поменьше уходила вверх, а побольше — вниз. Йоргенсен без колебаний выбрал спуск. Ему хотелось поскорее оказаться

ся в городе. Поражал размах ветвей. Позже он понял, что мощные ветви опирались на кроны более низких деревьев, вернее, лес состоял из нескольких связанных друг с другом ярусов и именно они составляли «кварталы» города. Пока все это вызывало только восхищение.

Он ступил на землю, почти не заметив перехода. Но через несколько метров дорожка, петлявшая среди слабо фосфоресцирующей травы, оборвалась.

Йоргенсен в недоумении остановился. В разные стороны разбегалось с полдюжины узеньких тропок, которые исчезали позади циклопических стволов. Он немного помедлил, а потом двинулся по крайней левой. Он осторожно шел вперед, пока не заметил сложенное из огромных камней жилище — низкое одноэтажное строение с плоской крышей и высокими узкими окнами. Внутри было темно. Тропинка упиралась прямо в крылечко со светящейся дверью.

Никаких признаков жизни. Ни шума, ни дымка над крышей. Йоргенсен обогнул жилище на почтительном расстоянии и наткнулся на другую тропинку, которая вела к еще одному такому же домику — из-за стволов виднелась лишь часть его стены. Именно таким он видел город в окуляры своего ордзи-бинокля.

Йоргенсен вернулся на первую тропку, не зная, что предпринять. Можно было подойти к двери и постучать. Если ему откроют, он постарается объясняться на игонском — мнемотехники обучили их местному языку еще на Алтаире. Если никого не окажется, он обследует жилище и отдохнет.

Но Йоргенсена смущало, что его внешний вид может отпугнуть туземцев. К тому же он слишком мало знал обычай далаамцев, а потому решил прилечь в траву и понаблюдать. Он лежал у самого

ствола, не спуская взгляда с двери дома. Ожидание длилось так долго, что он потерял всякое ощущение времени. Раза два или три он даже засыпал.

Начинала мучить жажда. Воду он выпил еще по дороге. Оставалось только проглотить несколько питательных таблеток. Таблетки сразу прибавили сил. Лицо перестало саднить, но тело нещадно ломило.

Его разбудил легкий скрип открывающейся двери. Чья-то тень выскользнула наружу. Оказалось, это женщина, юная женщина, даже девушка. Коротко остриженные светлые волосы, легкая туника. Девушка казалась гибкой и отличалась великолепным сложением. Она была красива какой-то природной диковатой красотой, спокойной и умиротворяющей — полная противоположность вызывающей и утонченной красоте женщин, к которой привык Йоргенсен.

Девушка несла деревянное ведро — оно тоже светилось. Она прошла мимо Йоргенсена, не заметив его. Он пропустил ее вперед и, по-кошачьи крачущись, двинулся вслед за ней.

Вначале ему показалось, что она идет босиком, но потом он заметил на тропинке следы сандалий. Она свернула за дерево, и он потерял ее из виду. Йоргенсен ускорил шаг, думая, что она ушла вперед, но так и не догнал ее, хотя дошел до развилки. Он повернул назад, внимательно оглядываясь по сторонам, и разглядел едва приметную тропку, уходившую в сторону гигантского ствола. Он поднял глаза — над головой, метрах в тридцати, светился сплошной свод листвы.

Йоргенсен решительно направился к дереву. Тропка огибала его. Трава была примята, значит, девушка только что прошла здесь.

Он едва не миновал узкое отверстие в стволе и

только краем глаза уловил движение внутри. Йоргенсен осторожно заглянул в дупло. Девушка наперевес выполняла какую-то непонятную работу. Закончив, она набрала воды в ведро и выпрямилась.

Йоргенсен отскочил за ствол и упал в траву. Но девушка не заметила его и спокойно удалилась с ведром в руке.

Он выждал несколько минут и осторожно приблизился к дуплу. Внутри, как он и ожидал, было светло. Дупло не походило на дело рук человеческих — нигде не было следов инструмента, кора выглядела нетронутой. Дерево не было пустым, как это бывает с мертвыми гигантами. Оно, казалось, так и выросло.

Йоргенсен проник в отверстие. Внутри было просторней, чем казалось с первого взгляда, и совершенно пусто. Вначале он решил, что дупло служит жилищем или хранилищем. В глубине складки древесины образовали круглые корытца. Через край одного из них переливалась прозрачная жидкость. Другое было доверху наполнено какой-то сметаноподобной кашицей. Но больше всего Йоргенсена поразило содержимое третьего корытца. В нем были плоды.

Карман в толще древесины служил естественным укрытием для плодов. Цветы и плоды не могли развиваться на ветвях — их опыление и созревание в условиях Игоны были невозможны. Эволюция нашла выход. «А может, это туземцы создали вид, наилучшим образом отвечавший их потребностям?» — мелькнула мысль у Йоргенсена. Так было легче собирать урожай. Корытца служили поддонами, как при гидропонике.

Йоргенсен окунул палец в жидкость и поднес его к губам. Вода. Чистая и свежая. Он набрал ее в ладони и напился. Затем плеснул в лицо и сразу

ощутил прилив бодрости. Уровень воды в корытце не понизился.

Он попробовал кашицу. Сладковатая масса имела вкус миндаля. Но Йоргенсен не решился утолить голод. Он слишком мало знал о флоре Игоны. Даже вода могла оказаться опасной.

Его охватило какое-то эйфорическое состояние. Ему стало ясно, почему далаамцы не возделывали земли и не занимались коммерцией. Их кормили деревья.

И даже одевали. Рядом с последним корытцем виднелась расщелина, но на самом деле то была тонкая пленка отслоившейся растительной ткани. Йоргенсен щупал ее — она напоминала тонко выделанную кожу.

Воздух был насыщен запахом ванили. Он глубоко вздохнул. Вдруг на него навалилась усталость. В дереве он чувствовал себя в полной безопасности и решил отдохнуть тут же на полу.

Сон сморил Йоргенсена почти мгновенно. Потом начались сновидения.

4

В своем сновидении Йоргенсен шел среди толпы по улицам города. Но люди глядели сквозь него, словно его не существовало.

И сам он не успевал рассмотреть их лиц. Он шел слишком быстро. Иногда он пытался замедлить шаг, но ничего не получалось. Улицы вели вниз и становилось все уже, так что вскоре, несмотря на середину дня, его окружил полумрак. Высокие стены домов едва не соприкасались в вышине. Он силялся увидеть небо, но не мог поднять голову — мышцы не повиновались ему.

Неожиданно Йоргенсен очутился на громадной пустой площади, окаймленной лестницами, и спустился к центру этой гигантской круглой арены. Он

чувствовал, что площадь кишит народом, но никого не видел. Ему все труднее было пробираться вперед, хотя путь, казалось, никто не преграждал.

Он увидел в центре площади скульптуру, которой до сих пор не замечал. Это был шар, установленный на широком пьедестале. «Не иначе, символ времени», — подумал он. Шар имел и еще какой-то другой смысл, он когда-то знал его, но теперь забыл. Стершиеся неровности на поверхности шара напоминали лицо. Знакомое лицо, но он не помнил имени этого человека. Он направился к шару, чтобы получше рассмотреть его.

Из-за шара выпрыгнул человек, одетый в яркие, слепящие одежды, похожие на необычный комбинезон. Человек был очень высок, череп его сиял, словно выбритый. Йоргенсен откуда-то знал, что незнакомец помешает ему приблизиться к шару, а возможно, и убьет. Ему хотелось скрыться. Он чувствовал себя беззащитным. Но отступать было некуда. Толпа отрезала все пути к отступлению и несла его прямо к шару.

Он бросился назад, надеясь уйти от преследователя. Площадь превратилась в арену, которая с каждым мгновением сужалась. Вдруг ему показалось, что он будет спасен, если коснется шара.

Задыхаясь, он рванулся к шару, но враг вдруг преградил ему путь, сжимая в руке оружие.

Йоргенсен впился глазами в лицо противника и узнал... самого себя. Это не было отражением в зеркале. Перед ним стоял он сам, собственной персоной. И Йоргенсен понял, что умрет от руки своего двойника, как и Марко.

Он шевельнулся. Сон оборвался, затем возобновился. И каждый раз он знал, что уже попадал в подобную ситуацию, но не помнил когда. Каждое сновидение кончалось одинаково. И с каждым ра-

зом в душе его росло желание узнать, что случится после того, как его убьют, но в последнее мгновение сон прерывался. С каждым сновидением он чувствовал себя все более измощденным. Он знал, что в конце концов его убьют по-настоящему.

Чьи-то руки трясли его за плечи. Но он не хотел просыпаться. Он ощутил, что его подняли и куда-то понесли.

Йоргенсен открыл глаза. В комнате царил полумрак. Сквозь узенькое оконце сочился дневной свет, выхватывая полоску деревянного пола. Он услышал далаамскую речь. Глуховатый голос при надлежал молодой женщине.

— Вы вернулись издалека. И как вы умудрились заснуть внутри дерева. Это могло окончиться смертью. Вам повезло, что я наткнулась на вас.

Во рту у Йоргенсена так пересохло, что первые звуки, которые ему удалось выдавить, походили на кваканье. Он сделал глотательное движение. Голова разламывалась от боли. Он приподнялся на локте и узнал девушку. Это ее он видел накануне ночью. Накануне ли? Сейчас стоял день. Значит, прошло около сорока часов. Неужели он проспал все это время? Что случилось с остальными?

Он лежал совсем голый под одеялом из того же вещества, что и туника девушки.

— Пить, — с трудом выдавил Йоргенсен.

Девушка поднесла ему деревянную миску, полную воды. Он с жадностью осушил ее.

— Меня зовут Аиэма.

— Йоргенсен. Я... прибыл издалека.

— Знаю. Вы уроженец другого мира. Лежите спокойно. Случившееся с вами уже не имеет никакого значения.

— Откуда вам это известно?

Он не так представлял себе первую встречу с игонцами.

— Неужели вы думаете, что далаамец может довести себя до такого состояния? Посмотрите на себя.

Она протянула ему металлическое зеркальце. Он инстинктивно отпрянул. Его отражение напомнило ему стершееся воспоминание, которое никак не желало всплывать в его сознании. Лицо в зеркале выглядело невероятно худым. Черты лица заострились. Перед ним была маска человека, увидевшего нечто более ужасное, чем сама смерть.

Анема положила зеркальце на низенький столик, как бы выросший из пола. Йоргенсен приглядился к нему. Столик в самом деле рос из пола и был его частью. Он походил на нарост дерева. «Почему далаамцы не живут в домах, выращенных деревьями?» — подумалось ему. И тут же он ответил сам себе — деревья выделяли продукты распада.

— Я отравился, — попытался он было объяснить девушке.

Анема покачала головой.

— Нет, — ответила она. — Деревья не могут причинить зла. Они не хотели вас отравить.

— Но у деревьев нет воли, — возразил он. Ему было трудно выразить свою мысль по-далаамски.

— Нет, — повторила она. — Все иначе.

Она задумалась.

— Можно сказать, что деревья в какой-то мере делают то, что хотят. Они соглашаются давать нам то, что дают. Я не очень в этом разбираюсь. Лучше спросите у моего третьего отца. Он долго изучал взаимоотношения между нами и деревьями. Он говорит, что не знает точно, в полной или неполной зависимости находимся мы от деревьев.

Йоргенсен про себя отметил ее слова «третий

отец». Такого понятия не было в том игонском, которому его обучили мнемотехники. Казалось, и сам язык Игоны изменился. Он понимал некоторые слова, произнесенные Анемой, лишь добираясь до их корней. Язык Игоны отражал совершенно иную концепцию мира, чем язык Федерации. Но пока было рано решать, в чем истинный смысл различий.

Анема быстро и непринужденно сдернула с него одеяло. Йоргенсен побагровел. Он привык придерживаться иных манер, но совладал с собой и старался сохранять бесстрастное выражение лица, пока девушка растирала его тело каким-то бальзамом.

— Когда вас принесли сюда, ваши мышцы были затвердевшими, как дерево. Я никогда не видела столь напряженного тела. Будь ваши кости более хрупкими, вы не обошлись бы без переломов. Я боялась, что вас разобьет паралич. Но теперь вам значительно лучше.

Йоргенсен так не считал. Ему казалось, что на теле не было живого места. Неприятные воспоминания цеплялись за границу сознания.

— Но кто виноват, что я чувствую себя таким больным и разбитым, — спросил он, — если деревья не могут причинить зла?

Ответ был мгновенным и совершенно неожиданным.

— Вы сами, — сказала Анема. — Вы, наверно, до смерти ненавидите самого себя, если дошли до такого состояния. И едва не убили себя. Зло сидит в вас.

«Она говорит, как психоаналитик, — подумал он. — Совпадение ли это? Она считает, что единой всему мой сильнейший невроз».

Эта мысль ему не понравилась. В своем мире он считался нормальным человеком. Но в каждом об-

ществе свои нормы, а с момента, когда с вершины обрыва Йоргенсен увидел Далаам, он вел себя не свойственным ему образом и сознавал это.

— Вам следует поспать.

Она положила руку ему на лоб.

— Вы заснете.

— Я боюсь. Я не хочу засыпать.

Анема удивленно раскрыла глаза.

— Вы помните свое сновидение?

— Сновидение? Какое?

— Жаль, — вздохнула она. — Если бы вы помнили сновидение, то были бы практически здоровы. Однажды вам придется вернуться в дерево, чтобы досмотреть свой сон. Деревья не могут вылечить столь больного человека, как вы, за один сеанс. Вы получили массивную дозу. Для начала хватило бы нескольких минут.

Он понял лишь какую-то часть ее слов.

— Я был болен? Деревья могут лечить?

Лицо Анемы вдруг сделалось серьезным.

— Нам это известно с детства. Деревья помогают понять самого себя. Я забыла, что вы пришелец.

— Объясните.

— Не знаю, имею ли на это право. Это может причинить вам зло. Вы испытали сильнейший шок. И почти открыли для себя, кто вы есть на самом деле. Мне известно лишь самое элементарное. А вот мой третий отец знает почти все, что можно знать.

— Попытайтесь, — в его голосе звучали умоляющие нотки.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Затем заговорила медленно и тягуче, выбирая самые простые слова.

— Любое человеческое существо скрывает в себе несколько личностей. Это, конечно, не личности

в полном смысле этого слова, а скорее грани личности человека. Пока человек юн, они практически не подозревают о существовании друг друга. Позже они могут сосуществовать или сражаться друг с другом. Одна из граней состоит в прямом контакте с внешним миром. У остальных контактов меньше или нет совсем. Некоторые из них слепы и глухи, лишены воли и логики. Иногда они, как у вас, являются пленниками и пытаются ускользнуть из-под контроля. Они прилагают невероятные усилия, чтобы освободиться и возобладать над остальными. А тем приходится тратить много усилий на сдерживание бунтарей. Если схватка слишком жестока, личность может разорвать, как разрывает скалу замерзшая вода. И человек сойдет с ума.

— Понятно. Сознание и подсознание. Сознание подавляет некоторые элементы подсознания, которые стремятся подняться на поверхность обходными путями, оказывая давление на сознание. Когда давление постоянно, возникает невроз. Если подсознание взламывает хрупкую оболочку сознания, наступает безумие, сумасшествие, бред.

— Но есть и золотая середина, — продолжала Анема, — она помогает наладить взаимоотношения между людьми. Вы можете в полном объеме общаться с себе подобными, если совершенно здравы рассудком, если полностью сознаете самого себя. В этом-то нам и помогают деревья. Деревья помогают связать друг с другом различные грани личности. Мы оставляем детей ежедневно на некоторое время внутри деревьев, чтобы они познали самих себя. Мой третий отец говорит, что деревья в нашей цивилизации играют важнейшую роль. Он считает, что благодаря деревьям Игона стала привилегированым миром. Он говорит, что только мы по-настоящему счастливые люди во всей Галактике.

Она употребила не слово «Галактика», а использовала иной, более общий термин, означающий комплекс миров. В корне слова присутствовали понятия общности и города. Казалось, она считала каждый мир Галактики эквивалентным кварталу своего родного города. Полный смысл слова остался для Йоргенсена скрытым. Он перевел его как «Галактика», но решил, что позже вернется к этому.

— Я не знаю, как действуют деревья. Они посыпают сны. Когда вы начинаете помнить их, значит, вы стали взрослым, уравновешенным человеком. Я очень хорошо помню свои сны. Мой третий отец утверждает, что я удивительно уравновешенна для моего возраста.

Она явно была довольна собой, но в голосе ее не было и следа тщеславия. «Тщеславие, — сказал себе Йоргенсен, — чувство невротическое, основанное на ощущении превосходства, а в конечном итоге и на отрицании остального мира. Федерация лопается от тщеславия. Федерация страдает глубочайшим неврозом».

«По отношению к Игоне», — мысленно поправил он себя.

Йоргенсен почувствовал себя отдохнувшим. Он знал, что может наконец спокойно заснуть.

— Деревья принадлежат всем. Мне кажется, что они передают друг другу сны разных людей, может быть, всех. Мой отец говорит, что среди деревьев нет индивидуалистов, как у нас. Но он также утверждает, что мы отличаемся один от другого лишь поверхностно. В остальном нас роднит нечто общее, свойственное человеку, и это общее зависит и от общества, в котором мы живем, и от каждого дерева. Но каждое общество стремится вложить в людей свое понимание общего, а потому различия

между представителями разных обществ куда глубже, чем поверхностные различия между двумя людьми одного круга. Если мы доберемся до сути вещей, то вновь увидим общечеловеческие черты, несмотря на различия обществ. И быть может, когда-нибудь с помощью деревьев нам удастся объединить всех людей.

«Теперь она говорит, как социолог», — мелькнула мысль в голове сонного Йоргенсена. Голос уплывал в даль. Анеме еще не исполнилось и двадцати лет, а она так просто оперировала понятиями, над которыми явно или тайно бились самые просвещенные умы Федерации, поскольку Арх косо смотрел на их исследования. Вначале Йоргенсену показалось, что она суеверна — допускает существование внутренних демонов, вызывающих болезнь или безумие, и верит в способность деревьев их изгонять.

Но, находясь на грани сна, Йоргенсен пытался нащупать истинный смысл ее слов, а быть может, и ответ на давний, мучительный вопрос о смысле собственного существования. Мысли обрели ясность и чистоту. Его сознание медленно погружалось в глубины тела. Ему хотелось там затаиться, несмотря на неясную боль, которая никак не уходила. Оставалось узнать, как действуют деревья. Быть может, они насыщали воздух дурманом? Или существовало иное, более фантастическое объяснение? А что, если между деревьями и людьми устанавливается телепатическая связь? Быть может, ему угрожала смертью общая память деревьев, в которой хранились сновидения всех людей, прошедших через них? Ему не верилось, что он стремился уничтожить самого себя. Мозг постепенно очистился от тревожных мыслей, и Йоргенсен погрузился в глубокий сон.

Когда он проснулся, у его изголовья сидели Анема со своим третьим отцом. Увидев этого человека, Иоргенсен спросил себя, действительно ли туземцы Игоны вели род от человека? В каждой отдельной его черте не было ничего необычного, но все вместе они создавали странное ощущение. Громадная голова и широко расставленные глаза наводили на мысль о сосредоточенном внимании и каком-то снисходительном спокойствии. Даже поза его свидетельствовала о необычной гибкости тела и силе мышц. Он на удивление свободно владел своим телом. В его движениях сквозила грация хищника, лишенного страха и агрессивности. Рядом с ним Иоргенсен, несмотря на свои специальные тренировки, ощущал себя неуклюжим увальнем. А по глазам человека понял, что между ними лежит и интеллектуальная пропасть.

Одновременно он заметил в Анеме то, на что не обратил внимания в первый раз. Она была излишне гибкой и живой, но нервной не казалась. В ее глазах светилось такое же сверхчеловеческое спокойствие, как и в глазах ее отца. И тот же снисходительный огонек умерял их удивительный самоцветный блеск.

Быть может, это результат случайной мутации? А если это следствие направленного генетического опыта? Иоргенсен постепенно начинал понимать, что Игона представляет собой лишь клеточку на гигантской шахматной доске Вселенной, что обитатели города деревьев с их странными нравами являются пешками в руках могущественных и пока неведомых сил.

Он и сам был пешкой в руках Федерации.

И тут он отвел взгляд от глаз мужчины. Нет, этот человек не мог быть пешкой. Еще никто в глазах Иоргенсена так полно не воплощал свободу,

свободу без всякого страха перед будущим. Никто, кроме Анемы.

— Вы чувствуете себя лучше,— произнес мужчина.— Что вы собираетесь делать?

Вопрос застиг Йоргенсена врасплох. У мужчины был спокойный, размежеванный голос.

— Не знаю,— пробормотал Йоргенсен.— Я собирался некоторое время пожить в городе.

— Вы свободны. Можете оставаться здесь, сколько захотите. Но не думаю, что вам понравится здешняя жизнь. Впрочем, со временем вы все решите сами.

Йоргенсен хотел было возразить — жизнь дала-амцев его вполне устраивала. Но он вовремя сдержался, поняв скрытый смысл слов собеседника. Тот не собирался ни запугивать его, ни намекать на плохой прием. Просто не очень приятно жить в городе, где ты менее младенца знаешь о мире и о самом себе. Это означало находиться во власти комплекса неполноценности. Йоргенсен понимающе поглядел на мужчину.

— Я — Даалкин, — промолвил последний. — Это одновременно и имя, и должность. Кажется, малышка вам уже кое-что объяснила. Не знаю, хорошо ли она поступила. Она приняла решение самостоятельно, исходя из вашего положения. Можете задать мне любые вопросы, но полагаю, что вы лучше разберетесь в нашей жизни, посмотрев на нее со стороны. Я знаю, что вас мучит любопытство.

Он помолчал и с легкой ironией добавил:

— Здесь никто ничего не скрывает. Но не все можно понять сразу.

— Вы выглядите удивительно спокойным и счастливым,— неожиданно для себя сказал Йоргенсен.

Он провел ладонью по черепу и почувствовал, что волосы немного отросли. Он вдруг позавидо-

вал густой черной шевелюре Даалкина. Обычай брить голову показался ему абсурдным.

— У нас есть свои проблемы, — ответил Даалкин. — Но это настоящие проблемы.

Йоргенсен прикусил губу и отбросил одеяло.

— Я могу встать?!

Это был и вопрос и утверждение.

— Если хотите.

Йоргенсен сел и осторожно опустил ноги на пол. Затем встал. Он чувствовал себя бодрее, чем ожидал. Обойдя комнату, он выглянул в узенькое окошко, увидел тропинку, которая исчезала среди громадных стволов, и только тут сообразил, что на нем ничего нет.

— Мне хотелось бы одеться, — начал он и понял, что его смущение в глазах Анемы и Даалкина выглядело смешным.

Анема достала из шкафчика тунику и обувь. Йоргенсен оделся с ее помощью. Даалкин тем временем поставил на стол несколько мисок. Йоргенсен подкрепился и утолил жажду.

— Вы позволите задать вам один вопрос? — после некоторого колебания начал он. — Надеюсь, он не покажется вам оскорбительным. Анема несколько раз называла вас третьим отцом. Меня интересует смысл этого выражения. Биологически...

Даалкин расхохотался. Анема тоже рассмеялась. Йоргенсен вежливо улыбнулся, ничего не понимая.

— Наше общество несколько необычно, — наконец заговорил Даалкин, — во всяком случае, по сравнению с вашим, о котором у меня сложилось некоторое впечатление. Естественно, я могу ошибаться. Но ваше общество несет на себе глубокий отпечаток древних времен. В нем переплелись черты индивидуализма и рабства — наследие ваших

предков-охотников. Ваша цивилизация частично решила этот внутренний конфликт путем специализации. Но такое решение ошибочно и чревато опасностью взрыва.

Йоргенсен поднял глаза от стола. Даалкин говорил о Федерации без всякого почтения, хотя был всего-навсего туземцем с неприметной планеты, которую флот Федерации в мгновение ока мог превратить в горстку пепла. Он сравнивал Федерацию с громадным муравейником. Его слова были жестоки, но диагноз точен. Несколько фразами он сумел выразить давние сомнения Йоргенсена.

— Каждый индивидуум ревностно относится к своей свободе, — продолжал Даалкин, — а единство может быть обеспечено лишь силами взаимного притяжения. Один индивидуум проявляет враждебное отношение к другому. Стену этой враждебности очень трудно преодолеть, потому-то и трудно установить контакт с другим индивидуумом. Все это отражается на взаимоотношениях.

Он склонился над Йоргенсеном, и тот прочел в глазах Даалкина сострадание.

— Вам кажется, что вся Вселенная завидует вашему могуществу. А мы вас жалеем. Вы — народ одиночек. Логическое следствие — ваша теоретическая моногамия, а на практике — полигамное общество. Я мог бы сказать, что мы придерживаемся противоположного взгляда на семейную жизнь, но боюсь, вы неправильно меня поймете.

Он немного помолчал, задумчиво глядя в одну точку. Его пальцы постукивали по столешнице. Йоргенсен впервые подметил некоторую нервозность собеседника. Анема, подперев подбородок ладонями, переводила взгляд с одного на другого.

— Эмоциональный мир человеческого существа, — продолжил Даалкин, — отличается невероят-

ной сложностью. На всем протяжении жизни оно теснейшим образом связано с теми, кто его окружает. Оно может в полной мере проявить себя только благодаря окружению. Естественно, человек не способен наладить равные эмоциональные отношения со множеством людей. Но нескольких из них он может любить почти в равной степени. В этом случае он внутренне обогащается больше, чем если связан лишь с одним лицом. Одновременно он способствует обогащению тех, с кем общается.

Даалкин старался говорить так, чтобы не шокировать собеседника, и Йоргенсену казалось, что сам он превратился в малого ребенка, которого осторожно знакомят с тайнами жизни.

— Наши семьи — сложные и подвижные комплексы. Обычно они состоят из шести-семи человек. Существует разветвленная сеть связей между мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Выражаясь вашим языком, я имею нескольких жен, но впрочем, и каждая женщина имеет нескольких мужей. Наши семьи не являются замкнутыми системами. Каждый свободен покинуть ее и войти в другую семью, если контакт с ее членами больше устраивает этого человека. Кроме того, благодаря переходам людей из одной семьи в другую между семьями существуют теснейшие эмоциональные узы. И в это же время каждая семья очень стабильна и куда прочней ваших семейных пар. Надеюсь, вам понятна моя мысль.

— Не совсем, — кивнул Йоргенсен. Он подумал, что сеть тропок, которую он видел с вершины обрыва, отражала это тонкое равновесие между «семьями», их многочисленные, стабильные и одновременно изменчивые связи. Общество далаамцев поклонилось на доброжелательности и любви. Древняя мечта человечества.

— А ревность? — спросил он, наконец подыскав в игонском языке подходящее слово.

— Ревность, ревность, — повторил Даалкин. — Не признак ли бессилия эта самая ревность? Деревья излечивают от нее.

Он встал и, подойдя к Анеме, жестом любящего отца взъерошил ее волосы.

— Дети воспитываются всеми «родителями». Их любят все. Со временем они сами выбирают себе тех, с кем им лучше и интереснее. И это не всегда их биологические родители. Я не первый, а третий отец Анемы, другими словами, я помог ей выйти из отрочества. Первый отец дал ей жизнь, второй — провел через детство. Вам понятно?

Йоргенсен утвердительно кивнул.

— Анема будет красивее матери. Я иногда сожалею, что не прихожусь ей биологическим отцом. Это — одна из величайших проблем нашего общества. Сколько времени мы бы выиграли, если бы в ребенке одновременно сочетались гены нескольких родителей, их наиболее благоприятные черты. Надеюсь, нам удастся решить эту проблему.

«Это — идея биолога, генетика, ученого, стремящегося разумно управлять природой», — подумал Йоргенсен. И это в то время, когда ученыe Федерации в своих тайных лабораториях замышляли преступления против жизни. Этот человек был иным. Он слишком любил жизнь. Во всех ее проявлениях. И искал средства сделать ее еще более яркой. Общество Далаама не было утопическим, оно не походило на какой-то застывший в своем совершенстве рай. Этот мир постоянно менялся и развивался. Он решал проблемы будущего, а не одну-единственную проблему вечного сохранения настоящего по образу и подобию прошлого.

Йоргенсену стало ясно, почему Федерации стра-

шится Игоны. Он ощущал, как заныли старые шрамы. В словах Даалкина была доля правды. Йоргенсен принадлежал к миру одиночек, привыкших бороться против всей Вселенной, к миру безмолвных и печальных. Он не мог вынести прямого взгляда Анемы. Его лицо залила краска стыда.

Он даже не знал, о чём говорить с ней, а ведь у него за плечами культура тысяч миров и тысячелетий. «Неужели я так и останусь нем как рыба перед этой золотоволосой девушкой?»

— У вас есть еще вопросы? — спросил Даалкин, отрывая его от горьких мыслей.

— Нет. Пока нет. Мне надо подумать.

— Хорошо, — согласился Даалкин. — Мы встретимся позже. Деревья передают мне странную информацию.

Его толстые губы сложились в хитрую усмешку. Неуловимо гибким движением он скользнул к двери и исчез.

Четыре игонских дня Йоргенсен бродил по Далааму. Иногда один, иногда в сопровождении Анемы. Туземцы почти не обращали на него внимания, хотя были вежливы и гостеприимны. Они не задавали никаких вопросов. Но из отдельных бесед Йоргенсен понял, что они лучше разбираются в делах Федерации, чем он в делах Игоны. Однако нигде он не видел никаких следов аппаратуры, способной перехватывать сообщения Федерации. На Игоне отсутствовала всякая техника.

Жизнь туземцев выглядела мирной и бесхитростной. Деревья, похоже, давали им все необходимое. Далаамцы прогуливались, вели бесконечные дискуссии, размышляли, занимались разнообразными искусствами. Лишь однажды Йоргенсен почувствовал, что столкнулся с чем-то иным. Он заметил че-

ловека, сидящего на пороге хижины и выводившего на листе дерева какие-то математические символы. Они были незнакомы Йоргенсену. Он чувствовал их исключительную простоту, но в математике простота могла быть следствием абстракции, исключительно трудной для понимания.

Йоргенсен понял, что сделал важное открытие. Он пытался расспросить Анему, но математика ее не интересовала. Она сказала только, что человек этот стремился описать развитие Далаама, исходя из взаимодействия между семьями. Йоргенсен ничего не понял. Страстью Анемы была биология, вернее, генетика. По ее словам, она «с помощью деревьев» проводила удивительные опыты. Но он никогда не видел в ее руках лабораторных инструментов. Наверное, существовали иные методы исследований, чем те, которыми кичились ученые Федерации.

Далаамцев в основном занимали науки о жизни. Они разбирались в физике, но это их не увлекало. И на то были причины — физика требует развитой технологии, а следовательно, узкой специализации, что противоречило структуре их общества. Если Федерация развивалась под давлением исторической необходимости, то Далаам, казалось, рос и развивался по воле его жителей. Их цивилизация была продуктом сознательного усилия, а не рабского труда человеческого муравейника.

Далаам не имел городских властей. Однако некоторые жители исполняли общественные функции, которые брали на себя добровольно и так же добровольно передавали другим. Отсутствие коллективной организации наложило отпечаток на планировку Далаама. Здесь имелись две или три площади, которые были заложены очень давно и происхождение которых было неясно даже самим

далаамцам. Однако эти площади, украшенные фонтанами, похоже, играли какую-то важную роль. Далаамцы в определенные часы собирались на них и с какой-то особой сосредоточенностью пили воду, текущую из-под земли. У далаамцев существовал подлинный культ воды. В каждом жилище постоянно текла холодная и горячая вода, наполняя бассейны, где далаамцы купались в любой час дня и ночи. Йоргенсену так и не удалось понять, как она подается в дома и подогревается. Объяснения Анемы изобиловали совершенно непонятными терминами. Ему осталось предположить, что и здесь не обошлось без благожелательной помощи деревьев.

Он наткнулся на первую площадь случайно и испытал сильнейшее потрясение. Это была площадь его сновидений. Лицо человека на пьедестале явно было знакомо. Он знал этого человека. Он явно видел его изображения на Альтанре и других планетах Федерации. Но не мог вспомнить, при каких обстоятельствах.

— Кто это? — повернулся он к Анеме.

Она мечтательно посмотрела вдаль.

— Человек. Самый первый.

Смысл ее слов был не ясен. Они могли означать и что это первый на Далааме человек, и что это первая по значимости историческая личность. Подробностей ему узнать не удалось.

С каждым днем Йоргенсену становилось все очевиднее, сколь велика пропасть между ним и далаамцами — он не разделял их видения мира, меньше, чем они, знал о человеке вообще и об их обществе в частности. Однажды Анема сказала ему:

— Я нахожу вас увлекательным.

Вначале ее слова польстили ему, хотя и удивили — он не надеялся на такой успех, — затем расстроили.

Она смотрела на него серьезно, хотя, как всегда, в глазах ее плясали иронические огоньки.

— Добрую половину ваших слов я не понимаю,— продолжила она.— Я не знаю, о чем вы думаете. С далаамцами проще, даже если кто-то мне незнаком, его мысли и наклонности мне известны. наперед. С вами иначе. Вы — иноземец. Это чудесно.

Йоргенсен разом сник: «Я для нее навсегда останусь иноземцем. Предметом любопытства. Только потому она и не расстается со мной».

Она почувствовала, что ее слова задели его:

— Мне надо спешить, чтобы понять ваш образ мышления. Вы скоро станете таким же, как мы. Деревья вам помогут. Вот увидите.

Йоргенсен резко ответил:

— Нет. Я скоро уйду.

— Это ваше право, но почему вы должны уйти? Он покачал головой.

— Я должен вернуться туда, откуда прибыл. Меня ждут друзья. А здесь я навечно останусь иностранином.

— Это так неприятно?

Он отвел глаза.

— Вы по-прежнему ненавидите себя,— сказала она.— Деревья почти ничем вам не помогли. Вам не хочется уходить, а вы терзаете себя, думая об уходе. Разве вы не в состоянии видеть вещи такие, какие они есть?

Она подошла вплотную к нему, взяла его лицо в ладони и заставила глядеть прямо в глаза.

— Вы — ребенок. Почему я должна объяснять вам все? Между нами не может быть сейчас ничего. Быть может, позже, не знаю. Но разве вы не видите, что с вашими постоянными страхами, вашей ненавистью вы принадлежите к иному миру.

— Я для вас просто животное,— оборвал он ее. Эта мысль уже не раз приходила ему в голову.

— Вы неразумны. Но это не ваша вина. Ваше общество... деревья...

Он отступил на шаг и, легко оттолкнув ее, едва не бросился прочь. На глаза набежали слезы. Но мимолетная слабость прошла. Он снова обрел твердость. Он был надломлен, но все же нашел в себе силы для решительных слов:

— Я уйду.

— Как хотите.

Они больше ни разу не затрагивали этой темы. Ему еще случалось ходить рядом с ней, брать ее за руку, но она больше не возвращалась к тому разговору. И он чувствовал ее правоту и ненавидел себя.

Лицо на площади было еще одной загадкой, отделявшей его от Анемы. «Уж не Адам ли это или бог, или то и другое вместе?» — спрашивал он себя. Но это никак не вязалось с образом мышления далаамцев.

Тяжелые черты одутловатого лица отражали волю и ум — это не был абстрактный портрет. Забытый скульптор, который создал этот бюст во времена, когда здесь стоял город из камня, имел в виду конкретного человека.

Йоргенсен невольно приблизился к Анеме. Он был на голову выше ее, а потому наклонился и вдохнул ее запах. Ему хотелось уничтожить разделявшее их расстояние. Он был бессилен изменить судьбу. В мире Йоргенсена игральные кости были брошены в первое мгновенье его существования. Ставка была сделана. Расстояние между ними не сокращалось, даже если он касался девушки. Даже если вдыхал запах ее кожи и волос, запах, который удивил его,— ведь женщины Федерации стремились

уничтожить или подавить его. От Анемы исходил запах самой жизни.

На площадь выскочил мальчишка лет восьми, он катил перед собой шар, самый обычный деревянный шар.

Шар. Йоргенсен перевел взгляд с прыгающего по ступенькам шара на бюст у фонтана. Между ними существовала какая-то связь. Но какая? Если он найдет ее, то обретет свободу — он был уверен в этом.

Все остальное он получит в придачу. Он положил ладони на плечи Анемы.

Но разгадка не приходила.

— Пошли отсюда, — сказал он.

Йоргенсен часами беседовал с Даалкином, Анемой и Даалной, матерью Анемы, с Буркином, Лоордином, Синевой, членами «семьи» Анемы. Они говорили о Федерации, об Игоне, о проблемах человека и его будущем. Йоргенсен часто отмалчивался, внутренне сожалея об этом — хозяева говорили с полной откровенностью. Он все еще не решался отвергнуть свою старую веру в Федерацию. Не мог отказаться от своего прошлого. И не осмеливался сказать им, зачем явился на Игону, туманно намекая на исследования.

Однажды, когда все разошлись, он остался в темной комнате вдвоем с Даалкином. Они не спеша потягивали пьянящий напиток, который хозяин налил в кубки из черного полированного дерева. Было истинным наслаждением поглаживать гладкое бархатистое дерево и вглядываться в радужные отблески напитка.

— Итак, — начал Даалкин, перегнувшись через стол, — что вы думаете о Далааме? Считаете ли вы,

что мы действительно представляем большую опасность для Федерации?

Вопрос застиг Йоргенсена врасплох. Впервые с ним разговаривали так откровенно. До сих пор сдержанность далаамцев позволяла ему давать уклончивые ответы.

Он не стал отвечать прямо.

— Далаам — оазис счастья в Галактике, — осторожно начал он. — Ваше общество коренным образом отличается от общества Федерации.

— Я задал вам конкретный вопрос, — сказал Даалкин. — Вы можете ответить на него или нет? Когда вы пришли сюда, вас пожирали страх, ненависть, внутренний разлад. Вы были отравлены своим состоянием. Впрочем, вы и сегодня еще не совсем отошли от этого. Но по крайней мере вы можете сказать, что удостоверились в наших мирных намерениях?

— Не знаю, — ответил Йоргенсен. — Я почти не понимаю вас.

Он опустил щит. До сих пор его немногословие могло сойти за уверенность. А сейчас он предстал перед Даалкином в своем истинном обличье, обличье взрослого ребенка. Его даже не утешала мысль о том, что на Альтайре Даалкин чувствовал бы себя не лучше. Впрочем, уверенности в последнем у него не было.

— Во всяком случае, — добавил Даалкин, — ваши друзья, похоже, опасаются нас. Они некоторое время бродили по долине в окрестностях города, а теперь разбили лагерь у внешних ворот, на повороте дороги, ведущей к реке. Я не совсем понимаю, что они собираются предпринять, может, хотят совершить вылазку в город, чтобы «освободить» вас — ведь они уверены, что мы удерживаем вас насилино.

У Йоргенсена перехватило дыхание. Это был ответ на вопрос, который он не осмеливался сформулировать с первого дня пребывания в Даалааме. Он верил, что остальным шести членам командос удалось остаться незамеченными.

— Вы чего-нибудь опасаетесь? — спросил он. — Вы хотите, чтобы я отправился к ним, успокоил их и попросил прийти сюда?

— Они не пойдут за вами, — отрезал Даалкин. — У них сложилось о нас странное мнение. Не думаю, что при нынешнем положении дел они могут повредить нам, но они хладнокровно рассматривают возможность нашего уничтожения.

Он говорил спокойно, как обычно, будто речь шла вовсе не о судьбе его города.

— Думаю, к ним следует отнести как к безумцам, — добавил он после некоторого размышления.

Йоргенсен едва не выпалил, что в таком случае сумасшедшими надо считать почти все население Федерации.

— Вы показали им все ваше могущество, — сказал он. — И они, естественно, побаиваются вас.

Голос Даалкина стал резче.

— Ничего мы вам не показывали. Мы позволили вам предпринять все, что вы хотели, не собираясь вмешиваться. Однако мы знали, что ваша миссия состояла в уничтожении нашей цивилизации. Мы не собирались обороняться, во-первых, потому, что у нас нет средств, которые могли бы противостоять вашему оружию. По крайней мере тому, которым вы располагали по прибытии на Игону.

— Вы же привели его в негодность, — дрожащим от гнева голосом перебил Йоргенсен. — Я не хочу упрекать вас ни в чем, но вы сами напали на нас и, похоже, даже убили одного из нас. В луч-

шем случае подкинули нам труп, как две капли воды похожий на него; вы вывели из строя нашу аппаратуру и, наконец, уничтожили объект, который позволил бы нам покинуть ваш мир.

Даалкин искренне удивился.

— Ничего подобного мы не делали. Можете мне поверить. Уверяю вас.

— Тогда кто это сделал? — спросил Иоргенсен. — Есть ли на Игоне иная цивилизация, равная нам в своем могуществе?

— Сейчас нет, — ответил Даалкин. — Но была. И наверно, будет еще.

— Во времени?

— В прошлом и, быть может, в будущем. Вам известно, что нас мало интересует физика. Вы лучше нас знаете тонкую природу времени, хотя этот вопрос мы не обсуждали. — Он усмехнулся. — Все наши знания о времени добыты при изучении людей и нашего общества. В каждом человеке существуют прочные связи между прошлым и настоящим. На определенном уровне зрелости настоящее и даже образ будущего воздействуют на прошлое, пытаясь упорядочить его. А упорядоченное прошлое в свою очередь оберегает человека от повторения ошибок.

Он помолчал.

— Думаю, что такая связь характерна и для общества. Любое общество берет под больший или меньший контроль свое собственное развитие. Как видно, ваша Федерация достигла этой стадии, но пошла по пути насилия.

— Вы знаете, что мы путешествуем во времени? — от напряжения Иоргенсен даже уронил кубок, который покатился по полу, оставляя за собой мокрую дорожку. Жидкость тут же впиталась в дерево.

— Да,— ответил не колеблясь Даалкин.— Мы знали о прибытии иновремян до вашего появления. И давно ожидаем, когда сложится критическая ситуация. Наши традиции содержат предсказания подобного события.

— Пророчество?— удивился Йоргенсен.

— Да, если вы называете пророчеством предсказания ваших астрономов. Не знаю, каким образом вы путешествуете во времени, но мне известно, что Федерация осуществляет систематический контроль над прошлым, чтобы обеспечить свое незыблемое будущее. Быть может, наша цивилизация поступала так в прошлом или будет поступать в будущем, и ваши противники, как и вы, не принадлежат к нашему настоящему. Во всяком случае, не думаю, что они обошлись бы с вами так же, как Федерация обошлась бы с ними в сходных обстоятельствах.

— У вас нет уверенности?

— Ни малейшей. Я даже вижу еще одну возможность. Но она придется вам не по вкусу.

— Говорите.

— Ну что ж, — задумчиво сказал Даалкин. — В настоящий момент во Вселенной существуют две державы — наша и ваша. Ваши противники могли явиться из прошлого или будущего одной из них. И ваши странные враги, быть может, не кто иные, как вы сами.

Йоргенсен в бешенстве вскочил на ноги.

— Это невозможно.

— Я сказал «может быть», — возразил Даалкин. — Но такая возможность кажется мне наиболее вероятной. Вспомните, как вы ненавидели себя, прия в город, и как едва не погибли в деревне!

— Это неправда! Я едва не задохнулся, я был отравлен!

— Как вам угодно. Возможность, указанная мной, может и не соответствовать действительности. Но ясно одно, у Федерации нет большего врача, чем она сама. Примирайтесь с самим собой, и вы сможете жить в мире и здесь, и в любом другом месте Вселенной.

Даалкин встал и подошел к двери. Распахнув ее и словно сожалея, прежде чем исчезнуть, он бросил:

— Прощайте!

Йоргенсен не ответил. Он даже не заметил его ухода. Он сидел, упервшись локтями в стол и спрятав лицо в ладони, и боролся с черной мглой, которая подымалась из глубин его существа,— его мучил невысказанный вопрос.

Он долго расхаживал по комнате, а затем бросился наружу. Стояла глубокая ночь. Он до мелочей четко припомнил, как явился сюда. Ему следовало узнать больше. Его разговор с Даалкином привел к появлению новых проблем и не разрешил старых.

Он двинулся по тропинке, петлявшей в траве. Стволы и свод листвы неярко светились. Казалось, вокруг сомкнулся светящийся горизонт, близкий и далекий одновременно.

Он добежал до низенького дома Даалкина и тихо постучал. Ему ответили. Он вошел и увидел Даалкина с Синевой. Исходивший от пола бледный свет подчеркивал удивительную красоту женщины, ее длинные черные волосы оттеняли мраморную белизну кожи. Даалкин и Синева работали над каким-то художественным произведением — повсюду валялись наброски и эскизы, символы чередовались на них с четкими линиями. Далаамцы, по-видимому, не делали большого различия между искусством и наукой.

— Я сожалею о том, что сейчас произошло,—
сказал Йоргенсен.

— Это не имеет значения,— отозвался Даалкин. В его глазах плясали насмешливые огоньки.

— Я хотел бы задать еще один вопрос. Всего один.

— Слушаю вас.— Даалкин присел на край стола, откинув назад голову.

— Я хочу знать, откуда вы явились, как ваша цивилизация обосновалась на Игоне? Я не могу поверить, что она развилаась самостоательно. Новый город не так уж древен. Предыдущий — не жил в симбиозе с деревьями. И в те времена на Игоне возделывали землю, процветала торговля, а может, и промышленность. Как вы пришли к нынешнему состоянию? Какова ваша история?

Даалкин повернулся к жене.

— Наш гость явно вырос,— сказал он,— и даже поумнел. И начинает схватывать, что людей можно по-настоящему понять, лишь справившись об их происхождении. Это вселяет надежды.

Синева рассмеялась, и ее смех разрядил обстановку. В ее внезапном веселье не было ни насмешки, ни презрения. Йоргенсен спросил себя, сколько ей лет. Временами она выглядела не старше Анеймы, хотя принадлежала к поколению ее родителей.

— Отвечу вам откровенно,— Даалкин стал серьезным.— Если бы вы набрались смелости задавать интересующие вас вопросы раньше, мы сразу на них бы и ответили. Но вы были убеждены, что мы постараемся обмануть вас. Именно так поступает Федерация.

— Вы правы,— беззлобно подтвердил Йоргенсен.

— Должен вас разочаровать. Мы почти ничего не знаем о своем происхождении. Это одна из на-

ших величайших проблем. У нас нет летописи исторических событий. Нет ни единого документа. Словно кто-то все стер. От прошлого сохранились лишь некоторые традиции.

— Что за традиции? — спросил Йоргенсен.

— Комплекс наших коллективных знаний, — ответил Даалкин. — В основном они восходят к периоду, который предшествовал появлению города. В них изложены почти все физические сведения о Вселенной, о других мирах Галактики, о Федерации, о времени и многом другом. Мы не располагаем возможностями расширять свои знания в этой области. Мы не в силах определить свое место в мире и избежать кризисов. Но религиозное озарение здесь не при чем. Нет и двусмысленных текстов, которые можно толковать по-разному. Мы располагаем научным изложением фактов. Эти факты требуют научного анализа, а не слепой веры, хотя существует и несколько аксиом, оспаривать которые не приходится, к примеру существование Федерации, — закончил он с улыбкой.

— Понятно. Ваши предшественники как бы подвели итог своим исследованиям, а затем занялись чем-то другим или избрали иной образ жизни. Традиции служат для поддержания равновесия в вашем обществе, которое ориентировано только на науки о жизни.

— Совершенно верно, — согласился Даалкин. Он вдруг стал озабоченным.

— Но тут возникает опасность, — холодно начал Йоргенсен. Он словно врос ногами в пол и скрестил руки на груди. Он вдруг заметил трещину в совершенном здании далаамского общества. — Эти традиции — застывший раз и навсегда комплекс знаний. А действительность меняется. Вы не можете бесконечно передавать из поколения в поколение

абстрактные знания. Уже сегодня то, что вы называете традициями, вряд ли полностью отражает действительность. Вы явно обрекаете себя на застой, по крайней мере в некоторых областях.

Даалкин нахмурился.

— Вы были бы правы,— сказал он после недолгой паузы,— если бы традиции оставались неизменными. Но это не так. Они меняются. В Далааме этого почти никто не знает, кроме, может быть, меня и Синевы. Вот эти-то изменения нам совершенно не понятны. Новые знания вытесняют старые.

— Но это же невозможно! Ведь вы не занимаетесь исследованиями. У вас нет необходимой аппаратуры. Вы не покидаете своего мира. У вас нет контактов с другими мирами.

— Я твержу себе то же самое,— признался Даалкин.— Но у меня есть подтверждение того факта, что традиции меняются. Едва заметно. Видите ли, у нас своеобразная система обучения детей, с одной стороны, их по книгам учат взрослые, с другой — деревья с помощью гипнопедии. Я убежден, что от поколения к поколению традиции меняются. Наше общество остается стабильным. Мы не прилагаем никаких усилий для приобретения знаний в целом ряде областей науки, получая их в готовом виде. Наше общество не такая уж замкнутая система, как вам кажется. Оно общается с внешним миром, но мы не знаем как. Это беспокоит меня. Быть в постоянной зависимости от неведомого источника опасно для любого общества.

— Значит, ваш источник столь же неведом, как и наш противник,— резюмировал Йоргенсен.

— Я думал об этом. Подобная ситуация не приносит мне успокоения.

— Итак, теперь вы сказали мне все?

— Я перечислил ряд возможных вариантов. Действительность сложнее. Она может содержать на первый взгляд противоречивые элементы.

— У вас, наверно, существует теория по поводу этой неведомой державы? — спросил Иоргенсен. — Теория, учитываяющая все факты.

— У меня их несколько. Но ни одна из них не выглядит достаточно убедительной.

— Я вас слушаю.

«Положение радикально изменилось», — с тайной радостью подумал он. Оказывается, далаамцы не знали ни своего происхождения, ни тех, кто управляет их судьбами.

— Первая возможная теория наилучшим образом соответствует образу нашего мышления, — сказал Даалкин. — Она предполагает наличие некоего коллективного подсознательного целого, появившегося в результате развития нашего общества под воздействием деревьев, которое позволяет познавать действительность без участия сознания. Подобные функции свойственны каждому человеческому существу. Быть может, нам случайно удалось сделать их коллективными. В таких условиях Далаам может рассматриваться как единое живое существо, клетками которого мы являемся не только в социальном, но и в органическом плане. Я не могу себе представить всех возможностей такой сверхжизни, но думаю, ей нечего бояться даже могущественной Федерации.

Вторая возможная теория нравится мне куда меньше. Она зиждется на предположении, что мы зависим от некой цивилизации, державы, которая передает нам без нашего ведома информацию, необходимую для умственной деятельности, и защищает нас, позволяя нам продолжать исследования. Эта теория не менее фантастична, чем первая.

— Цивилизация, создавшая Далаам, стершая все следы его прошлого, давшая Далааму все необходимое для существования оригинального общества, в том числе и деревья, выбравшая для вас образ жизни, определившая программу исследований и к тому же совершенно неизвестная Федерации?

— Именно так. Поэтому мне больше по душе первая гипотеза. Но я не могу окончательно отбросить вторую. Кстати, одна не исключает другую.

Йоргенсен закрыл лицо ладонями. Он не про двинулся ни на шаг и по-прежнему блуждал во мраке.

— Я ухожу, — внезапно сказал он. — Я должен вернуться к друзьям, пока они не натворили беды. Я хочу защитить этот город.

— От кого? — спросил Даалкин. — От Федерации?

Впервые в его голосе Йоргенсен уловил жесткие нотки.

— Отпусти его, Даалкин, — сказала Синева. — Он вернется. В день, когда он примирится с самим собой, он вернется. Он нашел здесь то, что не расчитывал найти. Ты возвратишься сюда, Йоргенсен, и деревья помогут тебе отыскать путь к Анеме.

— Прощайте.

Он не знал, что будет делать, когда встретится с остальными. Решение они будут принимать сообща.

5

Сначала он увидел Марио, его силуэт вырисовывался на фоне светлого неба. Он не прятался от постороннего глаза, но внимательно наблюдал за окрестностями. Йоргенсен еще не успел выйти из-под прикрытия высокой травы, как Марио уже обернулся в его

сторону. Йоргенсен помахал рукой, чтобы его сразу узнали.

— Привет, — сказал Марио.

И тут же в нескольких шагах от него возникла массивная фигура Эрина.

Йоргенсен ожидал более бурной встречи. Ведь он отсутствовал четыреста часов, то есть шестнадцать суток универсального времени.

— Остальные спят? — тихо спросил он.

— Да. Их разбудить?

Йоргенсен нерешительно отмахнулся.

— Не стоит. Пока не стоит. Расскажите, что здесь произошло.

Он подметил полный любопытства взгляд Марио. «Ему придется подождать». Йоргенсену совсем не хотелось рассказывать о городе светящихся деревьев.

— Мы некоторое время бродили вблизи Да-лаама, — сказал Марио. — Наткнулись на источник. Но так и не решились последовать за вами. Мы сделали кое-какое открытие, но об этом позже. Хочу предупредить, настроение у людей резко изменилось. Каждый замкнулся в себе, нас не покидает чувство тревоги. Пора найти выход из тупика.

— Я не нашел его. Как чувствует себя Кносос?

— Он выздоровел. Вряд ли он таит на вас злобу, но, откровенно говоря, не уверен. Каждый хранит все в себе. Только Эрина, похоже, это совсем не задело. Правда, он никогда не был особенно разговорчивым.

— Они не доверяют друг другу?

— Не совсем так. Они сами себя изводят сомнениями.

В голосе Марио звучало удовлетворение.

— Вы сказали, что кое-что обнаружили? — вспомнил он первые слова Марио.

— Сейчас покажу.

Он подошел к спящим, поднял с земли пояс и, вернувшись, протянул его Йоргенсену.

— Зачем он мне?

— Посмотрите на датчики.

Йоргенсен взгляделся в крохотные циферблаты. На одном стрелка застыла в необычном положении. Он постучал по корпусу. Стрелка качнулась и вернулась в прежнее положение.

— Датчик вышел из строя,— сказал Йоргенсен.

— Да, он едва работает,— подтвердил Маррио.— Но все же положение стрелки кое о чем говорит.

Йоргенсен вздрогнул.

— Это невозможно. Откуда здесь взяться темпоральному маяку?

— Мы тоже так думали. Однако провели поиски. И нашли. Дверь в Абсолютное Вневременье существует. В шести-семи километрах отсюда. В мореной расщелине.

— Надеюсь, вы не проверили, куда она ведет? — у Йоргенсена перехватило дыхание.

— Не решились. Хотелось прежде встретиться с вами.

«Итак, между Игоной и внешним миром существует связь, и связь постоянная».

Вот что-то и проясняется. Йоргенсен застегнул пояс и уселся на землю. В небе Игоны сверкали звезды. Сияющий туман скрывал город.

— Мы должны переступить порог двери, Маррио,— сказал он.— Надо рискнуть и узнать, куда она ведет. У нас нет другой возможности покинуть этот мир. А теперь послушайте о том, что я видел в Далааме.

Рассказ длился несколько часов. Наконец, Йоргенсен замолчал. Некоторое время он сидел, вслу-

шиваясь вочные шорохи, затем вытянулся на траве и почти мгновенно заснул.

— Далаам следует уничтожить, — резко сказал Ливиус.

— Неужели? — удивился Иоргенсен. — Каким образом?

— Не знаю. Надо найти подходящее средство. Вы сказали, что у них нет оружия и что на нас напали не они.

— Хотелось бы быть уверенным в этом.

В разговор вмешался Марио.

— Даже если бы у нас были средства, нет уверенности, что нам позволят это сделать. Прежде следует узнать, кто защищает Далаам и кто поставил нас на грань провала.

— Совершенно верно, — подхватил Иоргенсен. — Существует девять шансов из десяти, что ответ находится по ту сторону этой двери.

Все молча посмотрели на черный прямоугольник — темное пятно на рыжей земле. Нагромождение скал скрывало расщелину от чужих глаз. День уже занялся. Небо было синим. Дул сильный ветер.

— Не сказал бы, что горю желанием попытать счастья за этой дверью, — обронил Шан д'Арг. — Она слишком смахивает на западню. У нас нет ни оружия, ни защитных полей. Мы можем вынырнуть лицом к лицу с врагом или очутиться в смертельно опасном для нас мире с непригодной атмосферой, температурой, сумасшедшей радиацией.

— И все же следует рискнуть, — настаивал Иоргенсен. — У нас нет другой возможности покинуть Игону. Надо найти тех, кто дергает за веревочки.

— Говорите яснее, я хочу знать, — настаивал Ливиус, — к чему вы стремитесь? Что пытаетесь отыскать?

Йоргенсен пожал плечами, не отрывая взгляда от черного прямоугольника. Вокруг никакой аппаратуры. Или генератор находится по ту сторону?

— Не знаю, — признался он. — Я даже не стремлюсь вернуться на Альтаир. Я хочу понять этот мир и узнать, кто создал Далаам.

— У меня есть иные соображения по поводу ваших намерений, Йоргенсен, — прервал его Ливиус. — Я много размышлял над вашими словами. Вы опасаетесь, что, оставшись на Игоне, мы причиним городу зло! Вот вы и хотите, чтобы мы как можно скорее убрались из этого мира. Вы предали Федерацию и больше не желаете защищать ее! Вы забыли и о благородной роли темпоральных командос, и о коррекции истории. Вы возвращаетесь из этого города и говорите нам об этих дикарях так, словно они гении или полубоги.

— Не знаю, — тихо ответил Йоргенсен. — Раньше я верил в Федерацию, верил в правоту командос. Теперь думаю, что ошибался. Я сомневался всегда. Теперь обрел уверенность. У Федерации нет права делать то, что она делает. Думаю, мы превратились в преступников.

— Вас обвели вокруг пальца, — не унимался Ливиус. — Уж я-то побывал в разных уголках Вселенной и знаю лишь один закон — закон силы. Федерация, наверно, впервые за свою историю встретила могущественного врага, а вы хотите остаться чистеньkim и решать лишь свою личную проблему.

— Замолчи, Ливиус, — процидил сквозь зубы Шан д'Арг. — Я доверяю Йоргенсену. Он достойнее тебя. И переступлю порог вместе с ним.

— Я думал, Ливиус, что ты ненавидишь Федерацию, — проговорил Марио. — А теперь ты вступил за нее.

Ливиус злобно ощерился.

— Когда я в Федерации, я ненавижу ее. Это мое право. Поглядите на самих себя. Вы тоже ее ненавидите, но отказываетесь признать это. Вы ненавидите ее, потому что специалисты не считают вас равными себе. Почему Кносос любит море, Эрин — горы, Нанский — космос, Шанд'Арг — оружие, а Марио — музыку и женщин? Почему Йоргенсен мучает себя вопросами? Он хранит это в тайне, но их можно прочесть на его лице. Да потому, что Федерация отвергла вас всех. Со мной Федерация вообще обходилась как с крысой, пока я не нашел в себе силы вырвать у нее все, что хотел. Да, когда я нахожусь в Федерации, то мечтаю о ее гибели. Но в космосе или в ином времени я превращаюсь в человека Федерации. Она сделала меня таким. Она дала мне могущество. В ее стенах я — голодный волк. Вне ее — цепной пес.

«Даалкин прав. Ненависть и недоверие. Невроз», — подумал Йоргенсен.

— Оставайтесь здесь, Ливиус, — устало промолвил он. — Оставайтесь. Нет нужды переступать порог этой двери всем. Только прошу ничего не предпринимать против города, пока я не возвращусь.

«На этот раз коммандос распалась. Это — начало падения Федерации. Крохотная трещина в крохотной детали. Пройдет немало времени, пока заест весь механизм, — он остановится, а потом обратится в прах. Все начнется на Игоне, незаметной планетке. Нет, все началось на Алтайре. Все началось накануне нашего старта. Кто мы были? Что мы делали? О чём думали? Два с половиной

века назад ответ на вопрос был найден, поскольку мы отправились в свое прошлое».

— Я пойду с вами, — сказал Марио.

Иоргенсен вспомнил о желании Марио сопровождать его в Далаам. Он улыбнулся.

— Хорошо. Кто еще?

— Я, — одновременно отзвались Эрин и Шанд'Арг.

— Да будет так. Оставайтесь. Ливиуса назначаю координатором. Ждите нас в окрестностях Далаама. Если понадобится пища, обратитесь к далаамцам. Желаю успеха.

Ливиус невозмутимо улыбался.

Нанский и Кносос отвели глаза в сторону.

— В городе есть один человек по имени Даалкин, — добавил Иоргенсен. — Если мы не вернемся, сообщите ему, что я сделал попытку исследовать прошлое Игоны. Он поймет.

Ливиус не ответил.

Четыре человека шагнули на черный прямоугольник и растворяли во тьме.

Горячий воздух был насыщен пряными запахами. Дверь пропустила их в джунгли — буйный зеленый мир, сплетение лиан, бархатистые стволы, причудливая листва. Было влажно. На толстенных стеблях покачивались гигантские цветы. Люди инстинктивно жались друг к другу.

Но на поляне, где они оказались, всю растительность словно срезали бритвой. Землю по краю черного прямоугольника покрывал ковер из мха. И опять никакой аппаратуры.

«Второй этап», — подумал Иоргенсен, поднимая голову. Сквозь плотную завесу облаков с трудом пробивался свет громадного, скорее всего, голубого солнца.

— Мы, конечно, не на Игоне, — сказал Йоргенсен. — Мы переместились и во времени, и в пространстве. Осталось узнать, где мы и в каком году.

Задача была практически неразрешимой. Даже увидев звездное небо, они могли не узнать созвездий. Ну а о дате вообще не приходилось говорить. Привязка во времени справедлива лишь по отношению к конкретному миру. Мы видим звезды такими, какими они были в прошлом. Настоящее любого мира не что иное, как острие иглы, чей тупой конец уходит в прошлое тем глубже, чем дальше наш взгляд проникает в космос.

«Второй этап, — повторил про себя Йоргенсен, — и нас занесло еще дальше во времени и пространстве от Альтаира и Федерации, но мы обрели часть себя, остались наедине с собой и должны принимать решение сами. А второй ли это этап? Быть может, ложная смерть Марио была первым этапом, исчезновение оружия — вторым, а посещение Далаама — третьим? А может, были и другие этапы, которых мы не заметили?».

Их явно загоняли в лабиринт. Йоргенсен был уверен в этом. И поэтому без страха переступил порог двери. Ему хотелось пройти этот лабиринт из конца в конец, даже если на это понадобится добрая половина жизни. Ведь выход из лабиринта означал решение всех проблем.

Все, не сговариваясь, посмотрели на датчики. Они работали не лучше, чем на Игоне. Нейтрализующее поле действовало и в этом мире.

Однако кое-что индикаторы показывали и здесь — направление на темпоральный маяк. Расстояние до него было от двадцати до семисот километров. Разброс был достаточно велик.

— Во всех случаях, — сказал Марио, — надо двигаться к маяку.

«Они вновь обретают веру в себя», — подумал Йоргенсен. Это было главным. Важнее, чем налиение оружия. Они решили идти до конца, найти разгадку и снова стали единым целым, хотя их было меньше. Правда, изменились цели. Этого, по-видимому, и добивались их таинственные противники.

— Это будет нелегко, — сказал Эрин, окидывая взглядом джунгли. Вдали послышался звериный рык.

Они приблизились к зеленой стене. Вблизи джунгли не казались столь непроходимыми. Можно было протиснуться между деревьями, продраться сквозь заросли.

— Топорики бы, — вздохнул Йоргенсен.

Обычно они расчищали себе путь в джунглях лучевым оружием. Даже пропитанные влагой стволы и те мгновенно превращались в прах. Энергетические щиты предохраняли их от любого нападения. Но сейчас они были с джунглями один на один.

Йоргенсен возглавил цепочку. Ходьба отнимала все силы. Они то и дело возвращались назад, искали новый проход, натыкались на непроходимые заросли колючего кустарника, обходили его, ползли, карабкались, опасаясь громадных и, возможно, ядовитых насекомых.

Часа через два ходьбы джунгли изменились. Почва стала суще. Деревья перестали тесниться и оказались выше. Громадные переплетающиеся корни выступали из земли. Люди шли почти в полной темноте, то и дело поглядывая на циферблат, чтобы не сбиться с нужного направления.

Жара была угнетающей. Однажды пришлось сделать крюк с добрый километр, чтобы обойти настоящую реку из насекомых, петлявшую среди деревьев. Были ли это насекомые? Времени на выяснение не было.

— Жизнь, — сказал Йоргенсен. — Жизнь в первозданном виде. Постоянная жестокая конкуренция. Самые большие деревья впитывают свет и тепло солнца. Гниль пожирает деревья. Насекомые питаются и гнилью и древесиной.

— Любой саперный корабль Федерации расчистит этот мир за несколько суток, — заметил Шан д'Арг, — и превратит его в цветущий сад. Это и есть цивилизация.

— Наша цивилизация, — вступил в разговор Марио, утирая со лба крупные капли пота. — А как поступили бы далаамцы?

— Не думаю, что они могут представить себе подобные джунгли, — ответил Йоргенсен. — Их опыт — опыт управляемого по человеческим меркам мира.

— Может быть, — неохотно согласился Марио.

Путь преградила косая трещина. Им показалось, что это дорога, но как только Йоргенсен ступил на гладкую зеленую поверхность, он тут же по плечи провалился в жижу. Его вытащили из воды.

— Нам повезло, что мы наткнулись на эту речонку, — насквозь промокший Йоргенсен провел ладонью по лицу, оставляя на нем следы ила.

Все с удивлением посмотрели на него.

— Дальше можно двигаться вплавь или по дну, — пояснил он. — Не придется делать обходов.

— В воде могут водиться ядовитые твари, — заметил Марио.

Йоргенсен пожал плечами.

— Одной опасностью больше, одной меньше. У нас нет иного выбора, — и он первым прыгнул в илистую воду. После секундного колебания остальные последовали его примеру. Они жались как можно ближе к берегу. Вода доходила до пояса, идти было трудно, но они двигались вперед.

— Будем идти до наступления ночи, — сказал Иоргенсен.

Ночь оказалась довольно светлой — взошли две огромные оранжевые луны, окрасившие воду в желтоватый цвет. Иногда из зарослей доносился треск веток, видно, сквозь джунгли ломились крупные животные. Вода в реке становилась все чище. Ильстое дно сменилось песком. Идти стало легче, хотя мешало несильное встречное течение. Иногда они останавливались, чтобы перевести дух.

— В нормальных условиях, — мечтательно протянул Шан д'Арг во время одной из таких остановок, — мы летели бы над этими джунглями на высоте двухсот метров, не подвергаясь опасности и не затрачивая никаких сил.

Иоргенсен усмехнулся.

— Тем не менее мы обходимся без машин. Мы оказались выносливей, чем предполагали.

— Сколько мы прошли?

— Километров десять-двенадцать.

— А мне кажется, что мы сделали не менее пятидесяти.

— Здесь труднее, чем в горах, — сказал Эрин.

Иоргенсен ощущал невероятную усталость, но в то же время и духовное спокойствие, и ясность мысли. Вскоре до их ушей донесся глухой рокот. Пройдя еще несколько сотен метров, они поняли, что впереди грохочет водопад.

— Конец пути, — вздохнул Марио.

Река разлилась в округлое озерцо, ограниченное с одной стороны обрывом, с которого низвергался поток воды, а с другой — зеленой стеной джунглей. У подножья скалы, почти над самым водопадом, мерцал огонь. Это не был костер. Свет горел ровно и холодно, как электрическая лампа.

Они переплыли реку и по крупной гальке с тру-

дом выбрались на берег. Обе луны спокойно светили в безоблачном небе.

Образовав полукруг, путники осторожно, в полном молчании двинулись к огню. Они подошли вплотную, когда одновременно увидели и маяк, и хижину.

Темпоральный маяк был древней модели — они никогда не видели таких. Но ошибки быть не могло. Маяк никто не пытался замаскировать, его просто занесло песком. Только на вершине горел вечный свет. Нигде никаких дат. Ручки управления оказались заблокированными. Надписи на пульте состояли из совершенно непонятных им символов.

Они повернулись к хижине из металла. Она стояла здесь, по-видимому, с незапамятных времен. Дверь ее была приоткрыта. Они вошли в единственную пустую комнату, утонув по колено в пыли. В неверном свете своих фонарей они увидели на столе металлическую медаль на стальной цепочке — такие же медали с указанием имени, планеты и даты рождения хронавта носили они сами. Металл, из которого делались медали, был практически неразрушим.

Йоргенсен повернул медаль. Едва светящиеся в темноте буквы складывались в имя

АРЧИМБОЛЬДО УРЦАЙТ.

Невероятное, мифическое имя. Имя ученого, который в отдаленном прошлом Федерации сделал реальностью путешествия во времени.

Рядом с медалью лежала книга в бронзовом переплете. Йоргенсен взял ее в руки и открыл. Листы задрожали, на мгновенье словно зависли в воздухе, а потом рассыпались и осели на стол кучкой серой пыли. На внутренней стороне бронзовой об-

ложки ножом неровными буквами было нацарапано имя Арчимбольдо Урцайта.

Записи ученого исчезли навсегда.

Петля замкнулась. Путешествия во времени привели их к организатору этих путешествий.

— Невероятно, — пробормотал Марио. — Урцайт побывал здесь задолго до нас.

— Да, — протянул Йоргенсен. Постепенно все становилось на места. Урцайт побывал на Игоне. Поставил там опыт. Скорее всего, он-то и создал Далаам, новый Далаам. Затем расставил в континууме некоторое количество темпоральных дверей, позволявших путешествовать во времени и пространстве и издали наблюдать за течением эксперимента. «Но почему же спустя двести пятьдесят лет — или не двести пятьдесят?» — спросил себя Йоргенсен. Он не мог сказать, в каком веке они находились, ведь в архивах Федерации не сохранилось никаких упоминаний об опыте Урцайта.

Почему личность Урцайта окружена тайной? Почему о нем почти ничего не известно? В конце концов, пять веков не такая уж непроницаемая звезда времени. О жизни куда более древних лиц были известны мельчайшие подробности. А об авторе монументальных научных трудов ходили лишь рассказы, больше похожие на вымысел. Быть может, этого хотел сам Урцайт? Быть может, он сам смешал карты? А может, о целом разделе учения Урцайта сознательно умалчивали по приказу Арха? Быть может, Урцайт разгадал опасность столь могущественного оружия, как путешествия во времени, оказавшееся в руках Федерации? Или его ликвидировали по распоряжению Арха? А командос послали на Игону, чтобы уничтожить последние следы Урцайта?

И здесь Федерация просчиталась. Если Урцайт был на самом деле основателем нового Далаама, он снабдил город мощной защитой, чтобы оградить его от любого врага. А далаамцы не подозревали о защите. Или лгали... или...

Йоргенсен хотел дойти в своих рассуждениях до конца.

А может, сам Урцайт или кое-кто из его учеников защищали Далаам. От Федерации. От завоевателей-иновремян.

Йоргенсен провел рукой по лбу. Его била дрожь. Если его предположение было верным, Федерация боролась против себя самой. Настоящее Федерации отторгло ее прошлое. В определенный момент ее истории появились две возможности, и, хотя вероятности их развития были неравными и в них были задействованы неравные силы, менее вероятная возможность начала брать верх над более вероятной.

Планета джунглей не была последним прибежищем Урцайта. Об этом свидетельствовал маяк. Он позволял перейти в следующий мир. В любой. Быть может, на Алтайир. За этим миром мог быть третий, и четвертый, и так далее до бесконечности. Гений Урцайта был всеобъемлющим. «Но никто в Федерации, — подумал Йоргенсен, — не подозревает об этом».

Четверка переглянулась. Слова были лишними. Они решительно направились к засыпанному песком маяку. Он сверкал, словно глаз циклопа. Он излучал путеводный свет не только в пространство, но и во время. Это был вызов окружающей действительности. Весомое доказательство существования оборотной стороны вещей, как бы изнанки ткани, в которой переплелись нити космоса, настоящего, прошлого и будущего.

«Вся четверка, — сказал себе Йоргенсен, — готова схватиться за рукоятку маяка, чтобы открыть подлинное лицо действительности. Не понять — действительность слишком сложна. Не увидеть во всей полноте — действительность слишком необъятна. Лишь приоткрыть завесу над одной из ее возможностей».

Он опустил рукоятку. Темная вспышка подхватила и унесла их из мира джунглей.

Безоблачное небо. Безмерные песчаные просторы пустыни. Они сразу узнали громадное голубое солнце. Низко над горизонтом, словно два огромных шара, плыли оранжевые луны.

— Та же планета, — прошептал Шан д'Арг. — Невозможно. Мы переместились во времени, а не в пространстве.

— Который год? — спросил Марио, не рассчитывая на ответ.

— Как знать, — ответил Йоргенсен. — Если бы наши инструменты работали, можно было бы исследовать солнце и состав почвы. А сейчас даже трудно сказать, до джунглей мы или после.

Они были так возбуждены, что не сразу сообразили, в какое отчаянное положение попали. Пустыня уходила к горизонту. Маяк за ними не последовал. Они не могли вернуться ни в джунгли, ни в Далаам.

— На этот раз, — сказал Марио, — мы, похоже, достигли конца пути.

Бездействовал и датчик — ни дверей во Внебременье, ни темпорального маяка. Стрелки застыли на нуле.

— А может, и нет, — с возбуждением, удивившим его самого, вскричал Эрин. — Глядите. Узнаете?

Они повернули головы и увидели вдали едва различимую овальную скалу, полумесяцем выраставшую из песка.

— Рельеф не изменился, — добавил Эрин. — Там был водопад.

— Или будет, — поправил его Йоргенсен.

И то и другое было равновероятно. Сколько времени надо, чтобы джунгли уступили место этой бесплодной пустыне, или пустыня покрылась кишачими жизнью джунглями?

Десять миллионов лет? Миллион? Тысячу? Без вмешательства человека джунгли и пустыню могли разделять целые геологические эпохи. Здесь же причинная ткань, структура действительности была трансформирована. Кем? Урцайтом?

Наверно, у подножья скалы по-прежнему стояла хижина. А маяк совсем утонул в песках. Несбыточная надежда. Но несбыточным было и совершенное кем-то ответвление потока времени в этом безымянном мире. Все имело смысл — Даalam, джунгли, пустыня. «Некто» заманил их в этот лабиринт не без умысла. Последовательность событий имела глубокое значение, как фраза, составленная из слов.

Но, к сожалению, у них не было ключа к шифру. В безднах времени им встретился сфинкс. Если они отгадают загадку, они останутся в живых и новое понимание происходящих событий распахнет перед ними врата нового мира. Если они потерпят неудачу...

Игона, джунгли, пустыня.

Три стадии. На Игоне царило сотрудничество леса и города. Законом джунглей была жестокая конкуренция. И только пустыня была мертвой — она либо предшествовала жизни, либо следовала за ней. Смерть была несовместима с жизнью.

Йоргенсен облизал пересохшие губы. Он чувствовал жалость к своим товарищам по оружию. Это было новое чувство. Он вдруг открыл в себе привязанность к Марио, Эрину, Шан д'Аргу, и она была глубоким человеческим чувством, совершенно не свойственным их сообществу карателей. Он открыл, что каждый существует сам по себе, а не как объект его собственного мира. Он открыл, что у них есть своя собственная история — прошлое, будущее и настоящее. Он открыл, что никогда этого не замечал, хотя ему казалось, знает их давно. Он открыл, что, осознав их индивидуальность, стал лучше понимать каждого.

— Сожалею, что увлек вас сюда за собой, — сказал он. — Боюсь, мы попали в безвыходную ситуацию.

Марио слабо улыбнулся.

— Мы пошли за тобой, потому что так решили. И все. Ты ни в чем не виноват. Однако лучше поскорее добраться до скалы.

Йоргенсен хотел было сказать «спасибо», но вздохнул и произнес только: «Будь по-вашему». Затем двинулся вперед — его сапоги вязли в песке и вздымали облака пыли. Остальные последовали за ним, и четверо измотанных людей, песчинки среди необъятной пустыни, потянулись к скале вдоль невысоких дюн, причудливых творений ветра.

— Хочу пить, — сказал Эрин. — Помню, как однажды взбирался на Цирцею на лавовые горы. Тысячи лет назад там бушевали огненные потоки, но когда я добрался до вершины плато, вскарабкавшись на гладкий отвесный обрыв, то увидел в центре крохотное озерцо чистейшей воды, которая изливалась с противоположного склона тремя прекрасными каскадами в пламенных брызгах пены.

Ночью звезды блиствали в воде, как второе небо. Вода была ледяной. Она обжигала глотку, как раскаленное железо, а прозрачностью соперничала с космосом. Хотелось бы снова полюбоваться на эту воду.

Песок стал совсем тонким, и их ноги оставляли в нем глубокие борозды. Они шли и беседовали — такое случилось впервые. Они говорили о Федерации и о ее миражах, о своих тайных желаниях и никому не ведомых поражениях. Йоргенсен говорил об Игоне и мечтал о встрече с Анемой. Эрин о головокружительных высотах. Шан д'Арг — о страхе смерти. Марио — об ужасе, который ему внушало время. Смертельно усталые люди разом ощутили пользу откровенности и необходимость слов.

Внезапно начались миражи.

То вблизи, то вдали в пустыне возникли джунгли. Пахло водой. Появилось зеленое пятно. Послышался звериный рык. Тонкая спираль лианы обвила ствол дерева.

Йоргенсен протер глаза. Мир наполнился блестками. «Начинается бред», — без всякого отчаяния решил он. Позади вдруг ставшей прозрачной дюны он различил силуэт Ливиуса. Прямо перед ним в почву впились и исчезли корни далаамского гиганта. Под его ногами распахнулась и захлопнулась бездна.

Йоргенсен в недоумении остановился. Его друзья выглядели прозрачными. До него долетали их удивленные, искаженные голоса. Обрывки ночи застилали солнце.

«Галлюцинации», — решил он, но, бросив взгляд на бешеную пляску стрелок детекторов, сжался в комок от страха. Крик Шан д'Арга подтвердил страшную догадку.

— Темпоральная буря!

Изнасилованное, деформированное время мстило за дурное обращение с ним. Силы, которые удерживали в равновесии параллельные возможности, не выдержали безудержного натиска действительности. Темпоральная буря. Командос боялись этого катаклизма как чумы. Иногда такое случалось в некоторых районах пространства, где энергетические разряды достигали такой мощности, что нарушали структуру континуума. Но чаще всего темпоральные бури были результатом неудачного вмешательства. Происходил локальный обвал времени. Обломки прошлого карежили будущее. Настоящее рушилось. Человек, попавший в темпоральный ливень, мог увидеть, как морщится кожа на его вдруг ставшей старческой руке, как его тело становится зародышем в утробе матери, и в последней вспышке сознания он понимал — время мстило за все. Подобная катастрофа уничтожила семь планет в созвездии Лебедя. Одна из звезд стала сверхновой. Погибло двадцать миллиардов людей. Оставшиеся в живых так и не оправились от сумасшествия — они видели нечто более страшное, чем собственную смерть, они видели гибель Вселенной.

Джунгли. Пустыня. Эта безымянная планета голубого солнца стала ареной противоречивых вмешательств. И мир распадался на куски. Правда, Йоргенсену казалось, что хроноклизм не был случайным — он был завершающей точкой непонятной фразы, составленной из слов «Далаам», «джунгли», «пустыня». После бесплодия — гибель. Наглядное предсказание судьбы Федерации. Манипулируя временем, она подкладывала мину под фундамент Вселенной. Защищая свое настоящее, она подточила свое будущее. И когда пробьет час расплаты, взорвется Галактика и десятки миллио-

нов звезд разлетятся в разные стороны в вихре сменяющих друг друга десятков миллиардов возможностей...

Голоса друзей, вернее, их удивленные восклицания доносились до него бессмысленными всплесками звуков. Он еще изредка замечал остальных как беглые отражения в осколках зеркала на фоне однообразной пустыни. Он вдруг увидел, как из ниоткуда вынырнули Ливиус, Нанский и Кносос. Невероятная случайность или умелое вмешательство? Что втянуло их в темпоральную бурю и забросило в этот мир? Вся семерка, сблизившаяся и разобщенная одновременно, в полном безмолвии вступила в бой с разгулом времени.

Йоргенсен, как бы отрешившись от своего естества, перенесся вперед и увидел семь силуэтов, сгибавшихся под напором порывов времени. Все они — Марио и Шан д'Арг, Кносос и Эрин, Ливиус и Нанский, и он сам — шли вперед, спотыкаясь и борясь с собственным головокружением и сошедшим с ума космосом. Он видел всю семерку такой, какой она была десять лет назад. Он вдруг узнал, что останется жив и встретится с Анемой, а через секунду капля времени стерла из его памяти это воспоминание из будущего.

Позади первых семи силуэтов он различал семь иных, бледных и почти прозрачных теней, — они преследовали семерку, угрожали ей, готовились к расправе. Он различал черты лиц этой семерки преследователей и узнавал в них своих друзей — в лабиринте времени разворачивалась безжалостная охота на самих себя.

Он хотел предупредить их. Но из горла вырвались лишь бес связные звуки. Обе командос неслась к горизонту. Он закрыл глаза и бросился вперед, упал, вскочил на ноги, снова упал, не чув-

ствую опоры и не зная, разверзся космос или нет. Волны времени доносили до него мысли других.

Частица времени пронизала его мозг. И забытые воспоминания всплыли на поверхность сознания. Он вспомнил свое сновидение. На круглой площади его преследовал человек, и у этого человека было лицо Йоргенсена. А громадная толпа далаамцев с ужасом наблюдала за его гибелью. Он пытался добраться до убежища в центре площади и коснуться каменной статуи с загадочным лицом, единственной недвижной точки в этом бешеном вихре, но знал, что никогда не доберется до спасительной гавани.

Он вспомнил слова Анемы. «Если вспомнишь сон, то наступит выздоровление. Ты перестанешь ненавидеть самого себя». Йоргенсен радостно вскрикнул, ибо вспомнил свое сновидение. Он вышел победителем из жестокой схватки и обрел потерянное я. Лицо его противника внезапно изменилось. Его второе я шло ему навстречу со спокойной улыбкой на лице и протягивало ему дружески руку.

Йоргенсен узнал сновидения других. В это мгновенье каждый из них испытывал то, что испытал он внутри дерева в Далааме. Каждый решал свою проблему сам. А он, беспомощный зритель, присутствовал на смертельной схватке каждого из шестерых с собственным «я».

Ливиус в своем сновидении — а может, это была действительность, принесенная бурными волнами времени, — оказался на родной планете. Он бежал по узким улочкам мрачного города. Рас трескавшиеся стены вздымались до самого неба, окна миллионами глаз следили за ним, словно он был в тюрьме. Он хватался за бесполезное ору

жение, стрелял наугад, и позади рушились стены. Он убегал, не зная почему. Он бежал прочь, скатываясь по кривым лестницам, нырял в крытые проходы под монолитами зданий.

Булыжная мостовая была жирной и скользкой. На ближайшем перекрестке он бросился в боковую улочку, она была такой узкой, что можно было коснуться домов, даже не разводя рук в стороны. Вдали послышался топот ног его преследователя. Где-то наверху, над головой Ливиуса, в мрачной стене виднелось похожее на иллюминатор оконце, упиравшееся в противоположную стену, как в искусственную скалу... Он поднял голову и сразу узнал ее. Именно там, в мрачной пещере наверху, он родился и провел первые годы своей жизни. Из оконца выглянуло лицо, он узнал себя, и из его легких вырвался вопль ярости и ужаса. Шаги преследователя раздавались поблизости, тень его росла, он узнал собственный силуэт и походку. Мертвую тишину разрывали только шаги охотника и металлический лязг. Все жители города забились в свои норы, спрятались от охотника — Ливиуса-волка, и Ливиус остался наедине со своим двойником.

Он отступил в проулок, поскользнулся и потерял равновесие. Он хотел вырваться за пределы города, на открытое пространство. Узенькая зеленая полоска неба высоко над головой словно издевалась над ним. Он обернулся и ринулся прочь. Нескончаемая улочка заканчивалась вонючим сплетением проходов. И вдруг с громадным облегчением он увидел, что оказался на зеленом лугу, и узнал парк, где верховодил в опасных детских играх, который находился совсем в другой части города. Он бросился к рощице, где надеялся спрятаться, как это часто бывало в детстве, когда ему

приходилось удирать от банды соперников. Ему надо было пересечь круглую эспланаду, в центре которой был фонтан.

Шаровидный звездолет прочертил небо, и он недоуменно поднял глаза кверху, затем его взгляд упал на фонтан, где высилась статуя с загадочной улыбкой на лице.

Преследователь с его чертами, в его комбинезоне, с оружием в руках вышел из кустов. Ливиус выстрелил в него, но тот — высокая фигура на худых ногах — неумолимо шел навстречу, медленно поднимая оружие...

Кносос в своем сновидении исследовал коралловые пещеры в морской бездне. Его грызла глухая тоска. Над ним юрким угрем промелькнула чья-то тень, он быстро развернулся и через стекло маски различил в зеленоватой мгле, которую рассекал луч фонаря, тень человека.

Он узнал в нем своего двойника...

Эрин шел по крутому отвесному склону, боясь оглянуться, но не из страха увидеть под собой пропасть, а из опасения различить позади себя упрямого преследователя.

— Поднимайся, — раздался его собственный голос.

Он с усилием подтянулся на усталых руках. Окровавленные пальцы судорожно цеплялись за камень. Ногти пытались зацепиться за малейшую неровность.

Когда он вскарабкался на край обрыва и поднял голову, то увидел над собой массивный силуэт. Это был он сам. Сапог двойника расплющил ему пальцы. Эрин с воплем разжал руки и полетел вниз — он успел увидеть, что падает к тому, кто

преследовал его, чтобы убить, к тому, у которого было его собственное лицо...

Марио преследовал женщину в городе-парке на Энгеране III. Где-то вдали играл оркестр, и до него доносилась древняя, печальная музыка. По лбу Марио стекал пот. Он знал, что должен догнать женщину и задать ей один вопрос, но не знал какой. Он не знал ее имени. Близилась ночь.

На женщине был плащ, который развевался на ветру. Цвет плаща постоянно менялся, капюшон скрывал волосы женщины.

Следовало догнать ее до того, как она выбежит на площадь, где шел концерт, на громадную круглую площадь, на которой толпились люди. Громадный стеклянный шар висел над оркестром и отражал звуки в сторону публики.

Он бросился через кустарник наперерез женщине и на миг потерял ее из виду, а когда увидел снова, ему показалось, что она замедлила бег и стала выше. Он бежал за ней, удивляясь, что она растет на глазах. Вдруг она остановилась и повернулась к нему.

Он в страхе замер. Плащ скрывал лицо и тело. Марио уже догадался, что это не женщина. Плащ медленно скользнул на землю... Марио не сразу понял, кто перед ним. Он знал одно. Его ждет смерть. От руки двойника. Мертвый двойник с Игоны вернулся, чтобы отомстить...

За кораблем Нанского, затерянным в беззвездном пространстве, гнался неведомый звездолет. В страхе Нанский позвал на помощь Нелле. Но та не ответила. Он был на борту один. Чужой корабль рос на экране с чудовищной быстротой. В нем распахнулся люк, и в космос шагнул чело-

век без скафандра. Он шел в пустоте, постепенно заполняя экран. На секунду Нанскому показалось, что он смотрит в зеркало. Затем человек выпрыгнул из экрана и поднял оружие...

Шан д'Арг ждал своего противника на арене Танатоса. Он знал, что бой будет безжалостным. Публика бесновалась. Искусственные стервятники, вооруженные телекамерами, бесшумно кружили в небе на крыльях из черного металла, не спуская с него своего единственного недвижного глаза.

Крохотное солнце, огненный шарик, плавало над ареной, заливая ярким светом песок. Шан д'Арг сжимал в левой руке лук, за поясом его торчали три стрелы, правая рука держала дубинку. Он неотрывно смотрел на далекую дверь, темную арку, откуда должен был появиться соперник.

Впервые в жизни он дрожал накануне схватки. В глубине арены возник тонкий силуэт его противника. Вопли усилились.

Шан д'Арг ждал... В руке противника был лучевой пистолет. Шан д'Арг выхватил из-за пояса стрелу, положил ее на тетиву и прицелился. Бесшумный стервятник спикировал прямо на него и отвел стрелу в сторону.

Убийца подошел ближе, и Шан д'Арг узнал его. Во всей Галактике не было второго человека с такой желтой кожей, такими плоскими скулами, такими раскосыми глазами под черными стрелками бровей...

Йоргенсен со стороны наблюдал, как каждый встретился со своим двойником и принял смерть от его руки. Это было неотъемлемой частью лабиринта. Йоргенсен знал, что каждый видит снови-

дения остальных. И каждый должен решить свою проблему до того, как умрет. Он уже прошел через это, и они могли воспользоваться плодами его успешного опыта. Решение было простым, если знать ответ заранее. Принять себя таким, каков ты есть. Изгнать из своей души раздвоенность. Путь к цели лежал через логику и переплавку личности. А неотвратимость смерти способствовала радикальной трансформации духа и разума.

Это было логично. Это был выход из лабиринта. Их загнали сюда ради метаморфозы. Далаам, джунгли и пустыня были ступенями испытаний.

Но кто подверг их этим испытаниям? Вопрос оставался без ответа. Лабиринт еще скрывал неисследованные закоулки.

Все стихло. Земля под ногами Йоргенсена снова обрела твердость. Темпоральная буря продолжала свирепствовать, но он оказался в зоне затишья. В центре циклона. В глубине воронки.

Он открыл глаза и увидел, что буря помогла ему приблизиться к скале. Остальные отстали и пока еще не вырвались из лап мучивших их кошмаров.

Скала нависла над его головой, загораживая небо. Он заметил хижину, засыпанную песком. Дверь была приоткрыта. Он скользнул внутрь. Когда его глаза привыкли к сумраку, он увидел, что песку намело почти до столешницы, на которой лежала книга. Он протянул руку, чтобы взять ее, и заметил белый предмет, выступавший из песка с противоположной стороны стола.

Человеческий череп. А под ним стальная цепочка с медалью. Он знал, что на ней выбито имя Арчимбольдо Урцайта.

Значит, Урцайт закончил свои дни здесь. Дру-

гих ходов в лабиринте не было. Он закончился тупиком. Много веков назад Урцайт создал этот лабиринт, чтобы защитить Далаам и преобразить его возможных врагов. Но его усилия оказались тщетными.

Они никогда не получат ответа на вопрос «Почему?». Они прошли испытания без пользы для дела.

Йоргенсена охватило отчаяние.

Он открыл книгу и, по-видимому, включил скрытый механизм, поскольку мир вокруг него взорвался красками. Его снова выбросило в Абсолютное Вневременное, его отправили в новое путешествие во времени.

6 Год? Не известен.

Место? Не известно. Планета под голубым солнцем. Райский уголок. Громадные деревья с кронами, укрывающими от зноя, обширные луга. Невысокие холмы. Неторопливые водные потоки. Тучная земля. Зелень трав. Прозрачная, светлая, невесомая вода, похожая на жидкий бриллиант.

Йоргенсен протер глаза. Из-за кустов бесшумно вышел громадный рыжий зверь, глянул на него и величественно удалился. На все лады свистели птицы. Река сверкала серебряными всплесками — в волнах резвились рыбы.

Он прибыл на ту же планету, но куда делись джунгли и пустыня? Он был уверен, что попал в тот же мир, в еще одну возможность этого мира. Он затаил дыхание, чтобы не пропустить ни звука. До его ушей доносились лишь шорохи леса. Он крикнул. Никто не ответил. Где остальные? Остались в пустыне или темпоральная буря забросила их в иные секторы времени?

Он узнал местность. Река кончалась водопадом. Та самая река, что вывела их из джунглей. Хижина, а может, и маяк, по-прежнему, стояли у подножья скалы.

Йоргенсен быстро двинулся вперед. В голове прояснилось. Он чувствовал необычайный прилив сил и бодрости. Теперь он знал смысл лабиринта. Это было испытание и лечение одновременно. Испытание позволило разделаться с предрассудками Федерации. Лечение принесло духовное выздоровление.

Однако через некоторое время он ощутил пустоту — ему не хватало Анемы, друзей. Он был один. А рай хотелось разделить с другими. Но новое одиночество не имело ничего общего с тем, которое угнетало его раньше. Это не было одиночество от недоверия, свойственное людям Федерации. Это было временное физическое одиночество, поскольку он знал, что может использовать все резервы своего существа, чтобы отыскать других и слиться с ними в единой духовной общности.

Он сорвал с ветки золотистый плод.

На повороте тропинки у реки появился улыбающийся человек. Он был толст и стар, почти лыс. Он смотрел на идущего к нему Йоргенсена. Его глаза светились умом. Большие пальцы пухлых рук были засунуты за пояс. На нем была выцветшая хламида некогда оранжевого цвета. Человек сунул правую руку в карман, достал трубку и неторопливо раскурил ее. Потом дружелюбно помахал рукой.

— Привет! Хорошая погодка.

Покрытое пылью и потом лицо Йоргенсена и его изодранный комбинезон, казалось, не удивили его.

— Привет, — ответил Йоргенсен.

Облик человека поразил его больше, чем ра-

душный прием. Он ни разу не видел стариков. Даже тучных людей не было в Федерации. Ее биологи давно научились поддерживать человека в пике его физической формы почти вечно.

Старик изъяснялся по-далаамски. Но в нем не было их безмятежности.

— Здесь есть город? — спросил Йоргенсен.

— Не думаю. Более того, в настоящий момент на этой планете нас всего двое.

Подойдя ближе, Йоргенсен заметил, что старик почти на голову ниже его. Он невозмутимо посасывал трубку. Струйкой поднимался сизый дымок.

— Кстати, — сказал старик, — думаю, вы давно разыскиваете меня. Меня зовут Арчимбольдо Урцайт.

У Йоргенсена перехватило дыхание. Его ноги налились свинцом. Урцайт улыбался, не выпуская трубки изо рта и снова запустив большие пальцы за пояс.

— Рад, что вы успешно выпутились из этой пепердяги, — добавил он. — Я нуждаюсь в вашем сотрудничестве. Но, естественно, у вас остается свобода выбора.

— Простите? О чём идет речь? — нервно спросил Йоргенсен.

— О будущем Федерации, Далаама и, конечно, о вашем будущем.

Голос Урцайта был спокойным и добродушным.

Йоргенсен вдруг снова оказался лицом к лицу с жестокой действительностью.

— Вы не умерли? — голос у Йоргенсена звучал хрипло. — Это был не ваш череп?

И тут же закусил губу.

Улыбка Урцайта стала еще шире. Он прищурился. Наверное, страдал близорукостью — только историки еще помнили об этой болезни.

— Это зависит от года, — усмехнулся Урцайт. — В той эпохе, из которой вы явились, я действительно мертв. А сейчас нет. Надеюсь, вы сами видите это. В хижине среди пустыни был мой... мой череп. Но пустыня появится лишь через пять или шесть тысяч лет...

Он небрежно махнул рукой.

— И не считайте меня призраком. По теории, я старше вас только потому, что умер до вашего рождения и два этих события расположены на одной причинной кривой. Официальная теория Федерации. Должен признаться, я немало потрудился, чтобы мое учение восторжествовало. Но с момента исчезновения я много работал. Умственный труд весьма полезен для поддержания хорошей формы. У меня впереди еще двадцать лет жизни.

«Он знает, когда умрет, — думал Йоргенсен. — Он провел свое будущее, сколь это ни невероятно. Он бросил вызов времени и победил его. И его не страшит, что он знает день и час своей смерти. И далаамцы не боятся смерти. Они принимают ее как должное».

На мгновенье эта мысль показалась ему чудовищной, но он тут же ощутил, что давний ужас смерти оставил его. Страх умереть и страх жить — две стороны одной медали. Тот, кто не принимает мысли о неизбежности смерти, не может жить полной жизнью.

— А другие? — сдавленным голосом спросил он, не в силах отвести взгляда от синей струйки дыма, поднимавшейся из трубки. Она тоже напоминала о прежних временах. Йоргенсен никак не мог привыкнуть к мысли, что перед ним стоит мифическая фигура Арчимбольдо Урцайта. Он представлял его себе величественным гигантом со строгими чертами лица, с тяжелыми крепкими ру-

ками, с глубоким, хорошо поставленным голосом — нечто вроде супер-Даалкина. А перед ним стоял толстый, улыбающийся, почти комичного вида человек.

— Ваши соратники? Не беспокойтесь. Мы к ним вернемся позже. Я хочу задать вам несколько вопросов и кое-что объяснить. Вам следует принять решение.

— Слушаю вас, — едва слышно выговорил Иоргенсен.

— Расслабьтесь. Вы устали. Вы прошли суровые испытания и оставили позади себя все. Все, чем вы были. Вы родились заново. Вы — бабочка, вышедшая из кокона. У вас еще не обсохли крыльышки, и вы не в состоянии их расправить. Дайте им окрепнуть на солнышке.

— Я попытаюсь.

— Садитесь прямо в траву. Съешьте этот плод. Нет ничего прекрасней даров земли.

Иоргенсен повиновался, как ребенок.

— Прекрасно, — сказал Урцайт. — У нас много времени. Что означают лишние пять минут в сравнении с пятью тысячелетиями? Мы, вы и я, жонглируем временем. И не стоит придавать этому слишком много значения. Именно поэтому я курю трубку. Этот обычай давно утерян, и, думаю, его утрата прозвучала для Федерации похоронным звоном. Курильщики трубки обычно люди миролюбивые и склонные к размышлению. Нужно время, чтобы правильно набить трубку. Вот эта сделана из настоящего верескового корня.

Он глубоко вздохнул.

— Все растения, которые вы видите здесь, выведены путем направленной мутации из местных видов. Вы не представляете себе, чего можно достичь в генетике, когда являешься хозяином времени.

— Игона — это ваша работа? — тихим голосом спросил Йоргенсен. Он прикрыл глаза и увидел громадные деревья, щитом раскинувшие свои ветви над городом и разгоняющие ночной мрак. Те гигантские деревья были памятью Далаама.

— Я всегда любил деревья, — признался Урцайт. — Они крепко держатся корнями за землю. Они идут на приступ неба. Они растут во все стороны, как в прошлое, так и в будущее. Вы знаете, что годовые кольца суть кристаллы времени. Сезоны сменяют друг друга, и дерево помнит о них. Я горжусь своими игонскими деревьями. Думаю, во всей Вселенной нет ничего равного им.

— Наверное, вы правы, — согласился Йоргенсен под написком новых впечатлений.

— Этот сад тоже уникален, — продолжал Урцайт. — Его уникальность — своеобразная проблема. Загадка, очень важная загадка. Превращусь на время в сфинкса и посмотрю, разгадаете ли вы ее. Вам известны три состояния этой планеты — джунгли, пустыня, сад. Но вы не смогли датировать их. Каков, по-вашему, их хронологический порядок?

Йоргенсен нерешительно пожал плечами.

— Не знаю. Дайте подумать. Вы сами поставили пустыню после сада. И сказали, что это будет через пять-шесть тысяч лет. Этот сад — ваше творение. Значит, джунгли существовали раньше. Джунгли, сад, пустыня. Таков хронологический порядок. Но не понимаю, что он означает.

— Не понимаете? — воскликнул Урцайт.

Его зубы разжались, и он подхватил трубку на лету. Затем наклонился вперед и ткнул мундштуком в грудь Йоргенсена.

— Не понимаете? Три аспекта действительности одного мира вытекают один из другого, а вы не

видите связи с вашей миссией. Значит, то, что вы пережили, не пошло вам на пользу. Я мог бы вам подсказать ответ, но тогда изменится ваше будущее. А оно принадлежит только вам. Никто не имеет права влиять на ток времени разумного существа, особенно если это ведет к ограничению его способности выбора.

Йоргенсен задумался. Аналогия ускользала от него. Джунгли, сад, пустыня. Джунгли, сад, пустыня. Между джунглями и садом — ряд темпоральных коррекций. Похоже на работу коммандос. А что было между садом и пустыней.

Ничего. Логическим следствием темпоральных коррекций была пустыня.

Все детали стали на место. Вселенная до Федерации. Затем путешествия во времени, преобразование прошлого, вмешательство коммандос. Федерация была эквивалентом сада. Это бросалось в глаза. А затем пустыня, упадок, гибель всей цивилизации.

И ему, Йоргенсену, предстояло сделать выбор. Уничтожить Федерацию, выполнив приказ Альтайра. Или уничтожить Федерацию, не выполнив этого приказа.

Он огляделся по сторонам. Райский сад. Но сколь же он хрупок. Незаметная трещина в стройном здании обрекала его на неизбежную гибель. Разве красота сада и расцвет Федерации не стоили того, чтобы их сохранить ради них самих, даже при крайней эфемерности существования и того, и другого.

«Нет, не стоят», — твердо сказал голос его совести. «Нет», — эхом отозвались голоса Ливиуса, Марио, Шан д'Арга, Нанского, Эрина, Кнососа. «Нет», — прошелестели анонимные голоса далаамцев.

Существуют куда более весомые вещи, чем красота и расцвет цивилизации. Есть жизнь, появление новых видов. Есть будущее человека и всех грядущих цивилизаций.

Йоргенсен глубоко вздохнул.

— Я понял, — наконец произнес он.

Он отбросил в сторону косточку золотистого плода и вдруг ощутил себя больным и разочарованным.

Чего не хватает этому саду? Чего не хватает Федерации?

Конкуренции. На райской планете уничтожены все вредные виды животных и растений. Все возможные опасности убраны из будущего Федерации.

Он сказал об этом Урцайту.

— Я поставил один опыт, — сказал старик. — Когда я овладел временем, меня ужаснули следствия моих открытий. Я провел множество опытов. Этот сад появился в результате одного из них. Вы спрашиваете, чего ему не хватает. Нет, не конкуренции, не борьбы за существование.

Он помолчал.

— Разнообразия. Сотрудничества. Естественного равновесия во времени. Федерация идет на встречу своей гибели, поскольку убирает со своего пути разнообразие форм. Я мог бы поддерживать сад в подобном состоянии десять или двадцать тысяч лет, а может, и целый миллион. Но мне придется все чаще совершать коррекции, все глубже и глубже деформировать время. А это кончится катастрофой.

— Именно так поступает Федерация, — сказал Йоргенсен. — Я понял. Темпоральные коммандос все чаще отправляются со своими миссиями в прошлое. Но у Федерации нет никаких шансов. Она обречена.

— Совершенно верно, — согласился Урцайт, выпуская голубые клубы дыма. — Я предвидел это. И сказал им. Они решили расправиться со мной, поскольку видели в господстве над временем великолепный инструмент власти. У них ложное, извращенное понятие о времени и человеке. Они мыслят линейно. А время вещь сложная, это — ткань, живая ткань. Ее легко порвать. Я не хотел рисковать и поэтому создал Далаам. Игона — противоядие от Федерации.

Иоргенсен встал на ноги и потянулся.

— Что я должен делать? — спросил он.

Ответ Урцайта был незамедлительным. И впервые в нем зазвучали резкие нотки.

— Решайте сами. Вы взрослый человек или нет?

Они шли вдоль реки по направлению к водопаду, к той хижине, откуда Арчимбольдо Урцайт следил за ходом своих опытов, к темпоральному маяку, который позволял контролировать прошлое и будущее.

— Несколько недель назад, — говорил Урцайт Марио, — вы не были способны принять решение с полным знанием дела. Вы были человеком Федерации, хотя бунтовали против нее. Каждый человек — пленник времени современного ему общества. Вас следовало вырвать из привычного круга. Следовало освободить, вернуть самому себе.

— Да, — подтвердил Марио. — Нас заразило безумие Федерации.

— Вам следовало вступить в контакт с действительностью. Вы должны были научиться распоряжаться собой.

— Все ясно, — усмехнулся Марио. — Вы поста-

вили нас в столь неудобное положение, что нам пришлось размышлять и изменяться.

Улыбка Урцайта стала шире.

— Я ничего не сделал. Я уже говорил, что никто не имеет права вмешиваться в чужую жизнь, используя господство над временем. И это не только вопрос морали. Это также вопрос стабильности. Вспомните сад и пустыню.

— Тогда кто?

— Подумайте. Никто не имеет права менять будущее или прошлое другого существа. Но свое собственное...

Марко долго молчал.

— Это означает, что мы...

И замолчал, пораженный необходимым решением.

— Совершенно верно, — закончил Урцайт.

Они приблизились к водопаду. Берега реки и хижина утопали в цветах. В открытом очаге пыпал огонь.

— Это означает, что мы вернулись в свое прошлое, вернее, сделаем это, приведем в негодность собственное снаряжение и атакуем самих себя, — сказал Шан д'Арг. Он уже давно свыкся с этой мыслью. — Но, поскольку все предрешено, у нас уже нет выбора. Это произойдет. И все начнется сначала. У нас нет возможности выбирать.

— Есть, — возразил Урцайт. — Время отнюдь не линейная последовательность событий, иначе путешествия во времени были бы невозможны. Время состоит из громадного, а может и бесконечного, количества возможностей, имеющих разную степень вероятности. В каждое мгновенье может произойти некоторое количество событий. Одни из них более, другие менее вероятны. В обычных

условиях действительностью становится самая вероятная возможность, другие продолжают существовать в скрытой форме. В момент путешествия во времени порядок возможностей может оказаться перепутанным. И реализуется другая возможность, заняв место более вероятной возможности. Надеюсь, вам понятно?

— Пытаюсь следить за ходом ваших рассуждений, — ответил Шан д'Арг.

— То же самое происходит и при перемещении в пространстве. Небесные тела движутся по наиболее вероятным траекториям. Воды рек, камни гор подчиняются тому же правилу. Человек стал выбирать для них невероятные траектории относительно недавно, заставляя реки течь вспять, перестраивая горы, передвигая планеты.

В настоящий момент мы на пороге невероятной возможности, если можно так выразиться. Она не отвечает действительности, и мы существуем в полном смысле этого слова. Разъясню смысл выражения. В настоящий момент есть семь возможностей, и семь Арчимбольдо Урцайтов объясняют каждому из семи членов командос то немногое, что следует знать о структуре Вселенной.

— А принципы? — осведомился Шан д'Арг.

— Они ложны, — ответил Урцайт. — А если говорить точнее, они отчасти ложны. Мне это известно лучше, чем кому-либо другому. Именно я развел их, исходя из работ Горовица. Но в те времена я рассматривал случай, скажем, ограниченной темпоральности. Более общее понимание пришло позже.

— Почему эта общая теория не преподается в Федерации?

Урцайт расхохотался. Его щеки тряслись, как пустые бурдюки.

— Я же говорил, что Федерация поражена паранойей. Первойшая забота Арха вырвать с корнем это знание. Когда я допустил оплошность, опубликовав свою работу, меня внесли в список опасных лиц.

«Вот почему жизнь Арчимбольдо Урцайта окутана тайной, — подумал Шан д'Арг. — Арх не осмелился предать забвению его имя. Он предпочел сотворить безопасный мир».

— Естественно, — продолжал Урцайт, — я сделал вывод и исчез. Я отдавал себе отчет в том, что вложил в руки Федерации оружие невероятной мощи, но она не могла распорядиться им разумно. Это не ее вина. Просто люди Федерации недостаточно ясно представляли себе последствия господства над временем. Драма заключалась в том, что они располагали мощнейшим средством воспрепятствовать любым изменениям. И дал его им я.

Лицо Урцайта помрачнело.

— Впрочем, мои действия не столь уж предосудительны. Не соверши это открытие я, его чуть позже сделал бы кто-нибудь другой. Но я не имел права сидеть сложа руки. Для господства над временем следовало иметь иную цивилизацию, а она могла родиться только из контроля над временем. Порочный круг. Разорвать его можно, лишь путешествуя во времени. Будущее могло помочь прошлому. И я задумал контрнаступление.

Шан д'Арг мысленно улыбнулся. Энергия этого слегка гротескного человечка выглядела нелепой. Но ее не следовало недооценивать. Урцайт был решительным и отважным человеком, истинным бойцом, в тысячи раз более опасным, чем наемники с железными мышцами, против которых Шан д'Арг сражался сотни раз.

— Я начал с того, что создавал общества, ко-

торые в далеком будущем могли нарушить прекраснодушное равновесие Федерации. Но каждый раз, раньше или позже, вмешивались темпоральные коммандос. Они были могущественнее меня и лучше вооружены. Они эффективно охраняли Федерацию. У меня не было ни малейшего шанса на успех.

— Вы хотите сказать, что три или четыре века мы вели борьбу только против вас, не подозревая об этом?

Урцайт утвердительно кивнул.

— Большая часть экспедиций избирала мишенями миры, где давало плоды мое вмешательство. Но были и другие, к которым я не имел никакого отношения. Коммандос все чаще и чаще выступали против своего создателя. Парадокс? Не так ли? Он возможен лишь при путешествиях во времени! Потом мне надоело смотреть, как гибнут миры, на которые я возлагал большие надежды. Я понял, что иду ложным путем. Следовало одновременно создать стабильное общество, способное противостоять коммандос, и заручиться поддержкой самих коммандос.

— Они уже работают для вас?

— Нет. Хронологически вы — первые, с кем я вступил в контакт. Вас первыми послали на Игону. Но могу вас уверить, что будут и другие. В какой-то мере, если рассматривать время в его протяженности, вы, перейдя на нашу сторону, вступаете в будущий легион бойцов.

— Который помогли собрать, — подчеркнул Шан д'Арг.

— Конечно, — подтвердил Урцайт. — Не переоценивайте своего значения. Пойдете вы со мной или против меня, вероятность создания этого легиона едва ли будет поколеблена.

— Какова наиболее вероятная возможность?
Урцайт ответил не сразу.

— Всегда та, в которой темпоральное вмешательство было наименьшим.

Они вошли в хижину. Мебель самых разных эпох, аппаратура, собранная Урцайтом, груды книг. Урцайт рухнул в кожаное кресло. Ливиус уселся на металлический табурет по другую сторону стального стола.

— Тогда, — сказал Урцайт, — я создал Далаам. Я располагал великолепными средствами для изучения, поскольку мог перемещаться вдоль времени и почти одновременно сравнивать эволюцию людей и общества на разных стадиях. И все равно я не мог справиться со всем в одиночку. Огромную поддержку я получил со стороны Института теоретического и прикладного исследования времени.

— Никогда не слыхал о таком, — обронил Ливиус.

— Ничего удивительного. Он будет основан лишь через полторы тысячи лет.

— Через полторы тысячи лет в будущем?

— Разумеется, — ответил Урцайт. — Примерно через девятьсот пятьдесят лет после падения и распада Федерации.

— Вы говорите об этих событиях, словно они уже произошли, — заметил Ливиус.

— Они произойдут, — поправил его Урцайт. — Вернее, существует высокая вероятность того, что они произойдут. И институт, и я, мы предпринимаем все, что в наших силах, чтобы сделать их более вероятными. С вашей помощью эта вероятность повысится.

— Взаимное влияние прошлого и будущего, — с удивлением выдохнул Ливиус. — Я думал, такое

невозможно. И вы решили уничтожить создавшую вас цивилизацию.

— Не пугайтесь. Я же сказал, что необходима другая.

Урцайт протянул руку к шкафчику и открыл его.

— Отведайте вот это, — сказал он, наливая в стаканчик вино, и плотоядно облизал пухлые губы. — Я уже говорил, что принципы не совсем соответствуют истине. В свое собственное прошлое вернуться можно, как можно исправить свою собственную историю.

— Встретить самого себя, убить одного из своих предков, стать своим собственным отцом?

— Да, — подтвердил Урцайт, — по крайней мере до некоторых пределов. Вы можете сколь угодно долго бегать вокруг дерева, но вряд ли догоните самого себя. То же самое происходит во времени.

Ливиус одним глотком осушил стакан.

— Принципы обретают смысл, — продолжал Урцайт, — если рассматривать только одну возможность. Когда речь идет об ограниченной трансформации этой возможности, почти не затрагивающей настоящего, принципы применять можно. Но эти ограничения не являются естественными. Природа намного богаче. Федерация возвела принципы в абсолют, поскольку стремилась сохранить неизменными свое настоящее и свое будущее состояние. Но действительность содержит в себе все, даже парадоксы. Вернее, в реальности парадоксов нет. В том будущем, которое начнется после Федерации, общество будет постоянно колебаться между несколькими возможными состояниями. Люди к этому привыкли. Они даже создали для этого новое слово — плавирование. Они ведут одновременное существование в разных темпоральных планах.

И время воспринимают не как линейную последовательность, а как сложную структуру. В их физике существует специальное понятие метавремени, которое содержит все частные линии времени, как пространство содержит в себе бесконечное количество геодезических линий.

— Ясно, — пробормотал Ливиус. Голова у него кружилась. — В конце концов, спиртное тоже хорошее средство плавировать.

— Черты такого рода можно подметить и в далаамцах, — сказал Нанский, чувствуя в голове не привычную тяжесть.

— В зачаточном состоянии, — согласился Урцайт. — Традиция, к примеру, есть переплетение нескольких возможностей. Далаамские дети подсознательно знают то, что другие познают сознательно в иной возможности. Вам понятно, что это означает? Практически это умножает до бесконечности способности человеческого существа. Личность развивается во множестве возможных миров. Таким образом, каждая грань личности посвящает себя изучению одной области, решению одной проблемы, приобретению определенного опыта. Человек живет одновременно тысячами жизней.

— А деревья? — спросил Нанский.

— Деревья служат посредниками, — ответил Урцайт. — Их корни уходят в землю, в глубины времени. В стволе дерева возможности сталкиваются, накладываются друг на друга.

— Но далаамцы ничего не знают о структуре времени.

— Их время еще не пришло. Традиция должна развиваться медленно. То, что хранит их подсознание, перейдет в сознание через несколько веков. Далаамцы знают достаточно, чтобы решить свои про-

блемы. И снабжают своим опытом своих двойников.

— Понимаю, — сказал Нанский, эхом ему вторили шестеро остальных. Вот почему была однобока культура далаамцев — они были лишь одной гранью обширной действительности.

— Другими словами, вы просите нас сделать выбор между существованием Далаама и Федерации?

Урцайт глянул ему прямо в глаза и тихо произнес:

— Вы меня поняли.

— Достаточно, чтобы мы не вмешивались, — сказал Кносос. — Тогда Далаам победит. Это должно вас удовлетворить.

— Нет, — ответил Урцайт. Он выглядел утомленным. Он нацедил стакан вина и медленно выпил. Черты его лица заострились. Невероятная жизненная сила уходила на поддержание существования в семи различных планах бытия. Его старикивские черты изменились за несколько минут. Он с трудом дышал.

— Нет, — повторил он. — Вспомните. Самая вероятная возможность та, которая подверглась наименьшему темпоральному вмешательству. Существует одна реальность, в которой вы выполнили миссию, и последующих вмешательств не было.

— Тогда существует и та реальность, где на Игону не высадилось ни одной командос.

— В этой реальности, — выдохнул Урцайт, — я не существую. Нет и Далаама. Все тесно связано. Я нуждался в вашей... нуждался в вашей помощи. Надо...

Он перевел дыхание. Трубка выскользнула изо рта и упала на стол.

— ...надо, чтобы вы стерли все следы вашего

пребывания и сделали это как можно быстрее. Вы должны уничтожить командос в момент ее появления на Игоне. Это намного увеличит вероятность благоприятных возможностей.

Он задыхался.

— Вы... вы свободны в своем выборе.

Кносос сделал безжалостный вывод.

— Надо, чтобы мы убили самих себя.

— Совершенно верно,— подтвердил Урцайт.—

Но вы останетесь самими собой, вы будете существовать. Поверьте мне.

Он побледнел, лицо его вдруг потемнело и отекло.

Кносос встал и подошел к нему.

— Вы больны. Вам лучше лечь.

— Нет,— перебил его Урцайт.— Я стар. Это разные вещи. У меня осталось совсем мало времени.

Кносос — Шан д'Арг — Нанский склонился над ним. Йоргенсен — Марио расстегнул его ворот. Эрин — Ливиус нашел его пульс. Их лица смешивались, сливались в одно.

— В шкафу,— сказал Урцайт.

Теперь он видел лучше и с усилием приподнялся. Он пытался прикинуть, сколько времени у него осталось. Несколько минут, не больше. Их было трудно убедить, но сейчас он был почти уверен, что ему удалось это сделать.

— У вас очень слабый пульс, — сказал Эрин. — Сердце...

— Знаю. Я...

— Можно сделать инъекцию. Скажите, где находятся...

— Бесполезно. Я сказал вам всю правду. Я проживу еще двадцать лет, но не в этой возможности. Здесь я дошел до предела. Я протянул дальше

возможного. Здесь было самое удобное место для встречи с вами. Здесь я протянул дольше своего времени.

Урцайт скорее хрюпел, чем говорил.

— Здесь я не совсем живой человек. Но вы не останетесь в одиночестве. К тому же я последую за вами.

Эрин поднес к губам стакан с вином.

— Вы должны решать сами. Вы свободны в своем выборе.

Урцайт уронил голову на грудь.

— Разве Далаам — ваш идеал общества? — быстро заговорил Эрин. — Вы желаете видеть его на каждой планете Галактики?

— И да, и нет, — прошептал старик. — Далаам не идеальный город. Далаам — модель. Опыт.

Эрин прочел в глазах Урцайта тоскливо выражение.

— Далаам — уменьшенная модель будущего общества... после Федерации... когда передатчики материи свяжут планеты, как тропинки Далаама связывают... и когда люди обретут свободу... расстояний не будет... и вся Галактика... вся Вселенная... единым городом... они должны научиться жить свободными в городе, где вместо уличных фонарей будут светить звезды.

Глаза Урцайта закатились. Руки Эрина задрожали, когда из-под век старика показались белки глаз. Но Урцайт не прекращал борьбы со смертью.

— Очень важно, чтобы Далаам победил. Я больше ничего не могу. Я выжат как лимон. Безумно трудно быть единственным в семи лицах... в столь маловероятных возможностях. Вы должны...

Урцайт захрипел.

— Далаамцы — мои дети. Понимаете? Я их люблю... В шкафу вы найдете... Мои дети. Мне

требовалось узнать генетические способности и использовать постоянный запас хромосом. Хромосомы туземцев не совсем удовлетворяли меня... я ввел свои... И смог избежать темпоральной интерференции.

Голова его покачнулась.

— Украд не менее трех минут у времени. Значит, вероятность растет. Я выиграл.

Он рухнул грудью на стол. Арчимбольдо Урцайт умер на безымянной планете, купающейся в лучах голубого солнца.

«Не иллюзия ли это?» — подумал Йоргенсен. Ему показалось, что в момент смерти Урцайта поблекли цветы и пейзаж вокруг потерял реальность, задрожав и став прозрачным.

Время подгоняло его. Он бросился к шкафчику.

Там висело полное боевое снаряжение. Новенький темпоральный комбинезон с полным набором аппаратуры, как и перед стартом с Альтаира. «Откуда все это? — удивился Йоргенсен. — Из далекого будущего?».

Он быстро облачился в комбинезон. Надел шлем. Приладил пояс. Его пальцы привычно скользнули по оружию, ордзи-излучателю, симбиотическому комплексу, датчикам и наткнулись на незнакомый приборчик. Он с удивлением глянул на него. Крохотный темпоральный маяк. Он позволял путешествовать во времени и пространстве.

Маяк был отрегулирован на определенные мир и дату. Он прочел. Игона, нулевой год и цифровые координаты.

Он бросил взгляд на тело Урцайта и подумал, что смерть старика не была ужасной случайностью. Она была предусмотрена. Урцайт сказал, что продолжает жить в других возможностях. Здесь он

избрал уход от членов коммандос. Даже решившись выступить против Далаама, они не могли бы схватить его и использовать в качестве заложника. Он рассчитал все. Даже провал.

Йоргенсен хотел было похоронить его, но у него не хватало времени. Этот мир мог исчезнуть в любую секунду. Тело останется здесь, на этом самом месте, и пролежит шесть тысяч лет до появления пустыни, ожидая его, Йоргенсена.

Эту планету следует назвать Арчимбольдо Урцайт. Иначе быть не могло.

Все семеро одним движением нажали крохотную кнопку и провалились в Абсолютное Внебременье.

Игона. Нулевой год. Лес грибов. Они стояли лицом друг к другу. Некоторое время они молчали. Они все знали. Знали, что им предстоит сделать. И не колебались.

На сердце у всех было тоскливо. Они стояли у края пропасти, как на лезвии бритвы. Надо было выбирать.

Они вспомнили о теле Урцайта. Если они выберут Далаам, то сделают более реальными те вероятностные миры, в которых он жил. И быть может, продлят его жизнь в созданном им совершенном мире, где он встретится с ними.

В противном случае... Им не было нужды говорить. В противном случае на соседней поляне появятся коммандос с Алтыаира, чтобы провести коррекцию истории Далаама. А они исчезнут. Они испарятся перед лицом своих более реальных двойников. И галактический город, моделью которого был Далаам, никогда не возникнет. Далаамцы будут стерты с карты Вселенной.

У них была секунда на размышление. Со стра-

хом в сердце они скользнули к пустой поляне, стиснув зубы и положив руки на рукоятки оружия. Одним движением они включили нейтрализующие поля, которые лишат защиты иновремян. Они лишили защиты и себя, но верили, что выйдут победителями.

Они будут быстрее.

Поляну окутала вспышка. Семь человек и маяк. Семь силуэтов в белом, увешанные снаряжением. Они узнали самих себя.

И выстрелили. Йоргенсен в Йоргенсена, Марио в Марио, Ливиус в Ливиуса... — каждый в своего двойника. Они знали, что в предыдущей возможности уже боролись сами с собой...

Семь силуэтов на поляне вокруг темпорального маяка заколыхались, словно пламя свечи. Йоргенсен прочел в собственных глазах безмерное удивление. В глазах умирающего Ливиуса живой Ливиус уловил ту ненависть, которая уже угасла в нем самом. Марио по глазам исчезающего Марио понял, что одиночество кончилось. Шан д'Арг в знакомых чертах увидел, что пришел конец бессмысленным битвам. Каждый в лице своего погибающего двойника расстался со всеми своими наваждениями. Каждый обрел свободу духа.

Все было кончено. Люди Альтайра и темпоральный маяк провалились в Абсолютное Вневременье. Солнце Игоны засияло ярче.

Йоргенсен спрятал оружие и утер пот со лба.

— Мы убили старика, — хрипло сказал он, обращаясь к Марио, — старика в нас самих. И мы... изменились.

Марио кивнул и спросил:

— Думали ли вы, что другие могут повлиять на наше будущее, как собираемся поступить мы по отношению к Игоне?

Йоргенсен не торопился с ответом.

— Мне понятна твоя мысль. Урцайт сделал все, чтобы мы были свободны в своих решениях.

Он пошел прочь. Остальные двинулись следом за ним. Ему хотелось вернуться в Далаам, увидеть Анему, послушать Даалкина, узнать у деревьев, какие знания накопили другие грани его личности в других возможностях. Он знал свою судьбу — они стали первыми. Они будут путешествовать во времени и бороться с командос Федерации. Они будут искать союзников среди людей Альтаира. Быть может, они встретятся с Урцайтом. И может, узнают что-то новое.

Но всего знать им не суждено. Этому их научил Урцайт. И это, наверное, самое главное. Деятельность исчерпать невозможно. Свобода состоит в выборе между несколькими неизвестными возможностями.

В будущем это называлось плавировать.

Далаам почти не изменился. Город показался Йоргенсену более реальным, более близким. Быть может, ему это только казалось. Или виной тому была радость встречи с Анемой? Или Далаам существовал в более вероятной реальности?

«С поиском ответа можно и подождать», — решил Йоргенсен. Он вместе с Анемой бродил по тропинкам Далаама меж громадных деревьев и вдруг оказался на знакомой площади.

Было это когда-то или только вчера?

Перед ним раскинулась круглая площадь с фонтаном и статуей.

Свежая вода стекала по ее лицу. Черты лица напоминали Йоргенсену кого-то. Вода струилась, как струится время, оставляя на людях свой отпечаток. Ничто не может ни остановить, ни замед-

лить поток. Его можно отклонить, но он вернется в свое русло, разрушив преграду.

Йоргенсен подошел ближе и взгляделся в черты каменного лица — его поразило сходство, умело скрытое рукой художника.

Он перевел дыхание.

Это было лицо Арчимбольдо Урцайта.

Йоргенсен молча вернулся к Анеме.

Иона

Gérard Klein

JONAS

Перевод выполнен по изданию
G. Klein "La loi du talion"
(Robert Laffont, Paris, 1976).

Рассказ впервые опубликован в сборнике
G. Klein "Un chant de pierre"
(Eric Losfeld, Paris, 1968).

Он был рожден героем, но душа его была полна горечи. Живи он на двести пятьдесят лет раньше, он бы гасил горящие нефтяные фонтаны, укрощал диких лошадей, пилотировал нелепые конструкции из ткани и деревяшек, осваивая дооблачные выси. Но он появился на свет и вырос в космосе, где нет силы тяжести, а потому его рост достигал двух с половиной метров и весил он не более пятидесяти килограммов. Кости его были хрупки, как стекло, а пальцы — нежны, как стебельки цветов. Попади он на Землю, ему даже не удалось бы отогнать от лица назойливую муху. Своим видом он напоминал длинноногого комара и, как комар избегает ветра, избегал тех мест, где действуют страшные силы гравитации. Вот почему он замкнулся в горьком одиночестве. Его не спасало даже всеобщее уважение. Звали этого человека Ришáр Мекá. Сейчас шло совещание, и он предчувствовал, что ему снова придется, соперничая с Геркулесом, укрощать чудовище.

Он парил чуть в стороне от длинного стола в сферическом конференц-зале. Не спасали даже асбестальные стены — каждым своим нервом он ощущал окружающее пространство и чудовищную губчатую массу взбесившегося биоскона. Он не слышал слов, которые произносили три беспомощных человечка, прижатые ремнями к креслам и жадно втягивающие дым сигар, словно им не хватало воздуха. Его мысли были заняты биосконом и шансами на успех операции.

Три лягушки. Три планетянина. Он притворялся, что прислушивается к их словам. Но они уже который час твердили одно и то же. Черты лица у них заострились от напряжения и усталости, а утомленный Мека забыл их имена. Сердца этих людей леденил ужас. Один из них то и дело возвращался к мысли о трех планетах и двух миллиардах их жителей, за судьбу которых отвечал. Наверное, впервые в жизни он не мог укрыться за безликой статистикой цифр, ведь биоскон угрожал каждому из этих двух миллиардов. Перед его мысленным взором неизменно вставали одни и те же картины — планеты, лица людей, снова планеты, похожие на прыгающие на волнах пробковые буи, опять лица людей, сливающиеся в одно огромное лицо, которое сгорало в мгновение ока, не успев послать проклятия биоскону. Второй считал и пересчитывал мертвых — их было уже двадцать пять тысяч на одной чаше весов, а на другую он клал удлиненную, почти грациозную, если забыть о размерах, громаду губчатой плоти и гору денег — ведь биоскон стоил баснословно дорого. Третий был творцом биоскона, вернее, тот вышел из чрева его лаборатории. На этот раз что-то не сработало. Человек искренне переживал неудачу и хотел предотвратить грядущую катастрофу. Следовало выяснить, что отказалось в тонкой и невероятно сложной механике биоскона.

Перед Мека стояла иная проблема. Биоскон интересовал Мека не потому, что он кого-то уже уничтожил и мог уничтожить еще, не потому, что его волновала причина отказа системы. Главное для Ришара Мека было понять биоскон.

— Боюсь, вы не справитесь, — процедил представитель трех планет. — Лучше его прикончить.

Ришар вздрогнул и медленно, словно рассекал теплую воду, отвел руку.

— Думайте потише. Он может услышать.

Его дело было предупредить, хотя Мека знал, что помещение надежно изолировано и даже обрывок мысли не может просочиться сквозь асбесталь — удивительное вещество, защищающее от огня и видений, вещество, которое отражало неощущимый телепатический поток, плотиной вставало на пути яростных мыслей и лукавых вихрей подсознания. Биоскон, несмотря на тончайший телепатический слух, не мог ничего услышать.

— Мы зашли в тупик, — произнес ученый. — Не знаю, как выбраться из него без вашей помощи.

Мека кивнул. У него была удлиненная голова с плоским лицом, на котором светились два неправдоподобно громадных глаза.

— Вы правы. Он находится слишком близко. Вам не удастся его уничтожить, не нарушив равновесия всей системы. И у вас нет времени на эвакуацию двух миллиардов человеческих существ.

Транспортник вспомнил о двадцати пяти тысячах погибших и выплюнул огрызок сигары.

— Нам надо выяснить, что с ним произошло. Иначе придется прикрыть лавочку. Мы не вправе терять груз и сложа руки ждать, когда это повторится.

— Один голос за уничтожение. Два — за сохранение, — подвел итог Мека. — Вы отдаете его мне.

Представитель трех планет вздрогнул и заерзал в кресле, хотя был крепко-накрепко пристегнут к нему ремнями.

— Минуточку, — воскликнул он. — Единогласия нет. Просто большинства мало.

Он отвернулся, чтобы не встретиться с испытующим взглядом чуть выпуклых глаз Мека.

— Если бы вам удалось увести его подальше от системы...

— У меня нет полной уверенности, — сказал Мека. — Но я готов рискнуть.

Он закрыл глаза. «Я готов встретиться с биосконом, дать ему проглотить себя, чтобы проникнуть в его сумрачное чрево. Я готов затеряться в лабиринте его безграничной глупости, в этой чудовищной и необъятной массе, пытаясь на ощупь отыскать лопнувшие нити. Я готов вступить в бой с драконом и увести его от стен города. Мне страшно, но я попытаюсь укротить биоскон».

— Можно ли надеяться на успех там, где потерпел крах вожак?

— Никто не знает, что произошло, — возразил ученый. — Мне кажется, вины вожака здесь нет. Мы подобрали лучшую команду транспортников с большим опытом межзвездных перелетов. Почувствуй они неладное, непременно связались бы с нами. Нет, бунт явился полной неожиданностью. У них не было никакой возможности вернуть себе управление.

— Уж не хотите ли вы сказать, что биоскон действовал по собственной воле?

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил ученый, — но очень хотел бы знать. Вот почему я настаиваю на том, чтобы Мека совершил попытку. Если он не возражает, конечно. Сам я в пасть к этому чудовищу не сунусь и против воли никого не пошлю. Но, если Мека согласится, я готов уплатить треть вознаграждения вне зависимости от общей суммы и шанса на возврат биоскона в строй.

Транспортник одобрительно кивнул.

— Я готов поступить так же. Мека с его особым талантом уже обработал для нас двадцать три снарка. Он добивался успеха там, где были беспомощны команды из пяти-шести отменно подготовленных людей. Однако сейчас мы столкнулись с

особым случаем. Обычно остаточное излучение на расстоянии ощущается очень слабо, а то и вовсе отсутствует. А тут оно настолько мощно, что мы могли бы воспринимать его, не имей эта комната абсолютной защиты. Это значит, что биосконом управляет нечто иное, а не вожак, и это нечто ведет себя непредсказуемо. Именно с ним придется вступить в борьбу Мека, если он согласится пойти на риск.

Представитель трех планет пожал плечами и поднял глаза на Ришара. Он едва владел собой.

— Эта парочка рассуждает так, словно им безразлична жизнь двух миллиардов человеческих существ. Ответьте мне откровенно. У вас были неудачи?

— Случались.

— Опасность была велика?

— Как видите, я жив.

— Знать бы, сколько времени он будет сохранять спокойствие.

— Этого знать никому не дано, — ответил Мека. — Он и сам этого не знает. Как не знаете и вы, какое решение примете.

В его голосе не было ни ноты горечи или усталости, хотя ночь была долгой и трудной, а к соглашению они так и не пришли. Голос звучал даже равнодушно, словно все это мало касалось его.

Согласно официальной терминологии, снарком был биоскон, вышедший из-под контроля вожака. Название было почерпнуто из небезызвестного произведения Льюиса Кэрролла, о чем мало кто подозревал. Теперь снарк стал синонимом чудовищной, разрушительной и неконтролируемой силы. Слово обрело новый конкретный и страшный смысл — иной, чем в любом поэтическом произведении, как,

впрочем, и термин «вожак», под которым подразумевалась команда биоскона. В нее входило не менее семи и не более одиннадцати человек. Число их выбиралось по принципу абсолютного единства группы. Когда людей было больше, возникали симпатии и антипатии, что приводило к распаду группы, призванной жить, мыслить и действовать как единое целое. Будь их меньше, в группе возникли бы «течения», характерные для человеческих взаимоотношений. Предпочтительно было иметь нечетное число членов, но абсолютного правила из этого не делали. В обычной ситуации вожак воплощал волю и разум биоскона.

— А если он вас отринет? — спросил тот, на чьих плечах лежало бремя ответственности за два миллиарда жизней. — Вдруг он взбунтуется, когда вы проникнете внутрь, и ваше присутствие спровоцирует кризис?

— Я иду на риск, — ответил Мека, разглядывая свои узкие ладони с пальцами (всякому они показались бы чрезмерно длинными), которые росли как бы из запястья. — Я первым испытаю все на себе.

Вопрос прозвучал уже в четвертый раз, его собеседники явно стремились выжать из него слова, которые вселили бы в них хоть какую-то надежду на успех. Они хотели принять обоснованное, как они говорили, решение. Но он повторял одно и то же. И над ними по-прежнему висела необходимость принять решение с завязанными глазами. В каждом слове они искали скрытый смысл, надеясь выявить обстановку и избежать необходимости выбора. Но все их усилия оказывались тщетными, и разговор скатывался к оплате услуг Мека.

Он запросил чудовищную сумму. Про Мека говорили, что он невероятно жаден. Но те, кто твер-

дил об этом, забывали, чего стоит в космосе кубический метр воздуха, клочок газона, три цветка или аквариум с золотыми рыбками — ведь на Земле цена этому сущие пустяки.

Старая как мир проблема. Когда он отрывисто называл сумму, голос его звучал сухо — Мека не любил затрагивать эту тему.

— А в случае неудачи?

— Выплатить гонорар моим наследникам.

— Но у вас нет детей.

— Вы считаете, что наследников только рожают? Я выберу их сам. Немногие могут похвастать такой возможностью.

Все снова замолчали.

— Тщательно взвесьте свои возможности и честно назовите вероятность успеха.

— Один шанс на миллион, что он вернется на стезю логики. Один шанс из ста, что удастся отвести его за пределы системы. Но, прежде чем дать согласие, я должен снова прислушаться к нему.

— Отправляйтесь, но, бога ради, возвращайтесь поскорей.

Он снова вышел в открытый космос. Здесь его рост не был ему помехой, а узким ладоням с длинными пальцами он нашел превосходное применение. Он вытягивал их, словно антенны, в направлении звезд и производил нужные замеры. Космос был его стихией, здесь он забывал о своем росте — в бесконечном пространстве нет ни размеров, ни веса. Звезды походят на диковинные плоды ночного дерева, а туманности гроздьями плавают по ту сторону бездонной пропасти.

Он покинул укрытие из асбестали и постарался подавить в себе все мысли, которые могли бы пробудить дремлющую психику снарка. На мгновение

космос предстал перед ним пустотой, населенной пляшущими огоньками, затем вступила в свои права ночь, его подхватил безмолвный и яростный внутренний вихрь, тропическая буря, он машинально закрыл глаза и попытался отключиться. Физическое успокоение пришло сразу, но разум не покидали неуверенность и сомнения.

Ришар не мог разглядеть снарка за восемьдесят миллионов километров, но он ощутил первую резкую волну, исходившую от него. Отогнав все собственные мысли, Мека стал по капле впускать в себя непереносимую ненависть и мстительность биоскона, в этих ненависти и мстительности можно было утонуть и раствориться навсегда. Он раздробил и затормозил поток энергии, грозящий обернуться потопом.

Черная буря с кровавыми сплохами. Рушащийся на голову горный кряж. И безудержный напор.

Такое излучение исходило от снарка. Укротить его было не легче, чем заткнуть кратер огнедышащего вулкана винной пробкой или погасить звездное пламя бутылкой содовой. Но мало-помалу Мека начал разбираться в бешеных водоворотах, нашупывая источник хаоса. Мека полагал, что кризисы у биосконов возникают из-за ошибок вожака; чаще всего они отражали напряжение, возникавшее между членами команды, а иногда и внутренний разлад одного из них — невроз усиливался биосконом рефлекторно и завершался срывом. Биосконом с его колossalной энергией управлял только вожак. Биоскон не мог отделить в нем сознательное от подсознательного, распознать правильное, нужное и отбросить второстепенное, наносное. Мека любил сравнивать вожака с наездником на лошади, когда он, слившись в одно целое с животным, передает ему свой подспудный страх. Он не подозре-

вает о нем, но лошадь воспринимает состояние человека, хотя язык чувств лишен символов.

Кризис у биоскона и сейчас был вызван ошибкой вожака. Но в данном случае явление имело свои особенности. Прежде, когда снарк убивал вожака, его излучение слабело и быстро сходило на нет. Он сохранял лишь смутные воспоминания о клубке впечатлений, эмоций, суждений вожака, подобные следу на песке или мокрой глине, который стирают ветер и вода. Восстановив связь с таким биосконом и стерев его чувство вины за смерть вожака, а иногда и пассажиров, можно было вернуть его в строй. Это было непросто и рискованно, но возможно, ибо источником расстройства системы был человек.

Сейчас все происходило иначе. Колossalная энергия излучения предполагала, что безграничные, по человеческим меркам, ресурсы биоскона находятся под чьим-то контролем. Машина, словно разом, научилась управлять сама собой, восприняла и усвоила логику поведения, смысл работы и природу сомнений вожака. В это было трудно поверить.

Хотя, строго говоря, биоскон не был машиной. «А если допустить, — подумал Мека, — что он обладает какой-то формой сознания, пусть даже зачаточной? Или утратил разум вожак, разбившись на сообщество индивидуумов, потерявших единство?». Безумие ведет к одиночеству. Какой бы глубокой ни была интеграция команды, ей не устоять против безумия — точно так буря исподволь перетирает веревки, связывающие плот, и бревна расплываются в разные стороны.

А может быть, биосконом завладел иной, пришлый разум и пытается раскрыть его тайны? Это было бы ужасно. Мека поглядел на звезды, и ему показалось, что он падает в бездны вселенной,

сгребая по пути своими длинными-длинными пальцами окрестные светила. Нет, маловероятный пришелец не мог свалиться ниоткуда, этот сектор пространства был слишком хорошо изучен и слишком хорошо охранялся, чтобы кто-либо мог приблизиться незамеченным. «А кроме того, мы нигде и никогда, — почти с отчаянием подумал Мека, — не встретили разум, равный нашему или сходный с ним. Биоскон — продолжение человека. Несмотря на форму и размеры, все в нем от него. Чуждый разум не мог бы им овладеть».

Конечно, ничтожная вероятность существовала. И тогда на столь странном поле битвы, как чрево снарка, его, если он рискнет взяться за дело, ждет встреча с двойником человека, маловероятным двойником из другой вечности.

Он отогнал посторонние мысли и сразу ощутил исходящие от снарка волны ужаса и жажды все-разрушения, слившиеся в одну хаотическую симфонию насилия. Быть может, Мека было легче, чем другим, не терять самообладания, ведь для него не существовало понятий верха и низа, левого и правого. Только он мог решиться на исследование всего калейдоскопа впечатлений, позволить себе распасться на крошечные точки света, пляшущие на темных волнах. Даже самый опытный из команды вожака не справился бы с тем, что хотели поручить ему, — безопасней было заглянуть незащищенным глазом в сердце звезды.

Мека отбросил мысль о пришельце. Во все века на инопланетян валили все неведомое и опасное, хотя и то и другое имело земное происхождение. Самая достоверная гипотеза лежала в пределах немыслимого. Снарк осознал себя как личность и, естественно, счел врагом вожака, который безуспешно пытался подчинить его своей воле, а двад-

цать пять тысяч спящих пассажиров, которые черпали энергию из его запасов, были восприняты снарком как паразиты. По логике вещей он был обязан их уничтожить.

Противником Мека будет сам снарк.

Чудовище исходило бешеною слюной, словно скованный цепями волк, но в этом волке было весу около пятисот миллионов тонн. И его лесом был звездный простор.

«Почему идти на него должен именно я?» — спросил себя Мека. Прикрыв глаза и отключившись от волчьего воя, он плыл в пустоте, стараясь направить свой разум только на одно.

Портреты. Тысячи, если не миллионы, лиц проходили перед глазами Ришара Мека. Картины. Старинные пожелтевшие фотографии, современные цветные трехмерные изображения. Глаза, носы, рты, волосы. Лица. Всех и каждого. Чьи-то лица. Огромная толпа самых разных лиц с одним общим взглядом, с одной общей улыбкой.

«Я, Ришар Мека, коллекционирую портреты. Мне невыносим вид толпы, но в моих архивах спит целый народ, и каждое лицо занесено в каталог. Мне трудно разговаривать с живыми людьми, но я жадно ловлю их взгляды, всматриваясь в экран.

Целая свора агентов на всех мирах добывает мне портреты людей. Самые разные портреты. С удостоверений личности, с паспортов, из газет, у фотографов, в музеях, в архивах. На некоторых планетах они платят бешеные деньги тем, кто соглашается позировать для объемной фотографии.

Мне не нужны имена этих людей. Лица сменяют одно другое, накладываются друг на друга, сливаются в одно. Кто они? Не важно. Когда-то мне снились толпы. Пятнадцать человек в космосе уже тол-

па. Далекие от меня толпы, лица, выхваченные снимком в кафе, на улице, в транспорте. Немые лица. Я не выношу толп. У меня к ним идиосинкразия. Но мне нужны лица людей, составляющих толпу.

Они нужны мне здесь, среди полного безмолвия.

Есть у меня и записи голосов. Их чуть меньше, чем лиц. Спокойные, резкие, блеющие, хриплые, пронзительные, уверенные, детские, невыразительные, хорошо поставленные, низкие, молодые, старческие, часто укрытые завесой неизвестных языков.

Голоса и лица. Я смотрю или слушаю, иногда и смотрю и слушаю одновременно. Я устанавливаю связь между ними. Я считаю скрытые мысли по губам. Застыв в неподвижности, лавирую среди континентов запечатленной плоти, а на востоке сияют созвездия глаз.

Я дарю жизнь этим лицам. Я дарю им историю. И если из неимоверных далей явится неизвестная нам раса, моя фототека познакомит ее почти со всем человечеством».

Среди этого скопища лиц он выбирал себе наследников и иногда менял их. Его агентам часто приходилось месяцами устанавливать имя того или иного человека. Наследники не знали об этом. Когда он умрет, люди, которые, может, никогда и не слыхали о нем, получат в наследство сказочные суммы. Чтобы иметь наследников, не обязательно обзаводиться детьми. Он сам не знал, чем вызвано такое решение. Девушка или молодая женщина со светлыми волосами — легкие тени под глазами, блеск мелких чуть неровных зубов за приоткрытыми губами; мужчина без возраста — черты лица выдают азиатское происхождение; красавица с орлиным профилем и презрительно поджатым ртом; круглолицый смеющийся парень; девушка с резкими,

почти суровыми чертами лица в ореоле седых волос, похожих на шлем...

Одни наследники умирали, а он не знал об этом — его мало интересовали их имена в жизни. Зато другие в полном неведении достигнут будущего, двери в которое однажды закроются перед ним.

Он открыл глаза и посмотрел в направлении снарка. И, хотя ничто, кроме пространства, не разделяло их, он не увидел ничего, даже слабого голубоватого сияния, которое, словно пена, окружает биоскон в движении. Расстояние скрадывало громаду снарка, но не защищало от его гнева. Мека рискнул полностью раскрыться, пытаясь уловить остаточное воздействие вожака, отчаянно и безуспешно надеясь, что и на этот раз ошибку допустили люди, хотя этому противоречило невероятно мощное телепатическое излучение. Прежде на таком расстоянии он ощущал лишь одиночество и безмолвие и подбирался вплотную к левиафану, чтобы поймать едва уловимое воспоминание, затерянное среди команд и программ биоскона. Оно было подобно нежному шепоту в гуле энергетической установки.

Но сейчас он не мог уловить ничего, что способно было обнаружить ошибку вожака. Он обратил на это внимание сразу, но хотел удостовериться в правильности своего ощущения. Вожак ничем не мог помочь. Биоскон раздавил и усвоил его одновременно с двадцатью пятью тысячами пассажиров. Их плоть стала отныне его плотью. И стремления, и конфликты вожака, если они и были, растаяли на всегда. А снарк остался. Более того, он буйствовал в пространстве, пытаясь разорвать невидимые цепи, которые все еще удерживали его и которые, как

считал Мека, возникли в момент, когда проявилась индивидуальность снарка.

«Что ему нужно? — спрашивал себя Мека, думая о снарке, хотя подобная мысль была почти столь же нелепой, как и предположение, что у двигателя могут быть свои желания. Хотя не совсем. — Он хочет того же, что и вожак. Но нет. Снарк не личность. Он не должен быть личностью. Пятьсот миллионов тонн организованной материи не равнозначны единому целому. Он ревет, воет, дергается, пытаясь порвать свою условную цепь и умчаться к далеким созвездиям. Он сминает вокруг себя пространство, словно беспокойно спящий престыню, но я отказываюсь видеть в нем личность. Он должен умереть, вернее, утратить все жизненные функции в тот самый момент, когда его покидает или погибает вожак, а в нем... не пустота, а неуравновешенность. Он стал почти личностью, а потому сделался столь же опасным, как и готовящаяся стать сверхновой звезда».

Мека ощутил неясную надежду обрести покой в неизмеримых далях. Из смутного ощущения родился искаженный образ снарка. Снарк мечтал о себе подобных, населяющих космические бездны, срывающих планеты с их орбит, утоляющих жажду светом звезд.

— Итак, каково ваше решение, Мека?

Худосочный гигант открыл глаза. Под защитой асбостали он снова может холодно мыслить, логически взвесить шансы на успех.

— Я могу попробовать. Но у меня всего один шанс на миллион.

Он увидел их замкнутые лица.

— Я попытаюсь, — резко произнес он.

Все трое обеспокоенно глядели на него.

— Нет, Мека. Мы подумали и все же решили его уничтожить. Возьмем на себя риск, хотя знаем, чем это грозит обитаемым мирам. Думаю, спримемся. Мы вызвали специалистов с Земли, они считают...

— Это совсем не то, что вы предполагаете, — Мека резко оборвал говорящего. Пальцы Ришара конвульсивно сжимались и разжимались, словно жили своей собственной жизнью. — Вожак не допустил ни единой ошибки, я уже говорил вам об этом. Он живет... Он живет. Его одолевают безумные мечты о свободе. Из вашей затеи ничего не получится.

— Послушайте, Мека, — вступил в разговор создатель биосконов, — я восхищен вашим талантом и преклоняюсь перед вашим мужеством. Но боюсь, что у вас чересчур разыгралось воображение. Если вы правы, этот снарк представляет не меньшую, а большую опасность. Вы даете нам решающий довод в пользу его уничтожения, или, если хотите, убийства. Мы не можем позволить монстру весом в пятьсот миллионов тонн крошить цивилизованное пространство. Даже сейчас, черпая энергию из звезды, он серьезно нарушает стабильность системы. Быть может, мы идем на большой риск, желая уничтожить его, но мы твердо решили сделать это.

Мека взмахнул руками.

— Если бы удалось завязать диалог с ним и склонить его к сотрудничеству... Я вам говорил, что он стал живым существом. Разве не ясно, что это невероятное событие. Мы создали новый вид животного.

— Вы уверены в своих словах? Я знаю в биосконе каждую молекулу. Хотя биосконы и состоят из живой материи, они все же остаются машинами. Гигантскими машинами, и ничем больше. Вам ни-

когда не случалось наблюдать потерявший управление грузовик, который без тормозов летит под гору по извилистой дороге. Он ревет, бьется о парапет, отлетает в сторону, грохот, визг металла. Глядя со стороны, его можно счесть живым, он все сметает на своем пути. Снарк еще страшнее. Пятьсот миллионов тонн молекулярных шестеренок.

— Я слушал его. Мне еще никогда не доводилось слышать что-либо подобное.

— Ну и что? Допустим, вы правы, но вам не приходилось сталкиваться с разъяренным быком. Как вы думаете, можно ли быка убедить сменить гнев на милость? Вам не кажется, что единственным средством против него будет насилие?

— Не знаю. Я никогда не имел дела с быками. Но я справился с двумя десятками биосконов.

Мека глубоко вздохнул и мотнул головой. Присутствующим показалось, что она вот-вот сорвется с плеч и полетит к ним, словно ядро. Непомерно длинная шея Мека отличалась необычайной гибкостью, а потому казалось, что при движении ею внутри головы переливается жидкость.

— Хочу предложить вам следующее, — сказал Мека. — Я постараюсь укротить этого снарка. Бесплатно. Я отказываюсь от вознаграждения в случае успеха, но при одном непременном условии. Отдайте этого снарка мне, чтобы я мог распорядиться его судьбой.

По их лицам было видно, что они колеблются.

— Больше того. Все мое имущество пойдет на покрытие возможных убытков, если я потерплю неудачу и погибну. Мое состояние, за исключением нескольких уже завещанных сумм, не превышающих десятой доли того, чем я владею, перейдет к ведомствам, которые вы представляете.

— Мне кажется, вы действуете неразумно, Ри-

шар, — начал ответственный за два миллиарда жизней. — Я понимаю ваши чувства, но...

— И конечно, — продолжал Мека, — я назна-
чаю вас своими душеприказчиками, и в случае моей
смерти к вам лично перейдет существенная часть
моего состояния.

— Мы не продаемся, — сухо сказал транспорт-
ник.

— Я хотел лишь показать вам, насколько я уве-
рен в успехе.

— Ваша уверенность поконится на предположе-
нии.

— А ваш проект больше смахивает на безрас-
судное pari. Девяносто пять процентов из ста за
то, что он раскусит ваши намерения, и тогда разра-
зится кризис.

— Готов держать это pari, — заявил транспорт-
ник.

Он не отвел глаз, встретившись взглядом с Мека.
Уроженец космоса понял, что проиграл. Его охвати-
ли разочарование и печаль. И дело было не в том,
что существовала абстрактная статистическая циф-
ра в два миллиарда людей. В его душе появилось
новое, совсем неожиданное чувство сострадания к
этому снарку. «Брат, — подумал он, — нам обоим
нет места в этом слишком обширном пространстве».

Мека на секунду закрыл глаза, а открыв их, увидел, что всплыл к потолку и повис над присут-
ствовавшими. Они уже отстегнули ремни и пыта-
лись добраться до двери. Он понял, что всплыл
из-за их неловких движений, которые взбаламутили
воздух в помещении. Он подплыл к ним, сделав не-
сколько взмахов руками.

— Мне жаль, — проговорил ответственный за
безопасность системы. — Мы вам полностью дове-
ляем, но это особый случай...

— Действительно особый, — согласился Мека.
Остальные вышли.

— Почему вы попросили, чтобы вам в случае успеха отдали снарка? Мы приняли решение и вряд ли изменили бы его, но ваша просьба только усугубила нашу решимость. Вы же знаете, что ваше требование неприемлемо и беззаконно. Никто не имеет права владеть биосконом, а тем более снарком. Биосконы являются собственностью человечества. Их приравнивают к небесным телам первого, второго и третьего классов. Никто не имеет права единолично владеть ими.

— Я что-нибудь значу для вас? — спросил Мека.

— Вы слишком дороги нам, чтобы мы могли позволить вам напрасно рисковать жизнью. Слышая вас, я не могу отделаться от мысли, что вы говорите о взбесившемся вдруг домашнем животном.

Дверь захлопнулась.

«Домашнее животное, — подумал Ришар Мека. — Домашнее? В каком-то смысле, да. Я погрузился в водоворот ощущений этого существа и знаю его лучше кого-либо, лучше любого животного или человека. Я заглянул ему в душу. И, как прорицатель, пытаюсь предсказать будущее по дымящимся внутренностям жертвы».

Бык. Бык весом в полмиллиарда тонн, ревущий и злобно фыркающий, прежде чем броситься на дразнящую точку, которая сверкает перед ним. Он пока колеблется, бережет силы, кружит по бесконечной арене, принюхиваясь к отвратительному для него запаху мыслей человека, вторгшегося на его территорию, которая превратилась в поле боя.

Люди готовили огненные стрелы, несущие ему смерть. Но опасность таилась в том, что бык в последних судорогах мог сокрушить стену вокруг аре-

ны, обрушить трибуны вместе со зрителями. А могло случиться и так, что его кровь могучей струей брызнет в солнце, и оно взорвется.

«Как бы там ни было, — печально думал Ришар Мека, — быка не приручить». Как нельзя приручить изображения лиц — их не заботят ни окружающие, ни собственная судьба. Иногда он обрекал лица и голоса на забвение. Но ни разу не видел, чтобы из-за этого поджались губы или нахмурились брови, ни разу не слышал, чтобы изменился записанный для него голос.

«Бык — это образ, — твердил себе Ришар Мека. — Снарк вовсе не бык. К тому же я ни разу не видел быка. Снарк — это обезумевший биоскон».

Биоскон — БИОлогическая Система КОсмической Навигации. Чрезвычайно тонкий молекулярный механизм, родившийся в гигантской пробирке, вершина достижений бионики. До эры биосконов люди пересекали межзвездные бездны на машинах из металла, и каждый полет превращался в подвиг, даже если они всего-навсего оставались в живых. Их судьба зависела от слишком многих факторов. Переletы должны были стать совершенно автоматизированными. А обычная живая клетка может выполнить куда больше функций, чем самая сложная электронная система, и люди взяли за основу живую клетку.

Так на свет появились предшественники биосконов. Вначале они походили на плавающие в космосе споры. Они двигались, подчиняясь капризному дуновению солнечного ветра и опираясь на невидимые силы, как дельфин о воду. Люди занялись и переделкой, и усовершенствованием — так родились биосконы. Гигантские массы плоти, насыщенной энергией, пронизанной плазмоносными сосудами, питающиеся, как мифические гидры, солнечным

излучением. В ячейках своего чрева биосконы несли тысячи спящих людей. Биосконы беззаботно неслись в пустоте, соперничая в скорости со светом, а их пассажиры, защищенные асбестальными саркофагами, видели прекрасные сны. Бодрствовал лишь вожак, облеченный призрачной властью, временно управляющий телом невероятного по размерам организма.

Человек, существо слишком крохотное для небольшого пространства, создал новый вид. Биоскон явился самым грандиозным творением рук человека. Сам по себе он был гигантским безмозглым существом, разум его составляли умы горстки живущих в нем людей. Биоскон с жадностью усваивал все, что было в людях — их знания и их разум, их противоречивость и их ярость. Биоскон мог стать одержимым людскими страстями и мог, словно зеркало, отразить души своих создателей.

Пальцы Мека пробежали по клавишам, и на экране появилось знакомое лицо. Он не знал, хотел ли он увидеть именно его или это произошло непривычно. Это была юная женщина. Ее тонкие губы приоткрывали в улыбке ряд чуть неровных зубов, а густая шапка волос казалась невесомой. Женщины в космосе не носят длинных волос — в невесомости волосы постоянно стремятся вырваться из стягивающих их пут и окутать владелицу парящим облаком. Серые глаза женщины вспыхивали голубовато-зелеными искорками. Во взгляде какая-то детская беззаботность сочеталась с отрешенностью, даже безразличием.

Он не знал ни ее имени, ни места, где она живет, ни ее занятий, он не знал, замужем ли она и есть ли у нее дети. Он даже ни разу не слышал ее голоса. Он твердо знал лишь одно — ему никогда не доведется встретиться с ней, а если бы и довелось,

ее тонкие нежные руки, вздумай она приласкать его, окажутся для него тисками, в которых тут же хрупнут его кости. Он знал, если бы они и встретились, она отшатнулась бы от стеклянно-хрупкого гиганта, каким был он. Если он любил ее, а в этом он искренне сомневался, то его чувство можно было сравнить с любовью альбатроса к глубоководной рыбе. Нет. Просто, будь он иным, ему бы нравились женщины этого типа. Не больше.

Час пробил. Невидимые и неощутимые волны уже нашупали в пространстве свою жертву. Он поклялся себе, что не будет наблюдать за операцией, но его пальцы против воли нажали нужные клавиши, и лицо женщины растаяло во тьме, усыпаний звездами. Цветное пятно указывало, где находится снарк. Это был лишь символ, поскольку с такого расстояния снарк не был виден, несмотря на гигантские размеры.

По волновым лучам к снарку устремились металлические стрелы. Четыре ничтожные песчинки. Несколько десятков килограммов железок и редких элементов. Но они были нацелены в жизненные центры биоскона, неся ему смерть, словно легкие стрелы индейцев с куаре на острие.

«Успеет ли снарк почувствовать боль?»

Из глубин безмолвия всплыли и растаяли три чистые, мелодичные ноты, затем еще три и еще три. Мека очнулся от сна, а вернее, от того летаргического состояния, которое заменяет сон в невесомости и мраке. Он резко выпрямился — парить, отдыхая, было легче всего, сжавшись в комок.

— Ришар, — это был голос человека, отвечавшего за миллиарды жизней, — вы были правы. Наша попытка провалилась. Он озверел от ярости и устремился прямо к солнцу.

— Хорошо, — машинально ответил Мека. Он бросил взгляд на цветное пятно, движение которого с такого расстояния было совершенно неощутимым, и понял, что убийство превращается в охоту. Мека ставил на быка. Бык умрет в любом случае, в этом и состояла его роль, но перед смертью он сметет стены арены и вырвется на просторы города. Охотники, идущие вслед за ним, чтобы убить, будут колебаться, ибо каждый их выстрел попадет в толпу, хотя та в любом случае была обречена.

— Ришар, у вас должны быть какие-нибудь идеи. Вы изучили снарков лучше, чем мы. Если он нырнет в глубины солнца, на эвакуацию всей системы остается всего трое суток.

— Маловато.

— Быть может, вам еще удастся подчинить его себе. Ваша цена — наша цена. Я понимаю, что все выглядит невозможным, что мы вели себя по отношению к вам некрасиво. Мы признаем, что были неправы. Ришар, если хотите, мы явимся к вам и принесем свои извинения.

— Лучше принесите их снарку.

— Ришар!

— Иногда я приручал снарков. Но не всегда мне это удавалось. С разъяренными снарками я дела не имел.

— Можете попробовать.

— Вам известно, что это значит? Я должен приблизиться к нему. Должен проникнуть в него, попытаться войти с ним в контакт, наладить общение. Вы же в прошлый раз так заботились о моей жизни, о моем тихом, безбедном житье-бытье.

— Знаю, — голос вдруг сделался плаксивым.

— Ничем не могу помочь. Любая попытка ничего не даст. Лучше начать эвакуацию немедленно. Займитесь двумя мирами, которые расположены

ближе к солнцу. Быть может, вам удастся спасти одного из тысячи.

— Вы отказываетесь?

— Нет. Я просто указываю границы своих возможностей. Весьма сожалею, что так случилось.

Мека отключил связь. Он обнаженным плавал в центре сферического помещения, где обычно отыхал. По серым стенам пробегали едва заметные сполохи. Он казался себе мерзлым, изъеденным порами метеоритом, путешествующим между галактиками. Будь у него хоть один шанс на миллион, он сделал бы попытку. Он предвидел, что произойдет. Масса снарка была такова, что при передвижении в системе с громадной скоростью он вызовет возмущения в орbitах планет. Континенты сотрясут невиданные землетрясения, базальтовые платформы материков станут ходить ходуном, будто студень, океаны сожмутся в тугой комок, чтобы вдруг разжаться подобно пружине. А когда снарк, как гигантский мотылек, коснется солнечной атмосферы, а затем и нырнет в глубины раскаленного шара, из того выплеснется невероятное количество плазмы. Несколько недель солнце будет излучать втрое или вчетверо больше энергии, чем обычно, а потом снова вернется к состоянию своего яростного покоя. Соответственно и на ближайших планетах температура подскочит вдвое или втрое.

Он снова вглядывался в лица и вслушивался в ропот голосов. Кадры мелькали с такой скоростью, что лица сливались в одно. Здесь, защищенные от времени и пространства, они не менялись и не исчезали. Его громадная фототека была вместилищем душ. Крот Ришар Мека запасся кормом на долгую зиму.

Бег толпы прекратился, когда снова возникло улыбающееся лицо с рядом чуть неровных зубов.

И тут же волна забытых, а может, и никогда не волновавших вопросов затопила Мека. Как ее зовут, где она живет, сколько ей лет, кто ее друзья, что она делает?

«Не знаю. Номер кода понятен только машине. Значит, не понятен мне. Не исключено, сейчас она морщинистая старуха, потрепанная жизнью и уставшая от нее». Нельзя сказать, что он не любил стариков. В его картотеке их было великое множество. Просто объемная фотография никогда не стареет.

Мысль об относительности бытия вдруг поразила его, словно в мире невесомости вдруг возникла, пригвоздила его к месту земная сила тяжести. Быть может, она жила на одном из миров этой системы. Быть может, именно ей, а не ее образу, не фотографии, не вечному носителю символа грозила реальная опасность, именно ей, ее непреходящей улыбке. Покой в его душе мгновенно сменился страданием, и он вдруг отчетливо понял, что ему надлежит делать и почему он коллекционировал лица.

«Я ищу общее между ними и мной. Я ищу свою принадлежность к ним. Среди их лиц я разыскиваю свое и среди их голосов пытаюсь различить свой».

Это была общедоступная истина, но она неожиданно удивила Ришара, это существо огромного ума и культуры. Его глаза подернулись влагой, лицо мира расплылось, и он был вынужден смахнуть навернувшиеся слезы. Он еще не знал, согласится ли выполнить невыполнимое, хотя решение уже принадлежало прошлому — риск был взвешен с тщательностью алхимика на точнейших весах тайной лаборатории, где возникает жизнь.

— Я согласен рискнуть, — сказал он. — Не гарантирую успеха, но попытаюсь.

— Чем мы можем помочь?

— У меня одно условие, — ответил он. — Я отказываюсь от оплаты. Но что бы ни случилось, я хочу, чтобы снарк перешел в мое полное владение.

— Придется изменить закон. Что вы будете с ним делать?

— Я не сказал, что оставлю его себе.

Воцарилось молчание — его далекие собеседники совещались.

— Делайте с ним что хотите, Ришар. Но делайте побыстрее.

— Пожелайте мне успеха.

Он несся к цели в крохотном асбестальном снаряде, страдая от нараставшего ускорения, которое полностью не могли компенсировать генераторы крохотного катерка. «Я узнаю твое имя», — думал он, едва не впадая в беспамятство. Глаза его застилала красная пелена. Он думал о ее улыбке и тщетно пытался разработать тактику ждущей его схватки. Внутрь снарка проникнуть нетрудно — достаточно дать ему проглотить себя, словно небесный камень, которых так много на пути левиафана. Он вдруг понял, что делает это ради снарка — гибель от собственной ярости, ожидающая его в недрах солнца, была недостойным концом для этого рукотворного чуда. Но есть ли иная участь для снарка? Ему никогда не вернуться в строй биосконов, которые верой и правдой служили человеку. Люди, даже если им удастся наладить общение с ним, будут всегда его бояться, не доверят ему ни малейшего груза и не успокоятся, пока не уничтожат.

«Даже если биоскон сможет вырваться на волю, — подумал Ришар Мека, вспоминая о мечте существа, которую ему удалось выделить из пере-

плетения яростных всплесков, — ему некуда деться. Ведь у него нет братьев в звездных прериях». Ему негде искать убежища. Он одинок, и как ни прекрасен был его призыв к себе подобным, он выдавал его происхождение, его первичное биологическое состояние споры. Все существа, даже самые простейшие, стремятся уйти от одиночества. Первый из своей расы, снарк мог встретить лишь свое отражение, но пока не знал этого.

— Итак, господин Снарк, — пробормотал Ришар, — вам не найти спасения и в образах. Будь вы не столь громадны, мы могли бы коротать вечера, потягивая винцо, любуясь незнакомыми лицами и играя в шахматы. Но не думаю, что вас влечет к подобной жизни.

Он был совсем рядом. Вблизи снарк, как любой биоскон, походил на сотканную из мрака слезу, окруженную ореолом пламени. Находясь в покое, он имел почти сферическую форму, но по мере возрастания скорости сначала принимал каплевидные очертания, а затем приобретал вид стрелы. Сейчас, двигаясь в системе с плотным расположением планет, он больше походил на громадную рыбу. Хвост ионизированных частиц оставлял позади светящийся след.

Катерок Ришара казался креветкой рядом с обрамленной голубым пламенем пастью космического кита. Мека ощущал лишь обычное опасение, не больше и не меньше. Ему словно предстояло вступить под своды храма, но храма во много раз большего, чем любой из тех, что построен человеком. Колонны, поддерживающие своды, слегка подрагивали, а громадные глаза, находящиеся там, где обычно на соборах разноцветьем играют розетки, не мигая глядели перед собой. Как хорошо снова забыть о том, что у тебя есть вес. Он открыл люк

и быстро выбрался наружу. Он не стал сразу освобождаться от скафандра. И снарк еще не подозревал о его присутствии.

Ришар подплыл к люку и легкой, почти неощущимой мыслью заставил его открыться. Он скользнул внутрь и понял, что обратного пути нет. Перед ним простирался мрачный склеп. Он пересек его, делая руками движения, словно плыл в замкнутой камере, и стараясь не задеть пальцами чувствительных стенок. Его защищал асбестальную скафандр, и он слышал лишь стук собственного сердца. Он прошел еще через один люк и проник в брюхо снарка. Это место так называли лишь по аналогии. Снарк не имел пищеварения. Это существо усваивало радиацию из межзвездного пространства всей кожей, отчего та и светилась оранжевым огнем. Стенки «желудка» состояли из тысяч крохотных камер, которые в неярком желтоватом свете походили на пчелиные соты. Каждая камера предназначалась для одного человека, который спал в ней и просыпался лишь по истечении срока путешествия. В этой множественной матке спали и видели сны двадцать пять тысяч человек, а затем снарк смял и усвоил их. Мека видел, что камеры пусты.

Он постарался изгнать все мысли. Еще один похожий на рот люк. В теплой сумрачной пещере, по которой пробегали красные сполохи, рядом с мозгом биоскона размещался вожак. Ришар одну за одной растегнул магнитные застежки и скинул асбестальную броню.

Вместо шквала ярости и ненависти, которого он ждал, Мека ощутил глубокую печаль биоскона, казалось пронизанную горькими сожалениями о со-деянном. Он рискнул вступить в контакт.

— Я — твой друг:

Надо было, чтобы снарк поверил ему, но прежде

всего он и сам должен был верить в это. Ведь снарк не способен прямо воспринять мысль. Он разом ощущал всю личность, и, будь у человека хоть какая-то раздвоенность, снарк безжалостно уничтожил бы его.

Печаль исчезла, уступив место горячей всепожижающей ненависти и удивлению.

— Можешь убить меня, — сформулировал мысль Мека, — но тогда ты станешь еще более одионок.

Это было истиной и для Мека, а потому снарк поверил. Ненависть не исчезла, но и не поглотила его. Это уже было большой победой. Тогда он попытался проникнуть сквозь щели сознания к истокам ненависти, чтобы понять ее природу. Он ощущал ярость хищника, запертого в клетке, волка, прикованного к цепи. Снарку виделись сияющие дали, населенные собратьями. Но, возможно, он считал эти места недостижимыми, возможно, перед ним воздвигли барьер, ибо он даже не пытался отправиться на их поиски.

Ришар Мека подавил в себе ощущение триумфа. Если ему удастся отыскать, что мешает снарку выйти на звездные пути, если он снимет невидимый барьер, левиафан развернется и, забыв о бессмысленном самоубийстве, отправится на поиски далеких звездных прерий своей мечты. Где-то в равнодушной памяти снарка должны были, словно призраки, бродить воспоминания вожака. Отправиться на их поиски было опасным замыслом, своего рода сошествием в ад, где можно лицом к лицу столкнуться со смертью, но иного пути не было. Он про ник в лабиринт и двинулся вспять по ступеням времени. Он читал душу снарка, словно перелистывал толстенную книгу. Он обнаружил следы крушения — бесплодные вопли, воспоминания, похожие

на тончайшую радужную пленку, несостоявшиеся завещания, осколки детства, обломки страстей, уравнения, приказы, сгустки ужаса. Он отыскал то, что хотел найти. За несколько мгновений до катастрофы вожак обнаружил тягу биоскона к независимости и оценил глубину пропасти, отделявшую его от остальных искусственных животных. И здесь он допустил ошибку. Вожак попытался урезонить снарка. Он объяснил ему, что других подобных ему существ нет и что бегство бессмысленно. Но на пороге неизбежной смерти вожак наспех, опасаясь, что снарк скроется и станет неким демоном пространства, поставил перед ним запретный барьер. Он убедил снарка, что любое движение прочь из системы только усилит его одиночество. Вожак воспользовался этой истиной, как хлыстом.

Вот почему снарк двигался внутрь системы, к солнцу.

Вожак сделал все, что мог, что знал. Он отказал снарку в праве на существование. То был пример высокого самоотречения, но оно оказалось бесполезным и опасным. Мека, погрузившись в частную жизнь двадцати пяти тысяч пассажиров, мог оценить ярость снарка, сообразившего, что попал в ловушку. Он убил, только поняв это. В противном случае он, скорее всего, унес бы своих пассажиров в неведомые дали, а они мирно спали бы, питая его мозг своими снами. И, быть может, он убил их, чтобы заглушить чувство одиночества, чтобы слышать в себе постоянный немолчный шорох чужих мыслей. Поглотив эти мысли, он ассимилировал их. И они вечно будут жить в его памяти, когда он будет воссоздавать в самых причудливых комбинациях их чувства. Их хрупкий мозг перестал существовать, но его суть — воспоминания, мысли, эмоции — навечно запечателась в более прочных молекуляр-

ных цепях. Они некоторым образом вступили в бессмертие. И вместе со снарком умрут во второй раз, когда он нырнет в пучины раскаленной плазмы.

Перед мысленным взором Ришара проходили их лица, раздавались их голоса. Полумрак кабины во-жака был наполнен их призраками. Они не несли в себе и тени тоски — стеки камер раздавили их быстрее, чем успел испугаться медлительный мозг. Это напомнило ему его собственную коллекцию. Он понял, что случилось со снарком, во всяком случае, ему казалось, что он понял. Случайно или в результате ошибки биоскон ощущил и воспринял сны своих пассажиров. Он напрасно искал в них свое я. И тогда изгой решился на бунт. Он убил их, но не мог заставить себястереть воспоминание о них. Быть может, биоскон обрел разум, слив воедино разум двадцати пяти тысяч пассажиров и вожака. Наверно, произошла неожиданная рекомбинация чуть ли не на химическом уровне — сон взрастил сознание.

Мека понял, какими крепкими узами он связан со снарком. Снарк, как и он, искал в образах и голосах свою принадлежность к виду. Но лица, пространство и звездные прерии снарка оказались миражом. Во Вселенной не было второго снарка, как в фототеке Ришара не было похожего на него человека. Но одним дано бегство к звездам, а другим — внутрь самого себя.

Вдруг он вскрикнул. Среди образов, которые, сменяя друг друга, пробивались через яростные кошмары снарка, он вдруг узнал лицо с густой шапкой волос — те же легкие тени под глазами, тот же полуоткрытый и улыбающийся рот с мелкими чуть неровными зубами. Имя ее было Лоранс. Двое детей, муж, возраст. Иона умерла. Испарилась. Снарк вобрал в себя ее крохотный внутренний мир точно

так же, как фотоаппарат поймал ее улыбку для Мека. Она направлялась из района Ушира на Вегу. Возникшая вдруг искра страдания угасла в душе Ришара. Он понял, что даже не испытывает ненависти к снарку. Ему хотелось только нырнуть вместе с ним в солнце. Он задыхался, был подавлен и жаждал взрыва.

И вдруг в его душе воцарился мир. Он открыл и снова прикрыл глаза. Безмолвие. Чужие мысли оставили его. И только откуда-то из глубин мрака доносился шепот снарка: «Мне очень жаль».

«Простите меня», — подумал Мека. Он ощущал паутинку, протянувшуюся к нему, которая доносила печаль и сожаление. То был снарк, забывший о своем могуществе.

— Простите, — повторил Ришар Мека, обращаясь и к себе самому, и к двадцати пяти тысячам призраков. Печаль ушла. Он стоял в кабине вожака, освещенной красными отсветами близких солнц, и готов был сделать то, ради чего пришел. Именно за этим он явился, но смысл его работы полностью изменился — словно флюгер при неожиданном порыве ветра. Он сформулировал четкую мысль.

— Вожак ошибся. Вожак ошибся.

Снарк вздрогнул. Даже здесь, в кабине, Мека ощутил его дрожь. Еще мгновение назад царившее безмолвие взорвалось многоцветьем вопросов.

Их можно было сравнить с фейерверком в ночи или отблесками заходящего солнца на гребешках волн. Вопросы нахлынули на него, подхватили, и ему не пришлось прилагать усилий, чтобы похоронить в глубине души тайные причины его действий, — выдумка вдруг стала истиной. Своему брату, а снарк был ему братом, он мог поведать лишь истину. Он рассказал о темных просторах, куда не могут пробиться даже лучи звезд, о залитых

золотистым светом прериях, где стада снарков играют, перелетая от одной рождающейся звезды к другой. Он показал ему, что пространство и снарк составляют единое неразрывное целое. Он наставлял его, что надо лететь к туманности Андромеды, а потом добираться до границ Вселенной, перейдя которые он потеряет из виду галактики и обретет забвение.

Мир вокруг снарка опрокинулся. Он изменил направление полета, рысая, словно стрелка компаса, в поисках нужного пути, как бы принюхиваясь в поисках следа, оставленного собратьями в пространстве. Снарк дрожал от возбуждения. Красное свечение стен почти угасло. Призраки удалились в предвидении бесконечного путешествия. Исчез комок ненависти. Мозг Ришара уловил робкий вопрос. Он обдумал его, взвесив все за и против. Его ничто не привязывало к этой галактике. «Говоря, что я отношусь к людям, они вежливо лгут».

Но не был он и снарком. Его место было где-то между, он скорее был посредником, чем укротителем. «Я,— подумал он,— ошибка природы, любопытное существо, монстр еще более удивительный, чем снарк. Я — человек пространства, осужденный этим же пространством на одиночество». Он не мог без защиты выйти в открытый космос, он не мог с помощью своих хрупких конечностей направлять свой бег от одного мира к другому. Он должен был остаться здесь.

— Нет, — прошептал он.

В его душе что-то затеплилось, словно появилась крупица надежды. Он не знал названия этого чувства, и его не должен был ощутить снарк. Но это походило на первую капель после долгой суровой зимы.

— Нет, — печально повторил он, понимая, что бу-

дет отброшен в небытие, изгнан из собственной мечты. Он ощущал, как его мягко, но настойчиво подталкивают к выходу, передал последнее «прощай» снарку и двадцати пяти тысячам бессмертных и оказался один в пустоте.

Стекло шлема запотело. «Удача!» — мысленно крикнул он. Но темная капля, окруженная пламенем, уже растворилась вдали.

— Вы добились успеха, — надсадно орал голос в наушниках. — Вы — истинный кудесник, Ришар. Он удаляется. Вы спасли два миллиарда жизней.

— Я очень устал, — ответил он, пытаясь прекратить вращение и разглядеть светлое пятно Андромеды.

— Сейчас за вами прилетят.

В наушниках щелкнуло.

— Как вы считаете, он уже достаточно удалился, чтобы открыть по нему огонь...

— Что? — едва выговорил Мека.

Усталость давила на него с той же силой, как если бы он вдруг очутился на Земле.

— Открыть огонь. Уничтожить его. Мы не можем позволить ему удрать. Он слишком велик и всегда будет представлять опасность для звездоплавания.

— Не думаю, — медленно процедил Мека. — Он не вернется, пока не достигнет границ Вселенной. А ваше обещание?

— Мы обещали, что он будет ваш. Но он ушел из-под вашего контроля.

Ришара охватил гнев.

— Я дал ему свободу. И позову обратно, если вы откроете огонь.

Воцарилось молчание.

— Вы мне солгали!

— Подождите. Вы уверены, что он не вернется?

— Абсолютно уверен.

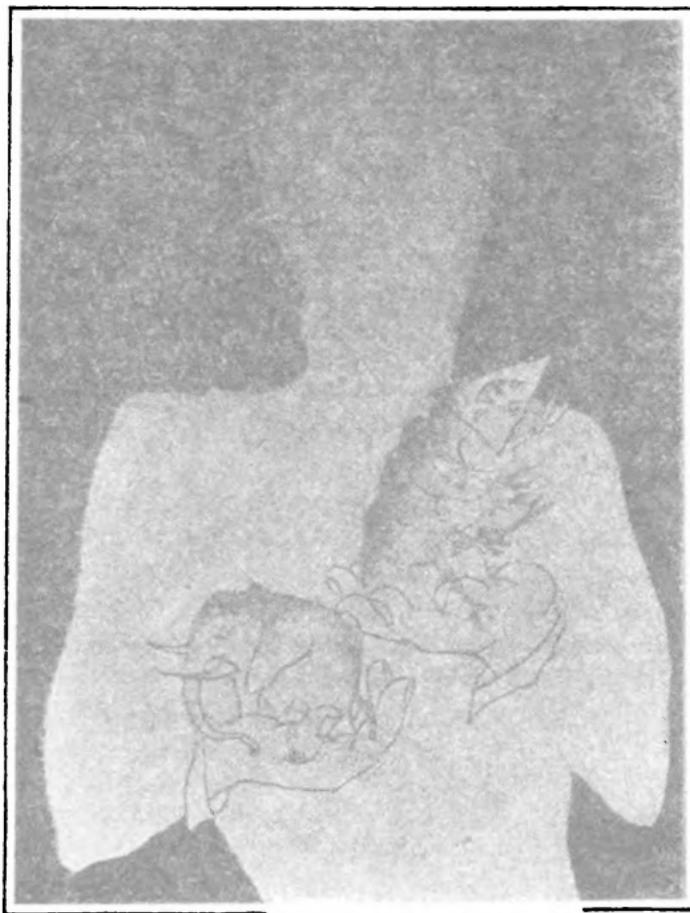
— Вашего слова достаточно. Пусть проваливает ко всем чертям. Катер подберет вас через несколько минут.

Мека печально усмехнулся. Он плыл в пустоте и, куда бы ни кинул взгляд, видел лишь черный космос и светящиеся шары солнц. «И нигде нет оазиса ни для снарка, ни для меня», — подумал он. Оазисы — мираж, который удаляется по мере бесконечного падения в бесконечность. Он солгал снарку. Кто-то в далёком прошлом солгал ему.

Но когда приблизился катер, крупица надежды, прятавшаяся в глубине его души, вдруг раскрылась, как солнечный зонтик. Снарк мчался не к вымышленному миру, а в будущее. Он был первым в своем виде, но появятся и другие. И быть может, завтра возникнет огромное стадо биосконов, удравших из человеческих загонов в бесконечные прерии, где вместо трав растут звезды. И отныне его роль будет состоять в том, чтобы снабдить снарков верой, указав им путь в будущее.

Он скользнул в люк катера, хохоча и плача от сумасшедшей мысли, вдруг пришедшей ему на ум. Быть может, в неведомых далях он, Ришар Мека, Иона, побывавший в чреве межзвездного левиафана, станет персонажем снарковых легенд, отворившим перед ними шлюзы времени.

Предупреждение директорам зоопарков

Gérard Klein

AVIS AUX DIRECTEURS DE
JARDINS ZOOLOGIQUES

Перевод выполнен по изданию
G. Klein "La loi du talion"
(Robert Laffont, Paris, 1976).

Рассказ впервые опубликован в журнале
"Fiction" (OPTA, Paris, 1966).

Думаю, мне простят, если в изложении того, что мне известно, я пойду не самым коротким путем — описываемые мной события трудно свести к сухому отчету. И, поскольку аудитория, к которой я обращаюсь, состоит из директоров зоопарков, иными словами, людей науки, они не упрекнут меня за попытку во всех деталях восстановить путь, которым я шел к разгадке тайны. Люди науки прекрасно знают, что поиск истины зачастую похож на блуждания в лабиринте, каждый поворот которого следует отметить и описать. Если я ограничусь лаконичным предупреждением, оно будет звучать столь невероятно, что я не осмелюсь поставить под ним свое имя. А потому, отправляясь на разведку, опасность которой трудно преувеличить или недооценить, я решил изложить оказавшиеся в моем распоряжении факты как можно более подробно и полно, а также выделить обстоятельства, которые придают делу удивительное неправдоподобие. Кроме того, предполагая, что мне предстоит встретиться с неведомой опасностью, я хотел бы оставить после себя свидетельство, не лишенное определенных литературных достоинств.

Я — завсегдатай зоопарка. Мой дом находится метрах в ста от его неприметного, но живописного входа с улицы Кювье. Я люблю предаваться размышлениям в благодатной тени кедра, названного в честь известных ботаников Жюсье. Узенькая вымощенная булыжником дорожка тянется вдоль об-

ветшалого здания, а затем змейкой уползает под зеленые своды листвы. Здание отгораживает зоосад от улицы, и если обратить внимание на короткие надписи на фасаде со стороны оранжереи, которые свидетельствуют о его древнем научном назначении, и вглядеться в его печальные провинциально-серые оконца, крохотное крылечко со старинной балюстрадой, то покажется, что в мгновение ока вы совершили путешествие на полвека, а может и на целое столетие, назад.

Миновав здание и оставив справа амфитеатр, вы увидите морского слона, который обычно нежится на бортике своегоovalного бассейна, куда из ржавого крана с головой грифона сочится струйка воды. Я испытываю глубочайшую симпатию к этому животному, которое с истинно королевским достоинством игнорирует выпады зевак. Морского слона никто не видел спящим. Он лежит и жует, полузакрыв глаза, похожий на гладкий бочонок с нахально торчащим плавником, словно он — единственный охранник этой тюрьмы для зверей. Он — хозяин этих мест, избежавший незавидной участи быть оплаченным аттракционом, ибо за возможность поглядеть на остальных обитателей, живых и мертвых (последние либо плавают в формалине, либо представлены одним голым скелетом), надо платить. Денежные поборы превращают всю эту клыкастую, когтистую, чешуйчатую, покрытую мехом или перьями живность, защищенную от людей решетками, стеклами или поручнями, в своего рода эксплуатируемых.

В тот памятный день я никак не мог собраться с мыслями. Обычно я бываю так поглощен ими, что, бродя по широким аллеям, обегающим центральную территорию, ничего вокруг себя не замечаю. Отчаявшись сосредоточиться, я побрел ко входу возле

загона для медведей, увы, необитаемого. Я купил билет и вошел на территорию. Ноги сами привели меня к круглой конструкции с заборчиком, разбитой на несколько секторов, похожих на загородные садики. Это была слоновья площадка.

Многие считают слонов любителями всяческих проказ. Стоявшее перед нами животное качало головой и передней ногой, тряслось ушами и, как заправский попрошайка, протягивало сквозь решетку свой хобот, хотя зрителей было всего трое — я, пятилетний малыш, пытавшийся дать слону орешек, и его старший брат, останавливавший младшего то ли из страха, то ли из желания полакомиться самому. Слон, как гигантский пес, тщетно вытягивал хобот, упирался лбом в решетку и все же не мог дотянуться до орешка. Я подхватил мальчишку подмышки и поднял на добрый метр. Хобот ухватил орешек, и тот исчез в огромной пасти. Слон отступил назад и поклонился.

И тут произошло нечто невероятное. Слон внимательно посмотрел на меня и подмигнул. Это могло быть знаком признательности умного животного, но я придал ему определенный смысл. Мне показалось, слон благодарил не за орешек, а за помочь мальчугану. Мы с ним стали как бы сообщниками. Кстати, я верю в эмоциональное взаимопонимание и не знаю, почему бы нам не руководствоваться им в наших взаимоотношениях с животными.

Слон повернулся, бросил на меня еще один взгляд, как бы убеждаясь, что я никуда не исчез, и на мгновенье скрылся в своем стойле. Когда он появился вновь и направился прямо ко мне, его взгляд был суровым и серьезным. Он поднял хобот. Конец его сжимал комок бумаги. Я машинально протянул руку. Он положил мне в ладонь тугой, влажный шар. Опомнившись, я хотел было бросить

его, но, подняв глаза, встретил устремленный на меня серьезный, настойчиво-вопросительный взгляд слона. Некоторое время мы смотрели друг другу прямо в глаза. Потом я перевел взгляд на бумагу и различил убористые строчки, написанные шариковой ручкой. Любопытство ли или взгляд слона заставили меня не выбросить комок тут же, не отходя от загона.

Когда слон понял, что я решил оставить бумагу у себя, он радостно, как и в первый раз, подмигнул мне, тряхнул ушами, повернулся и затрусиł прочь своей клоунской походкой.

Я отошел в сторону и, нерешительно обернувшись, заметил, что слон не спускает с меня пристального взгляда. Он кивнул мне, потом отвернулся и с нарочитым вниманием занялся с только что появившейся парочкой.

Комок бумаги был больше, чем мне показалось в первый момент. Я принялся расправлять его и обнаружил, что он состоит из нескольких самых разных оберточных бумажек. Спрессованные в тугой комок, они были немного влажными и имели на себе отметины клыков и когтей самых разных форм и размеров. К тому же он был испачкан в земле, словно его достали из глубокой норы. В тот момент я только накапливал факты и ощущения, не пытаясь их анализировать, их смысл дошел до меня не сразу.

Несколько годами раньше в городе А..., где я находился по служебным делам, в чудовищно жаркий день на дорожке, вьющейся по холму, мне по встречался мужчина. На нем была белая рубашка с открытым воротом, пиджак цвета морской волны, белые брюки и новые теннисные туфли. Глаза его прикрывали темные очки. Он остановился метрах

в двадцати выше меня. Я знал, чем он занимается, но не знал, кто он такой. Он знал обо мне не больше. Я наклонился, чтобы завязать шнурок. Он достал из кармана записную книжку в кожаном переплете, заглянул в нее, пожал плечами. Затем яростным жестом вырвал страничку, скомкал ее, бросил под ноги, повернулся и быстро пошел вверх, словно вспомнив о неожиданном свидании.

Бумажный шарик покатился вниз по дорожке и уперся в носок моего ботинка, шнурок которого никак не хотел завязываться. Я сделал вид, что отталкиваю его в сторону, хотя на самом деле схватил и засунул в ботинок. Я надеялся найти на бумажке нужный адрес. Мужчина был уже почти на вершине холма. Прежде чем исчезнуть, он на мгновенье остановился, повернул голову и бросил на меня беглый и одновременно отсутствующий взгляд. Очки он держал в руке. И хотя нас разделяло метров тридцать, я отчетливо ощутил в его взгляде тревогу. Слон смотрел на меня так же. На листке из книжки имелся адрес. На следующее утро этот мужчина был мертв.

Волглый комок состоял из двадцати семи бумажек разного формата — шести оберточек от эскимо, четырех пачек из-под сигарет «Голуаз», тщательно разъединенных по склейкам, пяти фантиков от карамели и нескольких пакетиков из-под леденцов.

Листочки были пронумерованы и исписаны убористым мелким почерком. Я тщательно разгладил их, сложил по порядку, свернул листки вчетверо и сунул их в карман. Сегодня меня удивляет, что я сделал это, не взглянув на текст.

Меня бьет озноб, когда я думаю, что мог выбросить бумажки, не напомни мне взгляд слона взгляда того умершего человека, чьего имени я так и не узнал.

Вернувшись домой и вооружившись лупой, я принялся разбирать этот одновременно и уверенный и дрожащий почерк. Казалось, пюпитром автору служило собственное колено или шероховатый камень. Иногда строки набегали друг на друга, словно пишущему изменяло зрение или он писал в дрожащем свете фонарика. Привожу дословную копию этого документа.

Я постоянный посетитель зоопарка. С самого юного возраста я ощущал неодолимое влечение к естественным наукам, и самым привлекательным запахом был для меня запах формалина. Однако силою обстоятельств мне пришлось избрать иную профессию, и моя склонность превратилась в безобидное хобби. Но сегодня я уверен, что оно обрело полезный смысл, ведь мое упорство в изучении загадок природы позволило мне обнаружить, какая ужасная угроза нависла над родом человеческим. Правда, мои изыскания поставили меня в отчаянное положение, из которого мне вряд ли удастся выбраться живым. Но не буду отклоняться — недели почти бесплодных усилий и самые неожиданные союзы позволили мне собрать эти несколько листочек. Еще хорошо, что за подкладкой пиджака я нашел полный стержень для шариковой ручки, который мне надо растянуть на долгое время. Не знаю, удастся ли мне составить второе послание. Но надеюсь, что это попадет в руки достаточно разумного человека, способного логически мыслить и наделенного достаточным воображением, чтобы не выбросить записи под влиянием минутного раздражения. Возможно, доказательства, которые я привожу, окажутся не очень убедительными. Но, если мой неведомый читатель проявит настойчивость, он смо-

жет добыть новые. Надеюсь, ему повезет и он сообщит миру правду, пока еще не поздно.

В музее зоопарка я изучил все коллекции. Последнюю зиму я постоянно чувствовал недомогание и почти не выходил из дома, а потому не посещал зоопарк несколько месяцев. Удивлению моему не было границ, когда я наведался туда в середине мая. У ограды, протянувшейся вдоль улицы Кювье, устроили новый загон, я обнаружил в нем несколько совершенно чеизвестных мне представителей животного мира. В глубине загона была пещера или нора. На остальной его части, на плотной, сухой и пыльной почве росло несколько кустиков чахлой травы. Животных отделяли от посетителей две мощные решетки в полуметре друг от друга. Ничего необычного, никаких особых мер предосторожности. Но сами животные вызвали во мне ощущение гадливости, виной тому был то ли их внешний вид, то ли моя неспособность определить их принадлежность к какому-либо виду.

Размеры незнакомцев доходили до двух метров, животные лежали на земле, свернувшись клубком. Вначале я принял их за гигантских броненосцев. Ни одна табличка не указывала их название. Твари походили на чудовищный гибрид мокрицы и рептилии. От мокриц (семейство ракообразных) у них был черный кольчатый панцирь. Я насчитал шесть колец, находящих друг на друга, словно сегменты брони. Из-под последнего торчал коротенький серый хвостик. Треугольная варанья голова выглядывала спереди, словно язычок. Два неподвижных глаза были устремлены в бесконечность. На верхушке черепа виднелся розоватый сморщеный выступ, похожий на прикрытый третий глаз.

Тогда я насчитал пять животных. Другие могли прятаться в глубине пещеры. Двигались они не

больше, чем крокодилы в террариуме. Мне показалось, что их черные плоские, как у змей, глаза, окруженные желтоватой роговицей, были ложными. «Странная иллюзия, — сказал я сам себе. — Может, они спят и видят во сне вонючие дымящиеся болота Мато-Гросо или глубокие долины Суматры, где стелется голубоватый туман, или неведомые топи Тасмании, где такие существа только и могли появиться на свет». Я не в силах был придумать иных, более удаленных и мало исследованных мест на Земле, которые были бы их колыбелью и убежищем. Только там этот вид мог прожить без изменений миллионы и миллионы лет.

Вскоре показался знакомый служитель, он толкал перед собой металлическую тележку.

— Новые жители, — сказал я, поздоровавшись с ним. — Странные твари!

— В самом деле странные, — согласился он, открыл крышку тележки и, вооружившись крюком, принял бросать в загон куски вонючего, гнилого мяса.

— Непривередливы, и то хорошо, — заметил я, кивнув на тухлятину.

Он пожал плечами.

— Ничего другого есть не желают. Содержание их на самом деле обходится недорого.

Я кивнул. Один из панцирей заскрипел. Животное медленно приподнялось, словно под него подвели домкрат. Я увидел, что оно стоит на множестве каких-то мясистых утолщений, похожих на щупальца актиний. Я хотел было их пересчитать, но лес ножек походил на грязный мех.

Зверь помотал головой, словно принюхиваясь к гнили. И тут-то я испытал подлинное потрясение. На какую-то долю секунды на голове приоткрылся и оттуда глянул живой пронзительно-

голубой глаз. Мне показалось, что он глянул прямо на меня. В этом взгляде я прочел жестокость, решительность и разум. Тварь направилась к ближайшему куску мяса и накрыла его своим телом. Может, она хотела размягчить его, а может, пасть была именно в брюхе.

Животное, наверно, было тяжелым, потому что оставило на утрамбованной земле загона продолговатый след.

Смотритель, грубоватый здоровяк, не видевший ничего особенного в новых обитателях, моих сомнений разрешить не мог. Занимался он животными недавно, не знал ни их названия, ни места, откуда их привезли. Они казались ему не более странными, чем прочие обитатели зоосада. Смрад от гнилого мяса на мгновенье сменил какой-то новый запах, но он почти тут же исчез.

Не будь я увлечен естественными науками и не води дружбы со многими сотрудниками музея, который часто посещал, мои изыскания, по-видимому, этим бы и ограничились. Я приложил немало усилий, но разузнать почти ничего не смог. Пока гигантские мокрицы (я назвал их мокрилиями) никого, похоже, не заинтересовали. Близились каникулы. Профессура, ассистенты, студенты, забыв обо всем, готовились к экзаменам, а остальные сотрудники не собирались отвлекаться от своих повседневных занятий. Будь у дирекции музея побольше штат и кредиты, кого-нибудь и назначили бы для изучения новоприбывших животных, а так приходилось ждать либо появления нового ассистента, занимающегося сходными существами, либо момента, когда кто-нибудь примется за диссертацию. А пока животные, а вместе с ними и наука могли подождать.

К тому же было не ясно, какому отделу поручить эту задачу. Внешне животные напоминали членис-

тоногих, но их размеры, отсутствие усиков и сложных глаз, их средства передвижения исключали такую классификацию. Нельзя было отнести их и к рептилиям или земноводным. Промежуточного вида не существовало.

Только в романах встречаются ученые, готовые забросить все и вся ради раскрытия новых тайн. Истого астронома не отвлечет несущаяся к Земле комета, если он занят изучением далекой звезды. Точно так же и увлеченный зоолог даже не пересечет улицы, чтобы глянуть на огромного морского змея в ярмарочном балагане, если он не может привязать его к своим исследованиям. Наука — прежде всего дисциплина духа. В нашем мире только журналисты позволяют себе разбрасываться и никогда не добираются до финиша, потому что новый сюжет увлекает их до того, как полностью исчерпан старый.

Кстати, я узнал, что один из этих верхоглядов полмесяца назад интересовался странными животными и тут же нарек их гигантскими тараканами, спутав, как это часто случается с невеждами, таракана (*Blatella Germanica* или *Phyllodromia Germanica*) и мокрицу. Журналиста сопровождал фотограф, они задали пару-другую вопросов и были таковы. После этого в одной газетенке Центральной Франции тиснули плохонькую фотографию с подписью: «Тараканы или крокодилы, эти живые ископаемые — предки человека». Столичные еженедельники обошли появление новых животных молчанием. Только «Монд» опубликовала коротенькую заметку под названием «В зоологический парк поступил новый вид млекопитающих». Но и эта заметка не вызвала прилива интереса у читающей публики.

Я не стал заниматься расследованием, которое

потребовало бы медленного, но верного продвижения по всем ступенькам иерархической лестницы. А потому, наверно, упустил нечто важное. В то время я еще не придавал всему этому большого значения. Зоопарки полны представителей малоизученных видов. Но мои вопросы неизменно вызывали неожиданную реакцию.

Одни из моих собеседников снисходительно усмехались. Другие спешили сменить тему разговора, словно вторжение нового вида в цитадель науки грозило опрокинуть стройное здание таксономии, а следовательно, было просто-напросто неприличным. Третий заявляли, что и в глаза не видели нового вида, и обещали когда-нибудь глянуть на животных. Кое-кого раздражало то, что они называли прыткостью неофита. Мне не удалось уговорить хоть кого-то оторваться от дел и пойти посмотреть на предмет разговора. И в каждом я чувствовал непонятное мне смущение. Смущение, смешанное с каким-то неосознанным страхом. Скорее всего, это происходило либо от невозможности классифицировать животных, либо от отвращения, вызванного гнусным обликом тварей.

Я обратился к библиотекарю музея, хрупкому человечку неопределенного возраста с густыми седыми бровями, чья любезность сравнима лишь с любезностью его коллег из Британского музея. В одиннадцати тысячах пятистах шестидесяти томах музейной библиотеки ничего похожего не описывалось. Правда, мы не успели просмотреть все тома.

— Быть может, уважаемый профессор Шметтерлинк сообщает вам что-нибудь дельное, — сказал мне библиотекарь в заключение, когда мы отказались от изнурительных поисков. — Он интересовался этими животными.

Я смутно помнил профессора Шметтерлинка, старого, но весьма уважаемого человека. Не знаю, имел ли он право на звание профессора, поскольку никаких диссертаций никогда не защищал. Он как-то незаметно перешел из стана студентов в стан преподавателей, оставшись по своему складу вечным студентом, и я тут же поверили, что в нем было достаточно юношеской любознательности, чтобы обратить внимание на странных существ.

— Он уехал? — спросил я разочарованно.

— Разумеется, — почти шепотом ответил библиотекарь, хотя кроме нас в кабинете никого не было. — Вернее будет сказать, он исчез.

— Исчез? — повторил я, ничего не понимая.

— Кажется, он отсутствует уже две недели. За это время его никто не видел. Секретарь музея даже кого-то отправлял к нему домой, дабы осведомиться, не болен ли он. У него нет телефона. Дверь была заперта, а ставни прикрыты. Консьержка не знает, где он.

— Ему могло стать плохо, когда он сидел дома, — сказал я поморщившись, — а...

— Ну что вы, консьержка убирает в его квартире по утрам. Она позволила директору посетить квартиру...

— И директор поехал?

— Не сразу. Через несколько дней. Все было в порядке. Потом кто-то вспомнил, что Шметтерлинк готовил публикацию о пещерных животных Арье-жа. Наверно, уехал, не дождавшись отпуска. Согласно правилам, он должен был уведомить об этом секретариат и оставить адрес, но пунктуальность не в его привычках. Поэтому об исчезновении пока предпочли забыть. Думаю, Шметтерлинк вскоре объявится. Между нами, я не очень страдаю от его отсутствия. У него прескверная привычка загибать

уголки на страницах и слюнить пальцы, перелистывая книгу.

— Его семью известили?

— Не думаю, что она у него есть.

— А полицию?

Библиотекарь даже передернулся от возмущения.

— Полицию? Дорогой мой, да к ней пришлось бы обращаться по двадцать раз в году, если делать драму из каждого необъявленного отсутствия любого профессора. Заметьте, я говорю необъявленного, а не немотивированного. Свобода исследователя не пустой звук. Нет, не ищите здесь особых тайн. Жаль, что уважаемый профессор Шметтерлинк в отпуске, а то бы он мог поделиться своими знаниями.

Библиотекарь моргнул, сдвинул на несколько сантиметров затекшую ногу, пригладил редкие волосы.

— И все же, — тихо добавил он, — он выглядел очень странным в последнее время. Эти твари очень занимали его. Даже слишком, если вам небезынтересно мое мнение. Не берусь утверждать, что Шметтерлинк лишен странностей, но в последние дни они проявились с особенной силой. Похоже, он — простите мне это выражение — просто свихнулся.

— Свихнулся? — переспросил я.

— Однажды он мне сказал — только, бога ради не говорите никому об этом, — что эти животные говорят между собой! Естественно, я решил, что он шутит, но он был столь же серьезен, как господин генеральный инспектор. Животные! И говорят! В зоологическом саду!

— Он долго их наблюдал?

— Слишком долго, по моему разумению. Но все же они не очень его увлекли, если он уехал в Арьев.

— Ну что ж, буду рад встретиться с ним, когда он возвратится, — сказал я, прощаясь.

Позволю себе забежать несколько вперед и предположить, что мне никогда не доведется встретиться с профессором Шметтерлинком, даже если я выберусь отсюда. У меня нет никаких доказательств, но мне кажется, что он был моим предшественником здесь или его содержат в другом месте, хотя не исключен и фатальный исход. Зная высокую вероятность последней гипотезы, я не могу не отдать должного его прозорливости, приведшей профессора, как и меня, к роковой небрежности.

Тщетные поиски отнюдь не охладили моего любопытства, а, скорей, подогрели его. Теперь я почти все свободное время проводил вблизи загона с мокрилиями. Вначале я часами буквально висел на решетке, но потом меня стало беспокоить, что какому-нибудь смотрителю мое поведение покажется подозрительным, да и животные могут почувствовать слишком пристальное внимание. С тех пор я расхаживал взад и вперед по аллее. Я простоявал у соседних клеток, делая вид, что смотрю поверх них на лужайку, где резвились окапи. Во мне зрела уверенность, что мокрилии в моем присутствии сознательно избегают какой-либо деятельности. Мне хотелось поближе познакомиться с их нравами, и я заранее чувствовал смущение, опасаясь увидеть нечто неприличное, хотя мои познания о повадках животных закалили меня и, откровенно говоря, я уже давно отбросил антропоцентризм, который вынуждает большую часть человечества распространять свои моральные категории и свое понимание приличий на мир животных. Несмотря на странный вид, мокрилии упрямо продолжали играть роль пленников зоопарка. Два или три раза я видел, как они едят, если можно так назвать отвратитель-

ную операцию, свидетелем которой я был в самый первый раз. Размышляя о причинах моего почти маниакального интереса, я понял, что его истоки крылись в холодно-сувором и умном взгляде голубого глаза, брошенном на меня в первую встречу.

С тех пор веко лобового глаза ни у одного из них не открывалось. Но иногда, отвернувшись, я чувствовал, как три или четыре безжалостных зрачка упирались мне в спину, однако как быстро я ни поворачивался, мне не удавалось разглядеть ничего, кроме народа на лбу. Я даже засомневался, действительно ли видел этот глаз. Может, я стал жертвой собственного воображения?

Я не придавал особого значения словам библиотекаря о странном бреде Шметтерлинка. Но иногда задавал себе тот же вопрос. Ибо обладатель увиденного мною глаза мог говорить — в этом я был абсолютно уверен. Нередко утверждают, что взгляд животного способен многое сказать, но, скорее всего, речь здесь идет о выражении эмоций. Однако взгляд чудища (во всяком случае, в моем восприятии) свидетельствовал о том, что оно в самом деле владеет речью. Найди в себе достаточно смелости, я подошел бы к самой решетке и обратился к мокрилиям, чтобы посмотреть на их реакцию. Но я боялся показаться смешным, если не сумасшедшим. Я не намерен был твердить им «цып-цып-цып», как это делают некоторые у вольер со слонами или террариумов со змеями и даже пауками. Я хотел обратиться к ним с речью, задать несколько вопросов, а затем, если бы они выказали признаки разума, попробовать обучить их нашему языку. Однако нескончаемая жизнь зоосада, прогулки посетителей, неожиданные появления смотрителей удерживали меня. Но во мне росла уверенность, что в мое отсутствие в саду происходили странные вещи.

Однажды утром, когда я проскользнул в зоопарк задолго до его открытия вместе с персоналом, дверь загона оказалась открытой. Я с криком бросился по аллее и остановился, лишь почувствовав на локте рукусмотрителя-бельгийца. Услышав его спокойное: «Что это вам привиделось?», я сделал над собой невероятное усилие, чтобы не закричать, что мокрилии сбежали, но сдержался и пробормотал: «Там открыта дверца клетки, животные могут сбежать».

Смотритель побледнел и в свою очередь бросился в указанном мной направлении. Я боялся, что он найдет дверцу закрытой, но она была действительно распахнута. Смотритель подозрительно глянул на меня. Я знал, о чем он думает. С одной стороны, он немного знал меня и считал достаточно здравомыслящим, а с другой — сколько тут бывает таких любителей животных, что готовы в любой момент отворить всякую дверцу, дабы подарить им мнимую свободу. К счастью, смотритель долго не сомневался. «Опять налился, — пробормотал он. — Положил подстилку и забыл закрыть дверцу».

С этими словами он вошел в загон, не имея в руках ничего, кроме связки ключей, и с лязгом захлопнул за собой дверцу. Затем пересек пустую территорию, направляясь к пещере, и скрылся в ней. Появился он, почесывая в затылке.

— Все в порядке, — сказал смотритель, — все на месте. Только удивительно — я насчитал восемь штук, а всегда думал, что их семь. Наверно, ошибся в прошлый раз. Все зверюги крупные, да и не сезон сейчас. К тому же это не мое дело.

Он тщательно запер дверцу, проверяя замок, дернул ее несколько раз и со смущенным видом повернулся ко мне.

— Лучше об этом не говорить, — пробормотал

он, уставясь в землю.—Могут быть неприятности...
Придется писать объяснительную.

Я уверил его, что буду нем как рыба. Его лицо просветлело.

— Вы — неплохой человек, — наконец выговорил он. — Если вам понадобятся отводки, только мигните.

Садоводством я не особенно интересуюсь, но, признаться, я был тронут таким свидетельством дружбы, ибо знаю, какую борьбу ведут садовники парка с любителями редких растений, и особенно кактусов. Наглость и хитроумие этих хищников побеждает любые преграды. Тогда я не заподозрил, что он пытается купить мое молчание. Чтобы смотритель чувствовал себя обязанным, я пообещал обратиться к нему и поспешно распроштался, пока он не начал предлагать мне овощи.

Версия смотрителя была вполне вероятной, более того, единственно достоверной. Но она оставила у меня какое-то чувство неудовлетворенности. Мне виделось, как ночью мокрилины возятся с запором, а потом расползаются по уснувшему зоопарку или даже за его пределы, к заре возвращаясь в загон.

Это происшествие расстроило мой сон. Я совершил долгиеочные миграции вокруг зоосада. Вскоре они стали смахивать на дозорную службу. Сад ночью никогда не засыпает. По мере того как затихает город, все дальше разносятся рев, ржание, лай, визг, вой, хохот, уханье — свой голос подают слоны, волки, гиены, филины. В разгар ночи звуки джунглей слышны за два квартала. Я вышагивал вдоль решеток, время от времени останавливался, прислушиваясь, пытаясь уловить в ночном концерте признаки необычного. В самом начале улицы, напротив входа в лабиринт, журчал фонтан Кювье, но

ни одно животное не приходило туда на водопой. Все дверцы были закрыты. И если вдруг слышался скрип одной из них, сердце мое принималось учащенно биться. Но дверцы пытался открыть только ветер.

Я всматривался в непроглядную тьму. Напрасно. Я чувствовал, что за мной следят, и, когда крики животных неожиданно усиливались, сердце мое леденело от ужаса и я ждал неведомого несчастья. Я таращил глаза, пытаясь пронзить взглядом листву, перехватывающую скользкий свет фонарей, злясь на то, что буду отделен от тайны в тот самый момент, когда она перестанет быть ею. Нередко я требил замки на дверцах, но они успешно противостояли моим усилиям. Я бы дорого дал за возможность жить в одном из домов для состоятельных буржуа с окнами на юго-восточную часть зоопарка. Я всегда мечтал об этом, но теперь моя мечта наполнилась новым содержанием.

Я часто встречался с ночным полицейским патрулем. Вначале я опасался, что покажусь подозрительным. Но регулярность наших встреч навела их на мысль, что я выполнял некое конфиденциальное поручение. Они стали здороваться со мной, вначале издали и коротко, затем наши отношения стали более теплыми. Они явно скучали и с удовольствием болтали, чтобы убить время. Я учил их различать крики животных. А в обмен получал кое-какую информацию о том, что происходило в мое отсутствие. Таким образом я расширил свои познания об обитателях квартала. Здесь обреталось немало клошаров. Обычно полицейские не чинят им зла, хотя взгляды на окружающий мир и мораль у этих двух категорий человечества весьма различны. А смотрители зоосада во всю гоняют клошаров, эти бедняги стаются в летние ночи и в разгар зимы, когда от

теплиц веет теплом, провести ночь за оградой парка и даже, если повезет, зарыться в сено в сарае или пустой клетке. Не бывает года, говорили мне полицейские, чтобы хищник не сожрал какого-нибудь бедолагу, чьим гостеприимством тот невольно и неосторожно воспользовался. По мнению полицейских, смотрители тоже были к этому причастны: ведь одна дверца захлопывается, а другая распахивается. Но дирекция музея, конечно, и не подозревала ни о чем подобном. Смотрители не пытались опровергать ходившие слухи, быть может надеясь, что они отучат бедняг пользоваться садом как караван-сараем. Ни одного такого случая за последние годы доказать не удалось. Не велось и никаких следствий. Но за последние месяцы сообщество бродяг понесло некоторые потери. Джо Глю-глю, Фернан Щербатый и Тощая Задница, известные своей любовью к посещению аллей и служб зоопарка, словно испарились. Быть может, близость теплых деньков заставила их отправиться бродяжничать на юг, а может, их сшибла машина в другом районе и они валяются теперь либо в больнице, либо, того хуже, в морге, ожидая, когда будущие медики примутся кромсать скальпелями их безымянные тела. А может, они, выпив лишнего, просто-напросто утонули в Сене? Или кончили в пасти льва, вернувшись таким образом к античным традициям?

У меня на этот счет была другая теория, но я не собирался делиться ею ни с кем. Я помнил об исчезновении старого Шметтерлинка и, мало веря в то, что смотрители зоопарка утратили свою человечность, представлял себе ужас бедняг, которые вдруг становились объектом неожиданной охоты в аллеях парка. Кричали ли они? Было ли у них на это время?

— Прошлой ночью, ближе к утру, животные

были здорово взволнованы, — сказал мне как-то один из полицейских. — Между двумя и тремя часами они выли не переставая.

Я печально кивнул. Ту ночь я проспал сном праведника в собственной постели.

— И было отчего, — подхватил второй. — Наверно, там проводили какие-то опыты, фотографировали. Мы видели огни почти повсюду, а потом вдруг появился красный луч, затем зеленый, толщиной с мизинец. Он ходил из стороны в сторону и вдруг уперся в небо, меняя зеленый цвет на красный и обратно. Он торчал, словно прут.

Я спросил, доложили ли они о случившемся.

— Зачем, — разом, не сговариваясь откликнулись полицейские. — Что в этом плохого? А потом все происходило за загородкой, а не на улице. Там не наша территория. Если бы были жалобы, тогда другое дело. То, что происходит за решеткой, уже ваше дело, — сказали они, давая понять, что не сомневаются в моем месте работы.

Не знаю, что я пробормотал в ответ, но они явно намекали на нужды Национальной обороны. Теперь мои прогулки предстали перед ними в новом свете. Быть заодно со мной им явно импонировало.

Мы спустились вниз по улице Кювье к набережной Сен-Бернар. Они остановились, и более добродушный полицейский ткнул пальцем в сторону зоопарка.

— Эта светящаяся штука была примерно здесь.

Мы стояли над зданием кафедры общей и сравнительной физиологии. Место, на которое указал мой собеседник, примерно совпадало с местом загона мокрилий.

— Хорошая мысль, — сказал он, — проводить опыты именно здесь. Место безлюдное. Никто ни о чем не подумает. Не скажи вы мне...

Подозреваю, что второй полицейский прервал его рассуждения, ткнув локтем в бок. Я старался сохранить невозмутимость, хотя дрожал от возбуждения. Возможно, огни и тревога зверей не имели никакого отношения к мокрилиям. Но могло быть и так, что это мокрилии поставили опыт над зверем. А если они занимались чем-то более важным?

Утром я не смог допытаться у своих привычных собеседников из музея, ставились ли опыты над мокрилиями. Если исследования были тайной, ее хорошо охраняли. Но я сомневался в этом. В музее и не пахло военными испытаниями.

И тогда я решил осгаться с вечера в зоопарке и выяснить, что творится ночью за оградой интересовавшего меня загона. Ведь именно так поступали клошары. Возможное исчезновение кое-кого из них не охладило моего пыла. Я был и похитрее, и посильнее, чем они. Мое знание зоопарка и его обитателей позволяло мне избежать неприятных сюрпризов. А кроме того, я решил прихватить с собой окованную железом палку. В крайнем случае я мог спрятаться в комнатке Общества друзей музея, дверь которой обычно открывалась без всякого труда.

Рядом со зверинцем имеется заброшенный загон, как бы продолжение Боганической школы, где, как в экологическом парке, произрастают сами по себе различные растения Иль-де-Франса. Эта площадка окружена невысокой решеткой. Неровности почвы, густой кустарник и высокие заросли были идеальным местом, чтобы спрятаться.

В тот вечер я весь извелся, пока влюбленная пара не покинула скамейку вблизи облюбованного мною укрытия. Наконец они удалились. Я подставил скамейку к загородке и, опершись о ветку дерева, перепрыгнул через решетку. Я прихватил с со-

бой складной стул, чтобы с его помощью выбраться обратно и с комфортом скоротать время. Двери маленькой теплицы, где я собирался спрятаться, оказались закрытыми, а потому мне пришлось забраться в кусты. Меня не покидали угрызения совести оттого, что я нарушаю природу этого дикого уголка, а потому я старался не оставлять лишних следов.

Я уселся прямо на землю, чтобы меня не заметили снаружи. Прошло несколько часов. Шаги смотрителей стихли. Тишину нарушал лишь отдаленный гул машин, несущихся по набережной, да редкий рык хищника. По опыту я знал, что звери просыпаются к середине ночи, и тогда начинают свой концерт. Сегодня мне трудно сказать, что двигало мною в ту ночь. То меня охватывал беспричинный ужас, и я истекал потом, то в душе воцарялось олимпийское спокойствие.

Два полицейских ходили по улице Кювье.

Удивительно, как непонятное происхождение и принадлежность к неизвестному семейству могли порождать равнодушие? Неужели люди всегда остаются слепы и не видят, обо что спотыкаются, пока им не укажут на препятствие, но даже тогда они утверждают, будто чувства их не обманывают и никаких тайн нет и быть не может. Но я подумал, что мог бы остаться в этих зарослях и превратиться в современного Робинзона в сердце одного из крупнейших городов планеты, чтобы дождаться часа истины.

Я пытался узнать время, взглядываясь в светящиеся цифры на циферблате. Наконец я решился разложить стул и уселся на него, с наслаждением вытянув затекшие ноги. Я небрежно поглаживал набалдашник тяжелой палки, сознавая себя великим детективом. К часу ночи я уже не мог усидеть

на месте и отправился на разведку, изредка посвечивая себе под ноги фонариком и опасаясь не столько гипотетических экспериментаторов, сколько вывиха лодыжки. До аллеи я добрался без особых трудностей. Соорудив из стульев солидную пирамиду, перемахнул через решетку, и вот я на месте. Я боялся, что мое появление вызовет адский шум. Запахи разносятся далеко даже в тяжелом воздухе зверинца. Но тишина оставалась мертвой. Я полу-согнувшись двигался вперед, стараясь, чтобы гравий не скрипел под ногами. Наконец, я очутился у загона мокрилий. От отвратительной вони запершило в глотке.

Дверца была открыта. Мое сердце перестало биться. Когда я вновь почувствовал его удары, то без колебаний зажег фонарик. Загон был пуст. И тогда я сделал то, на что не считал себя способным. Подняв палку и судорожно сжимая фонарь, я вошел внутрь пещеры. В ней царил мрак, который не мог рассеять даже луч света.

Вдруг я услышал в аллее какой-то хлюпающий звук. По земле тащили что-то огромное и мокрое. Смрад заполнил легкие, и я начал судорожно икать. Я хотел обернуться, но мышцы отказались повиноваться. По спине пробежала холодная волна и взорвалась яркой вспышкой в мозгу. Не могу сказать, был ли это страх. Фонарь и палка выскользнули из ослабевших пальцев. Мне казалось, я умираю, и странная вещь — я не мог вспомнить собственного имени. Мои кости обмякли, и я буквально стек на землю — голова ударилась о твердую почву рядом с фонарем. Свет ударил прямо в глаза, а затем все погасло.

Стоял удушающий смрад. Глаза у меня были закрыты и даже заклеены. Я лежал, свернувшись клубком, колени мои упирались в подбородок. Я

был гол, но не чувствовал холода. Шевельнувшись, я коснулся чего-то мягкого и теплого.

Меня спеленали, словно кокон.

Когда мне удалось разлепить глаза, я увидел вокруг крохотные оранжевые огоньки, похожие на светлячков. Я понял, что нахожусь под землей в глубокой норе. Казалось, вот-вот на меня рухнут тонны земли. От страха я снова закрыл глаза. Голова моя лежала на чем-то похожем на подушку. Насколько мог, я пошевелил руками, потом медленно расправился и снова открыл глаза.

Свет был очень слабым, но я увидел, что мир вокруг меня состоит из волокон. Они устилали пол плотным ковром. Над моей головой, сантиметрах в двадцати, тянулся серый потолок. Я просунул через волокна руку и ухватил щепотку земли.

Это была глина без признаков гумуса. Значит, я находился на глубине пяти-шести метров, а может и больше. Я попытался разорвать одно из волокон, но только поранил пальцы. Я перевернулся на живот. Подушка под головой оказалась свертком одежды. Моей одежды. Самым важным в тот момент мне казалось разорвать волокно. Я обшарил одежду в поисках перочинного ножа, но тщетно. И только позже за подкладкой я обнаружил стержень к шариковой ручке, которым и пишу эти строчки. Я заметил, что в каждой из моих вещей вырезаны квадратики ткани. Больше всего пострадала нейлоновая рубашка. Я не стал надевать лохмотья. Ремень, носки и ботинки вообще отсутствовали.

Галстук был тщательно разрезан на полоски по рисунку ткани. Я едва узнал его. Корчась и извиваясь, мне удалось натянуть брюки и пиджак, а из остатков рубашки сотворить себе нечто вроде шейного платка. Горло у меня всегда было расположено к простуде.

Я пополз, пятясь назад, — ход был так узок, что в нем нельзя было развернуться. Вскоре я очутился в более просторной галерее и смог выпрямиться. Этот круглый ход также освещали оранжевые светлячки. Отсюда во все стороны отходили горизонтальные ответвления.

Я в нерешительности постоял на месте, затем двинулся вперед. Я испытывал не столько страх, сколько беспокойство. Болела голова, ныли затекшие мышцы. Следовало что-то делать, чтобы не поддаться ужасу, который копошился где-то в глубине сознания.

Я шел выпрямившись и едва не задевая макушкой свод непрестанно петлявшего туннеля. Позже мне в голову пришла мысль, что их цивилизации, наверно, неизвестна прямая линия.

И вдруг я увидел их. Они стояли в пещере, перебирая своими бесчисленными ножками и вперив в меня свой голубой глаз циклопа. Их рыльца лежали у них на груди. Мокрилии верещали и пересвистывались.

Бессмысленно пересказывать в деталях мою жизнь пленника, тем более что я вскоре потерял всякое ощущение времени, да и память у меня сильно ослабла. Я хорошо помню все, что предшествовало моему пленению. А все, что было потом, представляется мне смутным воспоминанием. Я даже не уверен, что могу восстановить последовательность событий. Да это и не имеет особого значения. Постараюсь вкратце пересказать то, что узнал, а узнал я до смешного мало.

Мне кажется, что я нахожусь в лабиринте под зоопарком, из которого выбраться не надеюсь. Я плохо представляю его размеры. Уверен, что он гораздо глубже, чем там, где мне довелось побывать. Мокрилии не мешают моим передвижениям,

но в некоторых местах я наталкиваюсь на преграды из прочнейших волокон. Сами мокрилии проходят через эти волокнистые заграждения, растворяя их, а затем восстанавливая за собой.

Несомненно, что лабиринт сообщается с искусственной пещерой в загоне и что меня доставили сюда в бессознательном состоянии именно через этот вход. Наверно, есть и другие выходы. Но где они, я не знаю. Меня держат здесь как домашнее животное. Относятся ко мне неплохо, но постоянно исследуют и подвергают тестам, а также заставляют выполнять мелкие работы, смысл которых совершенно ускользает от меня. Сдается, что они почти не используют металлы, а для своих машин и электропроводов применяют нечто вроде пластмасс. Их познания в органической химии куда обширнее наших. Я не могу постичь их технологии то ли потому, что увиденное мне мало о чем говорит, то ли оттого, что они не подпускают меня к секретам, которые могут навести на след. Они общаются между собой с помощью псевдоподий, а также криков и пересвистываний.

Мне так и не удалось узнать, добился ли Шметтерлинк подтверждения своей теории. Его участь мне тоже неизвестна. Здесь нет никаких следов человеческого пребывания. Возможно, мокрилии понимают опасность совместного содержания пленников, и их жертвы размещены в изолированных секторах. А может, их убили. Мокрилии наделены невероятной силой. Я не решился на бунт. Больше того, я не решаюсь даже приближаться к ним, хотя привык к их виду и запаху. К тому же мой бунт ни к чему не привел бы. Я решил продержаться здесь как можно дольше, и не ради продления собственной жизни, а из сознания, что это необходимо человечеству. Я попал в их логово не по сво-

ей воле, но не доведи своих исследований до крайности, не оказался бы в их власти. Кое-какую истину я все же усвоил. Героем можно стать в силу случая или собственного упрямства, а не только благодаря мужественному складу характера. Я считаю себя героем, даже когда ползаю в нагом виде по их ходам — моя одежда уже давно пришла в негодность. Может, так думать и наивно, но это помогает вынести многое. Труднее всего с пищей. Они делают для меня все возможное. Думаю, они оставляют мне свои лучшие куски, на которые набрасываются там, наверху. Они, наверное, дезинфицируют мясо, иначе я давно бы умер от отравления. Изредка они заставляют меня принимать таблетки — витамины или антибиотики. Поят чистой водой, но она вся пропитана их запахом.

Они дали мне прослушать записи. Похоже, они пытаются изучить французский, чтобы наладить общение со мной. До сих пор наши беседы сводились к обмену знаками и рисунками. Их записи очень искажены. В первый раз, когда я слушал записанные ими в зоопарке разговоры и радиопередачи, у меня навернулись слезы. Хотелось бы узнать, какое сегодня число. И поговорить с кем-нибудь. Они пытаются воспроизвести звуки нашей речи, но пока почти безрезультатно.

Надо думать, их цивилизация находится приблизительно на том же уровне, что и наша. Не представляю себе, как они могли остаться незамеченными до наших дней в самых затерянных углах Земли. А может, они явились из другого мира? Но я едва отваживаюсь выдвинуть подобную гипотезу. С Марса? С Венеры? Когда-то я читал Камилла Фламмариона и «Войну миров» Уэллса. Неважно, пришельцы ли они или уроженцы нашей планеты — неизвестная ветвь эволюции, или выходцы из

иного измерения, главное в том, что они готовят человечеству свое будущее. Я не знаю их количества, но мне доводилось видеть одновременно несколько десятков мокрилий. Те, что живут наверху, сплошной обман. У них есть чувства, о которых я едва подозреваю. Они заняты делами, которые мне непонятны. Из глубин земли иногда доносится рокот. Боюсь, они готовят вторжение, и час его близок.

Но, я чувствую, на Земле всю живое объединится против них. Даже животные поняли опасность. Сопротивление уже началось. Если лабиринт — плацдарм вторжения, я — авангард обороны. В верхних коридорах лабиринта можно наткнуться на ходы крыс, кротов, землероек. А значит, от поверхности меня отделяет несколько метров. Я не рассчитываю на бегство, но надеюсь, что смогу предупредить человечество. И как ни трудно наладить общение с братьями нашими меньшими, я их достаточно приручили, чтобы они приносили мне свою скромную добычу. Именно они собрали для меня эти листки. Я не сомневаюсь, что они же вынесут их на поверхность. Я буду писать, пока смогу. Надеюсь, мои записки попадут в руки человека, достаточно любознательного, чтобы их прочесть, вполне образованного, чтобы их понять, и лишенного предвзятости, чтобы им поверить...

На этом кончается это странное послание, врученное мне слоном. Животное оправдало веру автора в солидарность уроженцев планеты. Я тщательно переписал его. Некоторые из страниц могли пропасть. Этим можно объяснить, что нигде нет имени автора и рода его занятий.

Возможны три гипотезы — текст написан либо сумасшедшим, либо мистификатором, либо дейст-

вительно несчастным пленником. Если верны две первые гипотезы, записки не отражают действительности. Если верна последняя — убежденность автора не вызывает сомнений.

При чтении текста бросается в глаза некоторое многословие пишущего. Первая часть, предшествующая похищению, намного длиннее второй. В ней содержатся рассуждения, не имеющие ничего общего с данным делом. Вторая, «подземная», часть, напротив, кратка и бедна деталями. Конечно, мистификатору куда труднее изобрести «чуждую» цивилизацию, чем описать зоопарк. Но следует допустить, что человек, переживший тяжелые испытания, в угнетенном моральном состоянии отдает предпочтение воспоминаниям о безмятежной жизни. В последней части текста автор явно стремится поскорее закончить послание. Повторы и неточности учащаются. Мистификатор приложил бы все силы, чтобы текст везде звучал одинаково убедительно. Думаю, что к концу он нагромоздил бы побольше деталей, чтобы лучше обыграть шутку.

На мой взгляд, текст принадлежит перу человека в здравом уме и памяти. Рассказчик, похоже, убеждает сам себя в истинности своего приключения, по крайней мере вначале, и делится своими сомнениями. Умелый же мистификатор непременно был бы отмечен талантом, чего не скажешь об авторе записок. Канули в Лету дни, когда Мериме мог мистифицировать мир «Театром Клары Гасуль».

Автор явно имеет определенные познания в области естественных наук. Можно лишь пожалеть о его недостаточном знакомстве с научно-фантастической литературой. Это не мог написать любящий розыгрыши ученый: автор умеет подмечать детали, но ему не хватает методичности. Он излишне эмоционален. Но именно такому человеку пришла в го-

лову гипотеза о земном происхождении тварей. Он не стал думать ни о марсианском, ни о венерианском их происхождении. Более того, он слишком плохо знает астрономию.

Большая масса и огромная сила этих существ наталкивает на иную гипотезу. Мы знаем, что карликовая звезда, звезда Бернарда, относительно близкая к нашему Солнцу — всего в шести световых годах, — имеет спутник, масса которого в полтора раза превышает массу Юпитера. Скорее всего, этот темный спутник — гигантская планета. А может, и не стоит искать колыбель мокрилий в отдаленных глубинах космоса? Тогда понятным становится их желание жить под землей — они скрываются от мощного излучения нашего Солнца. Но это предположение... Мокрилии действительно существуют. Я проверил это на месте. Они в самом деле неприятны на вид. Мне не довелось увидеть их третий глаз, но два остальных выглядят ложными.

Я отыскал заметки в прессе, о которых упоминает автор. Они не имеют документальной ценности. Я дважды или трижды пытался расспросить библиотекаря о профессоре Шметтерлинке, но старый библиотекарь ушел от ответа. Кажется, «профессор», а вернее, просто лаборант так и не объявился. Упомянутые в рукописи клошары известны владельцу кафе, где я по утрам завтракаю. Ходят слухи о таинственных световых вспышках.

Я пытался выяснить тайну личности рассказчика, изучая список пропавших без вести людей. Проверка картотеки розыска в интересах семьи, публикуемой в специальных изданиях, тоже не дала результата. Рассказчик никогда не упоминал о соседях или семье. Значит, он жил один, и полицию не предупредили. Затрудняло мои поиски и незнание точной даты событий.

Похоже, все произошло месяца три назад — в июле или в августе, поскольку сейчас стоит осень. Ну а исчезновение человека в августе в городе Париже может пройти совершенно незамеченным. Письмо написано не в прошлом году, ведь оно бы не сохранилось за зиму. К тому же мокрилии появились в зоопарке лишь в феврале...

Почему же в этих условиях я не поднял на ноги полицию и прессу. Если записи подлинны, можно согласиться даже стать всеобщим посмешищем ради спасения человека, ради судьбы нашей цивилизации. Я воздержался от огласки из боязни остаться непонятым. Ни одна из деталей рассказа не может служить доказательством, даже если они все вместе подтверждают подлинность событий. Скорее всего, меня обвинят в выдумке. Наш мир слишком миролюбив, чтобы поверить во вторжение. Однако...

Вторжение не равносильно неожиданной атаке противника. Оно требует подготовки. Нужны разведчики, авангард, плацдарм. Позвольте спросить, где найти лучший плацдарм, чем зоопарк, где легче укрыться воинственным пришельцам? Их внешний вид не позволяет им проникнуть в наше общество. При минимальных мерах предосторожности они обретут и убежище, и место подготовки. Зоопарки имеются во всех столицах и крупных городах Земли. Именно поэтому я обращаюсь ко всем директорам зоопарков с настоятельной просьбой проверить, не появились ли в их коллекциях новые, неведомые виды животных. Не думаю, что умным и решительно настроенным пришельцам трудно попасть в зверинец в качестве экспонатов. Как ни чудовищны и ни отвратительны они на вид, они могут найти людей, готовых продать родную планету из жадности или глупости. Судно из далеких стран, зверинец цирка могут стать троянским конем. Директора

зоопарков, и в этом их нельзя упрекать, всегда рады новым животным, особенно если они недорого обошлись, а содержание их стоит сущие пустяки. Я не уверен, что мокрилии любят тухлое мясо, но зато такое меню экономично. Неплохое начало военных действий.

Мне интересно, что произойдет в день вторжения. Уверен, что разведчики соединили свои галереи с канализационной сетью, а также с метро и подвалами. И враг, вместо того чтобы свалиться с неба на голову, выплынет из деръма неукротимой армии, ибо, несомненно, у мокрилий есть передатчики материи. Им остается лишь распахнуть двери в сердцах городов, и через брешь, пробитую в нашем пространстве, хлынут вооруженные легионы...

Быть может, у нас осталось немного времени, чтобы организовать сопротивление. Но надо убедить людей в наличии опасности, вместо того чтобы выступать в роли Кассандры и тратить драгоценное время на пустые речи. Надо добыть неопровергимые доказательства.

Поэтому я отправляюсь в зоопарк, вооружившись «береттой» и «экзактой». На всякий случай я запасся сгущенкой. Я знаю об опасности и не пойду на напрасный риск, ограничившись ролью наблюдателя. Если моя ночная вахта не даст результата сразу, я продолжу ее. Некогда я прошел специальную подготовку и кое-что усвоил. Я привык к опасности и не совсем заплыл жиром. Я — холостяк. И не побоюсь, если надо, стать вторым солдатом этой странной войны.

Оставляю на столе записку и доставшиеся мне разрозненные листки. Они будут опубликованы, если я не вернусь или доставлю решающее доказательство.

Но я все еще надеюсь, что это лишь шутка...

Линза совести

Заглянув на страницы западной научно-фантастической литературы, словно попадаешь в «сельву фантазии». Пробинаясь сквозь нее с помощью мачете критики, разрубая препягжающие путь лианы вымысла, украшенные орхидеями выдумки, приходится осторегаться клыкастой пасти мрачных прогнозов, приучать слух к ужасающему звериному рыку, который повергает то в жар, то в холод.

Сельва фантазии! Заросли фантастики — зеркало джуングлей капиталистического мира, где каждый свободен «разбогатеть» или «умереть с голоду», а между делом перегрызть сопернику горло, если он не перегрызет твоё!

О чём же фантазируют в этом мире?

Прежде всего об ужасах, уродствах, патологии... Словом, о том, что щекочет нервы любителей острых ощущений. Для них подобные литературные произведения — своего рода наркотики, вполне законные легкодоступные, не связанные с контрабандой и мафией.

В любой западной стране цветастыми книжными обложками пестрят витрины и прилавки магазинов, развалы на тротуарах, площадях, набережных. Только покупайтесь! Увлекайтесь и... отравляйтесь!.. Фантастика наряду с автомобилем стала одной из характерных черт современной «технологической цивилизации», она пользуется огромным читательским спросом несмотря на кризисы, инфляцию и безработицу.

В чём же её притягательная сила?

Год назад гость американского посольства в Москве профессор Ганн на встрече с московскими фантастами в Союзе писателей высказал свои взгляды на этот вид литературы.

Ганн не только автор научно-фантастических романов, киносценариев, но и создатель учебника по фантастике для двух тысяч американских колледжей и сам ведет этот курс в одном из калифорнийских университетов. Он делит фан-

тастику на два вида: *твёрдую* фантастику, построенную на вполне научных допущениях (предлагая даже защиту писательского вымысла патентным правом), и *прочую*, где вымысел ничем не ограничен.

Именно эта лишенная всяких ограничений фантастика, которая отнюдь не призывает «творить, выдумывать, пробовать», особенно охотно используется в пропагандистских, классовых целях, нередко приобретая антигуманный, а подчас и откровенно антисоветский характер.

Реалистическая основа родит всю лучшую мировую фантастическую литературу. Начиная с Жюля Верна, Герберта Уэллса, Алексея Толстого, Александра Беляева и Ивана Ефремова она заражает читателей жаждой искания.

В дискуссии по научной фантастике, проведенной лет пятнадцать назад «Литературной газетой», один уважаемый зарубежный фантаст выступил в защиту творческого метода, при котором писатель как бы поднимается над обществом, над его классностью, над своим временем. Такой метод якобы позволяет каждый раз с новых позиций проникать в грядущее: сегодня это может быть роман о победе коммунизма, потом — о «великой саморегулирующей и поощряющей» силе рынка, иными словами, неумирающем и процветающем капитализме, вслед за тем — о конце цивилизации, о диких потомках, оставшихся на изуродованной ядерной войной планете, о вырождении человека, наконец, о «всемирной безответственной махновщине» анархизма.

Разумеется, такое, с позволения сказать, «свободное» творчество скорее говорит об отсутствии у писателя какой бы то ни было позиции, ибо на деле он уподобляется флюгеру, подчиняясь ветрам книжного рынка, направляемым через коммерческие зависимости издательства все теми же монополистами прессы.

Вот и приходится ремесленникам от литературы в угоду рынку писать развлекательные произведения, стремясь увести читателя подальше от неприглядной действительности. И вместо претендующих на патентную защиту идей «твёрдой» фантастики в дело идут всякого рода чудеса, волшебство, колдовство, оборотни и привидения, монстры, наводняющие литературу ужасов, начиная с Франкенштейна, созданного еще в прошлом столетии фантазией жены поэта Шелли и продолжающей жить во все новых воплощениях. Но как бы ни были бесчеловечны действия этого псевдочеловека, они бледнеют перед лицом поистине страшных подлинных событий современной истории, перед злодеяниями недавнего фашизма и его рецидивами.

Литература ужасов, привлекающая для своих нужд фантастику, отнюдь не разоблачает реальные деяния военных преступников, нет! По неписанным законам западного книжного рынка это тема «неприкасаемая». Куда сподручнее попугать созданной с помощью кинематографа исполинской обезьяной Кинг-Конгом, которая рушит знакомые зрителю нью-йоркские небоскребы, или «выпустить» в океан неукротимой ярости чудище-акулу, которая раскусывает обнаженные тела миловидных героинь и героев.

Но пожалуй, еще страшнее, когда книга или кинофильм переносят действие в космические просторы, живописуя «звездные войны», когда не просто разрываются человеческие тела и вода окрашивается кровью, а когда гибнут целые миры, уничтожается само пространство (как это, например, происходит в романе Гамильтона «Звездные короли»).

Еще недавно в погоне за невероятными ощущениями американских телезрителей ублажали не кинотрюками, а документальными кадрами «грязной» вьетнамской войны (день за днем!). И если единичная смерть еще вызывает переживания, две смерти в лучшем случае приводят в содрогание, то смерть за смертью приучает к мысли, что это дело обычное, и множество смертей уже не кажется громадной потерей, не воспринимается как несчастье, что позволяет пентагоновским теоретикам хладнокровно вычислять, сколько миллионов человек погибнет от первого ядерного удара.

Звездные войны из развлекательных становятся пропагандистскими. И вот уже отставной пентагоновский генерал с трибуны конгресса американских фантастов в Балтиморе в 1983 г. опробует на них «фантастическую» идею создания в космосе некой электронно-лазерной «китайской стены», якобы непреодолимой ни для каких объектов в космосе. В этой затее истинно фантастической была лишь сумма в сотни миллиардов долларов. К чести американских фантастов надо сказать, что они не только не выразили никакого восторга по поводу проекта, но и осудили эту бредовую идею.

Впрочем, бредовую ли? А может, вовсе не случайно она впервые была обнародована на конгрессе, участники которого привыкли к фантасмагориям?

Эту идею вскоре поднял до уровня государственной программы президент США. Милитаризация космоса! Еще одна область для гонки вооружений. И это уже не фантастика. То, что вчера казалось фантастикой, сегодня — реальный бизнес.

К счастью, есть среди американских фантастов прогрессивно настроенные художники слова, которые задумываются над тем, что может и чего не должно быть на Земле!

На примере мировой литературы мы знаем, как вымысел, пусть даже и лишенный научной основы, служил высоким нравственным целям. Достаточно вспомнить «Шагреневую кожу» О. Бальзака, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Нос» Н. В. Гоголя, даже лермонтовского «Демона».. Огромную роль сыграл роман «Машина времени» Г. Уэллса; использованный писателем литературный прием, позволяющий перенестись в будущее, чтобы предостеречь от возможных катаклизмов, до сих пор питает многих писателей-фантастов. В своем видении грядущего автор всей силой своего таланта предостерегает, предупреждает, убеждает людей не идти гибельным путем. Первым такой предостерегающий голос подал Джек Лондон в романе «Алая чума». Сейчас, после «451° по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, появилось немало предупреждающих произведений. Правда, порой это сочетается с поистине гипертрофированной патологией. Достаточно вспомнить нашумевший кинобоевик «Мальчик и собака», где, словно в кризисе зеркале, оживают шекспировские образы Ромео и Джульетты, трансформированные временем. Действие происходит после атомной войны. Уцелевшие в убежище горстки людей рыщут среди руин в поисках пищи. Одиночное существование влечит мальчик. Он трогательно дружит с собакой, добывающей ему пищу. Во встреченной им однажды девушке из подземелья мальчик находит свою Джульетту. Теперь собака стала кормить обоих влюбленных. И вот она заболела. Чтобы поддержать силы четвероногого кормильца и жить с его помощью дальше, влюбленный «Ромео», не задумываясь, скормливает собаке свою возлюбленную. Как тут не содрогнуться?..

А ведь суть здесь не в выдуманной, намеренно преувеличенной ситуации, даже не в предупреждении — вот, мол, до чего может дойти человек в стремлении выжить после ядерных войн. Читатель и зритель содрогнутся главным образом потому, что узнают в «мальчике с собакой» не столько «последнейдерного» человека, сколько своего современника, живущего в «свободном мире», где каждый должен быть готов пожертвовать ближним ради того, чтобы выжить самому!

И «человек» этот воспринимается не как плод изуродованного грядущего, а как ныне существующий обитатель «счастливого свободного» мира! Такого «героя» там можно встретить на каждом шагу.

Одним из антиподов подобных творений западной литературы служит предлагаемый вниманию читателя сборник произведений прогрессивного французского писателя Жерара Клейна «Звездный гамбит».

Самое крупное произведение, давшее название сборнику,

посвящено Жаку Берже — писателю-коммунисту, редактору и издателю, участнику движения Сопротивления. Признаться, это посвящение особенно привлекло меня. Я встречался с этим замечательным человеком в Париже. Жак Берже рассказал мне (он говорил по-русски, так как детство провел в Одессе), как в годы войны, живя подле вокзала, на слух определял количество проходивших гитлеровских составов, чтобы вычислить объем военных перевозок и сообщить о них маки.

Посвящение литературного произведения такому человеку не может не обязывать, и Жерар Клейн отлично это сознавал. В своем романе он, используя тонкий писательский прием, проецирует на «галактический экран» реальную действительность.

Центральная власть «грядущих времен» исступленно стремится к галактической экспансии: открыть, освоить, подчинить себе все больше миров за окраинами «Освоенной Галактики». В качестве необходимых для этого опасного дела «первопроходцев» используют наемников, их вербуют, прибегая к обману, шантажу, покупке за наличные.

В романе Жерара Клейна читатель найдет полное, а порой даже памфлетно преувеличеннное воплощение известной мысли Циолковского о том, что «Земля — колыбель человечества, но не вечно же ему оставаться в колыбели». Разум, представляемый Человеком, будет стремиться выйти за пределы Земли, а потом и Солнечной системы. Звездолеты, компьютеры, исполнинские космопорты, рассеянные по далеким планетам, скорости, приближающиеся к световым, эффекты «остановившегося времени» и неурядицы с отсчетом лет из-за парадоксов теории относительности Эйнштейна — все это наполняет повествование, убеждает читателя в достоверности невероятного.

Но вдруг вас настороживает волшебно-романтическая линия, связанная с загадочной шахматной доской. Может показаться, что она уводит от «реалистического» повествования — до сих пор верилось любому взлету авторской фантазии. Герой романа неожиданно обретает чудесные возможности, оказавшись связанным с высшей, неведомой, но высокогуманной цивилизацией, посланцем которой он становится. Он способен переноситься из одного мира в другой, из одного времени в другое без звездолетов и компьютеров! Что это? Нелепица? Фантасмагория?

Попробуем понять автора. Не намекает ли он на то, что подобные возможности кроются в том из нас, кто обладает развитым воображением?! Не это ли волшебное свойство, способное победить и пространство и время, имеет он в виду, ко-

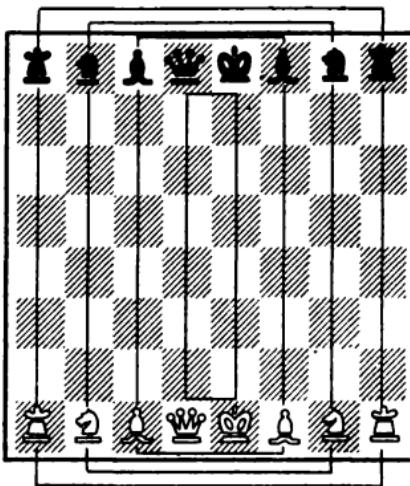
гда сталкивает своего героя с высшим разумом? И не призван ли роман Жерара Клейна развить такое воображение у своих читателей?

Думаю, что не ошибусь, если именно так истолкую эту часть романа «Звездный гамбит»; вера автора в высокую интеллектуальную сущность шахмат позволяет ему применить своеобразный литературный прием, увлекая читателя в необозримые дали Вселенной.

Позволю себе небольшое отступление. Роман «Звездный гамбит» заинтересовал меня еще и как международного мастера по шахматной композиции, поскольку французский фантаст допускает космическое происхождение шахмат. Этот вопрос меня волнует еще со времени выхода книги югославского профессора Павле Бидева (1972), где приведен древнеиндийский магический квадрат — насып. Как утверждает Бидев, именно в нем кроется тайна шахмат.

Вместе с энтузиастом этой проблемы М. Н. Новиковым мы исследовали этот магический квадрат и установили, что обычные его константы 130 и 260, получаемые от сложения всех цифр в любом горизонтальном и вертикальном ряду, в любой диагонали, в любых четырех или восьми соседствующих клетках, и ряд других подобных закономерностей действительны и для насыпа как шахматной доски с расставленными на ней фигурами. Для каждой из них при сложении цифр занятых фигурами полей получаются все те же константы, более того, ходы фигур подчинены той же закономерности. К тому же в

40	31	38	29	33	26	35	28
41	18	43	20	48	23	46	21
56	15	54	13	49	10	51	12
57	2	59	4	64	7	62	5
32	39	30	37	25	34	27	36
17	42	19	44	24	47	22	45
16	55	14	53	9	50	11	52
1	58	3	60	8	63	6	61

насике, который приведен для любознательных читателей на рисунке слева, заключены константы, совпадающие по величине с числом аминокислот и числом возможных первых ходов шахматных фигур (см. рисунок справа), а также с «космической постоянной» 108, лежащей в основе как микро-, так и макромира,— от элементарной частицы до размеров Галактики. (Любопытно, что в Японии Новый год отмечается 108 ударами колокола — и это в стране, где древние легенды связаны с космическими пришельцами, изображения которых, в виде статуэток «догу», археологи относят к временам пятитысячелетней давности.)

Все это может навести на мысль (при известной доле воображения), что происхождение шахмат связано с некой, быть может, и в самом деле космической цивилизацией, местопребывание которой на Земле часто связывают с легендарной Шамбалой. В рассказе «Подарок Шамбалы»* я описал встречу нашего замечательного русского художника и исследователя Николая Рериха (мне довелось познакомиться с ним в 1939 г. в Нью-Йорке), которая произошла в Гималаях, с мудрецом-махатмой из Шамбалы. Махатма передал Рериху известное послание мудрецов Шамбалы В. И. Ленину и, возможно, познакомил художника с насиком и родственной ему шахматной доской.

У Жерара Клейна мы сталкиваемся не просто с гипотезой о космических шахматах, но и с использованием «шахматной доски» для общения с некой высшей внеземной цивилизацией.

Пожалуй, политически еще более заостренной выглядит проекция на «галактический экран» нашей современности в другой повести Клейна — «Непокорное время». Здесь читатель встречается с бесцеремонной засылкой космических «коммандос» (пусть не в зеленых беретах, а в космических шлемах) в иное время, в иные миры, чтобы уничтожать, крушить, менять историю развития миров в угоду центральной власти. Ни общечеловеческих, ни общегалактических законов для сил, направляющих этих головорезов, не существует.

Не нужно обладать особым воображением, чтобы узнать в этой «звездной» ситуации земную практику властей США. «Линза совести» французского фантаста безжалостно спроецировала, увеличила и развенчала преступные замашки Заправил современной Америки. Это они развязали войну во Вьетнаме, растоптали беззащитную Гренаду, вмешались в события в растерзанном Ливане, не могут смириться с существ-

* Казанцев А. Дар Каиссы.—М.: Физкультура и спорт, 1983.

вованием непокорного Никарагуа. Будь у США помимо ракет «Першинг», крылатых ракет, нервно-паралитических газов, припасенного биологического оружия, а главное, долларов для найма головорезов, сеющих смерть среди мирных людей, повторяют, будь у них еще и возможность перемещать этих головорезов во времени, пентагоновские генералы, не задумываясь, послали бы их в 1917 год для поддержки разваливающегося Временного правительства, или на Кубу, чтобы спасти диктатора Батисту, или еще раньше в Европу, чтобы в зародыше убить мысль о противоречиях капиталистического мира, о неизбежности перемен в жизни человеческого общества.

Но к счастью, преступные деяния властителей Галактики происходят лишь в фантастическом произведении. Прибегая к подобным разоблачениям, писатели-фантасты встают в первые ряды борцов за будущее человечества, призывая земных предшественников отпетых звездных командос взглянуть на самих себя и задуматься, можно ли повернуть историю вспять.

В сборнике помещены также два рассказа Клейна, понимание которых непосредственно связано с уже разобранными произведениями.

Тонким авторским сарказмом пронизан рассказ «Иона». Казалось бы, суть его в неких бионических монстрах, которые вместо звездолетов пересекают космические пространства, пытаются энергией звезд и управляются вожаками. Однако это всего лишь антураж, замысел же автора в том, чтобы показать удручающее, обреченное одиночество «человека пространства», хрупкого исполина, рожденного миром невесомости, Геракла космоса, способного укрощать взбесившиеся бионические системы, к которому обращаются за помощью те, кто отвечает за возможную гибель миллиардов людей. Подвиг этого космического Геракла оценивается на деньги, как и все в мире купли-продажи, якобы существующем в космическом просторе, сохраняющем и там свои уродливые черты. И подвиг во имя спасения многомиллиардного населения оценивается лишь в монетах, да еще наниматели героя торгуются с ним, словно на базаре!

Во исполнение оплачиваемого заказа космический Геракл, с презрением отказавшись от гонорара, уподобляется библейскому Ионе, чтобы, попав в чрево взбесившегося в космосе бионического кита, «биоскона», и укротив его, убедиться в безысходности как собственного существования, так и общества, которое пыталось купить его услуги.

Истинно французский юмор Жерара Клейна окрашивает в особый цвет другой рассказ, помещенный в сборнике: «Уведомление директорам зоопарков». Автор откровенно высмеи-

вает стереотипные западные утверждения о том, что всякий внеземной разум, пусть даже и высший, должен быть непременно агрессивным, стремящимся к захвату и колонизации Земли. Иначе как же апологетам западной цивилизации оправдать то, что «самая передовая» капиталистическая страна, представляя якобы высшие формы земного разума, ни о чем, кроме агрессии, не может и помыслить, прикрываясь личиной мнимой защиты своих интересов в любой части света. Будь освоены звездные дали, то же они проделывали бы и на любой другой планете!

И этих наследников вчерашних колонизаторов, меняющих лишь обличье, но использующих тот же захват, насилие, коварство, автор безжалостно уподобил агрессивным представителям более «высокого разума», отвратительным слизнякам. Пусть напыщенные носители человеческого разума, порабощающие ради своих империалистических интересов людей разных стран и рас, узнают себя в «пришельцах с другой планеты», которых автор не случайно поместил за решеткой зоопарка.

Закрывая сборник произведений Жерара Клейна, убеждаешься, что ироничное перо французского фантаста не только разоблачает, но и учит, убеждает, вселяет веру в светлое будущее человечества.

Александр Казанцев

Содержание

ЗВЕЗДНЫЙ ГАМБИТ	5
НЕПОКОРНОЕ ВРЕМЯ	187
ИОНА	337
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДИРЕКТОРАМ ЗООПАРКОВ .	373
ЛИНЗА СОВЕСТИ. Александр Казанцев	407

Литературно-художественное издание

Жерар Клейн

ЗВЕЗДНЫЙ ГАМБИТ

Издание второе, стереотипное

Заведующий редакцией А.А. Кирюшкин.

Ведущий редактор А.Г. Белевцева.

Редакторы М.А. Харузина, И.Б. Ильченко.

Художественный редактор Н.М. Иванов.

Технический редактор А.Л. Гулина.

Корректор И.И. Дериколенко

ИБ № 8275

Подписано к печати 23.11.91. Формат 70 x 100/32. Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 6,5 бум. л. Усл. печ. л. 16,9. Усл. кр.-отт. 17,26. Уч.-изл. л. 17. Изд. № 9/9017. Тираж 100 000 экз. Зак. 1124

Издательство "Мир" В/О "Совэксportкнига" Государственно-го комитета СССР по печати.

129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2.

**Можайский полиграфкомбинат Министерства
печати и массовой информации РСФСР
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.**

Зарубежная фантастика

Издательство «Мир»